

УДК 94(100)"15/21"(082)
ББК 63.3(0)5я43+63.3(0)6я43

**РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК**

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

**№ 3
МАЙ – ИЮНЬ**

2022

**ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД**

**УЧРЕДИТЕЛИ:
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ
ИСТОРИИ РАН**

Главный редактор **В.С. Мирзеханов**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ОддАрне Вестад (США), **А.Б. Давидсон** (Россия), **Штефан Карнер** (Австрия),
Элен Каррер д'Анкосс (Франция), **Николаус Катцер** (Германия), **Доминик Ливен**
(Великобритания), **Г.Ф. Матвеев** (Россия), **В.С. Мясников** (Россия), **В.В. Наумкин** (Россия),
Рольф Тоштендаль (Швеция), **А.О. Чубарьян** (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Йорг Баберовски (Германия), **Л.С. Белоусов** (Россия), **Д.М. Бондаренко** (Россия),
В.И. Журавлева (Россия), **Владислав Зубок** (Великобритания), **Суви Кансикас** (Финляндия),
С.Я. Карп (Россия), **М.А. Липкин** (Россия), **Леонид Люкс** (Германия),
А.Г. Матвеева, зам. главного редактора (Россия),
В.С. Мирзеханов, главный редактор (Россия), **Мари-Пьер Рей** (Франция),
Дональд Рейли (США), **Л.П. Репина** (Россия), **И.М. Савельева** (Россия),
Е.Ю. Сергеев (Россия), **В.В. Согрин** (Россия), **Грегори Фриз** (США), **Б.Л. Хавкин** (Россия),
П.П. Черкасов (Россия), **Франтишек Штеллнер** (Чехия)

Ответственный секретарь **И.А. Фадеев**

Адрес редакции: 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, 32А
Web-site: <http://nni.jes.su>
e-mail: novistor57@mail.ru

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY

№ 3
MAY – JUNE

2022

ESTABLISHED IN MAY, 1957
PUBLISHED SIX TIMES A YEAR

ESTABLISHED BY:
THE RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES

Editor-in-Chief **Velikhan Mirzekhanov**

EDITORIAL COUNCIL

Aleksander Chubaryan (Russia), **Apollon Davidson** (Russia), **Stefan Karner** (Austria),
Hélène Carrère d'Encausse (France), **Nikolaus Katzer** (Germany), **Dominic Lieven** (United Kingdom),
Gennadiy Matveev (Russia), **Vladimir Myasnikov** (Russia), **Vitaliy Naumkin** (Russia),
Rolf Torstendahl (Sweden), **Odd Arne Westad** (USA)

EDITORIAL BOARD

Jörg Baberowski (Germany), **Lev Belousov** (Russia), **Dmitriy Bondarenko** (Russia),
Petr Cherkasov (Russia), **Gregory Freeze** (USA), **Suvi Kansikas** (Finland), **Sergey Karp** (Russia),
Boris Khavkin (Russia), **Michail Lipkin** (Russia), **Leonid Luks** (Germany),
Anna Matveeva, Deputy Editor-in-Chief (Russia), **Velikhan Mirzekhanov**, Editor-in-Chief (Russia),
Donald Raleigh (USA), **Lorina Repina** (Russia), **Marie-Pierre Rey** (France), **Irina Saveleva** (Russia),
Yevgeny Sergeyev (Russia), **Vladimir Sogrin** (Russia), **František Stellner** (Czech Republic),
Victoria Zhuravleva (Russia), **Vladislav Zubok** (United Kingdom)

Secretary **Ivan Fadeyev**

Editorial Office Address: 119334, Moscow, Leninskiy Prospekt, 32A

Web-site: <http://nni.jes.su>

e-mail: novistor57@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ**ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ**

- Посадский А.В., Ланник Л.В.** Внешнеполитическая ориентация русского офицерства и факторы становления и неудач Белого движения: к постановке проблемы 5
- Фельдман М.А.** Современная историография нэпа: столетия не хватило 27

НОВОЕ ВРЕМЯ

- Лабутина Т.Л.** Британские послы-разведчики при дворе Анны Иоанновны 42
- Филимонова М.А.** Чарлз Котсуорт Пинкни (1746–1825): трижды кандидат в президенты США 56
- Громова А.В.** Опыт служения диаконисс в Европе как основа организации Марфо-Мариинской обители милосердия 69

ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В ПОТОКЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

- Филитов А.М.** Бисмарк – Вильгельм – Гитлер: континуитет или разрыв традиции? 82
- Ростиславлева Н.В.** Рецепция темы Германской империи в юбилейных исторических нарративах России и Германии в XX веке 91
- Бахтурин А.Ю.** Испытание на патриотизм: Германия в восприятии прибалтийских немцев в годы Первой мировой войны 101
- Вурцер Г.** (Германия). Претензии Гогенцоллернов на компенсацию 113
- Власов Н.А.** «Славяне непобедимы»: вымышленные цитаты Отто фон Бисмарка в современной России 117

XX ВЕК

- Нарыкова Н.М.** Россия и Международный институт сельского хозяйства в Риме: дипломатия, идеология, прагматизм (1905–1945 годы) 125
- Володько А.В.** «Юрьевский мир» между Россией и Эстонией: история заключения и последствия ... 140
- Фомин А.М.** «Военная тревога» на Ближнем Востоке в 1923 году: история забытого кризиса 151
- Бухарин М.Д.** Европейская историческая наука конца 1930-х – начала 1940-х годов: международные связи и химеры изоляции 172
- Сумбунова Е.И., Тагирова Н.Ф.** Международный трансфер в советской науке в 1950–1960-е годы (на примере НИФХИ им. Л.Я. Карпова) 183

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Арабаджян А.З.** История изменения кубинского социализма в контексте современных реформ: политэкономический аспект 199
- Дербенев А.С.** Саудовская Аравия – Китай: стратегия партнерства 216

СООБЩЕНИЯ

- Супоницкая И.М.** Шпионы или герои? Советская разведка в США в 1930–1940-е годы 230

РЕЦЕНЗИИ

- Соколов А.Б.** Российско-британские отношения от Венского конгресса до Крымской войны: политика и экономика (А.А. Орлов. «Астреин век». Великобритания, Россия и проблема нового мирового порядка в европейской политике первой половины XIX века (1815–1854 гг.). М., 2019) 247

Памяти ушедших

- Гросул В.Я.** (1939–2022) 252

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY OF HISTORY

- Posadsky A.V., Lannik L.V.** The Foreign Policy Orientation of the Russian Officers and the Factors of the Formation and Failures of the White Movement: Formulating the Problem..... 5
- Feldman M.A.** Modern Historiography of the NEP: A Century Was Not Enough 27

MODERN HISTORY

- Labutina T.L.** British Intelligence Ambassadors at the Court of Anna Ioannovna 42
- Filimonova M.A.** Charles Cotesworth Pinckney (1746–1825): Three-Time Presidential Candidate of the United States 56
- Gromova A.V.** The Experience of Deaconesses in Europe as a Basis for Organising a Marfo -Mariinsky Convent of Mercy 69

THE GERMAN EMPIRE IN THE HISTORICAL MEMORY OF RUSSIA AND GERMANY

- Filitov A.M.** Bismarck – Wilhelm – Hitler: Continuity or Break with Tradition? 82
- Rostislavleva N.V.** Reception of the Theme of the German Empire in the Anniversary Historical Narratives of the XX Century 91
- Bakhturina A.Yu.** The Test of Patriotism: Germany in the Perception of the Baltic Germans during the First World War 101
- Wurzer G.** (Germany). Compensation Claims of the Hohenzollern 113
- Vlasov N.A.** “The Slavs are Invincible”: Otto von Bismarck’s Fictional Statements in Contemporary Russia 117

20th CENTURY

- Narykova N.M.** Russia and the International Institute of Agriculture in Rome: Diplomacy, Ideology, Pragmatics (1905–1945) 125
- Volodko A.V.** “The Peace of Jurjev” Between Russia and Estonia: History and Consequences 140
- Fomin A.M.** The “War Alert” in the Middle East in 1923: The Story of a Forgotten Crisis 151
- Bukharin M.D.** European Historical Science of the Late 1930s – Early 1940s: International Connections and Chimeras of Isolation 172
- Sumburova E.I., Tagirova N.F.** International Transfer in Soviet Science in the 1950s–1960s (the Case of the L.Ya. Karpov NIFHI)..... 183

CONTEMPORARY HISTORY

- Arabadzhyan A.Z.** The History of the Transformation of Cuban Socialism in the Context of Contemporary Reforms: A Political Economy Perspective 199
- Derbenev A.S.** Saudi Arabia – China: Partnership Strategy 216

MESSAGES

- Suponitskaya I.M.** Spies or Heroes? Soviet Intelligence in the United States in the 1930s and 1940s..... 230

REVIEWS

- Sokolov A.B.** Russian-British Relations from the Congress of Vienna to the Crimean War: Politics and Economics (A.A. Orlov. The Golden Age of Astraea. Great Britain, Russia, and the New World Order in European Politics in the First Half of the 19th Century (1815–1854). Moscow, 2019) 247

In Memoriam

- Grossul V.Ya. (1939–2022) 252

DOI: 10.31857/S013038640020233-4

© 2022 г. А.В. ПОСАДСКИЙ, Л.В. ЛАННИК

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ РУССКОГО ОФИЦЕРСТВА И ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ И НЕУДАЧ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Посадский Антон Викторович — доктор исторических наук, профессор Поволжского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Саратов, Россия).

E-mail: Posadav68@mail.ru

Scopus Author ID: 57195474044; *ORCID:* 0000-0001-8738-7487

Ланник Леонтий Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Scopus Author ID: 57211606261; *ORCID:* 0000-0003-4313-5557; *Researcher ID:* ABD-9832-2020

Аннотация. Статья посвящена проблеме военно-политической ориентации русского офицерского корпуса после Октябрьской революции 1917 г. На основе обширного круга источников личного происхождения и мемуарной литературы поставлен вопрос о состоятельности распространённой версии исхода Гражданской войны и судьбы Белого движения. Разложение русской армии, а затем и фрагментация огромного пространства Российской империи предопределили изменение позиции по «русскому вопросу» всех основных участников Первой мировой войны, прежде всего Великобритании, Франции, Германии, отчасти США и Японии. Военные соображения диктовали активное участие этих стран в борьбе вокруг потенциального Восточного фронта на территории России. Русский офицерский корпус также вынужден был самоопределяться, кого поддерживать — германскую сторону, союзников и/или советскую власть. В статье дана общая характеристика состава и состояния русского офицерства к осени 1917 г. и его дальнейшей эволюции, обозначены факторы, предопределившие тот или иной выбор. Предложен анализ распределения политических и личных пристрастий офицеров в вопросе внешнеполитической ориентации. Авторы рассматривают весь спектр мотивов выбора в обстоятельствах 1917–1918 гг. и отчасти 1919 г. разных категорий офицеров. Поднимается вопрос о мотивах тех офицеров, кто выбрал путь «национального» самоопределения. Каждый из рассмотренных сюжетов проиллюстрирован примерами известных персон генеральского и штаб-офицерского уровня. В заключение обозначены варианты политических предпочтений русских офицеров в эмиграции вплоть до завершения Второй мировой войны.

Ключевые слова: Белое движение, офицерский корпус, Россия, внешнеполитическая ориентация, Гражданская война в СССР, Первая мировая война, Антанта, Центральные державы, иностранная интервенция в СССР.

A.V. Posadsky, L.V. Lannik

The Foreign Policy Orientation of the Russian Officers and the Factors of the Formation and Failures of the White Movement: Formulating the Problem

Anton Posadsky, Volga Region Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (Saratov, Russia).

E-mail: Posadav68@mail.ru

Scopus Author ID: 57195474044; ORCID: 0000-0001-8738-7487

Leontiy Lannik, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Scopus Author ID: 57211606261; ORCID: 0000-0003-4313-5557; Researcher ID: ABD-9832-2020

Abstract. The article examines the political and military orientation of the Russian officer corps after the October Revolution of 1917. Drawing on a wide range of ego-sources, the question is posed as to the validity of the widespread version of the outcome of the Civil War and the fate of the White Movement. The disintegration of the Russian army and the subsequent fragmentation of the vast body of the Russian Empire predetermined a change in the position on the “Russian question” of all the main participants in the Great War, above all Britain, France, Germany, and to a certain extent the United States and Japan. Military considerations dictated the active participation of these countries in the struggle around a potential Eastern Front on the territory of the former Romanov's Empire. The Russian officer corps was also forced to determine who they wanted to support – the German side, the Allies, and/or the Soviets. The article provides a general characteristic of the composition and state of the corps by the autumn of 1917 and its further evolution, identifying the factors that predetermined this or that choice. The authors analyse the distribution of political and personal predilections of officers with regard to foreign policy orientation. They examine the full range of motivations for choosing an orientation in the circumstances of 1917–1918 and partly in 1919 for different categories of officers. The question of the motives of those officers who chose the path of “national” self-determination is addressed. Each case is illustrated with examples of prominent officers of the rank of general and officers of the staff. In conclusion, the authors chart the trajectories for further research on the subject of political orientations among Russian officers in exile, up to the end of the Second World War.

Keywords: White movement, Russian officer corps, foreign policy orientation, Civil War, Russia, Great War, Entente, Central Powers, intervention, Allies.

Вопрос внешнеполитической ориентации в годы Гражданской войны стал для русского офицерства центральным еще в кампанию 1918 г. Позднее ему придавали статус рокового и определяющего для исхода противостояния между большевиками и их противниками на постимперских пространствах. После рассмотрения ряда альтернатив возникал типичный для анализа проигранной войны топос упущенных из-за роковых разногласий возможностей, особенно ярких в первый год существования советской власти, когда проблема внешнеполитической ориентации часто грозила сорвать всякое сотрудничество. В советской историографии по идеологическим соображениям создавался принципиально обратный миф о едва ли не едином (даже в 1918 г., даже в разгар Великой войны!) фронте империалистов, а потому раскол русского офицерства при выборе одной из сторон воюющих коалиций оказывался несущественным вове. Судьбы офицеров русской армии после 1917 г. стали комплексно изучаться начиная с позднесоветских времен¹. Значительным событием в советской историографии стал труд А.Г. Кавтарадзе. Усилиями С.В. Волкова и А.В. Ганина дана общая картина, как

¹ *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917–1920 гг. М., 1988; *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. М., 1999; *Ганин А.В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: статьи и документы. М., 2013; *Его же.* Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России 1917–1922. М., 2018.

офицерство выбирало ту или иную сторону в Гражданской войне. Отметим существенные уточнения, сделанные А.В. Ганиным. Он уже много лет исследует судьбы офицеров Генерального штаба, в том числе в пореволюционное время. При этом проблема ориентаций в рамках Первой мировой войны, вставшая во весь рост перед многими представителями русского офицерства, не становилась предметом самостоятельного рассмотрения.

Таким образом, при сохранении заложенных около века назад тенденций в историографии есть опасность как недооценки, так и грубого искажения роли внешнеполитической ориентации офицерства бывшей Русской императорской армии. К настоящему моменту в научный оборот введен гигантский массив документов личного происхождения в первую очередь из антибольшевистского лагеря. Наследие Русского зарубежья в этом отношении исключительно богато. Процесс обнаружения все новых свидетельств продолжается и далеко от завершения. Внушительные массивы это-документов представляют и революционный лагерь. Громадные коллекции воспоминаний деятелей революции разного ранга хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории и Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) с многочисленными и потому репрезентативными для анализа свидетельствами о немцах и союзниках, о поведении тех и других, о мотивах населения бывшей Российской империи, сотрудничавшего с различными противоборствующими сторонами. С германской стороны — несмотря на огромные потери вследствие бомбардировок 1944–1945 гг. — уцелел значительный объем зачастую не введенной в оборот делопроизводственной и личной документации о военных действиях и оккупации на Востоке, в том числе в 1918 г.

Возникает вопрос о первичности или вторичности внешнеполитического параметра многообразной дезинтеграции офицерского корпуса, переживавшего в условиях мировой войны особенно сложную трансформацию. Задача осложняется необходимостью учета этического измерения проблемы, что является неременным условием для изучения всякого традиционного корпоративного сообщества. Внешнеполитическая ориентация на исходе Великой войны оказалась особенно крепко связана с такими категориями, как «предательство» и «измена», причем не только Родине, но и «союзническому долгу», и «боевому товариществу». Уже одно это заставляет обратить внимание на истинное место данного явления в контексте более общего феномена внешних культурных и культурно-политических ориентаций в истории внутривнутриполитических противостояний, в частности в России.

Старательно подпытываемый во всех великих державах накануне Великой войны шовинизм после 1 августа 1914 г. обрел более глубокие практические последствия, нежели ожидалось. Российская империя, имевшая мощный немецкий слой во всех административных, экономических и особенно военных инстанциях, с трудом балансировала на грани дезинтеграции элиты, часть которой подверглась остракизму. Не менее острой и поистине роковой становилась славянофобия для Австро-Венгрии, не обладавшей критической массой титульного населения на всех уровнях общественной иерархии, несмотря на последовательное онемечивание и мадьяризацию. Менее остро, но по-своему сложно давалась антифранцузская кампания Германской империи, хотя, казалось бы, опыт национального пробуждения во время Освободительной войны против Наполеона, а затем триумф 1870–1871 гг. должны были покончить с любыми травмами от былой культурной зависимости. Несмотря на десятилетия языкового пуризма и националистический курс, получивший мощную поддержку всех слоев буржуазии, следы воздействия «наследственного врага» были слишком очевидны². Спустя десятилетия агрессивной пропаганды до Великой войны, в германской армии возникла проблема лояльности эльзас-лотарингцев, которую «решили» с помощью плохо скрываемой «ссылки» на Восточный и другие фронты, что не помешало их дезертирству на сторону Антанты. Кадровое

² Достаточно указать, что высший прусский орден, даже военная его степень, вплоть до крушения германской монархии сохранил свое название «Pour le Mérite» (За заслуги).

офицерство всех трех консервативных монархий, во многом весьма схожее³, при всей его культивируемой аполитичности неизбежно отличалось если не политическими, то культурными привязанностями и ориентациями. В новых условиях они могли резко актуализироваться под воздействием идеологий, личных впечатлений, информационных воздействий. При утрате былого великодержавного статуса приверженность в симпатиях к тому или иному блоку стран становилась фатальной. Это было хорошо знакомо многим региональным элитам из стран, лавировавших между Антантой и Тройственным союзом задолго до 1914 г., — Румынии, Болгарии, Греции, Швеции, Нидерландов, в известной степени также Османской империи, Италии и даже Австро-Венгрии. По мере ослабления Российской империи, и особенно после начала ее распада, данная проблема неожиданно превратилась в базовую и для офицерства бывшей Русской императорской армии.

Для оценки решающего этапа трансформации внешнеполитической ориентации, пришедшегося на столь же решающую для Великой войны кампанию 1918 г., необходимо учитывать тенденции, сложившиеся задолго до 1914–1917 гг. Германия для России была во многих отношениях более знакомой и понятной, хотя не всегда более близкой, чем Великобритания и Франция. До трех миллионов выходцев из различных немецкоязычных регионов, среди которых были подданные всех трех империй востока Европы, являли собой весомую и хозяйственно активную величину, хотя и неравномерно распределенную по губерниям России.

В войну «патриотическое» политиканство верхов накладывалось на действительно громадное присутствие немцев в русской хозяйственной жизни, во-первых, и действительно разветвитый германский шпионаж⁴, во-вторых. «Народная» интерпретация такого положения вещей видна в московском немецком погроме 1915 г., беспорядках на линкоре «Гангут», многочисленных слухах про измену и реакции на масштабные диверсии, периодических конфликтах колонистов с русскими крестьянами⁵. В связи с демократизацией офицерского корпуса именно такие низовые представления и сигналы, включая городской фольклор, оказывали все большее влияние на фронт, и не только в солдатской среде.

Шаблонные представления о союзниках, особенно французах, и «кайзеровском сапоге» корректировались с каждым месяцем военных кампаний. Германский противник демонстрировал впечатляющие успехи в организации, дисциплине, тактике и техническом оснащении. Для офицеров и опытных нижних чинов (ошутимо пополнивших офицерский корпус после 1914 г.) в ходе войны становились очевидны серьезные изъятия в организации и действиях русской армии. Действия союзников, на фоне завышенных ожиданий от них, создавали питательную среду для сравнений и анализа. Тяжелейший 1915 г. вполне смог сформировать ощущение циничного использования русской крови союзниками. Хотя союзные поставки постепенно нарастали и играли важную роль в восстановлении боеспособности русской армии, частные примеры показывают, что союзники были не слишком щепетильны в заботах о качестве поставляемого, что вызвало соответствующую реакцию⁶. Поляризация мнений в офицерстве по вопросу о желательности и условиях выхода России из войны с германским блоком намечалась еще в ходе

³ См. компаративный анализ: *Сергеев Е.Ю.* «Иная земля, иное небо...»: Запад и военная элита России (1900–1914 гг.). М., 2001.

⁴ Достаточно вспомнить серию взрывов на военных заводах (на Охте), чудовищные по количеству жертв взрывы доставленных военных грузов в Архангельске, затопление дредноута «Императрица Мария».

⁵ См.: *Айрапетов О.Р.* Немецкий погром в Москве в июне 1915 г. в контексте боев на внешнем и внутреннем фронте // *Русский сборник*. Т. 8. М., 2010. С. 112–144. Масштабное исследование развития общественного мнения в России: *Аксенов В.А.* Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции. М., 2020.

⁶ *Залюбовский А.П.* Снабжение русской армии в Великую войну ружьями, пулеметами, револьверами и патронами к ним. Белград, 1936; *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937; *Павлов А.Ю.* Союзники и противники: франко-русский союз в 1918 г. // *Исторические исследования*. 2020. № 15. С. 227–236.

кампании 1917 г. Она подпитывалась не только опытом наблюдения и участия в развале старой армии, но и острой реакцией на поддержку Антантой обанкротившегося в своих военных усилиях Временного правительства⁷.

До декабрьского 1917 г. перемирия, заключенного советским правительством, фронт по инерции существовал. Перемирие открыло пространство для новых взаимоотношений. Параллельно возникла почти символическая сила в лице «Алексеевской организации», будущей Добровольческой армии, которая провозгласила идею борьбы с «германо-большевизмом» и верности союзническим обязательствам. Последовало формирование и других локальных очагов сопротивления, позиционировавших себя как ячейки будущей всероссийской альтернативы «германским агентам» у власти в Петрограде, а затем в Москве. Потенциал их оказался слишком скромным, поддержка местных сил, в том числе казачества, в лучшем случае умеренной, надежды на союзников не оправдывались, в том числе благодаря отсутствию у Антанты реальных рычагов воздействия на ситуацию в регионах, недостижимых для ее десантов. Все эти факторы стали сказываться еще во время так называемого «триумфального шествия советской власти», т.е. серии железнодорожных маневров, которые едва не окончились разгромом всех организованных очагов сопротивления большевикам в регионах. На таком фоне уже с декабря 1917 г. и по меньшей мере до октября, а то и ноября 1918 г. для любых антибольшевистских сил жизненно важным становился оптимальный выбор в поиске опоры между двумя продолжавшимися схватку коалициями.

Разгром Ставки в Могилеве и начало переговоров о перемирии в Брест-Литовске ускорили массированное вмешательство эmissаров из Лондона и Парижа, а позднее Вашингтона в формирование нового Восточного фронта из тех группировок любого качества и масштабов, что были готовы продолжить войну с Центральными державами. Англо-французская конференция в Париже 9–10 (22–23) декабря 1917 г. приняла меморандум по «русскому вопросу», в соответствии с которым появились английская (Дон, Кубань, Кавказ, Средняя Азия и северная часть европейской территории России) и французская (Украина, Крым и Бессарабия) «зоны действия». Впоследствии Сибирь и Дальний Восток были признаны зонами действия США и Японии. Откровенный раздел России ее союзниками, которых будущие белые пока еще вовсе не считали бывшими, долгое время был достоянием лишь некоторых политических кругов, а в военной среде о нем знали лишь те, кому приходилось прямо контактировать с дипломатами и военными агентами Антанты при переговорах о поставках всего необходимого для борьбы с большевиками. Уже сложившуюся к началу 1918 г. антипатию к западным партнерам помогло преодолеть убеждение, что большевики – ставленники Германии, так что выбор внешнеполитической ориентации нередко был следствием исключительно внутривнутриполитического накала страстей.

За несколько месяцев сложилось базовое распределение сфер влияния воюющих блоков на ситуацию на развалинах Российской империи: воздействие Антанты неуклонно возрастало и обретало конкретные формы на всей периферии, связанной морскими или сухопутными путями со странами Согласия и их колониями. Основная часть Европейской России, в некоторой степени и Закавказье, и даже Туркестан стали ареной германской экспансии в различных формах: от прямой – в ходе военных действий в феврале–июне 1918 г. и в рамках оккупации громадных территорий на западе и юго-западе, – до подготовки будущего проникновения с помощью военнопленных, различных гуманитарных и экономических миссий из Германии, а также Австро-Венгрии и даже Турции. Масштаб России заставлял великие державы, поглощенные решающей кампанией мировой войны, опасаться слишком значительного вовлечения в ее внутреннюю борьбу или попыток «переварить» отторгнутые территории. Неизбежно возникала ставка на некую центральную

⁷ Значительное внимание данной теме было уделено на конференции, посвященной 130-летию русско-французского альянса в Екатеринбурге (3–4 декабря 2021 г.).

власть, способную контролировать хотя бы «великорусское» пространство и проводить по меньшей мере лояльный к одной из воюющих коалиций внешнеполитический курс.

В историографии считается, что борьба ориентаций, проблема сравнения и соперничества были характерны в основном в антибольшевистском движении на Юге России, а также в действовавших в обеих столицах подпольных кружках. На Востоке и Севере союзнический спектр оказался богаче за счет американцев и японцев, германскую проблему не позволяли игнорировать массы пленных из Центральных держав, которые вынуждены были определяться с путями репатриации или уклонения от нее. Германская угроза в такой форме серьезно беспокоила Антанту, хотя впоследствии советская историография упорно отстаивала тезис, что ссылки на кайзеровскую экспансию были для империалистов из стран Согласия лишь предлогом. Игнорировался по той же причине и факт разногласий в среде многочисленных офицеров, вступивших в РККА и РККФ, среди них оставались условные «антантофилы» и «германофилы», ряды которых также комплектовались в зависимости от личного довоенного опыта, перипетий Великой войны, рода войск, воззрений на перспективы победы одной из воюющих сторон для будущего развития России и т.д. В вопросе ориентаций о принципиальных и тем более идеологических отличиях между офицерами, пошедшими в Красную и Белые армии, особенно кадровыми, говорить не приходится.

Таким образом, одним из наиболее распространенных факторов в выборе русскими офицерами, с какой из сторон они продолжают службу в условиях Гражданской войны, был географический. Это применительно прежде всего к флотскому офицерству, болезненно реагировавшему на угрозу ликвидации или частичной сдачи флота врагу. Оправдания этому в виде условий Брестского мира или иных сделок большевиков с Германской империей попросту не принимались, а потому становились достаточным основанием для любых комбинаций с Антантой (как у А.М. Щастного, Г.Е. Чаплина и др.). В зависимости от чисто географических условий мог оказаться приемлемым и вариант с переходом под номинальный германский контроль как альтернатива непоправимому уничтожению корабельного состава и флотского имущества (крепости Петра Великого, форта Ино, береговых батарей и портовых сооружений и проч.). Эти соображения, а не воображаемые «германофильство» или «контрреволюционность» заставили пойти на сотрудничество или быть готовым к таковому А.И. Тихменева, М.П. Саблина, А.С. Максимова, братьев Е.А. и М.А. Беренсов и др.

Обвинения в адрес увлекшегося политикой офицерского корпуса отражают заведомо утопические и столь характерные для довоенной эпохи представления о его обязанности держаться в стороне от острых социальных конфликтов. Кадровые тенденции в ходе первой тотальной войны сделали подобные требования к офицерам по-настоящему массовой армии абсурдными, что было не вполне осознано частью высшего командного состава. С.М. Сергеев обоснованно указывает, что политический радикализм, даже вполне революционного свойства, может иметь национальную (национально-патриотическую) мотивацию. Она возрастала с ростом образованности. Имперское в предвоенной русской жизни необратимо вытеснялось национальным на протяжении всего предвоенного десятилетия, организационно оформившись во Всероссийский национальный союз⁸. В пространстве сознания «условно-монархических» слоев русского общества, в том числе офицерства, под давлением Великой войны верноподданническое черносотенство сменялось рациональным национализмом. Соотношение профессионального и общегражданского в мышлении и настроениях офицерского корпуса резко менялось и в ходе войны. Для офицеров военного времени на первый план могли выходить национальная или регионально-этническая мотивация, или желание вернуться в прежнее состояние.

⁸ См.: Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале столетия: рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001; Санькова С.М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орёл, 2006.

Чистка А.И. Гучкова, травля со стороны комитетов, затем охота за «корниловцами», усилия военного министра А.И. Верховского по сокращению армии вынужденно отправили множество генералов и штаб-офицеров в отставку, отпуска или в резерв чинов к концу 1917 г. К этому времени офицерский корпус русской армии в значительном большинстве состоял из офицеров военного времени⁹. Кавалерия и артиллерия (особенно тяжелая) гораздо лучше сохранили кадровый каркас, чем пехота, где с передовой задолго до падения монархии выбыли почти все строевые командиры с довоенным стажем. В неадекватно многолюдных небоевых и запасных частях служил большой массив офицеров военного времени, наскоро подготовленных и не имевших служебного и тем более боевого опыта. Например, В.М. Молчанов в тыловой Елабуге в 1918 г., оказавшись начальником белого гарнизона, отмечал, что в составе подчиненных ему войск из около 400 офицеров три четверти — прапорщики, не бывавшие на фронте¹⁰.

Призыв студентов с весны 1916 г. направил этот контингент в специально выделенные школы прапорщиков. Так в армию попадали политически развитые молодые люди с широким спектром убеждений, в том числе радикально левых. Особую категорию офицеров составляли произведенные на фронте из солдат¹¹. Привычный корпоративизм «господ офицеров» безвозвратно разрушался, при этом в офицерский корпус входили политика, социальные или национальные устремления. Последний, возможно, шанс для сохранения русской армии — радикальное сокращение численности за счет небоеспособных и тыловых соединений. Провести это в жизнь Верховскому не удалось¹².

Офицерство оказалось едва ли не главным и наиболее ценным адресатом массированных агитационных усилий проантантовских и прогерманских группировок, ведь его позиция была зачастую определяющей в расстановке военных сил, а уровень образования позволял надеяться на активный отклик в масштабе национальных задач. Это вовсе не отменяло приверженности офицеров, особенно младших, накопленному за предшествующие поколения набору стереотипов и традиций, связанных с восприятием зарубежных великих держав и ассоциируемых с ними моделей менталитета.

Для большинства русских социалистов, в том числе носивших в 1917 г. офицерские погоны, отношение к войне с 1914 г. определялось не столько государственно-национальной, сколько политической ориентацией. Германия понималась как олицетворение мировой реакции, а борьба против нее неизбежно носила «прогрессивный» характер. К такой политической окраске борьбы с Центральными державами добавлялись ссылки на австрийский диктат над славянским и православным населением. Данная позиция была в известном смысле зеркальным отражением традиционной позиции правых о необходимости содружества традиционалистских империй против объединенного англо-французского капитала.

Офицеры-эсеры пережили вместе с партией раскол по признаку готовности сотрудничать с большевиками, а затем — летом 1918 г. — еще один: по вопросу о допустимости союза против советской власти с кем угодно. Среди них наиболее яркой фигурой является полковник Ф.Е. Махин. После Брестского мира эсеры рассматривали большевиков «почти как немецкую экспозитуру» и планировали опереться на Поволжье и Урал, воссоздав там прежний Восточный фронт против Германии, задачей которого было бы задерживать наступающих немцев, дожидаясь неизбежной победы союзников на Западе. 8-й Совет Партии социалистов-революционеров (май 1918 г.) решил опираться в борьбе на силы

⁹ Ганин А.В. Офицерский корпус... С. 32–34.

¹⁰ Молчанов В.М. Борьба на востоке России и в Сибири // Белая гвардия. Альманах. № 2. М., 1998. С. 33.

¹¹ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1999. С. 6.

¹² Верховский А.И. Россия на Голгофе (из походного дневника 1914–1918 гг.) / пред., комм. А.М. Савинова. М., 2014. С. 161–163, 173–175; Полторак С.Н. Военная и научная деятельность Александра Ивановича Верховского. Памяти профессора В.И. Старцева. СПб., 2014. С. 81–134.

русского народа, допуская привлечение вооруженных сил Антанты только для борьбы с союзными германо-большевистскими силами¹³. В логике неустойчивого равновесия и захватывающих революционных миражей развивалась антибрестская логика левых эсеров, среди которых был целый ряд ярких офицеров военного времени, представителей «нового» командного состава. В обстановке острейшего кризиса июля 1918 г. и во время подавления эсеровских мятежей именно внешнеполитическая ориентация могла стать роковой для жизни и судеб тысяч офицеров, оттолкнув от дальнейших выступлений колеблющихся, что убедительно продемонстрировал ход Ярославского восстания, где считавшие себя преданными ожидавшей Антантой попытались объявить войну Германии, чтобы в результате сдать в плен ее же ожидавшимся отправкой домой и едва вернувшимся из мест пленения солдатам.

Борьба за симпатии офицества велась в значительной степени с помощью печати. Наиболее читаемая и качественная пресса в России находилась в руках кадетов. Конституционно-демократическая партия, как считается, выступала проводником влияния франко-английского, отчасти американского капитала. Кадетов не смущала перспектива хозяйственной зависимости от иностранного капитала, резко усилившаяся с лета 1914 г. и деформировавшаяся в однозначное преобладание англосаксонских и франко-бельгийских инвесторов¹⁴. Вполне естественно, что в годы Первой мировой войны газетная пропаганда против немцев оказалась не просто масштабной и эмоциональной, но и доходившей до гротеска. Война и настойчивая антинемецкая пропаганда 1915–1917 гг. имели возможность актуализировать очень разнообразный потенциал в самых разных кругах русского народа и других этносов Российской империи, тем более на западных ее окраинах. Резко расширившаяся зона германской оккупации спровоцировала в ряде регионов, где сохранились мощные кадетские организации (на Украине и в Крыму, например), попытку Милюкова выстроить широкую условно-прогерманскую коалицию антибольшевистских сил с центром в Киеве и фактический раскол партии по признаку ориентаций, с трудом преодоленный поздней осенью 1918 г.¹⁵

Такой локальный, «украинный» фактор вынуждает к переосмыслению роли интервенции Центральных держав, зачастую недооцениваемой на фоне более продолжительных антантовских усилий повлиять на исход Гражданской войны. Вплоть до сегодняшнего дня в трудах германистов можно встретить утверждение, что Брестский мир отдавал в руки Германии все, что она могла считать ценным в России¹⁶. При всей сомнительности подобной оценки, скорее всего, современникам событий в первую очередь на просторах распавшейся Российской империи под влиянием эмоций от ощущения национального краха и унижения в Бресте именно так и казалось. Перспективы будущей гегемонии Берлина по меньшей мере евразийского масштаба открывались действительно захватывающие. Многие были убеждены (даже если впоследствии не желали в этом признаться)¹⁷, что Германия преодолела проклятие войны на два фронта. Генерал П.И. Залесский, имея стойкую репутацию германофила, изумлялся, сколь недалеко и жадно вела себя Германия на Украине в 1918 г.: «Немецкая дипломатия была ослеплена и ослепила других. Она уже катилась в пропасть, а по дороге зацепила с собой и Украину, и всю Россию, которую можно было еще в 1918 году остановить от опьянения собственной кровью!»¹⁸. Сходно мыслил командующий австрийскими оккупационными войсками в Одессе

¹³ Чернов В.М. Перед бурей. Нью-Йорк, 1953. С. 369–372.

¹⁴ Селезнев Ф.А. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914–1918 гг.). СПб., 2017.

¹⁵ Это хорошо видно из его дневника, где автор – вопреки дальнейшей победе Антанты – сохранил детальные сведения о попытках временного альянса с Германией: Дневник П.Н. Милюкова / сост. Н.И. Канишева. М., 2004.

¹⁶ В том числе в контексте следующего раунда германской экспансии: Пленков О.Ю. III рейх. Социализм Гитлера (очерк истории и идеологии). СПб., 2004.

¹⁷ Дневник барона Алексея Будберга // Архив русской революции. Т. 12. Берлин, 1925. С. 289–290.

¹⁸ Ген. Залесский П.И. Возмездие (причины русской катастрофы). Берлин, 1925. С. 230–231.

фельдмаршал-лейтенант Э. фон Бёльц летом 1918 г.: продвижение германцев «в глубь России пагубно; это приведет к неминуемой катастрофе. Из-за непонимания Германией обстановки она погибнет сама и погубит окончательно нас»¹⁹. Штатский наблюдатель в Могилеве увидел у немцев дисциплину, но и усталость: Могилев был для них конечным пунктом — это же русская Ставка.²⁰

В недолгий период пика германской гегемонии на Востоке триумф империи обеспечивал широкий спектр реакций, не всегда сводившихся к былым симпатиям: от желания присоединиться к сильнейшему до категорического неприятия именно такого исхода войны и готовности сотрудничать с антигерманской коалицией, даже если Антанта за прежние годы вызвала отвращение. Для многих профессиональных военных и здравомыслящих наблюдателей германская победа летом 1918 г. и последующее долгое доминирование Германии казались реальными или даже неизбежным будущим. М.О. Меньшиков 10 (23) марта 1918 г. записал в дневнике: «Дух аристократии у немцев не слабее, а, пожалуй, посильнее, чем среди современных англо-франко-американцев»²¹. Генерал А.Е. Эверт рассуждал в дневнике 2 (15) апреля 1918 г.: «За последнее время немцы все одерживают успехи. Англичане вытесняются и, по слухам, уже вместе с бельгийцами садятся на суда, обсуждается вопрос возможности высадки немцев на территорию Англии. Это, конечно, более чем трудно выполнимо, если только английская армия окончательно не разложится. Во всяком случае, если англичане вытеснены, французы не в состоянии вести войну самостоятельно, и, следовательно, мир приближается, вероятно, за счет России, и немцы властители мира»²². П.Н. Краснов в частном письме через много лет писал: «Если бы не вступление Америки и не прибытие миллиона свежих войск — победа Германии была бы летом 1918 года»²³. Удивление и даже восхищение организованной силой германской армии весной—летом 1918 г. встречается у многих мемуаристов, переживших унижительный крах вооруженных сил. Это и молодой поручик Н.А. Раевский в Лубнах, и опытный генерал Ф.П. Рерберг в Севастополе, и многие иные.

Параллельно продолжало нарастать все более обоснованное недовольство, особенно в среде офицеров Генерального штаба, эксплуататорским отношением к России со стороны Антанты, теперь еще и перешедшей к оккупации под видом помощи, все менее походившей и на «приглашение», и на «соглашение»²⁴. А. Нокс вспоминал нелицеприятную стычку в октябре 1915 г. с П.П. Лебедевым²⁵, который вскоре станет одним из высших штабных специалистов РККА. Многие старшие офицеры видели слишком очевидные язвы русского военного руководства. Вариантом становилась готовность начать новое военное строительство пусть и в революционном антураже, но против торжествующего врага — Германии.

¹⁹ Воспоминания генерала А.С. Лукомского. Период Европейской войны. Начало разрухи в России. Борьба с большевиками. Т. II. Берлин, 1922. С. 64.

²⁰ Правобережная часть Могилева была занята польскими войсками 5–7 марта, переправы через Днепр не последовало вплоть до конца оккупации. Лишь в конце мая после разоружения корпуса Довбор-Мусницкого их сменили в городе германские части. См.: *Белевская М. (Летягина)*. Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилеве. 1915–1918 гг. Личные воспоминания. Вильно, 1932. С. 46–47.

²¹ М.О. Меньшиков. Материалы к биографии // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1993. С. 52.

²² *Ганин А., Эверт И.* «Я служил, но проглядел жизнь с ее радостями». Послереволюционный дневник и тюремные письма генерала А.Е. Эверта. 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 1 (16). С. 249.

²³ Переписка генерала П.Н. Краснова. 1939–1945 гг. / ред.-сост. С.Ю. Василенко, И.В. Грибков, С.И. Дробязко. М., 2018. С. 118.

²⁴ Ряд сюжетов и новых интерпретаций пропагандистского оформления антантовской интервенции см.: *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения: от интервенции к признанию, 1918–1924. СПб., 2019; *Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг.: в 2 кн.* / под ред. А.Ю. Павлова. СПб., 2021.

²⁵ В его мемуарах есть и ряд иных эпизодов, указывающих на непростые отношения союзников: *Нокс А.* Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917. М., 2021.

С третьей стороны, офицеры, насмотревшиеся на низовой большевизм и крушение всяческого порядка, уже весной 1918 г. оказались способны оценить усилия советского правительства по государственному и военному строительству и искоренению анархии. Штабные структуры, а с ними и элита офицерского корпуса — генштабисты, просто «по наследству» перешли большевикам. Многие из них не стали в условиях неопределенности и неоконченной войны покидать службу. Лишь по мере ужесточения внутренней политики СНК и под влиянием ходивших слухов о его скором крахе они неохотно вновь задалась вопросом об изменении наиболее очевидного продолжения дальнейшей карьеры.

Своего рода соблазном вступить в РККА для национально мыслящего военного стала Завеса, организованная как прикрытие против возможного возобновления германского наступления в случае разрыва Брестского мира. Именно в Завесе до осени 1918 г. успели проявить себя: М.Д. Бонч-Бруевич (автор самой идеи), В.Н. Егорьев, Д.П. Парский²⁶, П.П. Лебедев, М.Н. Тухачевский, С.С. Каменев, И.И. Вацетис, И.Э. Якир, В.К. Путна, Г.Х. Эйхе, В.П. Глаголев, А.А. Свечин, А.Н. Де Лазари и многие другие. Среди этих офицеров были весьма отличившиеся и потом прочно забытые, как, например, Й.Г. Пехливанов²⁷. Талантливый офицер А.Е. Снесарев выбрал «свою войну», как бы параллельно большевикам, понимая нарушение немцами брестских условий (захват Донецкого бассейна) как повод к собственному участию в войне. Разумеется, в результате он вскоре оказался на службе в РККА. Пришлось окончательно связать свою судьбу с красными С.С. Каменеву (он успел умереть своей смертью в августе 1936 г.) и многим другим из тех, кто спустя десятилетия оказался захвачен репрессиями по делу «Весна», а затем пал жертвой чисток 1936—1939 гг. Хватает подобных примеров — решающего выбора в пользу власти, воспринятой как основная вопреки соучастникам раздела страны, — в самых различных регионах и из разных сфер военного аппарата. Генерал А.А. Таубе в Сибири, отказываясь от сотрудничества с белыми, объявил, что не желает служить интервентам. Генерал А.П. Востросаблин на Кушке охранял под красным флагом русские военные припасы в пограничной крепости, в том числе от британцев и их местных сателлитов. Мотивация понятна: красный флаг более чем эфемерен, но государственное достоинство в ситуации неопределенности необходимо отстоять. Генерал А.А. Маниковский просто остался при красных на посту, на котором он так много сделал в 1915—1917 гг. В сходной роли оказался и недавний военный министр интендант Д.С. Шуваев. Генерал Е.З. Барсуков сформулировал кредо таких людей: «Не служил нашим врагам, не служу и вам как принадлежащим к партии большевиков. Я всегда служил, служу и буду служить честно великому Русскому Народу, из которого я сам вышел»²⁸. Гвардейский генерал В.В. Нотбек в показаниях следственной комиссии при Ставке адмирала А.В. Колчака осенью 1919 г. представил впечатляющую картину переживаний и поступков группы офицеров и генералов Северного фронта, не покинувших службу, ставших «советскими» в интересах удержания фронта и декларировавших неучастие в делах междоусобных²⁹. Можно наблюдать даже «семейные» (отец — видный генерал и сын офицер) появления на советской службе — Д.С. и А.Д. Шуваевы, С.М., Е.С., А.С. Шейдеманы, к той же категории в известной степени относятся и братья В.Д. и М.Д. Бонч-Бруевичи. В условиях государственного крушения советская власть могла пониматься как безальтернативная центральная власть в условиях продолжавшейся внешней войны. Разумеется, личные линии поведения даже в сходных обстоятельствах могли очень различаться. Генерал А.А. Самойло на переговорах с Леопольдом Баварским спорил погони и лампы в соответствии с распоряжением

²⁶ См.: Ганин А.В. Первый красный боевой генерал: Дмитрий Павлович Парский // Русский сборник. Т. 16. М., 2014. С. 205—294.

²⁷ См.: Ганин А.В. Болгарин, защитивший Россию: судьба Йордана Пехливанова // Русский сборник. Т. 11. М., 2012. С. 255—336.

²⁸ Барсуков Е.З. Мое военное прошлое. Смоленск, 2018. С. 583.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 21. Л. 26—33 об.

СНК, а его коллега В.Е. Скалон застрелился, не в силах выдержать даже неделю обсуждения обретавшего пока самые общие черты будущего позорного мира.

Этические травмы преследовали целые категории офицеров. Гвардейцы после отречения императора превратились просто в памятное сообщество сослуживцев, ибо смысл и пафос существования гвардии полностью сориентирован на империю и фигуру монарха. Бесславное и бессильное их наблюдение за свержением монархии породило особый миф – о ничем не подорванной верности императору, который сосуществовал с очевидным фактом почти полного отсутствия практических проявлений этой верности между февралем 1917 г. и расстрелом в Ипатьевском доме. Такая психологическая травма и способы ее преодоления повлекли за собой весьма своеобразное поведение многих гвардейских офицеров в Гражданскую войну. Гвардейцы в Минеральных Водах летом 1918 г. не спешили к А.И. Деникину и проявляли мало интереса даже к самозащите, хотя потенциал монархического движения на курортах поначалу был очень высок, да и успехи А.Г. Шкуро и Я.А. Слашова давали все основания для военно-политической попытки, куда менее рискованной, чем легендарный Ледяной анабазис Добровольческой армии.

В условиях неопределенности и нового государственного и военного строительства неизбежно возникал пафос «первых начавших» – тех, кто руководствовался не воззрениями, а темпераментом, с трудом придавая ему соответствующую аргументацию. На белой стороне он проявился как в атаманском³⁰, так и орденско-офицерском («цветные» части на Юге – наиболее рельефный пример) варианте. Оба ломали существовавшие служебные иерархии и не принимали во внимание прежних заслуг. Зачинатели Белого движения еще до большевистского переворота оказались в положении бунтовщиков или людей с неопределенными полномочиями в условиях смены властей. «Быховцы» из-под ареста освободили себя фактически сами. Отряд М.Г. Дроздовского начал с неподчинения приказу о расформировании, ультиматума недавним союзникам и отправился в поход без ясных перспектив. А.Г. Шкуро с большими трудностями прибыл с далекого фронта с ядром своего партизанского отряда. Г.М. Семенов оказался в весьма условной командировке на далекой окраине и начал действовать на свой страх и риск. В актив молодых деятельных белогвардейских офицеров выдвинулись недавние войсковые партизаны Великой войны, которые в 1915–1917 гг. в лучшем случае решали тактические задачи. Старшим начальникам приходилось принимать иного уровня и менее очевидные решения и действовать в новой обстановке. Н.Н. Духонин отказался от идеи оборонять Ставку как последний узел управления, но не покинул места службы. А.М. Каледин как новоизбранный атаман пытался сымпровизировать донскую государственность, дав (неудачное) решение трагической проблеме казаков и иногородних в виде правительства паритета. Генерал Д.Г. Щербачев по апрель 1918 г. оставался на посту командующего фронтом, стремясь сохранить управляемую антибольшевистскую вооруженную силу, идя на непредставимые прежде национально-государственные компромиссы, а затем лавируя вместе с униженным Бухарестским миром и продолжающейся оккупацией Румынией. Сложнейшее решение пришлось принимать под давлением проантантовского донского генералитета П.Н. Краснову, подвергались едва ли не травле со стороны «верных союзникам» согласившиеся возглавить прогерманские Южную и Астраханскую армии генералы В.В. Семенов и пользовавшийся высочайшим авторитетом Н.И. Иванов.

Множество офицеров, не поправших физически под каток революции, продолжало мыслить и действовать зимой–весной 1917–1918 гг. в парадигме военной и политической субординации. Так, подполковник В.М. Молчанов занимался эвакуацией инженерного имущества и попал в плен в феврале 1918 г. После освобождения он отправился в родные места, и вскоре началась его повстанческая, а затем и белая служба. А.В. Черныш только

³⁰ См.: «Атаманина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие и кадры / под ред. А.В. Посадского. М., 2015.

в мае 1918 г. выехал из Радзивилова, где он номинально командовал 105-й пехотной дивизией и был начальником штаба 32-го армейского корпуса. Вот тут и возникли вопросы о дальнейшей судьбе: в Орёл к семье (через большевистский фронт) или на юг, «где что-то делалось», с запасным вариантом отхода в Ейск к родителям³¹. На наиболее сохранившемся Румынском фронте генерал Ю.Ю. Белозор, командир 2-й Кишиневской добровольческой бригады, получил от полковника М.Г. Дроздовского предложение возглавить общий отряд. Белозор отказался, сославшись на приказ штаба фронта, который освобождал всех от обязательств, данных по подписке, и призвал не доверять «безумному плану Дроздовского». Генерал А.В. Асташев, предшественник Белозора на должности командира бригады, также агитировал против выступления из Ясс на Дон. При этом и Асташев, и Белозор — выдающиеся боевые генералы, которых трудно упрекнуть в инертности или нерешительности. Они мыслили в логике приказа, субординации и рационального военного планирования.

Таким образом, на рубеже 1917–1918 гг. и с началом скоротечной кампании 1918 г. на Восточном фронте (операция «Фаустшлаг») национальная и даже имперская мотивация могли направить офицеров к сотрудничеству с советской властью, а национально-революционный пафос продолжения борьбы с «коварным врагом» поднимал первые белогвардейские фронты. Показательно разошлись по противоборствующим лагерям инициаторы создания революционных батальонов из волонтеров тыла: подполковник В.К. Манакин стал одним из первых деятелей Белой гвардии³², а капитан М.А. Муравьев — красным комфронта. И все же на грани почти невероятного патриотического красно-белого альянса против иноземных захватчиков оказывались подразделения по меньшей мере летом 1918 г. на Кубани: сначала в попытке перейти в наступление под Батайском и высадить десант под Таганрогом, затем в попытках краскома А.И. Автономова добиться сплочения офицерства (в том числе Слашова и Шкуро) ради прекращения междоусобной войны под антигерманскими лозунгами.

В других регионах, особенно надежно защищенных от Центральных держав расстояниями, антантовская ориентация казалась долгое время особенно выгодной. В логике войны с Германией даже непрошеное и нерегулируемое появление союзников на территории России воспринималось как приход именно союзных сил. Как, например, раннее появление англичан на Мурмане по соглашению с местным Советом, оставшимся до июня 1918 г. лояльным ленинскому правительству. Сказывались и более сложные политические стереотипы и маркеры возможных партнеров. Для эсеров чехи — прежде всего «демократы» и потому союзники. Курьезно, что под властью КомУча писались листовки от демократов-чехов к демократам-латышам³³, — истерзанный гнетом немцев народ звали под знамена свободы, что возымело практические следствия: был создан Имантский полк.

Для особой категории офицеров немцы — даже как непрошеные гости — были по меньшей мере «своими», ибо несли защиту по этническому признаку. Это вовсе не означало готовности немедленно отказаться от российского прошлого и надеть кайзеровский мундир, хотя и такой вариант изредка встречался (полковник В. Теслев). Далеко не всегда сторонниками максимально широких аннексий Германии были даже те из уроженцев Российской империи, кто давно выбрал германскую сторону в Великой войне. Вполне типичный пример приводил В.М. Молчанов: остзейский барон служил в немецкой армии

³¹ Черныш А.В. На фронтах Великой войны. Воспоминания 1914–1918. М., 2014. С. 189–190.

³² См.: Посадский А.В. В.К. Манакин и Саратовский корпус. Эпизод Гражданской войны. М., 2018.

³³ См.: Екабсонс Э., Щербинскис В. Участие латышей в военных формированиях белых во время Гражданской войны в России 1917–1920 гг. // Россия и Балтия. Народы и страны. Вторая половина XIX — 30-е гг. XX в. М., 2000. С. 79–97.

унтер-офицером и при этом рассуждал, что Прибалтийский край немцам не вернуть³⁴. Для кого-то же японцы в Приморье, англичане в Баку, Туркестане и на Мурмане — корыстные интервенты, которым надо противостоять, не стесняясь узурпаторским статусом советской власти.

Особая глава с заключением перемирия, а затем мира началась для тысяч русских офицеров, оставшихся в германском плену и испытывавших с каждым месяцем все большее давление ради дезинтеграции по национальному признаку. «Национальные акции» германских специалистов по революционизированию начались в лагерях еще в 1915 г., но под ударом информационного вакуума, прекращения всякой помощи, обрыва связи с родиной после революции и без того пошатнувшаяся прежняя политическая опора офицерства стала опасно крениться в сторону поисков выхода из лагеря любой ценой и под любым флагом.

Война и революция давали возможность ожить самым разным представлениям и фобиям в отношении «германца». Быстрое и драматичное расширение зоны Первой германской оккупации, несшее на себе отпечаток последнего и отчаянного усилия Центральных держав найти ресурсы на финальную кампанию Великой войны, стало новым, пусть и краткосрочным, этапом в истории взаимоотношений немецкого народа и населения Восточной Европы³⁵. Обе стороны лишь в 1918 г. смогли получить по-настоящему свежий опыт общения друг с другом, бывший — что неизбежно при оккупации — в лучшем случае неоднозначным.

Для тех местностей, по которым прошла волна «первого большевизма» — Крым, Киев, Минск, города Новороссии и Прибалтики, — немцы явились элементом порядка и были лояльно встречены городским населением. В занятом Пскове немцы быстро наладили товарообмен: шнапс, фонарики и т.п. на масло, муку, ситец. Горожане жалели, что Россия не продержалась еще несколько месяцев, так как жадность, с которой немцы набрасывались на русский ситец, наглядно демонстрировала тяжелое положение недавнего противника³⁶. Такие же деловитость и сметливость проявлялись и на Юге, о чем выразительно пишет Н.А. Раевский³⁷.

Линия демаркации после Брестского мира стала притягивать беженцев из Советской России, что нашло отражение в мемуаристике, так как среди бежавших было немало людей из высшего общества³⁸. Описаны сцены беззакония и жестокости чекистов (Ф. Хайкина на станции Унеча) и доброжелательно-коррупционные схемы перехода границы на стороне немцев и гетманских властей³⁹. Оккупированный немцами курский Рылск с уездом, оказавшись на линии демаркации после боевых действий в апреле 1918 г., хлопотал о присоединении к Украинской державе и был причислен к Черниговской губернии как повет. Большевизм пугал население больше, чем немцы и гайдамаки⁴⁰. Подобным образом старались попасть в «Украину» оказавшиеся на советской территории части северных уездов Черниговской губернии⁴¹.

Приспособление к новым реалиям, продолжительности которых тогда (в апреле—июле 1918 г.) точно оценить никто не мог, вызывало эмоциональную реакцию, сохраненную — в угоду победившей Антанте — в немалой части будущей эмигрантской

³⁴ Молчанов В.М. Борьба на Востоке России и в Сибири // Белая гвардия. Альманах. № 1. М., 1997. С. 47.

³⁵ См., напр.: Ланник Л.В. После Российской империи. СПб., 2020. С. 23–32.

³⁶ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 426. Л. 8 об. — 9 об.

³⁷ См.: Раевский Н.А. 1918 год. М., 2020.

³⁸ См., например, о бегстве из Советской России с описанием пересечения демаркационной линии: Трубецкой Е.Н. Из путевых заметок беженца // Архив русской революции. Т. 18. Берлин, 1927. С. 137–207.

³⁹ Князь Ишеев П.П. Осколки прошлого. Воспоминания 1889–1959. Нью-Йорк, 1959. С. 123–124.

⁴⁰ См.: Бугров Ю.А. Рылск. 1918 г. // Курский край. 2001. № 1 (15). С. 42–50.

⁴¹ Еткина И. О потере Украиной северных территорий Черниговской губернии // Новости Чернигова. 3.XI.2017.

мемуаристикой. Хрестоматийным здесь является пример истинной истории организации снабжения «верной» союзникам Добровольческой армии и ее отношений с «предателями» и расчленителями России П.Н. Красновым и П.П. Скоропадским. И.Л. Солоневич писал: «Люди, которые удирали под защиту гетмана Скоропадского и поддерживавших его немецких штыков, в том числе и П.Н. Милюков, здесь же, в Киеве, обливали грязью и Скоропадского, и немцев... Сотни тысяч русской интеллигенции были спасены немецкими штыками. Десятки тысяч были вывезены из Петербурга и Москвы экстерриториальными “державными поездами”... Сенаторы и гвардейцы, инженеры и профессора... перекочевывали в Киев и там плотно, всем своим седалищем, усаживались на союзную платформу»⁴². Генерал Залесский писал, что Украина под немецкой оккупацией «сделалась вдруг культурным оазисом России», где можно было жить не под угрозой прямого грабежа и непрерывного голода, как в большевистской России. Краю нужен был «порядок, а не споры о монархии, республике, автономии и т.п.». Однако легкомыслие и недобросовестность русской бюрократии и буржуазии не позволили реализовать очевидно необходимые мероприятия. Генерал был убежден, что «без помощи немцев и Дон, и Деникин были бы раздавлены большевиками еще весной 1918 года. Вообще немецкая оккупация Украины в 1918 году сильно помогла антибольшевикам»⁴³. Эта оценка вполне подтверждается масштабами военной помощи и организацией транзита офицерских кадров на Дон, а в действительности зачастую — в Добровольческую армию, т.е. к сторонникам, что прежде резко осуждали и Краснова, и Скоропадского, и тем более интервенцию Центральных держав.

Добровольческая армия понимала себя как «единственный оплот национального возрождения и единственную носительницу идей Неделимой и Единой России» в противовес тем политическим группам, «которые видят спасение из рук Германии и улыбку возрождения России из рук императора Вильгельма». Некоторое время тешились иллюзиями, что «германский “vorwärts” остановлен у Батайска»⁴⁴, хотя на деле передовые отряды кайзеровского корпуса Кнёрцера некоторое время взаимодействовали с восставшими казаками и отрядом Дроздовского при захвате Ростова-на-Дону и его окрестностей, что вызвало острое недовольство Деникина, поспешившего ликвидировать возможности для дальнейших прямых контактов. По мнению М.А. Свечина, решение А.И. Деникина об уходе на Кубань (Второй Кубанский поход) было ошибочным — дало Красной армии время организовать, не позволило удержать Волжский фронт и связаться с восточными очагами Белого движения⁴⁵. Крупные успехи добровольцев с выходом к Екатеринодару к середине августа поставили ребром вопрос об ориентации превратившейся в по меньшей мере региональную силу Добровольческой армии. Демонстративный отказ Деникина (и поначалу Алексеева) от прямых и тем более открытых контактов с германскими эмиссарами (например, с майором Ф. фон Кохенгаузенем в Новочеркасске) побудил последних к активизации средств давления и попыткам мотивировать лидеров Белого движения на Юге России к изменению этой позиции хотя бы на компромиссную. В ином случае Германия могла перейти к действительно последовательной реализации очередной сделки с большевиками — согласованного с огромным трудом 27 августа Добавочного договора. Ради этой сделки, проводимой главой германской дипломатии П. фон Хинтце,

⁴² Солоневич И.Л. Наша страна. XX век. М., 2001. С. 41–42.

⁴³ Ген. Залесский П.И. Указ. соч. С. 226–228.

⁴⁴ Иловыйский В. Год пути (жизнь Добровольческой армии). Ростов-на-Дону, 1919. С. 17–19. Неудача под Батайском в ходе спешного германского наступления действительно последовала 9–10 мая. Однако уже 30–31 мая Батайск был взят германскими войсками без существенных затруднений, после чего фронт снова стабилизировался без какой-либо разрядки напряженности. Германские документы до сих пор не публиковались. См. одно из немногочисленных описаний: Украина — 1918. Взгляд из Германии / пер. с нем. и комм. Л.В. Ланника. М., 2018. С. 104–135.

⁴⁵ Свечин М.А. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964. С. 187.

стали тормозиться и даже публично пресекаться отправки офицерских эшелонов с Украины. В неофициальных гарантиях советскому руководству Германия шла еще дальше⁴⁶. В конце сентября Деникин получил сведения, что в августовском секретном соглашении Германии с большевиками наличествовал пункт о подавлении «мятежа генерала Алексева», а при невозможности сделать это советскими силами – о непротивлении продвижению для этой цели германских войск⁴⁷. Такие новости могли только усиливать германофобию Деникина и его окружения. Параллельно этому и вполне сознательно вопреки указаниям из центра военные германские эмиссары на местах – в Киеве, Новочеркасске, Севастополе – продолжали убеждать офицеров и ходатаев к генералу М.В. Алексееву (например, адмирала Д.В. Ненюкова и дипломата Г.Н. Трубецкого) в том, что официальное сотрудничество Германии с Советской Россией вовсе не означает прекращения помощи антибольшевистским силам, так что совместная работа по их консолидации и закреплению за ними Северного Кавказа, а затем и Поволжья вполне возможна.

С развитием на просторах России революционного процесса вести дела по-прежнему никто из мировых держав не мог: нужна была конкретная позиция по «русскому вопросу». Это понимали все, однако раскол во мнениях постиг эмиссаров едва ли ни всех держав, обладавших развитой сетью агентов влияния на одной шестой части суши. С рисками, рассчитывая по несколько вариантов, действовали и союзники, и Германия, и даже ее младшие партнеры. Темп развития событий и плохо предсказуемая позиция местных акторов не позволяли рассчитывать на успех любых комбинаций. Выступление чехословаков и высадка японцев на Дальнем Востоке весной 1918 г., например, резко усилили для Германии потребность в РСФСР как буфере от гипотетически возможного нового Восточного фронта. Эту потребность не могли поколебать убийства Мирбаха, Эйхгорна и даже императорской фамилии, равно как и многочисленные эксцессы вдоль демаркационной линии. Выбор офицерства между основными державами нарождавшегося после Бреста нового порядка в Восточной Европе осложнялся национальным расслоением, провоцированием которого, в основном безвыигрышным, занимались едва ли не все военно-политические силы. Даже победившие в войне за независимость государства-лимитрофы еще многие годы вынуждены были страдать от раскола в военных элитах, чреватого вспышками гражданской войны, переворотами и военными диктатурами с местной версией «ночи длинных ножей».

Ряд этносов на западных и южных окраинах Российской империи был на разных участках пути к складыванию в нации, что всегда являлось темой активной мифологизации данных процессов. Это осложняет вопрос о соотношении национальных мотиваций (как «за», так и «против»), карьерных соображений и силы обстоятельств в формировании линий поведения офицеров – представителей нерусских народов. При этом заметны персоны, которые активно участвовали в белой или красной борьбе, не желая или не стремясь попасть в национальные формирования. Например, поляки Е. Урбанковский у белых и И. Дзевалтовский у красных, артиллерийский подполковник Н.Р. Мгалобелов, отказавшийся от карьеры в армии «кукурузной республики» в пользу белой армии⁴⁸, и ряд других. Характерно, что многие из героизированных впоследствии в национальных мифах отцов вооруженных сил новых независимых государств – К. Маннергейм, И. Лайдонер, С. Жуковский, И. Балодис, Ю. Довбор-Мусницкий, Ю. Халлер и другие, включая И. Вацетиса и многих

⁴⁶ См. детали взаимных секретных обязательств, согласованных к концу августа 1918 г.: *Ватлин А.Ю., Ланник Л.В.* Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 208–230.

⁴⁷ *Комендоровский И.Н.* Добровольческая армия в боях и походах. Кн. 2. Первые победы. Т. 1. Второй Кубанский поход. 10.VI – 18.IX.18 г. М., 2020. С. 87.

⁴⁸ *Махров П.С.* В Белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 27–128.

его ближайших соратников – в первой половине 1918 г. рассматривали самые различные варианты своей дальнейшей судьбы, отдавая предпочтение вовсе не национальному движению, а действительно перспективному реставрационному проекту. Но найти таковой удавалось крайне редко по объективным причинам, а потому выбирали более спонсируемую обеими воюющими коалициями национальную карту. Такая опция была доступна или минимально допустима далеко не для всех, а некоторым в возможности воспользоваться таким вариантом было отказано по инициативе активизировавшихся на всех национальных окраинах местных шовинистов. В этом случае выходом становились действия в рамках тех опор прежней этики, что позволяли оправдать сделанный, но предосудительный в глазах сослуживцев, выбор хотя бы в собственных глазах.

Психологический фактор часто парализовал любые усилия, однако оправдания этому искали в отсутствии этических приемлемых вариантов, не забывая ссылаться и на невозможность «измены союзникам». Русское офицерство весной 1918 г. было дезорганизовано, тяжело разочаровано в русском солдате, русском народе в целом. Об этом пишет, например, Раевский. «Шкурничество» многих офицеров, о котором с такой горечью писали белые добровольцы, имело истоком и это ощущение разбитости и безнадежности. Офицеры, не способные служить большевикам, но не имевшие гражданской специальности, прежде всего кадровые, оказывались с окончанием войны в самом безрадостном положении. Например, во Пскове в начале 1918 г. возникла офицерская артель грузчиков, она же офицерская организация. С приходом немцев началась регистрация офицеров, и откликнувшиеся на нее неожиданно для себя были отправлены в Германию как военнопленные⁴⁹. Многие оставшиеся на оккупированных в феврале–июне 1918 г. территориях «великорусские», т.е. не ассоциировавшие себя ни с одним из лимитрофов, офицеры вынуждены были рассчитывать только на пенсии или пособия, в том числе выплачиваемые оккупационными властями. Офицеры национальных частей, которые выступили союзниками Центральных держав в ходе операции «Фаустшлаг», например эстонские, были шокированы быстрым и бесславным роспуском несостоявшейся армии новыми старшими партнерами⁵⁰. Еще более масштабная драма постигла остатки формировавшихся трех Польских корпусов бывшей русской армии. Истощение от войны, в основном психологическое, доходило до чувства обреченности любых усилий, тревога за разделенные новыми труднопреодолимыми рубежами семьи и другие гуманитарного и даже антропологического рода соображения исключали колебания не только внешне-, но и внутривнутриполитические. Если бы не все более жесткие принудительные меры, особенно большевистского правительства, процент офицеров, в том числе кадровых, продемонстрировавших политический и гражданский абсентеизм, доходивший до отказа от остатков былой идентичности, а то и деконструкции личности, оказался бы шокирующе высоким. К данной категории следовало бы отнести и всех тех бывших офицеров, кто пытался сохранить нейтралитет любой ценой, не столько дистанцируясь от братоубийственной войны, сколько избегая всякого напряжения, кроме защиты узкопонимаемых «своих». Именно этому слою офицерства пришлось пройти наиболее тяжелую психологическую травму навязанного в последний момент выбора, чреватого мало предсказуемыми и часто кажушимися совершенно нелогичными переходами на ту или иную сторону.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 426. Л. 2–4, 5–8 об. Источники по германскому оккупационному режиму в Пскове достаточно скудны, одним из немногих, где есть определенное сочувствие русским офицерам, но ни слова об их пленении и вывозе, является дневник командира 37-й ландверной бригады генерала Ф. фон Шербенинга: Bundesarchiv-Militärarchiv. MSg 2/13573. Aufzeichnungen von F. von Scherbening. См. также: *Калкин О.А.* На мятежных рубежах России. Очерки о псковичах – участниках Белого движения на Северо-Западе в 1918–1922 гг. Псков, 2003; *Реджи.* Антанта, немцы и русская Добровольческая армия / под ред. Л.В. Ланника. М., 2015.

⁵⁰ См.: *Ланник Л.В.* Весенний дивертимент: к истории германо-эстонского альянса в 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 1 (17). С. 25–41.

В конце 1917–1918 г. довольно много офицеров на «старой» службе и в РККА вовлеклось в разного рода военно-политические кружки и подполье. В этой среде вопрос о «смене кокарды» мог считаться вопросом завтрашнего дня. Идея «перехвата» красных формирований и перевода их на белую сторону родилась весьма рано и в стане правых. Она воодушевляла деятельность Н.Е. Маркова-2-го и его «Союза верных», А.Л. Носовича в Царицыне, была мотивом для А.В. Шварца в Петрограде и многих других⁵¹. В числе рязанских белых подпольщиков было три полковника на красной службе. Один из них — широко известный В.В. Котомин, перешедший на Восточном фронте к белым. Другой — В.В. Пермяков — при отсутствии всякой связи с белыми продолжил свою советскую службу и закончил ее полковником Красной армии, заместителем командующего армией⁵². По сообщению генерала Носовича, один из его сотрудников по разведывательной работе в РККА так же остался у красных и успешно продолжил службу⁵³. Есть сложные судьбы, в которых трудно уследить за логикой поведения без выяснения нюансов биографии и сопутствующих контекстов. А.Д. Хомутов — гвардеец-измайловец, сотрудник генерала Маркова-2-го, монархист-легитимист — в дальнейшем сотрудник НКВД⁵⁴.

Многочисленная мемуаристика и не менее объемные запасы неопубликованных рукописей воспоминаний убеждают, что сколь угодно опытные и высокопоставленные офицеры оценивали происходящие события лишь в рамках им доступного и желаемого, что в ряде случаев неприятно удивляет низким качеством анализа и отсутствием политического прагматизма. Героизируемая впоследствии их «прозорливость» или якобы отчаянная подпольная деятельность — а порой и то, и другое (как у А.А. Брусилова, например) — часто прикрывали неприглядные будни физической или психологической недееспособности. Очень многие из авторитетных старших начальников и недавних героев фронтовых операций теперь пытаются оптимизировать любые доступные ресурсы личного и семейного благополучия, игнорируя возмущение бывших коллег и усиливая всеобъемлющий кризис доверия по разным линиям, включая поколенческую. Однако объяснения и в этом случае нередко сводились к «продался немцам/большевикам» или «помогает союзникам делить Россию» и т.д.

В ходе Гражданской войны нередки были и уникальные личностные превращения. Генерал-республиканец осенью 1917 г. М.К. Дитерихс стал мистически настроенным монархистом к 1922 г. Многие зависело от времени начала военно-политической активности, от обстоятельности жизни и службы, полученных впечатлений. Командовавший гвардейскими соединениями генерал В.М. Безобразов 28 февраля 1917 г. пытался ободрить генерала С.С. Хабалова и побудить к активным действиям в Петрограде, но далее в активной борьбе не участвовал и покинул страну. Можно привести много особенно рельефных, но всегда штучных примеров, с трудом поддающихся систематизации и обобщениям, но и не позволяющим игнорировать подобные явления как «исключения», не заслуживающие места в общем анализе дезинтеграции офицерства по различным ориентациям и предложениям.

Проблематика «ориентаций» в Гражданской войне в России и комплексе иных конфликтов на постимперских пространствах подразумевала две главнейшие ориентации — австрогерманскую и союзническую, хотя были возможны и другие, специфические локальные варианты. Тяжелейший выбор между пока не определившимися претендентами на мировое господство для офицеров разложившейся армии вовсе не исчерпывался

⁵¹ *Тарасов К.А.* Военные заговоры, настоящие и мнимые. Деятельность антибольшевистского подполья по организации вооруженного восстания в Петрограде, март–июнь 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 2 (17). С. 32–69.

⁵² *Ганин А.В.* Рязанская белая гвардия // Белая армия. Белое дело. № 26. Екатеринбург, 2019. С. 5–8.

⁵³ *Носович А.Л.* Н845 Белый агент в Красной армии: воспоминания, документы, статьи / под ред. А.В. Ганина. М.; СПб., 2021. С. 18–19.

⁵⁴ В базе данных «Мемориала» как кадровый сотрудник НКВД не фигурирует.

периодом между свержением Временного правительства, освободившим от любой присяги, и очевидным крахом Центральных держав в октябре–ноябре 1918 г. Компьенское перемирие лишь на первый взгляд поставило точку в вопросе об основном партнере в антибольшевистской борьбе, как и в героизируемом советской историографией лавировании советского правительства в рамках «гибкой ленинской внешней политики». Быстрый крах надежд на сокрушительный триумф Антанты и поддерживаемых ею сил, зафиксированный в известной фразе на изразцах в квартире Турбиных из «Белой гвардии», и свертывание интервенции, в том числе в Причерноморье уже весной 1919 г., придали проблеме выбора внешнеполитической ориентации другой статус, породивший ряд локальных эпопей — проекты генералов В.И. Гурко и В.В. Бискупского, бермондтовскую авантюру в Прибалтике, специфические комбинации с участием «русофильских», т.е. монархических, кругов в Финляндии или попытки Врангеля заключить альянс с уже хортистской Венгрией. Тот или иной выбор и после победы Антанты и даже подписания Версальского мира 28 июня 1919 г. вовсе не исключал симпатий к немцам, германским офицерам, пережившим схожую трагедию, и Германии как возможному или наилучшему союзнику для России в антибольшевистской среде⁵⁵. Мощная германофильская прослойка сохранилась и среди офицеров, пошедших на службу и сделавших карьеру в РККА, что стало впоследствии одним из поводов к репрессиям 1930-х годов.

Отношение русских офицеров — как кадровых, так и надевших погоны лишь в ходе Первой мировой войны — к Германии с конца 1917 г. до Компьенского перемирия и далее, до вступления в силу в январе 1920 г. Версальского договора, определялось рядом разнотипных обстоятельств. Во-первых, более или менее отрефлексированное германо-, англо- или франкофильство в культурно-бытовом, отчасти политическом смысле давно было принадлежностью русского образованного человека. Во-вторых, война продемонстрировала удивительно высокие качества германской военной машины и вызвала очень почтительное отношение к германцу — сильному противнику и возможному надежному союзнику. В-третьих, после революции неблагородный союз Германии с большевиками создал представление о «германо-большевизме» и актуализировал негативные стереотипы о Германии и немцах. В данных координатах в конце 1917 — второй половине 1919 г. и происходило самоопределение многих офицеров по обстоятельствам места и личной судьбы. Приведенные выше примеры, касающиеся крупных и известных имен, должны умножаться на тысячи офицерских судеб, которые складывались под влиянием различных мотивов и условий. Их иллюстративность и пестрота не являются причиной для отказа от анализа массовых явлений, отразившихся на ходе дезинтеграции русского офицерства.

Факторы ориентации, с одной стороны, едва ли не очевидны, с другой — неизменно действовали в совокупности, определяя траекторию конкретной офицерской судьбы. Они почти никогда не прослеживаются в мемуаристике или в соответствующих аналитических записках (германской, антантовской, белогвардейской или большевистской стороны) сколько-нибудь системно, однако даже при предубеждении в адрес любых воспоминаний следует признать, что на основе их вполне возможно составить целостное представление об их наборе, а также о том, что именно определяло их иерархию на единичном, групповом или локальном уровнях. Важно учитывать и базовые массовые психологические явления, например то, что завершение, пусть непобедное и смазанное, неслыханно тяжелой войны предопределяло сильное тяготение домой, к семьям для всех категорий офицерского корпуса прежней русской армии. Уже одно это заставляло реагировать на любые проантантовские призывы продолжить войну с «тевтонами» с раздражением и попыткой найти оправдание своей «измене» за счет предшествующих обид и претензий.

⁵⁵ Прибалтика между двумя революциями / пер. с нем. Л.В. Ланника; комм. и вст. ст. Л.В. Ланника, Н.В. Лаврентьева. СПб., 2021.

Утрата имперской государственности дезорганизовала прежде всего служилые слои, намертво привязанные к государственности с культивируемой много лет «аполитичностью». Куда свободнее ориентировались люди с подпольно-политическим бэкграундом, эсеры прежде всего. Национальная мотивация, вкупе с иными факторами, могла вербовать в ряды новых государственных образований офицеров соответствующего происхождения.

Факт раскола и разнообразных недоразумений очевиден, однако был ли он связан именно с теми позициями, которые впоследствии – особенно в эмиграции в странах Антанты – так выпячивались на первый план? Амбивалентность истинных мотивов и намерений таких «убежденных сторонников Согласия» (как Алексеев, Деникин, даже Колчак и Дутов) еще предстоит раскрыть на базе новых архивных документов. Однако уже сейчас следует признать внешнеполитические «ориентации» весьма важным индикатором комплекса личных обстоятельств представителей офицерства, степень искренности которого не позволяет воспринимать его буквально, а требует тщательной реконструкции набора и соотношения факторов сделанного, тем более временно и частично, выбора в пользу той или иной воюющей коалиции, стороны в Гражданской войне или места последующей эмиграции.

Значимость анализа факторов и нюансов диссоциации офицерства бывшей Русской императорской армии не исчерпывается уточнением расстановки сил и тенденций в истории Гражданской войны и комплекса связанных с ней конфликтов на постимперских пространствах, определивших историю Восточной Европы межвоенного периода. В нем кроются ответы на многие вопросы по истории Первой русской эмиграции, унаследовавшей раскол «ориентаций» и не сумевшей его преодолеть до начала Второй мировой войны. Более того, он оказался институционализирован немедленно, как только появились заинтересованные в этом силы, и эмиграция вынуждена была вновь расколоться из-за вопроса о приемлемости сотрудничества с Третьим рейхом или с СССР (реже – с другими странами антигитлеровской коалиции или державами Оси) ради «Второй Гражданской». К этой эскалации мотивировала и беспощадная борьба с военным крылом эмиграции советских спецслужб, воспользовавшихся едва ли ни каждым из рассмотренных выше мотивов в политической ориентации офицерства, оказавшегося заложником хода событий за пределами Родины. Финал голгофы имперского русского офицерства, вновь разошедшегося по разные линии фронта в новой мировой войне, еще не разрешив для себя политических вопросов предыдущей, последовал в 1945–1946 гг.: в лагерях перемещенных лиц, в выдаче СССР или при арестах на занятых Красной армией территориях, а также в тонкой струйке решившихся на репатриацию идейно, в надежде на преобразившуюся и – как им хотелось думать – готовую их принять новую-старую Россию.

Библиография

- Айрапетов О.Р.* Немецкий погром в Москве в июне 1915 г. в контексте боев на внешнем и внутреннем фронте // Русский сборник. Т. 8. М., 2010. С. 112–144.
- Аксенов В.А.* Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции. М., 2020.
- «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие и кадры / под ред. А.В. Посадского. М., 2015.
- Барсуков Е.З.* Мое военное прошлое. Смоленск, 2018.
- Бурев Ю.А.* Рылъск. 1918 г. // Курский край. 2001. № 1 (15). С. 42–50.
- Ватлин А.Ю., Ланник Л.В.* Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 208–230.
- Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. М., 1999.
- Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг.: в 2 кн. / под ред. А.Ю. Павлова. СПб., 2021.
- Ганин А.В.* Болгарин, защитивший Россию: судьба Йордана Пехливанова // Русский сборник. Т. 11. М., 2012. С. 255–336.

- Ганин А.В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: статьи и документы. М., 2013.
- Ганин А.В.* Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России 1917–1922. М., 2018.
- Ганин А.В.* Первый красный боевой генерал: Дмитрий Павлович Парский // Русский сборник. Т. 16. М., 2014. С. 205–294.
- Ганин А.В.* Рязанская белая гвардия // Белая армия. Белое дело. № 26. Екатеринбург, 2019. С. 5–8.
- Ганин А., Эверт И.* «Я служил, но проглядел жизнь с ее радостями». Послереволюционный дневник и тюремные письма генерала А.Е. Эверта. 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 1 (16). С. 220–277.
- Ген. Залесский П.И.* Возмездие (причины русской катастрофы). Берлин, 1925.
- Екабсонс Э., Шербинскис В.* Участие латышей в военных формированиях белых во время Гражданской войны в России 1917–1920 гг. // Россия и Балтия. Народы и страны. Вторая половина XIX–30-е гг. XX в. М., 2000. С. 79–97.
- Еткина И.* О потере Украиной северных территорий Черниговской губернии // Новости Чернигова. 3.XI.2017.
- Залюбовский А.П.* Снабжение русской армии в Великую войну ружьями, пулеметами, револьверами и патронами к ним. Белград, 1936.
- Иловайский В.* Год пути (жизнь Добровольческой армии). Ростов-на-Дону, 1919.
- Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917–1920 гг. М., 1988.
- Калкин О.А.* На мятежных рубежах России. Очерки о псковичах – участниках Белого движения на Северо-Западе в 1918–1922 гг. Псков, 2003.
- Комендровский И.Н.* Добровольческая армия в боях и походах. Кн. 2. Первые победы. Т. 1. Второй Кубанский поход. 10.VI – 18.IX. 18 г. М., 2020.
- Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале столетия: рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001.
- Ланник Л.В.* Весенний дивертизмент: к истории германо-эстонского альянса в 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 1 (17). С. 25–41.
- Ланник Л.В.* После Российской империи. СПб., 2020.
- Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937.
- Махров П.С.* В Белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994.
- Молчанов В.М.* Борьба на востоке России и в Сибири // Белая гвардия. Альманах. № 1. М., 1997. С. 45–49; № 2. М., 1998. С. 33–38.
- Носович А.Л.* Н845 Белый агент в Красной армии: воспоминания, документы, статьи / под ред. А.В. Ганина. М.; СПб., 2021.
- Нокс А.* Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917. М., 2021.
- Павлов А.Ю.* Союзники и противники: франко-русский союз в 1918 г. // Исторические исследования. 2020. № 15. С. 227–236.
- Посадский А.В.* В.К. Манакин и Саратовский корпус. Эпизод Гражданской войны. М., 2018.
- Прибалтика между двумя революциями / пер. с нем. Л.В. Ланника; комм. и вст. ст. Л.В. Ланника, Н.В. Лаврентьева. СПб., 2021.
- Раевский Н.А.* 1918 год. М., 2020.
- Реджи.* Антанта, немцы и русская Добровольческая армия / под ред. Л.В. Ланника. М., 2015.
- М.О. Меньшиков.* Материалы к биографии // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1993. С. 1–271.
- Санькова С.М.* Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орёл, 2006.
- Свечин М.А.* Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964.
- Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения: от интервенции к признанию, 1918–1924. СПб., 2019.
- Сергеев Е.Ю.* «Иная земля, иное небо...»: Запад и военная элита России (1900–1914 гг.). М., 2001.
- Солоневич И.Л.* Наша страна. XX век. М., 2001.
- Тарасов К.А.* Военные заговоры, настоящие и мнимые. Деятельность антибольшевистского подполья по организации вооруженного восстания в Петрограде, март–июнь 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 2 (17). С. 32–69.
- Трубецкой Е.Н.* Из путевых заметок беженца // Архив русской революции. Т. 18. Берлин, 1927. С. 137–207.
- Украина – 1918. Взгляд из Германии / пер. с нем. и комм. Л.В. Ланника. М., 2018.
- Чернов В.М.* Перед бурей. Нью-Йорк, 1953.
- Черныш А.В.* На фронтах Великой войны. Воспоминания 1914–1918. М., 2014.

References

- “Atamanshchina” i “partizanshchina” v Grazhdanskoj vojne: ideologija, voennoe uchastie i kadry [“Atamanshchina” and “partisanshchina” in the Civil War: ideology, military participation and personnel] / ed. A.V. Posadsky. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Ajrapetov O.R.* Nemeckij pogrom v Moskve v ijune 1915 g. v kontekste boev na vneshnem i vnutrennem fronte [The German pogrom in Moscow in June 1915 in the context of the battles on the external and internal front] // Russkij Sbornik [Russian collection]. T. 8. Moskva, 2010. S. 112–144. (In Russ.)
- Aksenov V.A.* Sluhi, obrazy, jemocii. Massovyje nastrosenija rossijan v gody vojny i revoljucii [Rumors, images, emotions. Mass sentiments of Russians during the years of war and revolution]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Barsukov E.Z.* Moe voennoe proshloe [My military past]. Smolensk, 2018. (In Russ.)
- Bugrov Ju.A.* Ryl'sk. 1918 g. // Kurskij kraj [Kursk region]. 2001. № 1 (15). S. 42–50. (In Russ.)
- Chernov V.M.* Pered burej [Before the storm]. New York, 1953. (In Russ.)
- Chernysh A.V.* Na frontah Velikoj vojny. Vospominanija 1914–1918 [On the fronts of the Great War. Memoirs of 1914–1918]. Moskva, 2014. (In Russ.)
- Ekabsons Je., Shchrbinskis V.* Uchastie latyšej v voennyh formirovanijah belyh vo vremja Grazhdanskoj vojny v Rossii 1917–1920 gg. [Participation of Latvians in White military formations during the Russian Civil War of 1917–1920] // Rossija i Baltija. Narody i strany. Vtoraja polovina XIX – 30-e gg. XX v. [Russia and the Baltic States. Peoples and countries. The second half of the 19th – 30th of the 20th century]. Moskva, 2000. S. 79–97. (In Russ.)
- Etkina I.* O potere Ukrainoj severnyh territorij Chernigovskoj gubernii [About the loss of the northern territories of Chernihiv province by Ukraine] // Novosti Chernigova [Chernihiv news]. 3.XI.2017. (In Russ.)
- Ganin A., Evert I.* “Ja sluzhil, no progljadel zhizn' s ee radostjami”. Poslереvoljucionnyj dnevnik i tjuremnye pis'ma generala A.E. Everta. 1918 g. [“I served, but I overlooked life with its joys”. The post-revolutionary diary and prison letters of General A.E. Evert. 1918] // Zhurnal rossijskikh i vostochnoevropejskikh istoričeskikh issledovanij [Journal of Russian and Eastern European Historical Studies]. 2019. № 1 (16). S. 220–277. (In Russ.)
- Ganin A.V.* Bolgarin, zashčitivšij Rossiju: cud'ba Jordana Pehlivanova [The Bulgarian who defended Russia: the fate of Jordan Pehlivanov] // Russkij sbornik [Russian collection]. T. 11. Moskva, 2012. S. 255–336. (In Russ.)
- Ganin A.V.* “Mozg armii” v period “Russkoj Smuty”: stat'i i dokumenty [The brain of army during the Russian Civil War: articles and documents]. Moskva, 2013. (In Russ.)
- Ganin A.V.* Oficerskij korpus v gody Grazhdanskoj vojny v Rossii 1917–1922 [Officer Corps during the Civil War in Russia 1917–1922]. Moskva, 2018. (In Russ.)
- Ganin A.V.* Pervyj krasnyj boevoj general: Dmitrij Pavlovich Parskij [The first Red combat General: Dmitry Pavlovich Parsky] // Russkij sbornik [Russian collection]. T. 16. Moskva, 2014. S. 205–294. (In Russ.)
- Ganin A.V.* Rjazanskaja belaja gvardija [Ryasan white guard] // Belaja armija. Beloe delo [The white army. White matter]. № 26. Ekaterinburg, 2019. S. 5–8. (In Russ.)
- Gen. Zaleskij P.I.* Vozmezdje (Prichiny russkoj katastrofy) [Retaliation (Causes of the Russian catastrophe)]. Berlin, 1925. (In Russ.)
- Ilovajskij V.* God puti (Zhizn' Dobrovol'českoj Armii) [The Year of the Journey (The Life of the Volunteer Army)]. Rostov-na-Donu, 1919. (In Russ.)
- Kalkin O.A.* Na mjatezhnyh rubezhah Rossii. Očerki o pskovichah – uchastnikah Belogo dvizenija na Severo-Zapade v 1918–1922 gg. [On the rebellious borders of Russia. Essays on Pskov residents – participants of the White Movement in the North-West in 1918–1922]. Pskov, 2003. (In Russ.)
- Kavtaradze A.G.* Voennye specialisty na sluzhbe Respubliki Sovetov, 1917–1920 gg. [Military specialists in the service of the Soviet Republic]. Moskva, 1988. (In Russ.)
- Kocjubinskij D.A.* Russkij nacionalizm v nachale stoletija: rozhdenie i gibel' ideologii Vserossijskogo nacional'nogo sojuza [Russian nationalism at the beginning of the Century: the Birth and Death of the Ideology of the All-Russian National Union]. Moskva, 2001. (In Russ.)
- Komendrovskij I.N.* Dobrovol'českaja armija v bojah i pohodah. Kn. 2. Pervye pobedy. T. 1. Vtoroj Kubanskij pohod. 10.VI – 18.IX.18 g. [The Volunteer army in battles and campaigns. Book 2. The first victories. Vol. 1. The Second Kuban campaign. 10.VI – 18.IX.18]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Lannik L.V.* Posle Rossijskoj imperii [After the Russian Empire]. Sankt-Peterburg, 2020. (In Russ.)
- Lannik L.V.* Vesennij divertissement: k istorii germano-jestonskogo al'jansa v 1918 g. [Spring divertissement: towards the History of the German-Estonian Alliance in 1918] // Zhurnal rossijskikh i vostochnoevropejskikh istoričeskikh issledovanij [Journal of Russian and Eastern European Historical Studies]. 2020. № 1 (17). S. 25–41. (In Russ.)
- M.O. Men'shikov. Materialy k biografii [M.O. Menshikov. Materials for a biography] // Rossijskij arhiv: Istorija Otechestva v svjdetel'stvah i dokumentah XVIII–XX vv. [Russian Archive. The history of the Fatherland in certificates and documents of the 18th–20th centuries]. Vyp. 4. Moskva, 1993. S. 1–271. (In Russ.)

Mahrov P.S. V Beloj armii generala Denikina. Zapiski nachal'nika shtaba Glavnokomandujushhego Vooruzhennymi Silami Juga Rossii [In the White Army of General Denikin. Notes of the Chief of Staff of the Commander-in-Chief of the Armed Forces of the South of Russia]. Sankt-Peterburg, 1994. (In Russ.)

Manikovskij A.A. Boevoe snabzhenie russkoj armii v mirovujuu vojnu [Military supply of the Russian army in the World War]. Moskva, 1937. (In Russ.)

Molchanov V.M. Bor'ba na vostoke Rossii i v Sibiri [Struggle in the East of Russia and in Siberia] // *Belaja gvardija. Al'manah* [The White Guard. Almanac]. № 1. Moskva, 1997. S. 45–49; № 2. Moskva, 1998. S. 33–38. (In Russ.)

Noks A. Vmeste s russkoj armiej. Dnevnik voennogo attashe. 1914–1917 [With the Russian army. Diary of a military attache]. Moskva, 2021. (In Russ.)

Nosovich A.L. N845 Belyj agent v Krasnoj armii: Vospominanija, dokumenty, stat'i [N845 White agent in the Red Army: Memoirs, documents, articles] / ed. A.V. Ganina. Moskva; Sankt-Peterburg, 2021. (In Russ.)

Pavlov A.Ju. Sojuzniki i protivniki: franko-russkij sojuz v 1918 g. [Allies and opponents: the Franco-Russian Union in 1918] // *Istoricheskie issledovanija* [Historical research]. 2020. № 15. S. 227–236. (In Russ.)

Posadskij A.V. V.K. Manakin i Saratovskij korpus. Epizod Grazhdanskoj vojny [V.K. Manakin and the Saratov Corps. Episode of the Civil War]. Moskva, 2018. (In Russ.)

Pribaltika mezhdu dvumja revoljucijami [The Baltic States between two revolutions] / per. s nem. L.V. Lannika; komm. i vst. st. L.V. Lannika, N.V. Lavrent'eva. Sankt-Peterburg, 2021. (In Russ.)

Raevskij N.A. Tysjacha devjat'sot vosemnadcatyj god [1918 year]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Redzhi. Antanta, nemcy i russkaja Dobrovol'cheskaja armija [Entente, Germans and the Russian Volunteer Army] / ed. L.V. Lannik. Moskva, 2015. (In Russ.)

San'kova S.M. Russkaja partija v Rossii. Obrazovanie i dejatel'nost' Vserossijskogo nacional'nogo sojuza (1908–1917) [The Russian Party in Russia. Formation and activity of the All-Russian National Union (1908–1917)]. Orel, 2006. (In Russ.)

Sergeev E.Ju. “Inaja zemlja, inoe nebo...”: Zapad i voennaja jelita Rossii (1900–1914 gg.) [“Another earth, another sky...”: The West and the military elite of Russia (1900–1914)]. Moskva, 2001. (In Russ.)

Sergeev E.Ju. Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskije otnoshenija: ot intervencii k priznaniju, 1918–1924 [The Bolsheviks and the British. Soviet-British Relations: from Intervention to Recognition, 1918–1924]. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)

Solonevich I.L. Nasha strana. XX vek [Our country. 20th century]. Moskva, 2001. (In Russ.)

Svechin M.A. Zapiski starogo generala o bylom [Notes of an old general about the past]. Nicca, 1964. (In Russ.)

Tarasov K.A. Voennye zagovory, nastojashhie i mnimye. Dejatel'nost' antibol'shevistskogo podpol'ja po organizacii vooruzhennogo vosstanija v Petrograde, mart–ijun' 1918 g. [Military conspiracies, real and imaginary. The activity of the anti-Bolshevik underground in organizing an armed uprising in Petrograd, March–June 1918] // *Zhurnal rossijskijh i vostochnoevropejskijh istoricheskijh issledovanij* [Journal of Russian and Eastern European Historical Studies]. 2019. № 2 (17). S. 32–69. (In Russ.)

Trubeckoj E.N. Iz putevyh zametok bezhenca [From the travel notes of a refugee] // *Arhiv russkoj revoljucii* [Archive of the Russian Revolution]. T. 18. Berlin, 1927. S. 137–207. (In Russ.)

Ukraina – 1918. Vzgljad iz Germanii [Ukraine – 1918. View from Germany] / per. s nem. i komm. L.V. Lannika. Moskva, 2018. (In Russ.)

Vailin A.Ju., Lannik L.V. Tajnye noty k Dobavochnomu dogovoru 27 avgusta 1918 g.: neizvestnyj szjuzhet iz istorii sovetsko-germanskih otnoshenij na ishode Pervoj mirovoj vojny [Secret Notes to the Supplementary Treaty of August 27, 1918: an Unknown Plot From the History of Soviet-German Relations at the End of the First World War] // *Novaja i novejschaja istorija* [Modern and Contemporary History]. 2021. № 5. S. 208–230. (In Russ.)

Volkov S.V. Tragedija russkogo oficerstva [The tragedy of the Russian officership]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Vrag, protivnik, sojuznik? Rossija vo vneshnej politike Francii v 1917–1924 gg. [Enemy, opponent, ally? Russia in the foreign policy of France in 1917–1924]; v 2 kn. / ed. A.Ju. Pavlova. Sankt-Peterburg, 2021. (In Russ.)

Zaljubovskij A.P. Snabzhenie russkoj armii v Velikuju vojnu ruzh'jami, pulemetami, revol'verami i patronami k nim [Supply of the Russian army in the Great War with rifles, machine guns, revolvers and cartridges for them]. Belgrad, 1936. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S013038640020234-5

© 2022 г. М.А. ФЕЛЬДМАН

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НЭПА: СТОЛЕТИЯ НЕ ХВАТИЛО

Фельдман Михаил Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург, Россия).

E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Scopus Author ID: 36349821300; Researcher ID: AAE-3287-2020

Аннотация. Статья, опирающаяся на изучение массива публикаций исследователей в научных журналах, посвящена степени изученности новой экономической политики в СССР. Выделены наиболее сложные проблемы – качество самоорганизации; взаимодействие секторов экономики нэпа; эффективность контроля «сверху» – действительно вызывавшие большие вопросы у политических деятелей, ученых, специалистов в конце 1920-х годов и историков на протяжении многих десятилетий.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о существовании своеобразного историографического моста между лучшими историческими трудами советской эпохи и временем исторических исследований первых десятилетий XXI в., главным достижением которых стало выявление масштаба трудностей идеологического, финансового, кадрового характера, возникших в годы нэпа прежде всего в сельском хозяйстве. Историки обоснованно указывают на низкую рентабельность предприятий госсектора.

Дискуссионным в научной литературе остается вопрос о возможности реализации Индустриального проекта на основе экономики нэпа. Вместе с тем изучение комплекса факторов, обусловивших принятие первого пятилетнего плана, свидетельствует о потенциальных возможностях многоукладной экономики 1920-х годов; опровергает тезис об «отсталости» и «обреченности» нэповской цивилизации.

Анализ историографических работ, посвященных нэпу, показывает, что в последние годы в современной научной литературе отмеченный период вновь стал относительно малоизученным научным полем: приостановлены исследования методологии истории большевизма и сталинизма; характерно отсутствие крупных трудов не по проблематике отдельных сторон нэпа, а по «новой экономической политике» как системе в контексте политического, социального и экономического развития советского общества. Статья систематизирует и конкретизирует неизученные и малоизученные проблемы.

Ключевые слова: исторические исследования, историография, исторические научные школы, новая экономическая политика, СССР, многоукладность.

M.A. Feldman

Modern Historiography of the NEP: A Century Was Not Enough

Mikhail Feldman, Ural Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (Yekaterinburg, Russia).

E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Scopus Authord ID: 36349821300; Researcher ID: AAE-3287-2020

Abstract. The article, based on an examination of an array of publications in academic journals, focuses on the extent to which the new economic policy in the USSR has been studied. The author highlights the most difficult aspects of the problem, namely the quality of self-organisation, the interaction of the sectors of the NEP economy, the effectiveness of control “from the top”, which indeed raised many questions among politicians, scholars, and specialists in the late 1920s and among historians for many decades. The analysis suggests that there is a distinctive historiographical bridge between the best historical studies of the Soviet era and those of the first decades of the twenty-first century. The main achievement of the historical research on the problem has been to reveal the scale of the difficulties of an ideological, financial and personnel nature that arose during the years of the NEP, primarily in agriculture. Historians have justifiably pointed out the low profitability of public sector enterprises.

The possibility of implementing an industrial project on the basis of the New Economic Policy remains a controversial issue in the academic literature. At the same time, a study of the combination of factors that led to the adoption of the first five-year plan demonstrates the potential of the multi-layered economy of the 1920s, refuting the thesis of the “backwardness” and “doom” of the NEP. The analysis of historiographical writings on the NEP leads to the conclusion that in recent years this period has reverted to a relatively neglected research area in contemporary academic literature: studies on the historical methodology of Bolshevism and Stalinism have been suspended; characteristic is the absence of major works on the “new economic policy” as a system in the context of the political, social and economic development of Soviet society. The article systematises and elaborates on overlooked and little-studied problems.

Keywords: historical research, historiography, historical academic schools, new economic policy, USSR, diversity.

ИСТОРИОГРАФИЯ НЭПА: ОБЩИЕ ПОДХОДЫ

Нэп стал по существу первым в мировой истории опытом смешанной экономики – соединения в условиях мирного времени частного предпринимательства и активного государственного регулирования; формой соединения социалистического эксперимента в политической сфере и сохранения значительной части прежнего уклада в экономике. Сложившееся к середине 1920-х годов сочетание самоорганизации и государственного регулирования создало специфический механизм хозяйствования, имевший как позитивные, так и негативные стороны, позволявший предполагать развитие в различных направлениях.

Проблема качества регулирования многоукладной экономики была и остается важнейшей для всех стран мира, в том числе и для современной России.

В перестроечный и постперестроечный периоды монографии и статьи выдающихся представителей советской исторической науки – В.П. Данилова, В.П. Дмитриенко, исследователей с самостоятельным мышлением, их многочисленных учеников и сподвижников, единомышленников – стали своеобразным историографическим мостом между лучшими историческими трудами советской эпохи и временем исторических исследований первых десятилетий XXI в.¹

По мысли Е.В. Богомоловой, механизм хозяйствования нэпа развивался под воздействием самоорганизации рыночных отношений, взаимодействия частного и государственного секторов экономики под контролем со стороны государственных и партийных органов².

Качество самоорганизации, взаимодействие секторов экономики нэпа, эффективность контроля «сверху» действительно вызвали большие вопросы у политических деятелей, ученых, специалистов, но положение не было предельно критическим. Очевидным прорывом из области мифологии в сферу научных представлений о реальной жизни 1920-х годов, подлинных стремлениях и запросах советских людей, степени реализации

¹ Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. М., 2011; Дмитриенко В.П. Четыре измерения нэпа // Нэп: приобретения и потери. М., 1994. С. 27–41.

² Богомолова Е.В. Управление советской экономикой в 1920-е годы: опыт регулирования и самоорганизация. М., 1993. С. 8, 10, 150.

правительственных решений в годы нэпа, соотношении рыночных отношений и административных инструментов управления стали опубликованные в 1990-х годах монографии Е.А. Осокиной³.

Многогранный внутренний мир самых различных социальных и профессиональных групп советского населения, включая управленческие слои, формирование «социалистических» поведенческих норм и подлинных жизненных правил граждан были представлены в книгах Н.Б. Лебиной⁴.

Смерть «классиков» нэповской тематики – В.П. Дмитриенко (1997 г.) и В.П. Данилова (2004 г.) – без сомнения, ослабила фронт научных изысканий российских историков. Кроме того, усилилось давление на научное сообщество ряда представителей властных структур и связанных с ними олигархических группировок, формирующих собственное видение общественного развития.

Наряду с этим как проявление психологического шока от распада СССР и обнищания части населения в 1990-е годы стало возможным возрождение и широкое распространение сталинских оценок нэпа⁵. Обществу, не сумевшему дать системную и, что немаловажно, признанную официально научную, моральную и правовую оценку Сталину и сталинизму (целенаправленной политике правящей партии и государства), приходится вновь и вновь «наступать на одни и те же грабли», воспринимая мифологизмы и ложные истины прошлого.

Историкам уже приходилось говорить о «научности» публикаций Ю.Н. Жукова⁶, он не случайно обратился к периоду нэпа. В последние годы в современной научной литературе период нэпа вновь стал относительно малоизученным временем: приостановлены исследования методологии истории большевизма и сталинизма; характерно отсутствие крупных трудов не по проблематике отдельных сторон нэпа, а по «новой экономической политике» как системе в контексте политического, социального и экономического развития советского общества.

К разряду неисследованных или малоизученных проблем нэпа следует отнести: феномен назначенчества (назначенцы растворялись в местных элитах или противостояли им?); реальная роль региональных элит в годы первых пятилеток; механизм взаимоотношений ЦК ВКП(б) и СНК СССР во второй половине 1920-х годов; степень влияния экономической науки в годы нэпа на политическую и хозяйственную элиту, на разработку первого пятилетнего плана; эволюция знаний, компетенций, управленческого поведения руководителей главков и трестов, представителей директорского корпуса; история работы пяти съездов работников госпланов; феномен работы съездов Советов; анализ финансовых возможностей нэпа, включая внешние кредиты; степень эволюции взглядов на нэп высшего советского руководства; степень эволюции взглядов на нэп региональных лидеров.

Установление в 1920-х годах авторитарных режимов в Польше, Литве, Венгрии, ряде других стран позволяет рассматривать общие закономерности и отличия регулирования многоукладной экономики в качестве вариантов развития европейских держав.

Как определенный противовес распространению взглядов, далеких от изучения всего комплекса исторических источников периода нэпа, следует рассматривать выход пятитомного сборника документов «Как ломали нэп: стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.»⁷. Нельзя не отметить определяющую роль В.П. Данилова в появлении

³ Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М., 1993; *Ее же*. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации: 1927–1941. М., 1997.

⁴ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920-е – 1930-е гг. СПб., 1999; *Ее же*. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015.

⁵ Жуков Ю.Н. Обратная сторона НЭПа. Экономика и политическая борьба в СССР. 1923–1925 гг. М., 2014.

⁶ Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.

⁷ Как ломали нэп: стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5 т. М., 2000.

выполненных на высоком уровне предисловий к каждому тому, написанных В.П. Даниловым, А.Ю. Ватлиным и О.В. Хлевнюком. На сегодняшний день они представляют самый глубокий анализ событий острой политической полемики на пленумах ЦК ВКП(б).

Аналогичную роль играют публикации в ежегодниках «Экономическая история», выходящих под редакцией Л.И. Бородкина. Большинство статей, посвященных нэпу, – это обстоятельные исследования конкретных проблем 1921–1928 гг. В качестве примера можно привести статьи Г.А. Черемисинова «Использование резервов экстенсивного роста государственного предпринимательства в СССР (1926/27–1928/29 гг.)»⁸ и Н.Л. Рогалиной «Индустриализация в рамках нэпа и перспективы советской модернизации»⁹.

Черемисинов обращает внимание на аккумуляцию денежных средств в руках государства в 1926–1929 гг.: количество казначейской валюты в обращении выросло в 2,3 раза, сумма вкладов в сберегательных кассах увеличилась в 5,3 раза. Удвоился и сбор налогов¹⁰. Накопление денежных средств в государственном бюджете (даже за счет активной эмиссии) свидетельствовало о сосредоточении в казне масштабных средств для финансирования капитального строительства.

Рогалина разделяет мнение, что «более медленный темп развития тяжелой индустрии сделал бы жизненные стандарты выше, а правильные цены, умеренные темпы и уровень производства при индивидуальной инициативе явились бы достаточными основаниями для эффективности советской экономики»¹¹. Как видно, беспристрастно показывая характер преград на пути модернизации на основе нэповского потенциала, авторы публикаций в «Экономической истории» не считают их непреодолимыми и представляют объективные доказательства в поддержку своей точки зрения.

Разработанная историками-экономистами Л.И. Бородкиным и М.А. Свищевым ретропрогнозная модель развития социальной структуры советского крестьянства показала, что при сохранении нэпа в 1924–1940 гг. посевы возросли бы примерно на 64–70%, а поголовье скота – на 41–50%¹².

Принципиально иной взгляд представлен в публикациях большинства авторов сборника «Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты»¹³. Показателен пример статьи Ю.П. Бокарева, где указывается на нерентабельность хлебного экспорта СССР в 1927–1928 гг., на жесткую конкуренцию на мировом рынке с американским зерном¹⁴. Однако советский зерновой экспорт по стоимости, как известно, заметно уступал вывозимым из СССР лесу и нефти, не испытывавших до мирового кризиса затруднений со сбытом. Бокарев подчеркивает: немалой нагрузкой на госбюджет ложились субсидии для тяжелой промышленности. Все это, а также ряд других факторов, приводит автора к выводу: в 1920-х годах Россия не могла извлечь значительных выгод из рыночного хозяйства, что и привело к утверждению планово-административных методов регулирования хозяйственной деятельности.

С Ю.П. Бокаревым солидарен А.С. Сенявский: указав на действительно опасную тенденцию в сельском хозяйстве – натурализацию крестьянских хозяйств, – автор делает категорический вывод о варианте сохранения нэпа: «Был вариант стагнации, которая

⁸ Черемисинов Г.А. Использование резервов экстенсивного роста государственного предпринимательства в СССР (1926/27 – 1928/29 гг.) // Экономическая история. Ежегодник. 2006. М., 2006. С. 323–365.

⁹ Рогалина Н.Л. Индустриализация в рамках нэпа и перспективы советской модернизации // Там же. С. 366–384.

¹⁰ Черемисинов Г.А. Указ. соч. С. 349.

¹¹ Рогалина Н.Л. Указ. соч. С. 380.

¹² Бородкин Л.И., Свищев М.А. Ретропрогнозирование социальной динамики доколхозного крестьянства: использование имитационно-альтернативных моделей // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. Математические методы в исторических исследованиях. М., 1992. С. 348–365.

¹³ Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006.

¹⁴ Бокарев Ю.П. Нэп как самоорганизующаяся и саморазрушающаяся система // Там же. С. 126–133.

неизбежно в не столь уж удаленной перспективе вела к социально-экономической и политической катастрофе»¹⁵. Почему развитие хозрасчетных и кооперативных начал во всех областях экономики не могло обеспечить «значительных выгод от рыночного хозяйства»? — вопрос остается за пределами публикации. Также как вариант рационального использования немалых средств от продажи нефти, леса и лесоматериалов, значительных сумм, полученных от займов у населения, продажи облигаций, налогов.

Можно задать и такой вопрос: почему столь сложные проблемы, как восстановление народного хозяйства России в начале 1920-х годов и налаживание тогда же торговых отношений с капиталистическими странами не считались непреодолимыми, а индустриализация на основе многоукладной экономики заведомо относились к тупиковому варианту?

Между тем, по мысли В.П. Данилова (посмертная публикация в этом же сборнике), именно «кооперация становится важнейшим фактором новой экономической политики, обеспечивающим решение социально-экономических проблем»¹⁶. Слова старейшего исследователя нэпа, что «историческая наука только приближается к по-настоящему системному взгляду на нэп, согласно которому необходимо использование всего комплекса ракурсов рассмотрения этого явления изнутри и извне, в комплексе всех сфер общественной жизни с использованием современных методологических подходов»¹⁷, звучат как предостережение от скороспелых заключений, от выводов вроде «мы знаем нэп вдоль и поперек». Если замечание Данилова об отсутствии системного подхода во многих публикациях по истории нэпа является методической подсказкой последователям выдающегося историка, то требование рассмотрения нэпа как «исторического явления в широком контексте внутреннего и международного развития, причем не только 1920-х годов»¹⁸, предстает в качестве методологической позиции. Остается только сожалеть, что слова о признании заслуг выдающегося историка, классика нэповской темы, зачастую соседствуют с забвением его выводов.

Замечу, что констатация неизбежного раздвоения курса нэпа по социальным вопросам политики и экономики, связанная с глубиной и масштабом противоречий, возникающих на границе нэпа и на базе нэпа, приводила В.П. Дмитриенко к заключению о наличии порогов развития нэпа, но не неизбежности его свертывания¹⁹.

После октябрьского Пленума ЦК РКП(б) 1924 г., указывал Ю.М. Голанд, в течение нескольких месяцев был принят целый комплекс мер, призванных углубить нэп. В экономической сфере были облегчены условия развития частной торговли, улучшено снабжение сырьем кустарей и ремесленников, им предоставлялись налоговые льготы. Был взят курс на становление фондового рынка, основанного на полной добровольности и реальной выгоде, который характеризовался как нэп в госкредите²⁰.

Это же мнение разделяет и Л.Н. Суворова, автор наиболее обстоятельного историографического обзора нэповской многоукладной экономики, подчеркнувшая, что ситуация середины 1920-х годов была благоприятной для развития промышленности. Рыночные отношения государственной промышленности с другими укладами в это время постепенно развивались, расширялась их сфера, вовлекая в свой оборот все новые районы и новые слои населения. Однако действия трестов на товарных рынках все более ограничивались административными регулирующими органами²¹.

¹⁵ *Сенявский А.С.* Новая экономическая политика: современные подходы и перспективы изучения // Там же. С. 20.

¹⁶ *Данилов В.П.* К вопросу о понимании нэпа // Там же. С. 27.

¹⁷ Там же. С. 24.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Дмитриенко В.П.* Четыре измерения нэпа // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 39.

²⁰ *Голанд Ю.М.* Разрушение нэпа: экономические, идеологические и политические предпосылки // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 112, 115.

²¹ *Суворова Л.Н.* Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М., 2013. С. 126–127.

Нэп представлял собой первый широкомасштабный опыт государственного регулирования рыночных отношений и формирования смешанной экономики. То, что большевики не увидели и не использовали этот исторический шанс, не сделали рынок и экономические методы регулирования легальными инструментами своей политики, лишь свидетельствует об их политической близорукости, их стратегическом просчете, отмечает Л.Н. Суворова, хотя часто их действия и оправдываются реальными потребностями исторической эпохи²².

СОВРЕМЕННОКИ О СУДЬБЕ НЭПА

В 1926–1929 гг. коллектив Госплана подготовил вариант первого пятилетнего плана²³, позволяющий решить многие задачи раннеиндустриальной модернизации на основе сохранения многоукладной экономики; избежать потери миллионов людей, инвентаря, лошадей, крупного рогатого скота; голода и хронического недоедания; широкомасштабного выпуска бракованной продукции и многого другого, что принесли коллективизация и форсированная индустриализация. Избежать человеческого горя и озлобления, потери стимулов к труду – всего того, что трудно измерить деньгами, но что имеет твердую историческую цену. Этот вариант пятилетнего плана нацеливал на взаимодействие плана и рынка, на их взаимодополняющее проявление; опровергал «невозможность спланировать развитие многоукладной экономики» из-за «теоретико-идеологического прессинга большевиков». Даже в заметно деформированном виде утвержденный в мае 1929 г. V Всесоюзным съездом Советов СССР документ представлял вариант модернизации в рамках нэповской экономики.

Безусловно, вне внимания разработчиков первого пятилетнего плана остался стержневой вопрос многоукладной экономики – о конкретных формах взаимодействия государственного и негосударственного секторов, впрочем, нерешенный и в наши дни – 100 лет спустя. Очевидна и его актуальность сегодня: гибкость управленческой модели, взаимодействие государственного и негосударственного секторов экономики – самая острая проблема современной России.

Замечу, что у советских ученых и работников Госплана и в 1928 г., и весной 1929 г. не было сомнений по поводу возможности потенциала экономики нэпа осуществить задачи индустриального проекта. Сторонниками сохранения многоукладной экономики выступали практически все ведущие экономисты страны²⁴. Основные положения этого курса сохранились и в первом пятилетнем плане, одобренном XVI Всесоюзной партийной конференцией (апрель 1929 г.) и V Всесоюзным съездом Советов.

Оптимистические оценки нэповской экономики прозвучали в выступлениях видного западного ученого М. Кейнса в ходе его визита в СССР в сентябре 1925 г. В то же время утверждение командно-административной системы управления экономикой вызвало резкое осуждение Кейнса: для исследователя отказ от курса нэпа понимался и как отказ от практики государственного регулирования с помощью экономико-математических моделей, разработанных советскими теоретиками²⁵.

Показательно, что кризисное состояние советской экономики в 1930–1932 гг. заставило новое руководство Госплана переосмыслить подходы к планированию вообще и к формированию второго пятилетнего плана. В определенной степени это означало возвращение к варианту Госплана весны 1929 г.²⁶

²² Там же. С. 8–9.

²³ Проблемы реконструкции народного хозяйства СССР на пятилетие. Пятилетний перспективный план на V съезде госпланов. М., 1929.

²⁴ Ясный Н.М. Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М., 2012. С. 28.

²⁵ Гловели Г.Д. История экономических учений. М., 2011. С. 527, 537, 575.

²⁶ Дэвис Р., Хлевнюк О.В. Вторая пятилетка: механизм смены экономического курса // Отечественная история. 1994. № 3. С. 102–103.

В.П. Данилов отмечал не только альтернативность путей дальнейшего развития в 1920-е годы, но и глубину различий в представлениях лидеров властных органов Советской России о сущности переходного периода²⁷. Не случайно хроника борьбы двух течений в ЦК ВКП(б) на четырех пленумах ЦК в апреле 1928 – апреле 1929 г. – это история борьбы за голоса региональных элит.

Победа сторонников нэпа на пленумах ЦК в апреле и июле 1928 г. над противниками нэпа, ничейный результат в ноябре 1928 г. и поражение команды главы советского правительства А.И. Рыкова в апреле 1929 г. не отменяли, во-первых, веса региональных лидеров, как правило, длительный период (зачастую с 1929 по 1936 г.) возглавляющих административно-территориальные образования²⁸, во-вторых, и после апреля 1929 г. региональные лидеры, как и работники наркоматов, продолжали оценивать события, отталкиваясь не только от установок Политбюро, но и от реальностей пятилеток²⁹.

Приведем два необычных доказательства в поддержку жизнеспособности варианта пятилетнего плана, утвержденного в мае 1929 г. Выступая на январском (1933 г.) Пленуме ЦК ВКП(б), Сталин оперировал цифрами варианта пятилетнего плана, принятого в апреле–мае 1929 г. (т.е. варианта «правых», осужденного за «сознательно заниженные показатели»), а не принятого под его (генсека) давлением варианта 1930 г.³⁰

Следует заметить, Сталин только повторил «маневр» Молотова годом ранее на XVII Всесоюзной партийной конференции. Выполнение первого пятилетнего плана Молотов связал с его «оптимальным вариантом», утвержденным V Всесоюзным съездом Советов в мае 1929 г., т.е. до запуска процесса безудержного увеличения капиталовложений в промышленность, составившего в 1930 г. 57%, а в 1931 г. – 80%³¹. Тем самым глава правительства в кризисной ситуации зимы 1932 г. де-факто снял обвинение с «правых» в замедлении темпов развития экономики, воспринимавших «оптимальный» вариант пятилетнего плана как последний рубеж политического реализма.

Замечу, что трудно найти более четкие слова в защиту нэпа, чем в выступлении Молотова на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. Выступая 3 февраля 1931 г., председатель Совета народных комиссаров СССР В.М. Молотов³² построил свою речь на основе проблематики, занявшей центральное место в работе конференции и в докладе Орджоникидзе, – проблеме хозрасчета. Историческая справка о хозрасчете, данная главой правительства, могла поставить в тупик любого «твердокаменного» большевика. *«Новая экономическая политика создала предпосылки для мощного подъема социалистической индустрии* (выделено мною. – М.Ф.). Развертывание нашей промышленности происходило на основе нэпа, в условиях широкого товарооборота, – подчеркнул Молотов. – Осуществление задач социалистической индустриализации проводилось рычагом хозрасчета. Успехи большевистского проведения принципа хозрасчета доказаны за десять лет нэпа (!) с достаточной убедительностью. С самого начала нэпа принцип хозрасчета был положен в основу работы госпредприятий. Иначе нельзя было бы говорить о прибылях и убытках госпредприятий, нельзя было говорить о себестоимости продукции»³³.

Впервые за два года (с весны 1929 г.) в устах верного сторонника Сталина прозвучала положительная оценка нэпа вообще, товарно-денежных отношений в частности.

²⁷ Данилов В.П. К вопросу о понимании нэпа. С. 27–28.

²⁸ Хлевнюк О.В. Номенклатурная революция: региональные лидеры в СССР в 1936–1939 гг. // Российская история. 2018. № 5. С. 36–52.

²⁹ См.: Фельдман М.А. Отложенное осмысление. XVI съезд ВКП(б): мифологическое и реальное спустя 90 лет // Россия и современный мир. 2020. № 1. С. 139–163.

³⁰ Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М., 1992. С. 200.

³¹ XVII конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б): стенографический отчет. М., 1932. С. 127.

³² Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности: стенографический отчет. С 30 января по 5 февраля 1931. М., 1931. С. 163–175.

³³ Там же. С. 168.

Реализация первого пятилетнего плана не противопоставлялась индустриализации в годы нэпа, а органично вытекала из нее, составляя единое десятилетие.

Для «непонятливых» Молотов уточнил: «Сейчас, когда мы вступили в период социализма, принцип хозрасчета не только не отпадает, но напротив, хозрасчет должен проводиться более последовательно, чем это мы сейчас имеем. Партия требует проведения принципа хозрасчета во всей работе промышленности, и это целиком отвечает теперешней, хотя уже и последней стадии нэпа»³⁴. Из этого следует, что последняя стадия нэпа не противоречила, по крайней мере не противостояла, «вступлению в период социализма». Примечательно и замечание Молотова о препятствиях на пути внедрения хозрасчетных отношений – стержневой линии нэпа – «введение хозрасчета натолкнулось на огромное сопротивление в нашем хозяйственном аппарате и внизу, и вверху. Главкизм оказался настолько живучим, что решение партии до сих пор не проведено в жизнь»³⁵.

Вывод Молотова, что «без осуществления хозрасчета на практике, от завода до хозяйственного объединения включительно, без того, чтобы на деле заставить считать рубли и копейки по каждой хозяйственной статье, нельзя навести нужного порядка в промышленности и по всей хозяйственной работе»³⁶, полностью соответствовал предшествующему ходу обсуждения проблем экономики на конференции.

Казалось бы, мобилизационная модель власти и социально-экономического устройства, утвердившаяся в СССР в 1930-е годы, отторгла нэп. Однако левацкий поворот 1930 г. («Великий перелом») быстро продемонстрировал свою несостоятельность. Январский (1933 г.) Пленум ЦК ВКП(б) показал, что целый комплекс внутренних и внешнеполитических причин (хаос экономических связей, финансовый кризис и рост внешней задолженности) не позволял далее, как выразился Сталин на Пленуме ЦК партии в январе 1933 г., «подхлестывать и подгонять страну». По существу это был отказ, тихое и официально не признанное отрицание (в ряде пунктов даже осуждение) курса «Великого перелома»³⁷.

Итоги пятилетки были столь далеки от индикаторов, запланированных по инициативе главы партии, что у Сталина были все основания беспокоиться за свою судьбу в преддверии январского (1933 г.) Пленума ЦК ВКП(б).

Если для части руководства СССР стабилизация в экономике объективно означала ограничение рамок мифологического пространства, то для Сталина и его наиболее догматичных сторонников курс «миниреформ» («неонэпа») с несколькими важными чертами, отсутствующими в «командно-административной» модели (товарно-денежные отношения, система стимулирования заработной платы, «квазирынок» для труда, легализация рыночной торговли)³⁸, грозил потерей абсолютного господства в партии, в обществе и в государстве. Это объяснялось тем, что даже при сохранении командно-административной системы (с определенными необходимыми рыночными и квазирыночными особенностями) нарушалось мифологическое пространство «чистого» социализма; рушилась вся система догматических аргументов о вреде рынка, товарно-денежных отношений, экономической самостоятельности производителей.

Немалая часть управленцев промышленных наркоматов, «красных директоров» отчетливо (или смутно) понимала, что в советской «плановой экономике», в идеале предполагавшей распределение ресурсов и установление кооперативных связей между предприятиями из единого центра, на самом деле действовали квазирыночные корректирующие элементы, прежде всего ограниченные товарно-денежные отношения. Разрушенная нэповская экономика трансформировалась во фрагменты нелегального или полуполигального рыночного

³⁴ Там же. С. 169.

³⁵ Там же. С. 170.

³⁶ Там же. С. 166.

³⁷ Хлевнюк О. В. Хозяин... С. 177.

³⁸ Davies R. W. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke; London, 1996. P. XV.

пространства. С начала 1930-х годов командная экономика начала сливаться с «теневой»³⁹ — это только частный случай, сегмент широчайшего пространства действия неформальной рыночной экономики.

Легализации рыночных связей между предприятиями (как и во времена нэпа) требовала хозяйственная элита СССР, например на всесоюзных совещаниях 1931–1936 гг.⁴⁰ Не мифические заговоры, не происки зарубежных разведок, не борьба фракций в партийно-государственном руководстве (как это было в конце 1920-х годов) послужили основой репрессий 1937 г. Реалистический курс в экономической сфере в упор столкнулся с волюнтаристским; обсуждение насущных проблем было приравнено к государственной измене и покушению на авторитет «друга, вождя и учителя».

СТОЛЕТИЕ НАЧАЛА НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: КАКОВЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ?

В 2021 г. — 100 лет с начала нэпа, что предполагает подведение определенных итогов. За истекший век в СССР и постсоветской России сложилось целое направление исследований — «нэповедение», которое стало важной частью исторической науки⁴¹. Исследователь М.Ю. Мухин в своей статье отметил, что переход к нэпу имел ключевое значение для сохранения советской, а значит, и российской государственности⁴². Такой тезис не вызывает сомнения: нэп стал удачной формой соединения социалистического эксперимента в политической сфере и сохранения значительной части прежнего уклада в экономике. Однако автор уходит от вопроса о степени эффективности новой экономической политики, оговариваясь, что история нэпа изучена еще далеко не полностью: «исследований истории мобилизационной подготовки промышленности, транспорта и сельского хозяйства в период нэпа до сих пор крайне мало»⁴³.

В критическом отклике В.В. Кондрашина на статью М.Ю. Мухина обоснованно отмечается: автор проигнорировал аграрно-крестьянский аспект проблемы, а также сборник документов «Как ломали нэп»⁴⁴.

Преждевременным представляется и вывод Мухина, что в постсоветский период к изучению нэпа начинают относиться с позиции «беспристрастного академического знания» и произошла деидеологизация «нэповедения»⁴⁵. Наш анализ большого ряда публикаций, материалов круглых столов по проблемам 1920-х годов подводит к иному выводу: традиция советской эпохи — «рассмотрение нэпа как временного вынужденного отступления к государственному капитализму, которое потребовалось из тактических соображений»⁴⁶, — сохраняет свою силу над умами современных историков.

Показательна в этом плане мысль В.М. Рынкова, участника круглого стола, проведенного в рамках Всероссийской научной конференции в Новосибирске в 2021 г., что на современном историографическом этапе происходит «явная деконструкция сложившихся представлений о новой экономической политике. Она сегодня представляется гораздо более многоликой и разнообразной. Становится очевидно, что сложившиеся в предыдущие

³⁹ Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // Экономическая история. Ежегодник. 2016–2017. М., 2017. С. 314.

⁴⁰ См., например: Совещание руководящих работников тяжелой промышленности 20–22 сентября 1934 г.: стенографический отчет. М.; Л., 1935; Совет при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР. Второй пленум. 25–29 июня 1936 г. М., 1936.

⁴¹ Мухин М.Ю. Время подводить итоги? // Российская история. 2020. № 5. С. 3.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 13.

⁴⁴ Кондрашин В.В. Отклик на статью М.Ю. Мухина «Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги?» // Крестьяноведение. 2021. Т. 6. № 1. С. 180–184.

⁴⁵ Мухин М.Ю. Указ. соч. С. 7.

⁴⁶ Там же. С. 5.

десятилетия представления о нэпе основаны на опыте его осуществления в столице. Возможно, реальный нэп является равнодействующей той экономической политики, которая по-разному проводилась в отдельных регионах и в различных отраслях экономики»⁴⁷.

Вопрос в том, в каком направлении пойдет «деконструкция»?

Выскажу мнение, что влияние оценок прошлого сказалось и на интервью Г.И. Ханина. Видный исследователь советской экономики подчеркивает: «Уровень жизни населения значительно вырос в этот период (нэпа), как и уровень образования и здравоохранения», а большинство жителей СССР «более или менее освоилось в новом режиме»⁴⁸. По мысли Ханина, поскольку «реальная рентабельность промышленности и транспорта к концу периода (нэпа) была близкой к нулю», это ограничивало ресурсы для обновления основных фондов. Ограниченность ресурсов — без сомнения, серьезный фактор, но, как показывает советская история, вряд ли непреодолимый. Кроме того, необходимо уточнить: речь идет о, как правило, нерентабельных предприятиях тяжелой индустрии или рентабельных фабриках легкой промышленности. Между тем заключение Ханина весьма категорично: «Размер выбытия основных фондов приближался к их вводу. Не было средств и для перевооружения армии. Фактически страна жила не по средствам. Это означало, что к концу 1920-х годов нэп себя исчерпал»⁴⁹.

К такому же выводу приходит и В.И. Клисторин. На вопрос: могла ли политика нэпа продолжаться за пределами 1920-х годов? — он однозначно отвечает — «Вряд ли. Вне зависимости от персоналий в руководстве партии и страны, всех вождей объединяло стремление к личной власти и мировой революции, а различия состояли не столько в стремлении к компромиссам, сколько в тактических союзах и лозунгах для достижения этой цели»⁵⁰. Наряду с этим вопрос о ценах — стержень государственной экономической политики — рассматривается Клисториним как трудноразрешимый⁵¹.

Большой интерес представляют материалы Всероссийской научной конференции «Российские экономические реформы в региональном измерении», состоявшейся в сентябре 2021 г. в Новосибирске⁵². Поскольку конференция была посвящена 100-летию начала нэпа, особое внимание ее участниками уделялось научному осмыслению общих закономерностей и особенностей реализации новой экономической политики. Конференцию завершило заседание круглого стола «Нэп — итоги и перспективы изучения», собравшее видных исследователей 1920-х годов.

По мнению Рынкова, основная часть лиц, относимых властями к нэпманам, имела весьма скромный достаток, многие едва сводили концы с концами, это были низы средней страты. Была лишь тончайшая прослойка относительно крупных предпринимателей в больших городах. Остальные — это мелкие собственники и даже не предприниматели, а кустари, торговцы на рынке и другие городские обыватели, которых, тем не менее, официально относили к нэпманам⁵³. Как подчеркивают современные исследователи нэповской экономики, эта социальная группа не представляла угрозу Советскому государству, а вот ее значение в обеспечении рынка товарами и продуктами было весьма велико⁵⁴.

⁴⁷ Круглый стол «Нэп – итоги и перспективы» // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. Т. 28. № 4. С. 7.

⁴⁸ Клисторин В.И. К столетию Новой экономической политики. Интервью с Г.И. Ханиным // ЭКО. 2021. Т. 51. № 3. С. 83–84.

⁴⁹ Там же. С. 84.

⁵⁰ Клисторин В.И. Институциональные преобразования в период новой экономической политики // ЭКО. 2021. Т. 51. № 4. С. 35.

⁵¹ Там же. С. 37.

⁵² Круглый стол «Нэп – итоги и перспективы». С. 5–17.

⁵³ Там же. С. 6.

⁵⁴ См., например: Демчик Е.В. Частный капитал Сибири в 20-е гг. XX в. Барнаул, 2005; Килин А.П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты. Екатеринбург, 2018.

По заявлению другого участника этого круглого стола, В.В. Кондрашина, разговор о потенциале нэпа следует начинать с исследования потенциала передовых крестьянских хозяйств. Между тем этот потенциал ни на союзном, ни на региональном уровнях не изучен в должной мере. Необходимо изучение альтернативного варианта: как бы развивались крестьянские хозяйства, если бы становилось больше передовых хозяйств?⁵⁵

Далеким от пессимистической оценки потенциала нэпа стало выступление на круглом столе Л.И. Бородинка, заявившего, что утверждения, что нэповская деревня в конце 1920-х годов шла к социальной войне, не получили подтверждения в разработанной модели альтернативного развития. Более того, сохранение в течение нескольких лет условий хозяйственной деятельности, характерных для второй половины 1920-х годов, «не привело бы к существенному расслоению деревни, напротив, увеличивалась бы доля середняков за счет уменьшения доли бедняцких дворов при незначительном росте зажиточной группы». В то же время свидетельством устойчивости нэповской экономики можно считать тот факт, что многие стройки предприятий-гигантов были начаты, а частично и завершены, именно в годы нэпа. Все это свидетельствует об одном: «выбор вариантов развития на “великом переломе” существовал»⁵⁶.

По сути, эту позицию поддержал другой выступавший, А.П. Килин, отметивший, что кризисы нэпа были вызваны искусственно и спровоцированы попытками насильственно внедрить элементы централизованного планирования в многоукладное хозяйство страны⁵⁷.

Нэп стал временем реформы административно-территориального деления в СССР в 1923–1930 гг., а десятилетний период существования Уральской области (декабрь 1923 – январь 1934 г.) – периодом эксперимента по модернизации экономики в формате планомерного пространственного размещения промышленности. Как отметил еще один участник круглого стола, Г.Е. Корнилов, принцип экономической целесообразности, положенный в основу районирования Уральской области, оказался в целом успешным. Он позволил реализовать в условиях нэпа эффективную планово-рыночную модель регионального развития. Эффективность этой модели обеспечивалась тем, что руководящие органы области получили круг прав и полномочий в сфере хозяйственного управления⁵⁸.

Иной взгляд на процессы, проходившие в сельской экономике СССР 1920-х годов, предложил другой участник круглого стола, В.А. Ильиных. По его мнению, и в конце 1920-х годов абсолютно преобладающей группой российского крестьянства была беднота. В данную группу сельского населения автор включил дворы без рабочего скота, которые можно отнести к батракам и пауперам, и дворы с одной головой рабочего скота, принадлежащие маломощным крестьянам. Удельный вес данной группы в общем числе крестьянских дворов в 1926 г. составлял почти 87%, т.е. абсолютное большинство⁵⁹. По подсчетам Ильиных, доля крестьянских хозяйств без лошади сократилась с 38% в 1922 г. и 32,9% в 1926 г. до 25,2% в 1929 г.⁶⁰ Разве это не показатель улучшения положения в деревне? Тем паче, что доля крестьянских хозяйств с одной лошадей традиционно относилась исследователями к нижнему слою середняцких хозяйств⁶¹.

Статистический справочник «Сельское хозяйство СССР, 1925–1928», на который также ссылается Ильиных, к пролетарским элементам деревни в 1927 г. относил 10,4%,

⁵⁵ Круглый стол «Нэп – итоги и перспективы». С. 9.

⁵⁶ Там же. С. 9–10, 16.

⁵⁷ Там же. С. 15.

⁵⁸ Там же. С. 14.

⁵⁹ Там же. С. 8.

⁶⁰ Ильиных В.А. Социальная мобильность российского крестьянства в конце 1910-х – 1920-е гг.: критерии, тенденции, факторы // Уральский исторический вестник. 2018. № 4. С. 130, 133.

⁶¹ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979. С. 328, 330.

а к полупролетарским – 23,3% крестьян. Основная же масса крестьян отнесена к разряду «мелких производителей» (62,8%)⁶²; 69% из них, непосредственно проживающих на селе, относились к категории середняков⁶³.

Ряд историков негативное отношение части руководства ВКП(б), рядовых коммунистов к нэпу рассматривает как непреодолимое препятствие, обусловленное господствующей марксистской идеологией. Эта часть большевиков понимала, что дальнейшее углубление рыночных реформ вступает в противоречие с политическими представлениями, ожиданиями, доктриной коммунистов, по существу, с идентичностью тогдашнего советского политического класса⁶⁴.

Однако, по точному замечанию Бородкина, успешное развитие экономики в последующие годы постепенно сглаживало подобное влияние. И если бы власть захотела, она могла бы преодолеть подобные настроения⁶⁵. В подтверждение этой мысли замечу, что сторонники сохранения нэпа одержали победу на апрельском и июльском (1928 г.) пленумах ЦК ВКП(б); не проиграли сражение на Пленуме ЦК ВКП(б) в ноябре 1928 г.⁶⁶ Только за счет обмана и аппаратных интриг Сталину удалось одержать победу на Пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1929 г.⁶⁷

Символично, что отдельная глава книги американского историка А. Эрлиха «Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928» показывает, как под влиянием выдающихся ученых-экономистов изменилось представление части советского руководства о подходах к масштабной промышленной реконструкции; о модернизации народного хозяйства; о сущности и сроках того длительного периода, который считался переходным от капитализма к социализму, а на деле открывал самостоятельную эпоху⁶⁸.

По мнению Эрлиха, научная прозорливость ведущих советских экономистов того времени привнесла в мировую науку проекты долгосрочного планирования, основы математического моделирования в экономике, опыт балансового планирования, использованный при разработке пятилетних планов для увязки его разделов и показателей как в СССР, так и далеко за его пределами. «Поднятые проблемы и получаемые решения предвосхитили работу, выполненную западными экономистами, работавшими в той же области, но на более высоком профессиональном уровне и в рамках других концепций»⁶⁹.

Аналогичные взгляды прослеживаются в книге американского историка экономики СССР Н.М. Ясного, подчеркивающего, что советские ученые-экономисты, верно сформулировав вопросы, смогли найти конструктивные теоретические решения, положенные в основу плана первой пятилетки и предвосхитившие находки западной научной мысли за два последующих десятилетия. В годы нэпа возникли проекты «нормальной экономики», т.е. такого рыночного хозяйства, в котором с учетом специфики России значительную роль играл бы государственный сектор⁷⁰.

Игнорирование законов экономики, пишет германский историк Ш. Мерль, привело к тому, что, как показывает вся последующая история предвоенных пятилеток, командная экономика начала сливаться с «теневой». Более того, командная экономика не могла

⁶² Сельское хозяйство СССР, 1925–1928: сборник статистических сведений к XVI Всесоюзной партконференции. М., 1929. С. 24.

⁶³ Там же. Дословно в тексте – «средних и выше средних».

⁶⁴ Круглый стол «Нэп – итоги и перспективы». С. 13.

⁶⁵ Там же. С. 12.

⁶⁶ *Фельдман М.А.* «Третье сражение». Вопрос о путях социально-экономического развития СССР на ноябрьском (1928) Пленуме ЦК ВКП(б) // Россия и современный мир. 2019. № 2. С. 159–177.

⁶⁷ *Фельдман М.А.* Конец «романтической эпохи». Дискуссии на апрельском (1929) Пленуме ЦК ВКП(б) // Общественные науки и современность. 2019. № 3. С. 138–148.

⁶⁸ «Школа Бухарина пересматривает свои взгляды» // *Эрлих А.* Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928. М., 2010. С. 98–118.

⁶⁹ Там же. С. 25.

⁷⁰ *Ясный Н.М.* Указ. соч. С. 28, 717.

существовать без рынка, ведь он выполнял важнейшие социально-экономические функции, не только паразитируя на плановом государственном хозяйстве, но и помогая плановой экономике выжить, компенсируя дефицит товаров и перераспределяя товарные ресурсы⁷¹. Как видно, многие элементы нэповской экономики никуда не исчезли, но, приобретя нелегальный статус, порождали причудливое сочетание мифологических «социалистических» отношений и реальной действительности.

Автору этих строк не очень приятно после многих лет изучения периода 1920–1930-х годов признаваться, что наши знания о нэпе приблизительны и схематичны, но это действительно так. Список неисследованных тем, приведенный выше, указывает только на фрагмент айсберга нашего незнания и слабого осмысления советского эксперимента. История изучения нэпа показывает, как легко обмануться и принять летаргический сон за смерть. Но без осмысления своего прошлого трудно рассчитывать на верный выбор дороги в будущее. Кроме того, глубокая социальная и политическая дифференциация общества породила и порождает идеологизацию политических исследований.

Очевидно, что одного столетия оказалось мало для изучения нэпа – значит у историков все впереди.

Библиография

Богомолова Е.В. Управление советской экономикой в 1920-е годы: опыт регулирования и самоорганизация. М., 1993.

Бокарев Ю.П. Нэп как самоорганизующаяся и саморазрушающаяся система // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 121–133.

Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М., 1992.

Гловели Г.Д. История экономических учений. М., 2011.

Голанд Ю.М. Разрушение нэпа: экономические, идеологические и политические предпосылки // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 112–134.

Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979.

Данилов В.П. К вопросу о понимании нэпа // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 19–27.

Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. М., 2011.

Демчик Е.В. Частный капитал Сибири в 20-е гг. XX в. Барнаул, 2005.

Дмитриенко В.П. Четыре измерения Нэпа // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 27–41.

Дэвис Р., Хлевнюк О.В. Вторая пятилетка: механизм смены экономического курса // Отечественная история. 1994. № 3. С. 92–108.

Жуков Ю.Н. Обратная сторона НЭПа. Экономика и политическая борьба в СССР. 1923–1925 гг. М., 2014.

Ильиных В.А. Социальная мобильность российского крестьянства в конце 1910-х – 1920-е гг.: критерии, тенденции, факторы // Уральский исторический вестник. 2018. № 4. С. 128–134.

Килин А.П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты. Екатеринбург, 2018.

Клиторин В.И. К столетию Новой экономической политики. Интервью с Г.И. Ханниным // ЭКО. 2021. Т. 51. № 3. С. 83–84.

Клиторин В.И. Институциональные преобразования в период новой экономической политики // ЭКО. 2021. Т. 51. № 4. С. 29–44.

Кондрашин В.В. Отклик на статью М.Ю. Мухина «Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги?» // Крестьяноведение. 2021. Т. 6. № 1. С. 180–184.

Круглый стол «Нэп – итоги и перспективы» // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. Т. 28. № 4. С. 5–17.

Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015.

Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // Экономическая история. Ежегодник. 2016–2017. М., 2017. С. 303–349.

⁷¹ *Мерль Ш.* Указ. соч. С. 314.

- Мухин М.Ю. Время подводить итоги? // Российская история. 2020. № 5. С. 3–14.
- Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М., 1993.
- Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации: 1927–1941. М., 1997.
- Роголина Н.Л. Индустриализация в рамках нэпа и перспективы советской модернизации // Экономическая история. Ежегодник. 2006. М., 2006. С. 366–384.
- Сенявский А.С. Новая экономическая политика: современные подходы и перспективы изучения // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 5–25.
- Суворова Л.Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М., 2013.
- Фельдман М.А. «Третье сражение». Вопрос о путях социально-экономического развития СССР на ноябрьском (1928) Пленуме ЦК ВКП(б) // Россия и современный мир. 2019. № 2. С. 159–177.
- Фельдман М.А. Конец «романтической эпохи». Дискуссии на апрельском (1929) Пленуме ЦК ВКП(б) // Общественные науки и современность. 2019. № 3. С. 138–148.
- Фельдман М.А. Отложенное осмысление. XVI съезд ВКП(б): мифологическое и реальное спустя 90 лет // Россия и современный мир. 2020. № 1. С. 139–163.
- Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.
- Хлевнюк О.В. Номенклатурная революция: региональные лидеры в СССР в 1936–1939 гг. // Российская история. 2018. № 5. С. 36–52.
- Черемисин Г.А. Использование резервов экстенсивного роста государственного предпринимательства в СССР (1926/27–1928/29 гг.) // Экономическая история. Ежегодник. 2006. М., 2006. С. 323–365.
- Ясный Н. Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М., 2012.
- Davies R.W. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke; London, 1996.

References

- Bogomolova E.V. Upravlenie sovetskoj ekonomikoj v 1920-e gody: opyt regulirovaniya i samoorganizacii [Management of the Soviet economy in the 1920s: experience of regulation and self-organizations]. Moskva, 1993. (In Russ.)
- Bokarev Yu.P. Nep kak samoorganizuyushchayasya i samorazrushayushchayasya sistema [NEP as a self-organizing and self-destructive system] // NEP: ekonomicheskie, politicheskie i sociokul'turnye aspekty [NEP: economic, political and sociocultural aspects]. Moskva, 2006. S. 121–133. (In Russ.)
- Cheremisinov G.A. Ispol'zovanie rezervov ekstensivnogo rosta gosudarstvennogo predprinimatel'stva v SSSR (1926/27–1928/29 gg.) [Use of reserves of extensive growth of state entrepreneurship in the USSR (1926/27–1928/29)] // Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik. 2006 [Economic history. Yearbook. 2006]. Moskva, 2006. S. 323–365. (In Russ.)
- Danilov V.P. K voprosu o ponimanii Nepa [On the question of understanding NEP] // NEP: ekonomicheskie, politicheskie i sociokul'turnye aspekty [NEP: economic, political and socio-cultural aspects]. Moskva, 2006. S. 19–27. (In Russ.)
- Danilov V.P. Sovetskaya dokolhoznaya derevnya: social'naya struktura, social'nye otnosheniya [Soviet pre-kolkhoz village: social structure, social relations]. Moskva, 1979. (In Russ.)
- Davis R., Khlevnyuk O.V. Vtoraya pyatiletka: mekhanizm smeny ekonomicheskogo kursa [The second five-year plan: the mechanism of changing the economic course] // Otechestvennaya istoriya [Domestic History]. 1994. № 3. S. 92–108. (In Russ.)
- Demchik E.V. Chastnyj kapital Sibiri v 20-e gg. XX v. [Private capital of Siberia in the 20s of the 20th century]. Barnaul, 2005. (In Russ.)
- Dmitrienko V.P. Chetyre izmereniya Nepa [Four dimensions of the NEP] // NEP: priobreteniya i poteri [NEP: Gains and losses]. Moskva, 1994. S. 27–42. (In Russ.)
- Feldman M.A. Konec “romanticheskoy epohi”. Diskussii na Aprel'skom (1929) plenumе CK VKP(b) [The end of the “romantic era”. Discussions at the April (1929) plenum of the Central Committee of the CPSU(b)] // Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. 2019. № 3. S. 138–148. (In Russ.)
- Feldman M.A. “Tret'esrazhenie”. Vopros o putyah social'no-ekonomicheskogo razvitiya SSSR na Noyabr'skom (1928) plenumе CK VKP(b). [“Third battle”. The question of how socio-economic development of the USSR in November (1928) plenum of the Central Committee of the CPSU(b)] // Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the modern world]. 2019. № 2. S. 159–177. (In Russ.)
- Feldman M.A. Otlzozhennoe osmyslenie. XVI s'ezd VKP(b): mifologicheskoe i real'noespustya 90 let [Delayed comprehension. 16th Congress of the CPSU(b): mythological and real after 90 years] // Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the Modern World]. 2020. № 1. S. 139–163. (In Russ.)

- Gloveli G.D.* Istoriya ekonomicheskikh uchenij [History of economic studies]. Moskva, 2011. (In Russ.)
- Goland Yu.M.* Razrushenie nepa: ekonomicheskie, ideologicheskie i politicheskie predposylki [Destruction of the NEP: economic, ideological and political prerequisites] // Istoriya stalinizma: itogi i problem izucheniya. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, 5-7 dekabria 2008 g. [The history of Stalinism: results and problems of study. Materials of the International scientific conference. Moscow, December 5-7, 2008]. Moskva, 2011. S. 112-134. (In Russ.)
- Ilyinykh V.A.* Social'naya mobil'nost' rossijskogo krest'yanstva v konce 1910-h – 1920-e gg.: kriterii, tendencii, factory [Social mobility of the Russian peasantry in the late 1910s – 1920s: criteria, trends, factors] // Ural'skij istoricheskij vestnik [Ural Historical Bulletin]. 2018. № 4. S. 128-134. (In Russ.)
- Khlevnyuk O.V.* Hozyain. Stalin i utverzhenie stalinskoy diktatury [The owner. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. Moskva, 2010. (In Russ.)
- Khlevnyuk O.V.* Nomenklatur'naya revolyuciya: regional'nye lidery v SSSR v 1936-1939 gg. [Nomenclature Revolution: Regional Leaders in the USSR in 1936-1939] // Rossijskaya istoriya [Russian History]. 2018. № 5. S. 36-52. (In Russ.)
- Kilin A.P.* Chastnaya trgovlya i kredit na Urale v gody nepa: ekonomicheskie, politicheskie i social'nye aspekty [Private trade and credit in the Urals during the NEP years: economic, political and social aspects]. Yekaterinburg, 2018. (In Russ.)
- Klistorin V.I.* Institucional'nye preobrazovaniya v period novej ekonomicheskoy politiki [Institutional transformations in the period of new economic policy] // ECO. 2021. T. 51. № 4. S. 29-44. (In Russ.)
- Klistorin V.I.* K stoletiyu Novej ekonomicheskoy politiki. Interv'yu s G.I. Haninym [To the centenary of the New Economic Policy. Interview with G.I. Khanin] // ECO. 2021. T. 51. № 3. S. 83-84. (In Russ.)
- Kondrashin V.V.* Otklik na stat'yu M.Yu. Muhina "Sto let izucheniya nepa. Vremya podvodit' itogi?" [Response to the article by M.Yu. Mukhin "One hundred years of studying NEP. Time to sum up?"] // Krest'yanovedenie [Peasant Studies]. 2021. Vol. 6. № 1. S. 180-184. (In Russ.)
- Kruglyj stol "Nep – itogi i perspektivy" [Round table of "NEP – results and prospects"] // Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]. 2021. Vol. 28. № 4. S. 5-17. (In Russ.)
- Lebina N.B.* Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilu [Soviet everyday life: norms and anomalies. From war communism to grand style]. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Merle Sh.* Sovetskaya ekonomika: sovremennye ocenki [The Soviet economy: modern assessments] // Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik [Economic history. Annual]. 2016-2017. Moskva, 2017. S. 303-349. (In Russ.)
- Mukhin M.Yu.* Vremya podvodit' itogi? [Time to sum up?] // Rossijskaya istoriya [Russian History]. 2020. № 5. S. 3-14. (In Russ.)
- Osokina E.A.* Ierarhiya potrebleniya. O zhizni lyudej v usloviyah stalinskogo snabzheniya. 1928-1935 gg. [Hierarchy of consumption. About the life of people in the conditions of Stalin's supply. 1928-1935]. Moskva, 1993. (In Russ.)
- Osokina E.A.* Za fasadom "stalinskogo izobilija": raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializacii: 1927-1941 [Behind the facade of "Stalin's abundance": distribution and market in the supply of the population during the years of industrialization: 1927-1941]. Moskva, 1997. (In Russ.)
- Rogalina N.L.* Industrializaciya v ramkah nepa i perspektivy sovetskoj modernizacii [Industrialization within the framework of the NEP and the prospects of Soviet modernization] // Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik [Economic history. Yearbook]. Moskva, 2006. S. 366-384. (In Russ.)
- Senyavsky A.S.* Novaya ekonomicheskaya politika: sovremennye podhody i perspektivy izucheniya [New economic policy: modern approaches and perspectives of study] // NEP: ekonomicheskie, politicheskie i sociokul'turnye aspekty [NEP: economic, political and socio-cultural aspects]. Moskva, 2006. S. 5-25. (In Russ.)
- Suvorova L.N.* Nepovskaya mnogoukladnaya ekonomika: mezhdru gosudarstvom i rynkom [NEP'S Multicultural economy: Between the state and the market]. Moskva, 2013. (In Russ.)
- Vert N.* Istoriya sovetskogo gosudarstva. 1900-1991 [History of the Soviet state. 1900-1991]. Moskva, 1992. (In Russ.)
- Yasny N.* Sovetskie ekonomisty 1920-h godov. Dolg pamyati [Soviet economists of the 1920s. The debt of memory]. Moskva, 2012. (In Russ.)
- Zhukov Yu.N.* Oborotnaya storona NEPa. Ekonomika i politicheskaya bor'ba v SSSR. 1923-1925 gg. [The reverse side of the NEP. Economics and Political Struggle in the USSR. 1923-1925]. Moskva, 2014. (In Russ.)
- Davies R.W.* Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931-1933. Basingstoke; London, 1996.

DOI: 10.31857/S013038640020235-6

© 2022 г. Т.Л. ЛАБУТИНА

БРИТАНСКИЕ ПОСЛЫ-РАЗВЕДЧИКИ ПРИ ДВОРЕ АННЫ ИОАННОВНЫ

Лабутина Татьяна Леонидовна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории межкультурных коммуникаций стран Запада и Востока (Москва, Россия).

E-mail: tlabutina2007@yandex.ru

Scopus Author ID: 54883697400; ORCID: 0000-0003-2609-4175

Аннотация. В первой трети XVIII в. отношения между Россией и Великобританией оставались сложными. И хотя Россия в правление императрицы Анны Иоанновны (1730–1740 гг.) пошла навстречу Британии: восстановила по ее просьбе дипломатические отношения, прерванные при Петре I, а также заключила в 1734 г. выгодный для англичан торговый договор, тем не менее официальный Лондон продолжал проводить далеко не дружественную политику в отношении Российской империи. Ярким тому подтверждением являлась разведывательная деятельность официальных представителей Великобритании — дипломатов, которую они вели при императорском дворе. Король Великобритании Георг II, направляя своих послов к месту назначения, настоятельно требовал от них собирать информацию обо всем увиденном в России. Он конкретно перечислял, на кого дипломаты должны были обратить свое внимание: российская императрица, ее министры и другие высокопоставленные чиновники, а также придворные и фавориты. Особый интерес британские власти проявляли к состоянию вооруженных сил государства. По возвращении на родину от послов ожидали подробного отчета обо всем, что они смогли увидеть и услышать при дворе. Опираясь на анализ дипломатической переписки послов с госсекретарем Великобритании, а также публицистические очерки некоторых из них, автор обращается к проблеме разведывательной деятельности британских послов при дворе Анны Иоанновны. Как выясняется, послы собирали информацию о высокопоставленных сановниках, приближенных к императрице, их пристрастиях и слабостях; о расстановке политических сил при дворе, а также о состоянии армии и флота. Следует отметить, что информаторами дипломатов нередко становились не только англичане, находившиеся на службе в России, но чаще всего сами высокопоставленные чиновники, готовые защищать британские интересы ради денежного вознаграждения или подарков. И мало кто из них задумывался, что, сообщая секретные сведения британским послам, они совершали государственное преступление, нанося вред своему Отечеству. Обращение к истории разведывательной деятельности официальных представителей Великобритании в России в первой трети XVIII в., прежде не являвшейся предметом специального исследования в исторической науке, позволяет раскрыть истинные цели британской дипломатии — изучение потенциального противника, какой ей в ту пору представлялась Российская империя.

Ключевые слова: Великобритания, Россия, XVIII в., Анна Иоанновна, дипломаты, разведка, армия, флот, чиновничество.

T.L. Labutina**British Intelligence Ambassadors at the Court of Anna Ioannovna***Tatiana Labutina, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).**E-mail: tlabutina2007@yandex.ru**Scopus Author ID: 54883697400; ORCID: 0000-0003-2609-4175*

Abstract. In the first third of the eighteenth century, relations between Russia and Britain remained strained. Although Russia, under Empress Anna Ioannovna (1730–1740), welcomed Britain, restoring the diplomatic relations it had severed under Peter I and concluding a trade treaty favourable to the British in 1734, official London continued to pursue a policy far from friendly towards the Russian Empire. The intelligence activities of the British official diplomats at the Imperial Court were a vivid illustration of this. King George II of Great Britain, dispatching his ambassadors to their destination, urged them to gather information on everything they would see in Russia. He specifically listed those the diplomats were to focus on: the Russian Empress, her ministers and other high-ranking officials, as well as courtiers and favourites. The British authorities were particularly interested in the state of the nation's armed forces. On their return home, the ambassadors were expected to give a detailed account of everything they had seen and heard at Court. Drawing on an analysis of the ambassadors' diplomatic correspondence with the British Secretary of State, as well as some of their essays, the author examines the problem of British ambassadors' intelligence activities at the court of Anna Ioannovna. As it turns out, the ambassadors collected information on the high-ranking dignitaries close to the Tsarina, their predilections and weaknesses; on the alignment of political powers at court, as well as on the state of the army and navy. Attention is drawn to the fact that the informants of diplomats were often not only Britons in Russian service, but more often high-ranking officials themselves, ready to defend British interests for the sake of monetary rewards or gifts. Few of them realised that by revealing secret information to British ambassadors, they were committing a high crime and harming their homeland. The history of British espionage in Russia in the first third of the eighteenth century, which has not previously been the subject of a special study in historical scholarship, reveals the real purpose of British diplomacy, namely to study the potential enemy, as it viewed the Russian Empire at that time.

Keywords: Britain, Russia, eighteenth century, Anna Ioannovna, diplomats, intelligence, army, navy, bureaucracy.

Российско-британские отношения, насчитывающие многовековой период (более 460 лет), нельзя назвать простыми. Нередко между странами возникали непреодолимые препятствия на пути к сотрудничеству, чаще всего из-за недружественной или даже враждебной политики со стороны Англии (попытки англичан колонизации Русского Севера в 1612 г.¹; разрыв дипломатических отношений при Петре I; открытые военные конфликты – Крымская война 1853–1856 г., интервенция Великобритании в Советской России в 1918 г. и т.д.). Одним из доказательств подобной политики может служить также разведывательная деятельность британских дипломатов, которую они сочетали с официальной дипломатической работой при царских дворах на протяжении XVI–XVIII вв. К указанной проблеме, к слову сказать, практически не изученной в исторической науке,

¹ *Лабутина Т.Л.* «Курьезный эпизод» в англо-русских отношениях: планы колонизации Русского Севера // *Лабутина Т.Л.* Англичане в допетровской России. СПб., 2011. С. 94–111.

автор обращался не раз². Предлагаемая статья посвящена анализу разведывательной деятельности послов Великобритании при дворе Анны Иоанновны.

В 1728 г. для восстановления дипломатических отношений с Россией, прерванных Петром I, в Москву вместе с британским консулом Томасом Уордом прибыл его секретарь Клавдий Рондо³. После кончины Уорда в 1731 г. Рондо был назначен резидентом, получив следующие инструкции от короля Георга II: «Во время своего пребывания при дворе Ее Величества вы постараетесь ...осведомиться о намерениях и планах ее касательно всех дел: какие ею заключены трактаты, о чем ведутся ею переговоры с другими монархами и государствами, — и вообще о всех делах, могущих касаться наших интересов или как бы то ни было влиять на ход наших дел... При возвращении вашем в Великобританию надеемся получить от вас полный и совершенный письменный отчет обо всех наблюдениях, которые вам удастся сделать ...о способностях и наклонностях русских министров, об их стремлениях, взаимных отношениях, несогласиях... и вообще обо всем, что касается русского правительства и русских дел»⁴.

Практически дословно повторял свои инструкции Георг II другому дипломату — лорду Джорджу Форбсу, прибывшему в Россию в 1733 г. для подготовки к подписанию Торгового договора⁵. Не отличалась оригинальностью и заключительная часть королевских инструкций, касающаяся ожидаемого доклада от посла: «По возвращении вашем будем ожидать от вас полного и совершенного письменного отчета обо всем, что вам за время вашего пребывания в России удастся сделать при царском дворе»⁶. Отметим, что подобные инструкции для английских послов, направляемых в Россию, не претерпели каких-либо серьезных изменений на протяжении всего XVIII в. Они оставались таковыми и в правление королевы Анны Стюарт (1702—1714 гг.)⁷, и при короле Георге III (1760—1820 гг.)⁸. Как видно, шпионаж послов являлся обязательным атрибутом стратегии и тактики британской дипломатии в России в ту пору.

Задания по сбору разведывательных данных, полученные от короля, послы исполняли усердно. Что же их интересовало в первую очередь? Судя по их донесениям в Лондон, они прежде всего собирали информацию о высокопоставленных сановниках, приближенных к императрице, их пристрастиях и слабостях, о самой императрице Анне Иоанновне, о расстановке политических сил при дворе, а также о состоянии вооруженных сил Российской империи. На анализе дипломатической и частной переписки послов, в которых содержалась подобная информация, мы и собираемся остановиться в предлагаемой статье⁹.

² *Лабутина Т.Л.* Британский дипломат и разведчик Чарльз Уитворт при дворе Петра I // Вопросы истории. 2010. № 11. С. 124—135; *Labutina T.L.* Charles Whitworth, the British Diplomat and Intelligence Officer, at the Court of Peter I // Social Sciences. 2011. Vol. 42. № 2. P. 43—55; *Ее же.* Британские разведчики в России (XVI—XVIII вв.) // Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света. Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова. М., 2011. С. 389—411; *Ее же.* Британский морской офицер Джон Ден на службе у Петра I // Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 177—188; *Ее же.* Британский посол Чарльз Уильямс и его секретная переписка с великой княгиней Екатериной Алексеевной // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 161—174; *Ее же.* Разведывательная деятельность послов в России // Лабутина Т.Л. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб., 2019. С. 285—318.

³ Подробнее о биографии К. Рондо и его дипломатической деятельности при дворе Петра II и Анны Иоанновны см.: *Лабутина Т.Л.* Великобритания и Россия на пути к восстановлению дипломатических отношений (1720—1731 годы) // Новая и новейшая история. 2021. № 4. С. 59—70.

⁴ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского русского исторического общества (далее — СИРИО). Т. 66. СПб., 1889. С. 362—363.

⁵ Там же. С. 577—580.

⁶ Там же. С. 580—582.

⁷ Подробнее см.: *Лабутина Т.Л.* Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013. С. 197—198, 221—222.

⁸ Подробнее см.: *Лабутина Т.Л.* Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб., 2019. С. 286.

⁹ Впервые к данной теме автор обратился, анализируя дипломатическую деятельность К. Рондо. См.: *Лабутина Т.Л.* Великобритания и Россия...

В первую очередь британцы уделяли особое внимание царствующим особам и их приближенным, министрам и придворным, также их интересовало все, что происходило при дворе. Между тем сбор подобной информации был небезопасен для дипломатов. Как писал Рондо госсекретарю лорду Гаррингтону 19 февраля 1737 г., «при господствующем при здешнем дворе произволе и варварстве, попадись случайно мое письмо в руки российских министров, я подвергся бы большой опасности. Тем не менее, раз Его Величеству угодно знать секретную жизнь здешнего двора, постараюсь передать все, что узнаю о ней, и нарисовать возможно верно характер лиц, стоящих у кормила правления»¹⁰. «Ваше превосходительство, поймете, — продолжал Рондо, — что верные характеристики царицы и ее министров потребуют некоторого времени... Подобные донесения требуют крайней осмотрительности и мне необходимо время, чтобы удостовериться в некоторых вещах, сообщаемых быть может лицами малосведущими или предубежденными. Как бы то ни было, приложу все старания дать вам подробные известия обо всем, что здесь делается, хотя есть предметы, о которых едва ли возможно и писать»¹¹.

Естественно, что в первую очередь дипломаты делились своими впечатлениями об императрице. Любопытный портрет Анны Иоанновны представила супруга Клавдия Рондо — Джейн¹². Она описала ее внешность и манеры поведения. Русская императрица «почти моего роста, — отмечала англичанка, — чрезвычайно полна, но, несмотря на это, хорошо сложена и движения ее свободны и ловки. Она смугла, волосы ее черны, а глаза темно-голубые; во взгляде ее есть что-то царственное, поражающее с первого раза. Когда же она говорит, то на губах ее является невыразимо приятная улыбка. Она много разговаривает со всеми и в обращении так приветлива, что, кажется, будто говоришь с равной себе; однако же она ни на минуту не теряет достоинства государыни». Говорит императрица только по-русски, но понимает и по-немецки¹³.

Вскоре леди Рондо удалось сблизиться с супругой фаворита императрицы — графа Э.И. Бирона, которая была большой любительницей вышивания и, узнав, что у англичанки имелось несколько вышивок собственной работы, пожелала их увидеть и пригласила ее к себе совместно поработать. Леди Рондо приняла приглашение «с удовольствием», как она поясняла, по двум причинам. «Во-первых, — писала она приятельнице, — господин Рондо, занимая настоящий пост, *может извлечь из этого выгоды* (выделено мною. — Т.Л.), и, во-вторых, мне представляется случай видеть царицу в такой обстановке, в какой иначе ее никак нельзя было бы видеть, потому что она постоянно проходит через ту комнату, в которой мы занимаемся рукодельем»¹⁴.

Англичанка подробно описывала свои встречи с императрицей: «Так как комнаты ее (императрицы. — Т.Л.) смежные с комнатами графини (Бирон. — Т.Л.), то она после обеда много раз приходит к нам... Иногда она садится за пяльцы, работает вместе с нами и много расспрашивает меня об Англии и в особенности обо всем, что касается королевы... По-видимому, она довольна, когда я стараюсь говорить с ней по-русски, и так милостива, что учит меня, когда я выражаюсь худо или затрудняюсь в разговоре... Во время ее присутствия у графини Бирон бывают обыкновенно пять или шесть дам и один или два придворных кавалера, которые ведут самый обыкновенный разговор. Иногда императрица принимает в нем участие как равная, сохраняя, однако, свое достоинство, но таким образом, что при этом не чувствуется никакого стеснения»¹⁵. Надо признать, что столь

¹⁰ СИРИО. Т. 80. СПб., 1892. С. 104.

¹¹ Там же. С. 105.

¹² Подробнее о Джейн Рондо см.: *Лабутина Т.Л.* Леди Рондо при дворе Анны Иоанновны // *Лабутина Т.Л.* Британцы в России в XVIII веке. С. 287–309.

¹³ Письма леди Рондо (жены английского резидента при русском дворе в царствование Анны Иоанновны) // *Записки иностранцев о России в XVIII столетии.* Т. I. СПб., 1874. С. 49–50.

¹⁴ Там же. С. 63.

¹⁵ Там же. С. 63–64.

подробного портрета императрицы, кроме леди Рондо, не представил ни один из дипломатов. Но самое главное, ее информация об Анне Иоанновне передавалась супругу, который вполне мог переслать полученные ею сведения в Лондон.

Особое место при характеристике сановников при царском дворе послы отводили министрам. Лорд Форбс, находившийся при дворе Анны Иоанновны в 1733–1734 гг., отмечал, что система управления в Российской империи «очень запутана и несовершенна, что приводит ко многим злоупотреблениям», плохо служит правительнице и «огорчает народ»¹⁶. Вот как он описывал устройство государственного аппарата Российской империи: «Русское министерство состоит из тех, кто входит в Кабинет, и тех, кто в него приглашается. Правительство зависит от воли и желания суверена». Иногда правительница по своему желанию советуется с Кабинетом, который издает законы и направляет ее резолюции Синоду — по церковным делам, Сенату — по гражданским и экономическим вопросам, коллегиям — по делам войны, правосудия, коммерции. В состав Кабинета входят три человека: канцлер граф Г.И. Головкин, «один из богатейших людей страны»; вице-канцлер, советник по внешней политике, немец из Вестфалии граф А.И. Остерман и князь А.М. Черкасский¹⁷.

Первоочередное место в депешах послов отводилось вице-канцлеру Андрею Ивановичу Остерману, что не было случайностью, поскольку именно с ним дипломатам приходилось вести все переговоры, так как он заведовал иностранными делами. Рондо признавал, что Остерман играл важную роль в управлении государством. «Здесь всякое дело, каково бы оно ни было, рано ли, поздно ли должно пройти через руки графа, — писал посол госсекретарю, — что крайне затрудняет и его, и других: и мне, и всякому, ведущему какие-либо переговоры с русским двором, очень трудно найти случай побеседовать с вице-канцлером»¹⁸. Рондо полагал, что барона Остермана будет «легко склонить» к дружбе с англичанами. «Меня уверяли, будто в кружке близких друзей он не раз и говаривал, что очень желал бы процветания торговли с Англией. Он, конечно, много может помочь нам»¹⁹. В «Записке о некоторых вельможах русского двора», написанной в 1730 г., Рондо подробно останавливался на биографиях вице-канцлера А.И. Остермана, канцлера графа Г.И. Головкина, князя А.М. Черкасского, генерал-фельдмаршала князя М.М. Голицына, генерала П.И. Ягужинского, князя В.В. Долгорукого, дипломата князя В.Л. Долгорукого и других сановников²⁰. Лорд Форбс причислял к влиятельным чиновникам при дворе Анны Иоанновны также К.Г. Лёвенвольда и двух фельдмаршалов И.Ю. Трубецкого и Б.К. Миниха.

Особое место в депешах дипломаты, естественно, отводили Э.И. Бирону, занимавшему главное место в управлении Россией при Анне Иоанновне. Неудивительно, что англичане старались заручиться поддержкой фаворита императрицы. Наблюдая за усилением позиций Бирона при дворе, где он «полновластен», а значит «любезность по отношению к нему может оказать большие услуги», Рондо предлагал госсекретарю высказать Бирону в связи с его избранием герцогом курляндским «милостивый привет», что будет ему «чрезвычайно приятно» и может способствовать «любезному отношению» к торгующим в России английским подданным²¹. Рондо пояснял: герцог курляндский «сильно желает» получить от короля любезное поздравление по поводу своего избрания. Такое поздравление, полагал Рондо, могло бы принести большую пользу ввиду чрезвычайного

¹⁶ Bitter M. Document George Forbes's "Account of Russia", 1733–1734 // Slavonic and East European Review. 2004. Vol. 82. № 4. P. 902.

¹⁷ Ibid. P. 916.

¹⁸ СИРИО. Т. 80. С. 506.

¹⁹ Там же. С. 48.

²⁰ Записка о некоторых вельможах русского двора в 1730 году // Чтения московского общества истории и древностей. Кн. II. СПб., 1861. С. 1–19.

²¹ СИРИО. Т. 80. С. 203–204.

влияния Бирона при дворе, «который начинает приобретать такое значение в делах Европы». И если король своим приветом приобретет «содействие герцога, он всегда в состоянии будет склонить царицу на любой шаг, полезный Великобритании или друзьям ее»²². И, судя по депеше от 1 октября 1737 г., в Лондоне прислушались к рекомендациям Рондо. В ней посланник сообщал, что посетил герцога курляндского и от имени короля поздравил его с избранием. «Не могу выразить, насколько приветствие это было приятно герцогу, — продолжал посланник. — Он в самых изысканных выражениях просил меня поблагодарить Его Величество за предупредительное внимание и заявил, что, с своей стороны, постарается пользоваться каждым случаем, дабы услужить королю, к которому — как я знаю — всегда питал и будет вечно питать глубочайшее уважение»²³.

Надо отметить, что усиление позиций Бирона при дворе Анны Иоанновны вскоре сказалось и на его семье, прежде всего это относится к старшему сыну герцога — Петру. Так, для него по приказу императрицы в Петергофе построили небольшой форт «для развлечений и для обучения его военному делу». «Форт этот на прошлой неделе был атакован и взят в присутствии Ее Величества и всех представителей иностранных государств», — свидетельствовал Рондо²⁴. Между тем амбиции герцога курляндского возрастали день ото дня: он задумал женить Петра на племяннице императрицы, принцессе мекленбургской (Анне Леопольдовне. — Т.Л.). Рондо полагал, что Бирону пришла в голову мысль о браке своего сына с нареченной наследницей русского престола, едва совершилось его избрание герцогом курляндским. Однако дипломат считал, что главным препятствием к браку представлялся возраст сторон: принцессе уже 20-й год, принцу же Петру едва минуло 14. «Для женитьбы он еще слишком молод», — полагал Рондо. Что же касается мнения русских людей на этот счет, то, на взгляд дипломата, «в настоящее время голос их так мало значит, что вряд ли во всей России найдется человек, который бы решился высказать малейшее неудовольствие по поводу брака в случае, если бы он совершился при жизни царицы»²⁵. В то же время честолюбие герцога курляндского не знает пределов и «вряд ли он упустит возможность возвести сына в сан государя российского», если ему удастся сохранить расположение Ее Величества до совершеннолетия принца Петра, заключал дипломат²⁶. Примечательно, что, допуская возможность отказа Бирона от женитьбы сына на принцессе мекленбургской, Рондо высказывал пожелание видеть ее замужем... за одним из английских принцев, полагая, что принцесса — «самая завидная невеста в мире»²⁷. Как видно, дипломат вполне допускал, что в ту пору, когда при дворе господствовали иностранцы, для британцев существовала вполне реальная возможность породниться с царствующим Домом Романовых.

Характеризуя членов правительства Анны Иоанновны, Форбс приходил к закономерному выводу: «Всеми делами в государстве управляют графы Бирон, Лёвенвольде, Остерман. Русские ни в какой мере не участвуют в управлении»²⁸. Больше всего дипломатов интересовало, кто из придворных мог быть полезен Англии. На взгляд Форбса, немногие представители знати, знающие английский язык, проявляют интерес к Англии. Большинство молодых придворных, которые в годы, предшествующие правлению императрицы, обучались во Франции или Германии, склоняются к французским интересам, но они пока не играют заметной роли при дворе. Интересы императрицы, по мнению Форбса, никакая партия не защищает, и даже немногие высокопоставленные вельможи, носящие титул тайных советников (родственник императрицы С.А. Салтыков, князь А.Б. Куракин, граф Г.И. Головкин), «не играют никакой

²² Там же. С. 206.

²³ Там же. С. 208.

²⁴ Там же. С. 349.

²⁵ Там же. С. 363.

²⁶ Там же. С. 416.

²⁷ Там же. С. 362.

²⁸ *Bitter M. Op. cit. P. 919.*

значущей роли» во внутренней и внешней политике правительства, несмотря на то, что являются русскими²⁹.

Обращает на себя внимание тот факт, что дипломаты, давая оценки министрам и придворным, стремились выяснить, каким образом можно привлечь кого-либо из них на свою сторону для продвижения английских интересов. Таким проверенным способом им представлялся подкуп должностных лиц. В депеше госсекретарю от 12 января 1730 г. Рондо откровенно признавал: «Среди русских из ста человек не найдется ни одного, которого бы нельзя было купить, потому небольшая сумма, употребленная с толком, может... склонить русских к слепому исполнению всех желаний короля английского»³⁰. Отметим, что подкуп высокопоставленных должностных лиц не ограничивался лишь денежными суммами. К примеру, зная о чрезвычайном интересе императрицы и ряда ее министров к английским лошадям, Рондо решил похлопотать, чтобы король согласился прислать несколько лошадей им в подарок. Он не сомневался, что такой подарок будет принят русским двором «с особенным удовольствием». Поскольку для вывоза из Англии племенных лошадей требовалось королевское разрешение, Рондо обращался с этой просьбой к Георгу II и был рад, что «Его Величество с полной готовностью согласен дать его, когда бы оно ни потребовалось»³¹.

Рондо приводил конкретные примеры, кого из сановников пытались подкупить. В депеше от 23 сентября 1732 г. он упоминал госпожу Лефорт, которая, чтобы склонить русский двор на сторону Франции и Польши, по приказу их королей, предлагала миллион крон графу Бирону и значительную сумму графу Остерману. Хотя Рондо считал, что оба сановника не дадут подкупить себя, в то же время полагал, что не лишне расположить графа Бирона в пользу англичан обычным способом. «С деньгами в России можно делать почти, что угодно», — заключал он³².

Руководство внешнеполитического ведомства Великобритании было довольно поступавшей от послов информацией. Лорд Гаррингтон в январе 1737 г. писал Рондо: «Сведения и вообще некоторые подробности о секретной жизни двора далеко не лишены интереса, так как дают возможность судить о настоящем положении и условиях его, а также о характере лиц, его составляющих»³³.

Между тем больше всего официальный Лондон интересовала информация о состоянии вооруженных сил Российской империи. Неудивительно, что в депешах послы отводили этому вопросу значительное место. Так, Рондо с первых шагов своего пребывания в Москве задался целью известить госсекретаря о российском флоте. «Буду прилагать всяческое старание сообщать вашему превосходительству возможно точные известия, — писал он госсекретарю. — Списка русского флота мне получить еще не удалось; надеюсь, однако, получить его вскоре»³⁴. Впрочем, даже беглое знакомство с флотом заставило Рондо признать, что Россия, как бы она ни была разорена, «пока еще в состоянии защищаться против соседей»³⁵.

Спустя неделю Рондо докладывал госсекретарю, что получил список русских кораблей, фрегатов, шняв, бомбардирских и плоскодонных судов, но списка галер добыть ему еще не удалось. Состояние кораблей, «красующихся на виду в Кроншлоте и других русских портах», дипломату показалось удовлетворительным, хотя те суда, что были построены до 1721 г., представлялись ему «негодными».

Прошло несколько месяцев, прежде чем Рондо направил в Лондон подробный список русских галер, который достался ему «с большим трудом». На взгляд дипломата, это были

²⁹ Ibid. P. 919–920.

³⁰ СИРИО. Т. 66. С. 124.

³¹ Там же. С. 342–343.

³² Там же. С. 508–509.

³³ Там же. Т. 80. С. 98.

³⁴ Там же. Т. 66. С. 15.

³⁵ Там же. С. 19.

единственные суда, внушающие Швеции опасения в случае войны с Россией. «Все галеры, построенные более, чем за три—четыре года, или гнили, или вовсе негодны». В том же донесении Рондо отмечал, что, судя по тому, что на верфях «в постройке постоянно находится множество галер», правительство намерено поддерживать галерный флот³⁶.

Свою информацию Рондо дополнял конкретными сведениями о военных кораблях русского флота (название корабля, число орудий, когда и где построен, куплен в Англии и в каком году, взят у шведов при военных действиях и в каком году, кем построен). Особо он подчеркивал, что ряд кораблей («Нептун», «Св. Александр», «Ревель», «Москва», «Ингерманланд», «Выборг», «Виктория», «Полтава») находятся в очень плохом состоянии. Практически все они были либо построены английскими мастерами (Ноем, Козенцем, Броуном, Рамзеем), либо закуплены в Англии. Рондо обращал внимание на то, что многие военные корабли, построенные в Архангельске и других местах, «утрачены или разломаны»³⁷.

Столь же обстоятельно Рондо перечислял фрегаты русского флота. Он сообщал об их количестве, числе орудий на их борту, месте и времени постройки или приобретения в Англии или Голландии, а также английских мастерах (Ное и Рамзее), которые участвовали в строительстве двух фрегатов³⁸. Особое внимание дипломат уделял вооружению кораблей. Так, 30 мая 1729 г. он направил в Лондон список русских судов, снаряженных к плаванию и вооруженных орудиями: «Петр I» имеет 100 пушек, «Петр II» — 54 пушки, «Наталия» — 66 пушек, «Шлиссельбург» — 66 орудий, «Принц Евгений» — 50 орудий, «Россия» — 32 пушки³⁹.

Надо отметить, что Рондо внимательно наблюдал за действиями российского правительства, направленными на улучшение состояния флота. 3 февраля 1733 г. он сообщил в Лондон обстоятельную информацию о деятельности комиссии, учрежденной императрицей «для приведения в порядок русского флота», который после кончины Петра I, на взгляд посланника, «находился в крайнем пренебрежении». Несмотря на то, что в Кронштадте красуется более 30 военных кораблей, едва пять—шесть из них способны выйти в море, писал он. Учитывая это, государыня решила построить несколько военных кораблей в Петербурге и два — в Архангельске. Корабельный мастер англичанин Козенц, состоящий на русской службе, днями должен выехать в Архангельск для постройки двух упомянутых кораблей. Впрочем, Рондо не сомневался, что от постройки этих судов толку будет мало, поскольку главные трудности, с которыми сталкивается русский флот, это недостаток в хороших моряхах. Таковых «едва ли хватит теперь даже на упомянутые пять—шесть кораблей», констатировал посланник⁴⁰.

Между тем заботы российского правительства о флоте не ослабевали в правление Анны Иоанновны⁴¹. 5 мая 1733 г. Рондо докладывал лорду Гаррингтону: «Прошлый понедельник государыня приезжала в Адмиралтейство на спуск 64-х пушечного корабля, построенного англичанином Ноем и названного “Надежда России”. Одновременно в присутствии Ее Величества спустили другой небольшой корабль в 16 пушек»⁴². Спустя месяц посол извещал госсекретаря о снаряжении в Кронштадте девяти или десяти военных кораблей и четырех фрегатов, которые под командой адмирала Гордона выйдут в Финский залив «для упражнения матросов»; два фрегата с той же целью пройдут до Архангельска,

³⁶ Там же. С. 35.

³⁷ Там же. С. 621—623.

³⁸ Там же. С. 624.

³⁹ Там же. С. 629.

⁴⁰ Там же. С. 550—551.

⁴¹ Подробнее об этом см.: Орлов А.А. «Флот есть важное дело и дело великого иждивения». Донесение контр-адмирала лорда Дuffy императрице Анне Иоанновне о состоянии балтийского флота в 1732 году // Политика истории. К 70-летию доктора исторических наук Марины Павловны Айзенштат. М., 2021. С. 189—199.

⁴² СИРИО. Т. 66. С. 599.

а остальные два – на остров Мэй или в Лиссабон за солью и «в видах упражнения экипажей». 28 мая Ее Величество присутствовала в Адмиралтействе при спуске двух фрегатов: один из них – «Митава», снаряженный 32-мя пушками, а другой – 36-ти пушечный, выстроенный по французскому образцу, «Принцесса Анна»⁴³. В ноябре 1736 г. Рондо сообщал в Лондон о спуске на воду еще двух военных кораблей «Астрахань» и «Азов» с 54 пушками на борту каждого из них⁴⁴. 13 июня 1737 г. был спущен корабль «Императрица Анна», вооруженный 120 пушками. Рондо полагал, что этот корабль «послужит большим украшением Кронштадту, но вряд ли когда-нибудь выйдет оттуда, так как такие большие суда в здешних водах непригодны»⁴⁵. Спустя неделю, на этом судне императрица давала обед на 200 персон для «знатных особ» и всех представителей иностранных государств. Вечером там же был устроен бал. 1 мая 1739 г. Рондо сообщал о снаряжении в Кронштадте военного корабля в 100 пушек и второго – в 64 пушки, а также 32-х пушечного фрегата, готовых к выходу в море⁴⁶. Неудивительно, что столь исчерпывающая информация посланника о состоянии российского флота заслужила «милостивого одобрения» самого короля⁴⁷. Приведенные свидетельства Рондо позволяют также заключить, что императрица Анна Иоанновна уделяла большое внимание состоянию флота и не жалела средств на его строительство.

В своем «Очерке о России» лорд Форбс отмечал, что численность служащих российского флота составляла в 1734 г. 17 820 человек. В их состав входили 7305 моряков, 5200 солдат, а также плотники и конопатчики. Посол обращал внимание на то, что среди подданных императрицы немного тех, кто пригоден к мореплаванию, и что моряков явно не хватает. А учитывая, что суда активны лишь три–четыре летних месяца, то офицеры не имеют достаточной практики, за исключением иностранцев. «Их суда прекрасные и большие и, по всей вероятности, хорошо и умело построены, – свидетельствовал Форбс, – но быстро приходят в негодность из-за снега и морозов». Посол также подчеркивал, что все виды материалов, используемых для строительства судов, производятся в России. В 1733 г. российский флот состоял из 30 судов и фрегатов⁴⁸.

Не меньше внимания британские послы уделяли и российской армии. 25 апреля 1732 г. Рондо с оптимизмом докладывал лорду Гаррингтону, что в скором времени России «понадобятся очень значительные партии сукна, так как государыня решила содержать впредь постоянно трехсоттысячную армию (теперь, как уверял меня фельдмаршал Миних, она состоит приблизительно из двухсот пятидесяти тысяч регулярного войска)»⁴⁹. Удовлетворение от полученного известия Рондо испытывал потому, что закупать сукно для обмундирования армии в таком количестве предполагалось исключительно у англичан.

Как известно, в российской армии служило немало иностранных офицеров. Они получали неплохое жалованье, что привлекало, по мнению Рондо, «множество иноземных офицеров искать службы». Посланник писал госсекретарю, что «многие из них пристроились, но государыня, видя, что число их возрастает с каждым днем», приказала фельдмаршалу Миниху объявить, что «в большем количестве офицеров она не нуждается, что их и так принято гораздо более, чем следовало»⁵⁰.

В марте 1733 г. Рондо внимательно следил за передвижением русских войск, готовых выдвинуться в Польшу в случае, «если бы поляки избрали (на вакантный пост польского

⁴³ Там же. С. 610–611.

⁴⁴ Там же. Т. 80. С. 73.

⁴⁵ Там же. С. 159.

⁴⁶ Там же. С. 468.

⁴⁷ Там же. Т. 66. С. 558.

⁴⁸ Как отмечал издатель «Очерка» Форбса М. Биттер, дипломат приводил названия каждого судна и количество орудий на них // *Bitter M.* Op. cit. P. 915–916.

⁴⁹ СИРИО. Т. 66. С. 448.

⁵⁰ Там же. С. 475–476.

короля. — Т.Л.) лицо, неприятное Ее Величеству и ее союзникам». К своей депеше он присоединил также список войск, общая численность которых на тот момент составляла 56 968 человек⁵¹. В ответном послании госсекретарь сообщал, что король «принял к сведению» информацию Рондо и просил его быть «внимательным ко всему, что относится до этого обстоятельства. Собрать самые точные справки о каждом решении, о каждом шаге русского двора, не пренебрегая никаким случаем к доставлению ... постоянных и правильных донесений»⁵².

Особое внимание рассмотрению состояния российской армии уделил лорд Форбс. «Суверен может обязать любого подданного служить, — подчеркивал посол. — В прошлом (1733. — Т.Л.) году было поставлено под ружье 50 000 солдат и взято на службу 25 000 лошадей». Подданные императрицы обязаны сами приобретать экипировку, не получая помощи от правителя, так как это является существенной статьей расходов годового дохода страны. Форбс удивлялся тому, каким образом царь Петр I в свое время при умеренном годовом доходе мог вести «дорогостоящие войны за границей и расходовать чрезмерные средства на работы в стране». На его взгляд, деспотическое правительство, существующее в России, «располагает большими ресурсами и может делать то, что не под силу другим государствам»⁵³. По подсчетам Форбса, при Анне Иоанновне расходы на армию составили 4 млн руб. и на флот — 1 млн 200 тыс. руб.⁵⁴

Освещая положение дел в российской армии, Форбс пришел к заключению, что «регулярные наземные войска непропорционально расположены на территории страны и вдоль ее границ», однако они «превосходят по количеству и силе армии своих соседей, не знают усталости, отважны, дисциплинированы и боятся своих офицеров больше, чем врага, у них недостаточно своих офицеров и чаще всего они нанимают на эти должности иностранцев»⁵⁵. Что касается кавалерии, то, на его взгляд, она состоит из «маленьких неутомимых лошадей, более пригодных для путешествий, чем для строя в эскадроне». И хотя у русских нет «высокоскоростных лошадей и хороших наездников, тем не менее они готовы в любой момент спешиться и вступить в бой»⁵⁶. Кроме того, русская армия обладает «очень большой и прекрасной артиллерией», которая хорошо управляется, а ее магазины наполнены всем необходимым для армейских нужд.

Остановился Форбс и на снабжении армии. Он отмечал, что войска меняют форму раз в три года, а одна треть — ежегодно (по-видимому, к последним он причислял гвардейцев императрицы. — Т.Л.). Мундиры воинов зеленого цвета, что позволяет их хорошо различать на поле боя. Каждый солдат получает в месяц 1,5 бушеля муки и 58 коп., так что расходы государства на каждого из них составляют около 1,5 руб. в месяц. Офицеры к тому же снабжаются деньгами на муку и одежду, а также на соль и просо. К сказанному Форбс разместил информацию о каждом из полков с указанием количества личного состава в каждом из них⁵⁷.

Судя по переданной в Лондон послами информации, они активно собирали сведения при дворе Анны Иоанновны. Но каким образом им удавалось это делать? Кто являлся информатором британских дипломатов в нашей стране? Как выясняется, самым главным источником для получения секретной информации для англичан становились министры и придворные Анны Иоанновны. Так, Рондо очень быстро разобрался в расстановке сил при дворе и пользовался любой возможностью, чтобы войти в доверие к тем сановникам,

⁵¹ Там же. С. 660–662.

⁵² Там же. С. 572–573.

⁵³ *Bitter M.* Op. cit. P. 914.

⁵⁴ *Ibidem.*

⁵⁵ *Ibid.* P. 915.

⁵⁶ *Ibidem.*

⁵⁷ Автор публикации источника М. Биттер не приводит эти данные, ограничиваясь подсчетами Форбса общего количества войск русской армии в 216 671 человека // *Bitter M.* Op. cit. P. 915.

которые могли поделиться с ним такой информацией. Чаще всего ими являлись высокопоставленные чиновники, которые были «особенно расположены к англичанам», как, например, П.И. Ягужинский и Голицыны. В депеше госсекретарю от 17 сентября 1730 г. Рондо прямо называл их имена, подчеркивая, что эти люди знают, что «России выгодно жить в дружбе» с Англией⁵⁸. Особенно Рондо заинтересовался Ягужинским после того, как тот занял пост генерал-прокурора. «Теперь Ягужинский первое по власти лицо после Ее Величества, — докладывал посланник госсекретарю 8 октября 1730 г. — Он вправе войти в любую коллегия и пересмотреть в ней все дела; коллегия должна слушаться его приказаний; даже Сенат не может предпринять ничего без его согласия. Обо всем замеченном он докладывает Ее Величеству... Надеюсь, что ваше превосходительство с радостью узнаете о его повышении, так как он всегда был особенно расположен к нам ...Ягужинский... не сомневается в восстановлении прежних добрых отношений между Великобританией и Россией»⁵⁹.

Восхищаясь Ягужинским, Рондо в то же время сокрушался, что среди министров мало тех, кто симпатизировал англичанам. «Все же особенно досадно то, что среди всех лиц, стоящих у кормила, только Павел Иванович Ягужинский может считаться нашим действительным другом», — докладывал Рондо лорду Гаррингтону 4 января 1731 г.⁶⁰

Не ограничиваясь министрами, Рондо предлагал привлечь на свою сторону фаворитов императрицы. «Не могу не высказать убеждения, что, вздумай наш двор... сделать шаг к привлечению фаворитов на свою сторону, мы в состоянии были бы парализовать все старания венского двора, который... действует здесь исключительно подкупом», — отмечал Рондо⁶¹. И вскоре посланник сумел добиться расположения самого могущественного из фаворитов Анны Иоанновны — Э.И. Бирона. 13 июля «я имел честь видиться с обер-камергером, графом Бироном, который... при всяком случае оказывает мне явное расположение, — писал Рондо лорду Гаррингтону 15 июля 1732 г. — Льщу себя надеждой, что вашему превосходительству приятно будет узнать, что я пользуюсь такой милостью графа Бирона, который здесь самая могущественная личность после Ее Величества»⁶².

Судя по переписке Рондо с госсекретарем, посланнику действительно удалось войти в доверие к графу, что порадовало его руководство. «Его Величеству очень приятно видеть доверие, оказываемое вам графом Бироном», — извещал посланника госсекретарь и далее структурировал: «Продолжайте поддерживать его расположение всеми мерами»⁶³. В ответ Рондо заверял руководство, что «всячески постарается» сохранить дружбу графа, который относится к нему «чрезвычайно милостиво»⁶⁴. Благодаря подобной «дружбе», Рондо узнал от Бирона подробности такого важного события, как взятие Очакова, а также о переговорах о мире с Турцией в Немирове, о которых герцог сообщил посланнику «конфиденциально»⁶⁵.

О событиях русско-турецкой войны 1735–1739 гг. секретной информацией делились с Рондо и другие высокопоставленные лица, в том числе фельдмаршал Миних. Так, он сообщил англичанину о численности российской армии («приблизительно из двухсот пятидесяти тысяч регулярного войска») ⁶⁶. После прибытия из расположения войск в столицу в декабре 1737 г. граф Миних поспешил представиться императрице. «С тех пор, — сообщал Рондо госсекретарю, — я имел честь видиться с ним, и мы долго разговаривали о настоящем положении дел»⁶⁷.

⁵⁸ СИРИО. Т. 66. С. 234.

⁵⁹ Там же. С. 239–241.

⁶⁰ Там же. С. 273.

⁶¹ Там же. С. 274.

⁶² Там же. С. 482.

⁶³ Там же. Т. 80. С. 50–51.

⁶⁴ Там же. С. 64.

⁶⁵ Там же. С. 171, 215.

⁶⁶ Там же. Т. 66. С. 448.

⁶⁷ Там же. Т. 80. С. 250.

Не только Миних, но и фельдмаршал Леси оказывал Рондо определенные услуги. Он снял «чрезвычайно интересную карту той местности (где предстояло сражение. — Т.Л.) и любезно дал мне копию с нее», информировал посланник госсекретаря, обещая ему ее переслать, «так как в случае продолжения войны без такой карты ни королю, ни кому бы то ни было нельзя будет проследить, где находится русская армия»⁶⁸.

Информацией о военных действиях делились с послами и министры. Так, граф Остерман сообщил Рондо о движении турок с целью захвата Очакова, а также добавил, что русский гарнизон, расположенный в крепости, состоит из 8 полков, которые в полном составе образуют 10-тысячный корпус⁶⁹. Вице-канцлер также позволял Рондо снимать копии с документов, предупреждая, чтобы он не упоминал об этом никому⁷⁰.

Донесения Рондо о военных событиях и состоянии армии и флота особенно интересовали правительство Великобритании. Лорд Гаррингтон, направляя письмо Рондо 1 июля 1737 г., сообщал, что король «с удовольствием» читает его известия «обо всем, касающемся мира и войны». А затем инструктировал: «Не стесняйтесь (использовать шифр), когда ведете речь о каком-либо текущем деле: ваши письма, идя издалека, проходят через столько рук!»⁷¹. Следует обратить внимание на то, что Рондо не всегда называл имена своих информаторов. Нередко в его депешах вообще не указывались фамилии: «мне под большим секретом передавали»; «из многих бесед со здешними министрами вижу»; «по некоторым секретным известиям, полученным мною из армии», и т.д.⁷² 4 июля 1738 г. Рондо извещал лорда Гаррингтона, что «один добрый приятель» сообщил ему, что Сенат постановил «немедленно созвать 40 тыс. рекрут. Если придется двинуть в эту сторону гарнизоны из городов внутренней России, рекруты займут их место»⁷³. Надо признать, что посланник дорожил своими информаторами. Так, извещая Гаррингтона, что его «тайный друг» сообщил какое-то важное сведение, дипломат просил госсекретаря пользоваться им таким образом, чтобы нельзя было понять, кто информатор. «Оно может повлечь за собой гибель моего друга», — высказывал свои опасения Рондо⁷⁴. И Гаррингтон в ответной депеше спешил заверить посланника: «Можете быть уверены, что сообщением, сделанным вашим тайным другом, мы воспользуемся так, чтобы отнюдь не повредить ему; можете положиться на то, что и впредь подобные предосторожности будут принимаемы по поводу каждого известия, которое вам удастся добыть тем же путем о делах русского двора»⁷⁵.

Среди информаторов Рондо были и женщины, одна из которых — его собственная супруга. Мы помним, что Джейн близко сошлась с герцогиней курляндской, супругой Бирона, а также часто виделась с императрицей. Естественно, что она могла стать невольной свидетельницей частных разговоров Анны Иоанновны с министрами. Учитывая данное обстоятельство, Клавдий Рондо, отправляя жену «ввиду расстроенного здоровья» в Лондон «для совещания с врачами», писал лорду Гаррингтону: «Так как она прожила здесь (в России. — Т.Л.) 9 лет и со всеми знакома при здешнем дворе, королеве, быть может, угодно будет повидать ее. В таком случае не потрудитесь ли, ваше превосходительство, сообщить ...о желании королевы, дабы жена могла явиться к Ее Величеству и ответить на все вопросы, которые будут ей милостиво поставлены»⁷⁶.

⁶⁸ Там же. С. 273.

⁶⁹ Там же. С. 225, 227.

⁷⁰ Там же. С. 322.

⁷¹ Там же. С. 162.

⁷² Там же. С. 325, 227, 352.

⁷³ Там же. С. 324.

⁷⁴ Там же. С. 300.

⁷⁵ Там же. С. 341.

⁷⁶ Там же. С. 159–160.

Итак, как мы могли убедиться, разведывательная деятельность британских послов велась, и довольно успешно, по заданию правительства Великобритании. Свою информацию дипломаты получали из различных источников, но самым главным для них становились первые лица в государстве: министры и высокопоставленные чины в армии. Полученная от них секретная информация чаще всего поощрялась материально (деньгами и дорогостоящими подарками). И мало кто из высокопоставленных чиновников задумывался над тем, что, сообщая подобные сведения иностранным послам, они тем самым совершали государственное преступление, нанося вред своему Отечеству. Что же касается английских послов, то своей разведывательной деятельностью, осуществляемой по заданию правительства Великобритании, они убедительно доказали, что политика британской дипломатии, проводимая по отношению к России в первой трети XVIII в., была далеко не дружественной, а шпионаж превращался в постоянный атрибут их профессии.

Библиография

Записка о некоторых вельможах русского двора в 1730 году // Чтения московского общества истории и древностей. Кн. II. СПб., 1861. С.1–19.

Лабутина Т.Л. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб., 2019.

Лабутина Т.Л. Британские разведчики в России (XVI–XVIII вв.) // Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света. Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова. М., 2011. С. 389–411.

Лабутина Т.Л. Британский посол Чарльз Уильямс и его секретная переписка с великой княгиней Екатериной Алексеевной // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 161–174.

Лабутина Т.Л. Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013.

Лабутина Т.Л. Великобритания и Россия на пути к восстановлению дипломатических отношений (1720–1731 годы) // Новая и новейшая история. 2021. № 4. С. 59–70.

Орлов А.А. «Флот есть важное дело и дело великого иждивения». Донесение контр-адмирала лорда Дюффуса императрице Анне Иоанновне о состоянии балтийского флота в 1732 году // Политика истории. К 70-летию доктора исторических наук Марины Павловны Айзенштат. М., 2021. С. 189–199.

Письма леди Рондо (жены английского резидента при русском дворе в царствование Анны Иоанновны) // Записки иностранцев о России в XVIII столетии. Т. I. СПб., 1874. С. 49–50.

Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 66. СПб., 1889; Т. 80. СПб., 1892.

Bitter M. Document George Forbes's "Account of Russia", 1733–1734 // Slavonic and East European Review. 2004. Vol. 82. № 4. P. 886–919.

References

Labutina T.L. Britanczy' v Rossii v XVIII veke [The British in Russia in the 18th century]. Sankt-Peterburg, 2013. (In Russ.)

Labutina T.L. Britanskie diplomaty' i Ekaterina II. Dialog i protivostoyanie [British diplomats and Catherine II. Dialogue and confrontation]. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)

Labutina T.L. Britanskije razvedchiki v Rossii (XVI–XVIII vv.) [British intelligence officers in Russia (16th–18th centuries)] // Mnogolikost' celogo: iz istorii civilizacij Starogo i Novogo sveta. Sbornik statej v chest' Viktora Leonidovicha Mal'kova [The diversity of the whole: from the history of civilizations of the Old and New World. Collection of articles in honor of Viktor Leonidovich Malkov]. Moskva, 2011. S. 389–411. (In Russ.)

Labutina T.L. Britanskij posol Charl'z Uil'yams i ego sekretnaya perepiska s velikoj knyaginej Ekaterinoj Alekseevnoj [British Ambassador Charles Williams and his secret correspondence with Grand Duchess Ekaterina Alekseevna] // Novaya i novejšhaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2014. № 4. S. 161–174. (In Russ.)

Labutina T.L. Velikobritaniya i Rossiya na puti k vosstanovleniyu diplomaticheskikh otnoshenij (1720–1731 gody) [Great Britain and Russia on the way to the restoration of diplomatic relations (1720–1731)] // Novaya i novejšhaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 4. S. 59–70. (In Russ.)

Orlov A.A. "Flot est' vazhnoe delo i delo velikogo izhdiveniya". Donesenie kontr-admirala lorda Duffusa imperatrice Anne Ioannovne o sostoyanii baltijskogo flota v 1732 godu ["The fleet is an important matter and a matter of great dependence". Report of Rear Admiral Lord Duffus to Empress Anna Ioannovna on the state

of the Baltic Fleet in 1732] // *Politika istorii. K 70-letiyu doktora istoricheskikh nauk Mariny Pavlovny Ajzenshtat* [Politics of History. To the 70th anniversary of the Doctor of Historical Sciences Marina Pavlovna Eisenstatt]. Moskva, 2021. S. 189–199. (In Russ.)

Pis'ma ledi Rondo (zheny angliyskogo rezidenta pri russkom dvore v tsarstvovanii Anny Ivanovny [Letters from Lady Rondo (the wife of an English resident at the Russian court during the reign of Anna Ivanovna] // *Zapiski inostrantsev o Rossii v XVIII stoletii* [Notes of foreigners about Russia in the 18th century]. T. 1. Sankt-Peterburg, 1874. S. 49–54. (In Russ.)

Sbornik imperatorskogo rossiyskogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. T. 66. Sankt-Peterburg, 1889; T. 80. Sankt-Peterburg, 1892. (In Russ.)

Zapiska o nekotorykh vel'mozhakh russkogo dvora v 1730 godu [A note about some noblemen of the Russian court in 1730] // *Chteniya moskovskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Readings of the Moscow Society of History and Antiquities]. Book II. Sankt-Peterburg, 1861. S. 1–19. (In Russ.)

Bitter M. Document George Forbes's "Account of Russia", 1733–1734 // *Slavonic and East European Review*. 2004. Vol. 82. № 4. P. 886–919.

DOI: 10.31857/S013038640020236-7

© 2022 г. М.А. ФИЛИМОНОВА

ЧАРЛЗ КОТСУОРТ ПИНКНИ (1746–1825): ТРИЖДЫ КАНДИДАТ В ПРЕЗИДЕНТЫ США

Филимонова Мария Александровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр изучения США» Курского государственного университета (Курск, Россия).

E-mail: mar-filimonova@yandex.ru

Scopus Author ID: 57220075003; ORCID: 0000-0001-7212-2371; Researcher ID: P-3716-2019

Аннотация. Чарлз Котсуорт Пинкни — один из забытых «отцов — основателей» США. Его многогранная военная, политическая и дипломатическая деятельность слабо изучена в американской историографии и совершенно не привлекала внимания отечественных американистов. Исследование его биографии представляется особенно актуальным в свете современных тенденций в американском обществе, когда деятельность «отцов-основателей» рассматривается односторонне, лишь через призму проблемы рабства и расизма. Отсюда цель данной статьи — на примере биографии южанина революционной эпохи показать, как в мировоззрении «отцов-основателей» защита рабовладения могла сочетаться с ценностями классического республиканизма и принципами Просвещения.

Источниковая база исследования основана прежде всего на электронном архиве семьи Пинкни, опубликованном Университетом Виргинии. Используются также публикации дебатов Конституционного конвента 1787 г. и материалов ратификационной кампании, пресса Южной Каролины.

Автор приходит к выводу, что Пинкни следовал этическим моделям классического республиканизма. В политике его целью была республика, где правит добродетель и талант. Однако, подобно античным полисам, идеальное государство Пинкни было государством свободного меньшинства населения. Свобода и равенство, с его точки зрения, не могли распространяться на рабов. Тем не менее он остался в истории как один из авторов Конституции США и как дипломат, отказавшийся подчиниться вымогательству со стороны французской Директории. Он трижды баллотировался на пост президента США и, хотя каждый раз проигрывал, вышел из этого испытания с незапятнанной репутацией, что было редкостью в условиях ожесточенной партийной борьбы.

Ключевые слова: Южная Каролина, Война за независимость США, американо-французские отношения, двухпартийная система, избирательная система, выборы, дипломатические отношения, республиканизм, США.

М.А. Filimonova

Charles Cotesworth Pinckney (1746–1825): Three-Time Presidential Candidate of the United States

Maria Filimonova, Kursk State University (Kursk, Russia).

E-mail: mar-filimonova@yandex.ru

Scopus Author ID: 57220075003; ORCID: 0000-0001-7212-2371; Researcher ID: P-3716-2019

Abstract. Charles Cotesworth Pinckney is one of the forgotten “founding fathers” of the United States. His diverse military, political, and diplomatic activities have been poorly studied in American historiography and have received little attention on the part of Russian Americanists. The study of his biography is particularly relevant in the light of current trends in American society, where the activities of the “founding fathers” are viewed narrowly, solely through the prism of slavery and racism. Hence the aim of this article is to use the biography of a Southerner from the revolutionary era to illustrate how the defence of slavery could be combined with the values of classical republicanism and the principles of the Enlightenment in the worldview of the “founding fathers”.

The source base of the study is largely founded on the electronic archive of the Pinckney family, published by the University of Virginia. Publications of the debates of the Constitutional Convention of 1787 and materials of the ratification campaign, as well as South Carolina periodicals were also used.

From available sources, the author concludes that Pinckney followed the ethical models of classical republicanism. In politics, Pinckney aimed at a republic ruled by virtue and talent. However, like an ancient polis, Pinckney’s ideal state was a state of a free minority. From his point of view, freedom and equality had nothing to do with slaves. Nevertheless, he remained in history as one of the authors of the US Constitution, and as a diplomat who refused to submit to extortion by the French Directory. He ran for president of the United States three times and, although he lost each time, he emerged from the ordeal with an unblemished reputation, which was rare in a fiercely partisan struggle.

Keywords: South Carolina, US War of Independence, US-French relations, two-party system, electoral system, elections, diplomatic relations, republicanism, USA.

Южная Каролина XVIII в. в какой-то мере находится в тени блистательного «виргинского ренессанса». Культура этого своеобразного штата, его вклад в становление американской государственности, его лидеры остаются своего рода «белым пятном» американской историографии. Чарлз Котсуорт Пинкни — один из самых ярких южно-каролинцев революционной эпохи — почти не привлекал внимания историков. Ему посвящена лишь одна монография за авторством Марвина Занисера, который рассматривал жизненный путь Пинкни в контексте становления первой двухпартийной системы¹. В отечественной историографии Пинкни упоминался лишь при анализе американо-французских отношений 1790-х годов².

В настоящее время можно надеяться, что изучение биографии Пинкни получит новый толчок в связи с масштабным проектом Университета Виргинии, который с 2016 г. занимается электронной публикацией архива Чарлза Котсуорта Пинкни, его брата Томаса и их кузена Чарлза. В настоящее время опубликовано более 3 тыс. документов, главным образом деловая и семейная переписка³. Об участии Чарлза Котсуорта в работе Конституционного конвента 1787 г. можно судить по классической публикации дебатов, сделанной М. Фаррандом⁴. Его деятельность в период ратификационной кампании отражена в многотомной публикации «Документальная история ратификации Конституции»⁵.

Колониальная Южная Каролина была краем болот и лихорадок. С ветвей огромных кипарисов, точно траурные вуали, свисали пряди испанского мха (тилландсии) — по легенде, то были волосы индейской принцессы, умершей от любви. Жаркое субтропическое лето приносило с собой желтую лихорадку и малярию. За столетие 1670–1775 гг.

¹ *Zahniser M.R.* Charles Cotesworth Pinckney: Founding Father. Chapel Hill, 1967.

² *Краснов Н.А.* США и Франция: дипломатические отношения, 1775–1801 гг. М., 2000. С. 304–309, 314–315, 322–323.

³ *The Papers of the Revolutionary Era Pinckney Statesmen Digital Edition* / ed. C.B. Schulz. Charlottesville, 2016 // URL: <https://rotunda.upress.virginia.edu/founders/PNKY.html> (дата обращения: 24.12.2021).

⁴ *The Records of the Federal Convention of 1787: 3 vols.* / ed. M. Farrand. New Haven; London, 1911.

⁵ *The Documentary History of the Ratification of the Constitution* (далее — DHRC): 29 vols. / eds M. Jensen e.a. Madison (WI), 1976–2017.

колония пережила 59 крупных эпидемий⁶. Рай — весной, ад — летом и лазарет — зимой, так говорили о Южной Каролине современники. Зато выжившие приобретали иммунитет к болезням и привычку к жаркому климату. Плантаторы находили даже приятность в своих уединенных усадьбах. Элиза Лукас Пинкни, мать Чарлза Котсуорта, описывала свою жизнь на плантации: «Величественные сосны возвышаются на свежих лугах; молодой мирт радуется своим благоуханием, золотистый жасмин обволакивает своим ароматом и делает незабываемыми сельские прогулки в рощах деревьев. Вид, открывающийся с веранды, запах жимолости и многочисленные лесные красоты приглашают разделить радости нашего края»⁷.

Южнокаролинская столица, Чарлстон, была единственным городом в 13 первоначальных штатах, окруженным стенами и бастионами подобно средневековому замку. Укрепления были не для красоты: городу постоянно угрожали то пираты, то испанцы, то индейцы, а также восстания собственных рабов. Последних в Южной Каролине было примерно в два раза больше, чем белых. Но Чарлстон был не только крепостью. Горожане по мере сил старались подражать рафинированным лондонцам. По отзывам той же Элизы Пинкни, «центр провинции Чарлз-таун — чистое, приятное место. Его обитатели вежливы и придерживаются деликатных манер, строительство домов и улиц ведется в соответствии с регулярной планировкой, леди и джентльмены облачаются в нарядные одежды»⁸.

Благосостояние южнокаролинских плантаторов имело прочную экономическую основу. Главный продукт колониальной Южной Каролины — рис — культура трудоемкая. Нужно было рубить вековые деревья, сооружать дамбы и рыть каналы, чтобы будущие поля не заливало больше необходимого. Привезенные из Африки рабы сотнями гибли от непосильных нагрузок и болезней. В течение первых трех лет жизни в южнокаролинских болотах умирало до трети африканцев⁹. Но ценой тяжелейшего рабского труда болота превращались в рисовые плантации. На рисе южнокаролинская элита наживала такие состояния, что ее представителей называли «набобами», подобно баснословно богатым правителям Индии. Неудивительно, что Южная Каролина крепче всех других штатов держалась за «особый институт».

Семья Пинкни могла похвастаться знатной родословной. Основатель рода, сеньор де Пикиньи, прибыл в Англию с Вильгельмом Завоевателем. Один из Пинкни был среди баронов, вырвавших у Иоанна Безземельного Великую хартию вольностей. В 1692 г. обедневший потомок норманнских рыцарей, Томас, прибыл в Южную Каролину на британском приватире «Верная Ямайка». Его потомками были три видных лидера революционной эпохи: Чарлз, Чарлз Котсуорт и Томас Пинкни.

Отец Чарлза Котсуорта и Томаса, Чарлз Пинкни-старший, был видной фигурой в колониальной политике. Его жена, Элиза Лукас Пинкни, получила свою долю славы, поскольку благодаря ей в Южной Каролине утвердилось производство индиго. Через 10 лет после ее первых экспериментов с новой культурой Каролина производила уже 216 тыс. фт. индиго ежегодно, а в следующие 20 лет производство учетверилось¹⁰.

Чарлз Котсуорт Пинкни был старшим сыном. На него с раннего возраста возлагали большие надежды. Гордая мать сразу же разглядела в младенце «все добродетели его папочки»¹¹. В 1753 г. Чарлз-старший перевез жену и обоих сыновей в Англию, где он представлял интересы колонии. Каролинцы поселились в старинной деревушке в Суррее.

⁶ *Edgar W.B.* South Carolina: A History. Columbia (SC), 1998. P. 157.

⁷ Цит. по: *Короткова С.А.* Элиза Лукас Пинкни — первая женщина-агроном в США // Американский ежегодник. 2012. М., 2012. С. 153.

⁸ Там же. С. 147.

⁹ *Edgar W.B.* Op. cit. P. 156.

¹⁰ *Zahniser M.R.* Op. cit. P. 7.

¹¹ *Ibid.* P. 8.

Деревня Рипли стояла на дороге из Портсмута в Лондон. Отсюда легко было добраться до столицы.

С началом Семилетней войны Пинкни-старший стал опасаться, что французы предпримут атаку на Южную Каролину и его плантации могут пострадать. Оставив детей в Англии, он вместе с женой отправился в Чарлстон, чтобы насколько возможно обезопасить свои активы. Увы, поездка оказалась для него роковой. Едва ступив на американскую землю, он заболел лихорадкой и умер 12 июля 1758 г. Убитая горем Элиза писала сыновьям: «Старайтесь подчиняться Воле Божьей безропотно, и пусть будет утешением для вас, мои дорогие малыши, пока вы живы, что у вас был такой отец! Он подал вам великий и добрый пример, пусть Господь даст вам обоим возможность следовать ему»¹². На Чарлза Котсуорта легла огромная ответственность. Мать писала ему: «Хотя ты очень молод, ты должен знать, что благополучие всей семьи в значительной степени зависит от твоих успехов в религии, нравственных добродетелях и обучении»¹³. В завещании Чарлза Пинкни-старшего от старшего сына требовалось, чтобы он направил свои способности на поддержку «добродетельной свободы религиозной, равно как и гражданской, на поддержку частных прав и справедливости между людьми»¹⁴.

А пока Чарлз Котсуорт и Томас готовились к поступлению в Оксфорд в старинной Вестминстерской школе. Программа обучения была классической: много греческого, еще больше латыни. Ученики штудировали античных авторов, пытались сами писать латинские стихи. Мальчики проводили в школе по восемь-девять часов. Лишь в четверг и субботу им позволялось отдохнуть после полудня, если они выполнили домашние задания. Жизнь в школе не могла быть легкой для южнокаролинца. Это в колонии он считался «набобом», а для однокашников – сыновей английской элиты – был просто-напросто выскочкой. Без сомнения, ему довольно часто давали это почувствовать. В ответ он бравировал своим американским происхождением. Уже в это время Чарлз Котсуорт обратил на себя внимание твердостью характера и правдивостью. В одном спорном случае учитель обратился к нему: «Я знаю строгость ваших принципов и пристрастие к правде. Говорите, Пинкни. Мое решение будет зависеть от вашего суждения»¹⁵.

Выпускники Вестминстерской школы обычно поступали в оксфордский колледж Крайстчерч. Именно туда Чарлз Котсуорт и поступил в январе 1764 г. В политическом смысле это был удачный выбор. Вообще в Оксфорде доминировали тори, но Крайстчерч был оплотом вигизма. Виги же, в отличие от тори, симпатизировали колониям. Не случайны американские патриоты, в свою очередь, называли себя вигами. И именно в этом колледже читал лекции авторитетный юрист сэра Уильяма Блэкстон – главный специалист своего времени по вопросам английского права. Оксфордское образование было дополнено юридической практикой в Миддл-темпл – одном из судебных иннов Лондона. Нельзя сказать, чтобы дисциплина в университете или в инне отличалась излишней строгостью: студент мог проводить время так, как ему нравилось. Чарлз Котсуорт предпочитал учиться. Он много читал, часами пропадал в суде, следил за парламентскими дебатами. Его мать беспокоилась: «Я встревожена, мое дорогое дитя, твоей чрезвычайной худобой, как говорят, из-за интенсивной учебы»¹⁶. Для поправки здоровья юноша был отправлен в турне по Европе, во время которого он прошел курс обучения

¹² E. Lucas Pinckney to Ch.C. Pinckney, and Th. Pinckney. Aug. 1758 // The Papers of Eliza Lucas Pinckney and Harriott Pinckney Horry Digital Edition / ed. C.B. Schulz. Charlottesville, 2012 // URL: <http://rotunda.upress.virginia.edu/PinckneyHorry/ELP0185> (дата обращения: 12.11.2021).

¹³ E. Lucas Pinckney to Ch.C. Pinckney. Apr. 15, 1761 // URL: <http://rotunda.upress.virginia.edu/PinckneyHorry/ELP0173> (дата обращения: 12.11.2021).

¹⁴ South Carolina Gleanings in England / comp. L. Withington // The South Carolina Historical and Genealogical Magazine. 1907. Vol. 8. № 4. P. 217–218.

¹⁵ Zahniser M.R. Op. cit. P. 13.

¹⁶ E. Lucas Pinckney to Ch.C. Pinckney. [1768] // URL: <http://rotunda.upress.virginia.edu/PinckneyHorry/ELP0175> (дата обращения: 12.11.2021).

в королевской военной академии во Франции. В 1769 г. Пинкни был допущен к юридической практике. Его ждало возвращение домой.

Родина встретила его с распростертыми объятиями. Его политическая и военная карьера началась почти сразу, как только он сошел с корабля в Чарлстонской гавани. Он стал офицером колониальной милиции и с легкостью выиграл свои первые выборы – в колониальную ассамблею. Ему оказалось достаточно приехать из Англии и выставить свою кандидатуру, чтобы быть избранным. Решающим доводом в его пользу, видимо, была фамилия. Американская колониальная политика вся строилась на влиянии старинных семей, именно таких, как клан Пинкни.

Выбор между верностью королю и парламенту и правами американцев был для Чарлза Котсуорта очевиден. Возможно, он симпатизировал своим протестующим соотечественникам еще пока обучался в Англии. Он вспоминал позднее: «Я стал сторонником американского дела после долгих размышлений и принципиальных соображений, мое сердце совершенно американское, и ни строгость, ни благосклонность, ни бедность, ни богатство никогда не смогут заставить меня отступить»¹⁷.

Политика не занимала всего времени молодого «набоба». Он записался в Чарлстонское библиотечное общество. В XVIII в. начался расцвет английской клубной культуры, и Южная Каролина по мере сил подражала привычкам лондонской элиты. Библиотечное общество давало Пинкни возможность не только читать книги, но и общаться с представителями местных высших кругов. Отличился он также как талантливый виолончелист на ежегодном балу общества Св. Цецилии. Это общество, названное в честь святой покровительницы музыки, было создано в 1766 г. как частная концертная организация. В течение следующих 54 лет его концерты были самым заметным музыкальным событием в Северной Америке. Сезон начинался в середине осени и продолжался до весны. Каждые две недели общество Св. Цецилии давало концерт, за которым следовал бал. Джентльмены-плантаторы исполняли произведения Баха или Генделя. Присутствовать могли лишь члены общества, их родные и приглашенные ими леди и джентльмены.

Юридическая практика Пинкни шла своим чередом. Широкий резонанс вызвало дело о дуэли вига Джона Хейли и тори Питера Деланси. В пылу спора Деланси назвал оппонента лжецом и тут же получил вызов на поединок. Дуэль состоялась прямо в доме. Противники встали друг напротив друга по сторонам стола и выстрелили одновременно. Деланси был убит на месте. Согласно существовавшему закону Хейли был обвинен в убийстве: дуэли были запрещены. Пинкни взялся его защищать. По отзывам прессы, он снижал «немало похвал» и вместе с коллегами добился того, что обвинение против Хейли было переквалифицировано в убийство по неосторожности¹⁸.

Личная жизнь тоже складывалась удачно. По свидетельству современников и портретам, Чарлз Котсуорт был широкоплеч и склонен к полноте. Черты его лица были тяжелыми, но это искупалось выразительными темными глазами. Может быть, именно его искрящийся взгляд покорию юную Сару Миддлтон. В 1773 г. газеты написали об их бракосочетании¹⁹. Невеста, как и жених, принадлежала к кругу «набобов»-вигов. Ее отец Генри Миддлтон позже стал президентом Континентального конгресса, а ее брат Артур подписал Декларацию независимости. Через этот брак Чарлз Котсуорт присоединился к кругу революционеров южнокаролинского побережья.

К началу 1775 г. Пинкни был членом всех важных революционных комитетов. Он занимался укреплением обороны Чарлстонской гавани от возможного нападения британцев и поддерживал подготовку армии повстанцев. Он был членом первого

¹⁷ Ch.C. Pinckney to J. Money. June 30, 1780 // URL: <https://rotunda.upress.virginia.edu/founders/PNKY-01-01-02-0007-0023> (дата обращения: 12.11.2021).

¹⁸ South Carolina Gazette. 7.XI.1771.

¹⁹ South Carolina Gazette. 4.X.1773.

конгресса своей провинции, который помог Южной Каролине превратиться из британской колонии в независимый штат. После начала Войны за независимость он вступил добровольцем в Континентальную армию. Будучи старшим командиром роты в звании капитана, Пинкни набрал и возглавил гренадеров 1-го полка Южной Каролины. Он участвовал в успешной обороне Чарлстона в битве при острове Салливана в июне 1776 г., когда британские войска предприняли атаку на столицу штата. Это была одна из самых славных страниц Американской революции на Юге.

На острове Салливана был одноименный форт (ныне Форт Моултри), призванный защищать Чарлстон с моря. Квадратная конструкция с угловыми бастионами была сложена из пальметтовых бревен с забутовкой из морского песка. Вдоль задних стен были выстроены кавальеры — малые бастионы. Были даже зубцы, за которыми прятались пушки. На юго-восточном бастионе развевался синий флаг с девизом «Свобода». С фасада форт выглядел внушительно, но задняя и боковые стены оставались незаконченными. Форт был укомплектован мощными пушками, снятыми некогда с трофейного французского корабля, но из них только 12 оказались в состоянии вести огонь. Пороха не хватало. И все-таки каролинцы не собирались сдаваться без боя. 28 июня 1776 г. британский адмирал Питер Паркер с девятью кораблями атаковал Форт Салливан. Мягкие бревна пальметто не треснули под обстрелом, а скорее поглотили выстрел; впоследствии говорили, что пушечные ядра даже отскакивали от стен сооружения. Уильям Моултри, командир 2-го полка Южной Каролины, и его 400 человек вели сражение, в результате сильно поврежденные вражеские корабли были отогнаны. После поражения британцы вывели свои экспедиционные силы в Нью-Йорк и вернулись в Южную Каролину только в 1780 г. Чарлз Котсуорт, впрочем, не совершил подвигов во время этого славного сражения. Его подразделение оставалось в резерве, и он жаловался матери, что был «всего лишь наблюдателем»²⁰.

Когда британская армия начала вести боевые действия в северных и среднеатлантических штатах, Чарлз Котсуорт — уже полковник — повел свой полк на север, чтобы присоединиться к войскам генерала Вашингтона близ Филадельфии. Пинкни и его полк участвовали в сражениях при Брендивайне и при Джермантауне. Он также принял участие в неудачной американской экспедиции, пытавшейся захватить британскую Восточную Флориду.

В 1780 г. Пинкни участвовал в обороне Чарлстона, его задачей было защищать хорошо знакомый ему Форт Салливан. Чарлз Котсуорт надеялся отличиться при обороне родного города и, наконец, стяжать военную славу. Но судьба жестоко обманула его ожидания: 19 апреля военный совет, созданный генералом Бенджамином Линкольном, уже обсуждал возможность капитуляции Чарлстона. Пинкни, услышав предложение сдать, не сдержался и прибег, как тогда говорили, к «грубым выражениям»²¹. Но генералы сошлись на необходимости сдать город. После этого форт тоже был сдан без единого выстрела к вящему унижению Чарлза Котсуорта. Британцы предлагали каролинцу присягнуть на верность королю, угрожая повесить его за измену законному монарху в случае отказа. Пинкни отвечал: «Если бы у меня была вена, которая не билась бы от любви к моей стране, я бы сам ее вскрыл»²². Первоначально его держали в одном из чарлстонских фортов, однако затем перевели под домашний арест. В 1782 г. Чарлз Котсуорт получил свободу в ходе обмена военнопленными. В следующем году он был уволен в отставку в звании бригадного генерала.

После войны Пинкни занялся восстановлением юридической практики и рисовых плантаций. В это время произошли драматические перемены в его семейной жизни.

²⁰ Ch.C. Pinckney to E. Lucas Pinckney. June 29, 1776 // URL: <http://rotunda.upress.virginia.edu/PinckneyHorry/ELP0251> (дата обращения: 12.11.2021).

²¹ *Laurens H. The Papers: 16 vols / ed. D.R. Chesnutt. Columbia (SC), 1968–2003. Vol. 15. № 8. P. 284.*

²² Цит. по: *Zahniser M.R. Op. cit. P. 65.*

Сара умерла, оставив его вдовцом с тремя дочерьми. Чарлз Котсуорт женился вторично на Мэри Смед из богатой плантаторской семьи штата Джорджия. Он вернулся в нижнюю палату законодательного собрания Южной Каролины. Чарлз и его брат Томас стали влиятельной политической силой в штате. Война за независимость убедила многих в Южной Каролине, включая Пинкни, что защита штата требует сотрудничества в рамках всего Союза. Чарлз Котсуорт выступал за более сильное национальное правительство, чем то, которое было предусмотрено «Статьями Конфедерации». Многих ослеплял триумф США над такой сверхдержавой, как Великобритания. Но Чарлз Котсуорт призывал не обольщаться: «Наш успех следует приписывать не старой Конфедерации, а огромным способностям Вашингтона — доблести и энтузиазму нашего народа — жестокости наших врагов и помощи наших друзей»²³.

Эти убеждения он отстаивал как представитель Южной Каролины в Конституционном конвенте. Он выступал за сильное национальное правительство (хотя и с системой сдержек и противовесов), чтобы укрепить рыхлую Конфедерацию. Он высказывался против избрания Палаты представителей всенародным голосованием, считая его непрактичным. Выступал против того, чтобы платить сенаторам, которые, по его мнению, должны быть людьми с независимым состоянием. Оба предложения были отвергнуты. Зато его предложение о ратификации договоров Сенатом было принято и вошло в итоговый документ. Он также был против ограничения численности федеральной постоянной армии. Но самые яркие его выступления были посвящены защите рабовладения. Он заявлял, что его штат не может обходиться без рабов²⁴. Именно он предложил продлить работорговлю на дополнительные восемь лет, до 1808 г., тогда как первоначально предлагалось отменить ее в 1800 г.²⁵

Вернувшись в Чарлстон, он с энтузиазмом включился в ратификационную кампанию. Он не считал Конституцию идеальной, но все же отстаивал ее как приемлемый для всех компромисс. Он писал знакомому: «Я не думаю, что она (Конституция. — М. Ф.) встретит Ваше полное одобрение, но если Вы примете во внимание различные интересы и привычки штатов и то, что этот план правительства был результатом взаимных уступок, это объяснит введение отдельных положений, которые могут показаться Вам исключительными»²⁶.

Роулинс Лоундес, лидер южнокаролинских антифедералистов, выдвинул против Конституции целый ряд возражений. Он опасался, что новое правительство будет слишком сильным, а южные штаты окажутся слишком слабыми, чтобы ему противостоять. Он доказывал, что новая федерация окажется на поверку аристократией (читай: олигархией), где высшие посты займут высородные и богатые. Он отмечал, что в Конституции не гарантированы права граждан, ведь в ней нет Билля о правах. И одновременно в ней не гарантируется рабовладение, что для южанина было неприемлемо. По словам Лоундеса, если Конституция будет ратифицирована, «солнце наших южных штатов не взойдет более»²⁷.

Пинкни пытался обратиться к аргументации Лоундеса против него самого: «Достопочтенный джентльмен намекает, что южные штаты слабы. Я искренне с ним согласен. Мы так слабы, что сами по себе не можем сформировать достаточно сильного союза... Без союза с другими штатами Южная Каролина погибнет»²⁸. И какие вообще основания бояться господства аристократии? Чарлз Котсуорт убеждал: «Есть ли в Конституции что-нибудь такое, что мешает избирать президента и сенаторов из бедных так же, как

²³ DHRC. Vol. 27. P. 145.

²⁴ The Records of the Federal Convention... Vol. 2. P. 371–372.

²⁵ A Necessary Evil? Slavery and the Debate over the Constitution / ed. J.P. Kaminsky. Madison, 1995. P. 62.

²⁶ Ch.C. Pinckney to M. White Ridley. Sept. 29, 1787 // DHRC. Vol. 27. P. 4.

²⁷ Ibid. P. 107.

²⁸ Ibid. P. 122.

и из богатых? Существует ли какой-либо финансовый критерий, необходимый для занятия какой-либо должности в соответствии с новой Конституцией? Нет, не существует. Заслуги и добродетели, а также федеральные принципы – вот качества, которые приведут на должность бедного человека вместо лишенного этих достоинств богача»²⁹. На традиционные для антифедералистов возражения по поводу отсутствия Билля о правах Пинкни отвечал с циничной откровенностью: «Подобные билли обычно начинаются заявлением, что все люди от природы рождаются равными. Но мы бы весьма неохотно сделали подобную декларацию, когда большая часть нашей собственности – люди, в действительности рожденные рабами»³⁰. В эпоху Просвещения рабство считалось варварским установлением, противоречащим природе человека, но только не в Южной Каролине. В конце концов, античные республики, на которые каролинцы ориентировались как на недосягаемые образцы, тоже были рабовладельческими. Можно прийти к выводу, что каролинские революционеры не следовали просвещенческому пониманию свободы как естественного права. Им более свойственна ранняя концепция свободы как привилегии, дарованной избранным. И Чарлз Котсуорт, не смущаясь, заявлял, что, «пока в Южной Каролине остается хоть один акр заболоченной почвы [под рисовые плантации], он будет возвышать голос против ограничения ввоза негров». С этой точки зрения, как он был убежден, Конституция ничем не угрожала Югу. Импорт рабов был гарантирован на 20 лет и мог быть продлен и после 1808 г. Что касается отмены рабства, то это и вовсе невозможно: «У нас есть гарантия того, что общее правительство никогда не сможет освободить их, поскольку такие полномочия не предоставляются». В Конституцию был включен пункт о том, что рабы «могут быть законно возвращены» из свободных штатов и территорий. Это побудило Чарлза Котсуорта похвастаться: «Мы получили право возвращать наших рабов из любой части Америки, где они могут найти убежище, чего у нас раньше не было»³¹. «Набобы» вняли этим доводам: 23 мая 1788 г. Южная Каролина ратифицировала Конституцию.

При новом правительстве Пинкни стал убежденным федералистом. Джордж Вашингтон высоко ценил его и предлагал ему на выбор командовать армией США и служить в Верховном суде, занять пост военного министра или государственного секретаря. Но Пинкни отклонил все эти лестные назначения. Зато в 1796 г. он принял должность дипломатического представителя США во Франции. Отношения с Первой Французской республикой тогда были не на высоте. Американский посол Гувернер Моррис был объявлен во Франции персоной нон грата за откровенно контрреволюционную деятельность. Его преемник Джеймс Монро ничем подобным не занимался, но наладить отношения с французскими властями тоже не смог. Договор Джея между США и Великобританией вызвал гнев членов правящей во Франции Директории. Французскому флоту было приказано арестовывать американские суда, торговавшие с Великобританией, с которой Франция находилась в состоянии войны. Пинкни не мог даже вручить верительные грамоты. В официальном письме говорилось, что Директория «не признает и не примет другого полномочного посланника из Соединенных Штатов до тех пор, пока не будут устранены претензии, требуемые от американского правительства, и которых Французская республика имеет право ожидать от него»³². Более месяца французское правительство отказывалось принять Пинкни. На каком-то этапе ему даже пригрозили арестом. Пинкни был возмущен этим оскорблением и в итоге просто уехал из Парижа.

²⁹ Ibid. P. 120.

³⁰ Ibid. P. 158.

³¹ Ibid. P. 123, 124.

³² *Hamilton A. The Papers: 27 vols. / ed. H.C. Syrett. New York; London, 1961–1987. Vol. 20. P. 548.*

Впрочем, следует уточнить, что Чарлз Котсуорт, как и вся федералистская партия, и до этого не одобрял Французскую революцию. Республику во Франции он считал неудачным и даже пагубным экспериментом: «Мысль о создании республики среди столь изменчивого, капризного и непостоянного народа является одной из самых абсурдных попыток, которые когда-либо предпринимались»³³. Отсюда и его реакция на переворот 18 брюмера. Он писал единомышленнику-федералисту: «Вы удивлены или нет тем, что Буонапарте взял в свои руки бразды правления во Франции? Я признаю, что не удивлен; французы слишком изменчивы и непостоянны, чтобы быть свободными; они неспособны наслаждаться свободой. Любопытно наблюдать, как они постоянно меняют то, что называют своим правительством, в то время как тот же самый военный деспотизм, свидетелем которого я был, правит неизменно»³⁴.

А пока Бонапарт был лишь одним из французских генералов, Пинкни пришлось иметь дело с баснословно коррумпированной Директорией. В 1797 г. президент Джон Адамс назначил его одним из трех уполномоченных для переговоров с французским правительством. Его коллегами были Джон Маршалл и Элбридж Джерри. После предварительной встречи с новым министром иностранных дел Франции М. Талейраном к уполномоченным неофициально обратились посредники (в дипломатической переписке они обозначались буквами X, Y и Z), и они изложили довольно странные требования. От американцев требовали крупный заем Франции и значительные взятки лично Талейрану и членам Директории. Американцы были оскорблены. Говорили, что Чарлз Котсуорт ответил на наглое вымогательство «господ X, Y, Z»: «Нет, нет, ни одного шестипенсовика!» — и призвал свое правительство собрать «миллионы на оборону, но ни одного цента на взятки». Эта фраза стала лозунгом федералистской партии. Получив сведения о происшедшем в Париже, федералисты развернули в печати кампанию против «имперских амбиций галлов». Антифранцузские настроения в США нарастали. Дом издателя республиканской газеты «Аврора», известного своими симпатиями к Франции, подожгли. В накаленной обстановке даже президент США распорядился, чтобы в его частную резиденцию на всякий случай принесли оружие³⁵. Федералист Тимоти Пикеринг убеждал Пинкни: «Хотя не было опубликовано официального отчета о позорном обращении, которому Вы подверглись со стороны французского правительства, все же факты довольно хорошо известны по всей территории Соединенных Штатов и вызвали надлежащую реакцию. Эти впечатления усиливаются беспрецедентными зверствами, совершаемыми французскими агентами и каперами в Вест-Индии»³⁶. Американцы полагали, что Франция (если прибегнуть к современной терминологии) ведет против них «гибридную войну». Кроме захватов американских судов, она, как подозревали, коррумпировала должностных лиц США. Много говорили также о французских агентах; в этом качестве видели французов-эмигрантов, живших в США. Ходили слухи, что «Y» заявил Джерри, Маршаллу и Пинкни: «Возможно... вы полагаете, что, вернувшись и разоблачив перед своими соотечественниками необоснованность требований

³³ Ch.C. Pinckney to J. Read. Febr. 3, 1800 // URL: <https://rotunda.upress.virginia.edu/founders/PNKY-01-03-02-0002-0025> (дата обращения: 13.11.2021).

³⁴ Ch.C. Pinckney to T. Pickering. Febr. 3, 1800 // URL: <https://rotunda.upress.virginia.edu/founders/PNKY-01-03-02-0002-0024> (дата обращения: 13.11.2021).

³⁵ *Краснов Н.А.* Указ. соч. С. 327–328. См. также: *Ушаков В.А.* Джон Адамс и «необъявленная война» с Францией (о роли президента в формировании внешней политики США и урегулировании кризисных ситуаций) // США: становление и развитие национальной традиции и национального характера. М., 1999. С. 280–289; *Трояновская М.О.* Американско-французский конфликт и «квази-война» 1798–1800 гг. // Конфликты и кризисы в международных отношениях, проблемы теории и истории / отв. ред. А.С. Манькин. М., 2001. С. 129–143.

³⁶ T. Pickering to Ch.C. Pinckney. Apr. 8, 1797 // URL: <https://rotunda.upress.virginia.edu/founders/PNKY-01-02-02-0006-0080> (дата обращения: 13.11.2021).

нашего правительства, вы объедините их в сопротивлении этим требованиям: вы ошибаетесь; вы должны знать, что дипломатического мастерства Франции и средств, которыми она располагает в вашей стране, достаточно, чтобы позволить ей вместе с французской партией в Америке возложить вину, которая приведет к разрыву переговоров, на федералистов, как вы себя называете, или на британскую партию, как вас называет Франция; и вы можете быть уверены, что это будет сделано»³⁷.

Срыв переговоров привел к тому, что стало известно, как необъявленная квазивойна (1798–1800 гг.), которая столкнула военно-морские силы двух стран друг с другом. Вернувшись в США, Чарлз Котсуорт оказался в самой гуще военных приготовлений. Президент Адамс попросил Джорджа Вашингтона принять командование армией. Вашингтон же настоял на том, чтобы Чарлзу Котсуорту предложили должность генерала в этой армии. Он считал, что военный опыт Пинкни и политическая поддержка на Юге делают его незаменимым для защиты от возможного вторжения французов. Пинкни возглавлял Южный департамент армии с июля 1798 по июнь 1800 г.

Квазивойна – вероятно, к счастью для США – осталась виртуальной. Боевые действия свелись к незначительным стычкам на море. До французского десанта на американском побережье дело не дошло, и лишь федералистская пресса гремела всюду, призывая сопротивляться «галльскому деспотизму». Чарлз Котсуорт был далек от пропагандистских изысков квази-войны. Его дело было чисто военным: он занимался обучением солдат, поддержанием дисциплины и учебными маневрами. К зиме 1799/00 г. он уже не слишком верил, что боевые действия вообще начнутся. Впрочем, он не считал свои усилия бессмысленными. В феврале 1800 г. он докладывал Гамильтону, унаследовавшему пост главнокомандующего после смерти Вашингтона: «Даже если надо расформировать подразделения, так много важных военных знаний значительное число наших молодых людей приобрело в них, что в любой будущей чрезвычайной ситуации наша страна извлечет из этого существенные преимущества»³⁸. В том же году американо-французская Мортфонтэнская конвенция урегулировала кризис дипломатическим путем. Реакция Чарлза Котсуорта была спокойной. Он рапортовал: «Завтра мы закончим расформирование армии, которая находилась в этом районе; это делалось постепенно; и я с удовлетворением слышу, что солдаты не совершили ни одного нарушения»³⁹.

Взамен неслучившейся войны его ждала иная драматическая кампания – президентские выборы 1800 г. В то время каждая из партий выдвигала на выборы двух кандидатов. Тот, кто набирал большинство голосов выборщиков, становился президентом, занявший второе место – вице-президентом. От джефферсоновских республиканцев баллотировались Томас Джефферсон и Аарон Бэрр. Федералисты предложили кандидатуры действующего президента Джона Адамса и Чарлза Котсуорта Пинкни. Чарлзу Котсуорту исполнилось 54 года, его волосы давно поседелели, а талия расплылась, хотя, возможно, и не так сильно, как у «его шарообразия» Адамса. Харизмой он не обладал, но зато пользовался репутацией честного патриота. Надеялись, что он привлечет к федералистам симпатии южан. К тому же Гамильтон, за которым шла значительная часть федералистов, рассчитывал при помощи Чарлза Котсуорта сместить Адамса. Он также питал надежду, что южнокаролинец, обязанный ему президентским креслом, позволит более опытному политику и дальше руководить собой. Гамильтон развил бурную деятельность. Он написал предполагаемые недостатки Адамса в ядовитом памфлете и предпринял поездку по Новой Англии, пытаясь завоевать голоса для своего ставленника. Он

³⁷ Hamilton A. Op. cit. Vol. 21. P. 440.

³⁸ Ch.C. Pinckney to A. Hamilton. Febr. 10, 1800 // Ibid. Vol. 24. P. 231.

³⁹ Ch.C. Pinckney to W. North. June 12, 1800 // URL: <https://rotunda.upress.virginia.edu/founders/PNKY-01-03-02-0002-0121> (дата обращения: 13.11.2021).

был убежден, что его схема — «единственное, что еще может спасти нас от клыков Джефферсона»⁴⁰. И тем не менее усилия Гамильтона дали обратный эффект. Больше всего своему протезе повредил он сам: его антиадамсовский памфлет никак не сочетался с политической моралью XVIII в. и скомпрометировал скорее своего автора, чем Адамса. Очень много значили усилия джефферсоновца Чарлза Пинкни (тезки, кузена и соперника Чарлза Котсуорта), который мог опереться на то же громкое имя и те же связи среди «набобов», что и Чарлз Котсуорт. Окончательным ударом по гамильтоновским амбициям стала позиция самого Чарлза Котсуорта. Он отказался участвовать в планах Гамильтона сделать его президентом и пообещал не принимать голоса ни одного выборщика, который также не был обещан Адамсу. Итог оказался для федералистов печальным: партия раскололась и навсегда утратила власть. Политическая карьера Гамильтона была закончена. Чарлз Котсуорт не получил ни одного голоса в собственном штате (благодаря усилиям кузена). Третьим президентом США стал Джефферсон. Зато Пинкни мог похвалиться другим редким достижением: за все время кампании ни один журналист-джефферсоновец так и не смог найти ни одного компрометирующего его факта. Трем остальным кандидатам, участвовавшим в выборах, повезло меньше, и их репутации заметно пострадали. Джефферсона, например, обвиняли в безбожии, якобинстве и в связи с собственной рабыней Салли Хемингс. Адамса клеймили монархистом и даже психически нездоровым человеком. Удивительно, что при таком потоке негативной информации и просто клеветы Пинкни остался незапятнанным.

Возможно, именно по этой причине в 1804 г. федералисты снова выдвинули Чарлза Котсуорта в президенты. Но ни он сам, ни его партия не проводили активную кампанию против Джефферсона. Федералисты надеялись, что военная репутация Пинкни и его южное происхождение покажут, что их партия остается общенациональной, но они знали, что у их ставленника мало шансов победить даже в своем родном штате. Джефферсон выиграл выборы с разгромным счетом, набрав 162 голоса выборщиков по сравнению с 14 голосами за Чарлза Котсуорта. Поражение Пинкни в Южной Каролине сделало его первым кандидатом в президенты от крупной партии, не сумевшим добиться избрания в своем родном штате.

Второй срок Джефферсона оказался более трудным, чем первый, поскольку англичане и французы по-прежнему атаковали американское судоходство. На фоне падающей популярности Джефферсона федералисты надеялись на возвращение президентства в 1808 г. На предвыборном съезде партия снова обратилась к Чарлзу Котсуорту. В связи с надвигающейся потенциальной войной против Франции или Великобритании федералисты рассчитывали, что военный опыт Пинкни оценит нация. Он победил в Делавэре и большей части Новой Англии, но кандидат джефферсоновцев Мэдисон выиграл в остальных штатах и получил подавляющее большинство в коллегии выборщиков.

Оставшуюся жизнь Пинкни посвятил юридической практике, законодательной деятельности на уровне штата и благотворительности. Он был членом совета попечителей Колледжа Южной Каролины (позже Университета Южной Каролины), первым президентом Чарлстонского библейского общества и исполнительным директором Чарлстонского библиотечного общества. Он также был заметной фигурой в «Обществе Сцинцинатов», организации бывших офицеров Войны за независимость. Он увлекался скачками и помогал вдовам и сиротам, боролся против дуэлей и проводил сельскохозяйственные эксперименты. Пережив трех дочерей, он умер в Чарлстоне в 1825 г. в возрасте 79 лет. Он был похоронен на кладбище при епископальной церкви Св. Михаила.

⁴⁰ A. Hamilton to Theodore Sedgwick. [May 4, 1800] // *Hamilton A. Op. cit.* Vol. 24. P. 453.

Чарлз Котсуорт Пинкни прошел путь военного, политика и дипломата. Его политические взгляды были близки к классическому республиканизму; его идеалом была республика добродетели и таланта, но не богатства. Идеализированная античность была для него, как и для многих его современников, источником моделей поведения в различных ситуациях. Он разделял взгляды философов-просветителей на государственное устройство, но в отличие от них не распространял представление о естественных правах человека на порабощенных негров. Он был последовательным защитником рабовладения в США. К нему и его единомышленникам восходит апология рабовладения у южных идеологов XIX в. В то же время Пинкни внес свой вклад в создание и ратификацию нынешней Конституции США, защитил честь своей страны в непростых отношениях с французской Директорией. Его репутация среди современников была безупречной.

Библиография

Короткова С.А. Элиза Лукас Пинкни – первая женщина-агроном в США // Американский ежегодник. 2012. М., 2012. С. 144–163.

Краснов Н.А. США и Франция: дипломатические отношения, 1775–1801 гг. М., 2000.

Трояновская М.О. Американско-французский конфликт и «квази-война» 1798–1800 гг. // Конфликты и кризисы в международных отношениях, проблемы теории и истории / отв. ред. А.С. Маныкин. М., 2001. С. 129–143.

Ушаков В.А. Джон Адамс и «необъявленная война» с Францией (о роли президента в формировании внешней политики США и урегулировании кризисных ситуаций) // США: становление и развитие национальной традиции и национального характера. М., 1999. С. 280–289.

A Necessary Evil? Slavery and the Debate over the Constitution / ed. J.P. Kaminsky. Madison, 1995.

Edgar W.B. South Carolina: A History. Columbia (SC), 1998.

Hamilton A. The Papers: 27 vols. / ed. H.C. Syrett. New York; London, 1961–1987.

Laurens H. The Papers: 16 vols. / ed. D.R. Chesnut. Columbia (SC), 1968–2003.

South Carolina Gleanings in England / comp. L. Withington // The South Carolina Historical and Genealogical Magazine. 1907. Vol. 8. № 4. P. 211–219.

The Papers of Eliza Lucas Pinckney and Harriott Pinckney Horry Digital Edition / ed. C.B. Schulz. Charlottesville, 2012 // URL: <https://rotunda.upress.virginia.edu/PinckneyHorry/> (дата обращения: 12.11.2021).

The Papers of the Revolutionary Era Pinckney Statesmen Digital Edition / ed. C.B. Schulz. Charlottesville, 2016 // URL: <https://rotunda.upress.virginia.edu/founders/PNKY.html> (дата обращения: 24.12.2021).

Zahniser M.R. Charles Cotesworth Pinckney: Founding Father. Chapel Hill, 1967.

References

Korotkova S.A. Eliza Lukas Pinkni – pervaya zhenshchina-agronom v SShA [Eliza Lucas Pinckney – the first female agronomist in the USA] // Amerikanskiy ezhegodnik [American Yearbook]. 2012. Moskva, 2012. S. 144–163. (In Russ.)

Krasnov N.A. SShA i Frantsiya: diplomaticheskie otnosheniya, 1775–1801 gg. [USA and France: diplomatic relations, 1775–1801]. Moskva, 2000. (In Russ.)

Troyanovskaya M.O. Amerikano-frantsuzskiy konflikt i “kvazi-voyna” 1798–1800 gg. [The American-French conflict and the “quasi-war” of 1798–1800] // Konflikty i krizisy v mezhdunarodnykh otnosheniyah, problemy teorii i istorii [Conflicts and crises in international relations, problems of theory and history] / отв. ред. А.С. Маныкин. Moskva, 2001. S. 129–143. (In Russ.)

Ushakov V.A. Dzhon Adams i “neob'yavennaya voyna” s Frantsiey (o roli prezidenta v formirovaniy vneshney politiki SShA i uregulirovaniy krizisnykh situatsiy) [John Adams and the “undeclared war” with France (on the role of the president in the formation of US foreign policy and the settlement of crisis situations)] // SShA: stanovlenie i razvitiye natsionalnoy traditsii i natsionalnogo haraktera [USA: formation and development of national tradition and national character]. Moskva, 1999. S. 280–289. (In Russ.)

A Necessary Evil? Slavery and the Debate over the Constitution / ed. J.P. Kaminsky. Madison, 1995.

Edgar W.B. South Carolina: A History. Columbia (SC), 1998.

Hamilton A. The Papers: 27 vols. / ed. H.C. Syrett. New York; London, 1961–1987.

Laurens H. The Papers: 16 vols. / ed. D.R. Chesnutt. Columbia (SC), 1968–2003.

South Carolina Gleanings in England / comp. L. Withington // The South Carolina Historical and Genealogical Magazine. 1907. Vol. 8. № 4. P. 211–219.

The Papers of Eliza Lucas Pinckney and Harriott Pinckney Horry Digital Edition / ed. Constance Schulz. Charlottesville, 2012 // URL: <https://rotunda.upress.virginia.edu/PinckneyHorry/> (access date: 12.11.2021).

The Papers of the Revolutionary Era Pinckney Statesmen Digital Edition / ed. C.B. Schulz. Charlottesville, 2016 // URL: <https://rotunda.upress.virginia.edu/founders/PNKY.html> (access date: 24.12.2021).

Zahniser M.R. Charles Cotesworth Pinckney: Founding Father. Chapel Hill, 1967.

DOI: 10.31857/S013038640020237-8

© 2022 г. А.В. ГРОМОВА

ОПЫТ СЛУЖЕНИЯ ДИАКОНИСС В ЕВРОПЕ КАК ОСНОВА ОРГАНИЗАЦИИ МАРФО-МАРИИНСКОЙ ОБИТЕЛИ МИЛОСЕРДИЯ

Громова Анна Витальевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: avgromova@inbox.ru

Scopus Author ID: 57219052898; Researcher ID: ABG-3732-2021

Аннотация. Статья посвящена попытке возрождения в России в начале XX в. чина диаконисс, существовавшего еще с древности, великой княгиней Елизаветой Федоровной в основанной ею в Москве Марфо-Мариинской обители. Воспитанная в европейских традициях милосердия и благотворительности, великая княгиня Елизавета Федоровна перенесла опыт милосердного служения и деятельной благотворительной помощи на русскую землю. В статье показано, что идея возрождения чина диаконисс была воспринята в обществе неоднозначно. «Великое начинание в Москве» — назвал свою статью об основании Марфо-Мариинской обители известный философ Василий Розанов. В то же время саратовский епископ Гермоген (Долганов) был категорически против института диаконисс, упомянув в пылу дискуссии, что идея возрождения чина «замешана на протестантских дрожжах». В статье обрисовывается сложный процесс обсуждения вопроса о диакониссах. Синод рассматривал его в два приема: в марте и ноябре—декабре 1911 г. Поскольку Синоду не удалось выработать единую позицию, было принято постановление о переносе рассмотрения вопроса на Поместный собор, но Собор 1917—1918 гг. не успел принять решение о диакониссах, поскольку его заседания были прекращены под давлением советской власти. Вопрос о восстановлении чина диаконисс в полном масштабе не стоит в повестке дня сегодня. Однако опыт России начала XX столетия в наши дни вполне актуален и востребован.

Ключевые слова: великая княгиня, Елизавета Федоровна, диакониссы, Марфо-Мариинская обитель, служение.

A.V. Gromova

The Experience of Deaconesses in Europe as a Basis for Organising a Marfo-Mariinsky Convent of Mercy

Anna Gromova, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: avgromova@inbox.ru

Scopus Author ID: 57219052898; Researcher ID: ABG-3732-2021

Abstract. The article explores the attempt to revive the order of deaconesses, which existed since antiquity, by Grand Duchess Elisabeth Feodorovna in the Marfo-Mariinsky Convent founded by her in Moscow, in Russia at the beginning of the twentieth century. Raised in the European tradition of charity and benevolence, the Grand Duchess Elisabeth transferred her experience of charitable ministry to the Russian land. The article demonstrates that the idea of reviving the order of deaconesses was met with a mixed public reaction. “A Great Undertaking in Moscow” was the title of the article on the founding of the Marfo-Mariinsky Convent by the famous philosopher Vasily Rozanov. At the same time Bishop Hermogenes (Dolganov) of Saratov was categorically against the institution of deaconesses, mentioning in the heat of the debate that the idea of reviving the order was “muddled with Protestant yeast”. The article

outlines the complex process of discussing the question of deaconesses. The Synod considered it in two sessions, in March and November–December 1911. Since the Synod failed to arrive at a unified position, it was decided to postpone consideration of the issue to the Local Council. However, the 1917–1918 Council never had time to reach a decision on the deaconesses, as its sessions were discontinued under pressure from the Soviet authorities. The question of re-establishing the order of deaconesses on a full scale is not on the current agenda. Nevertheless, the experience of early twentieth-century Russia is quite relevant and needed today.

Keywords: Grand Duchess, Elizabeth Feodorovna, deaconesses, Marfo-Mariinsky Convent, ministry.

В истории христианской Церкви были известны диакониссы (греч. *διακόνισσα*) – женщины, особо выделявшиеся в церковной жизни в первые века христианства. Они принимали посвящение и несли определенное служение¹. До настоящего времени среди исследователей продолжается дискуссия, в какой степени диакониссы² могли участвовать в богослужениях. Обычная точка зрения такова: диакониссы служили, обращаясь исключительно к женщинам, иногда в связи с деликатными проблемами, и хотя их деяния напоминали диаконовское служение, они не могли иметь особого духовного посвящения для церковных богослужений³. Другая точка зрения видится более точной: диакониссы все-таки имели возможность исполнять некоторые обязанности в пастырском и литургическом служении⁴. В наши дни служение диаконисс происходит в некоторых протестантских церквях, чтобы обеспечить пастырское попечение, особенно для женщин. Оно считается не рукоположенным женским служением.

По сути, служение диаконисс древней Церкви развивалось в двух направлениях. Первое предполагало церковное послушание, связанное с подготовкой женщин (в первую очередь взрослых женщин) к таинству крещения. Диакониссы оказывали помощь священникам непосредственно во время крещения в особо деликатные моменты. Следили также за поведением женщин в храме во время богослужения. Вторым направлением деятельности диаконисс стала забота о нуждающихся и болящих.

В качестве иллюстрации масштабов такой деятельности можно привести пример из времен императора Юстиниана (VI в.), когда диакониссы занимали важное положение. Тогда в храме Святой Софии в Константинополе штат включал 60 священников, 100 диаконов, 40 диаконисс и 90 иподиаконов⁵. Но постепенно в православии деятельность диаконисс перестала быть заметной и почти совсем исчезла из церковной практики. В западной христианской традиции она была долгое время также не очень заметна.

В XIX столетии в Европе и в императорской России вопрос о возобновлении деятельности диаконисс вновь стал актуален. Он активно обсуждался. Утверждать, что в России не знали о диаконии, было бы неверно. О ней знали многие, пытались создать нечто подобное, но попытки были, как правило, неудачны⁶. А на рубеже XIX–XX вв. одним из инициаторов восстановления статуса (звания) диаконисс стала великая княгиня Елизавета Федоровна. В диаконии она видела будущее церковно-социального благотворения.

Основав в Москве после гибели мужа, великого князя Сергея Александровича, Марфо-Мариинскую обитель сестер милосердия, она неслучайно вспомнила древние традиции подвижничества диаконисс, став одной из первых, кто активно и действительно выступил за возвращение этого статуса. С самого начала деятельности обители (с 10 февраля

¹ См. подробнее: *Deaconesses, the Ordination of Women and Orthodox Theology* / eds P. Vassiliadis, N. Papageorgiou, E. Kasselouri-Hatzivassiliadi. Cambridge, 2017; *Women and Ordination in the Orthodox Church. Explorations in Theology and Practice* / eds G. Thoma, E. Narinskaya. Eugene (OR), 2020.

² Иногда слово «диаконисса» писали и пишут с одним «с». Однако мы следуем греческому оригиналу и оставляем за собой право писать «по-древнему», с двумя «с».

³ *Желтов М.* Диаконисса // *Православная энциклопедия*. Т. XIV. М., 2007. С. 580.

⁴ *Karras V.A.* Female Deacons in the Byzantine Church // *Church History*. 2004. Vol. 73. № 2. P. 273–274.

⁵ *Thurston H.* Deaconesses // *The Catholic Encyclopedia*. Vol. 4. New York, 1908. P. 1711.

⁶ *Крючкова М.Н.* Традиции российского милосердия. Марфо-Мариинская обитель. М., 2018. С. 83.

1909 г.) она стала добиваться установления чина диаконисс для сестер. Следует отметить, что данный вопрос вообще остро обсуждался в то время. Можно вспомнить, например, о проекте по восстановлению института диаконисс, предпринятого игуменией Леснинского монастыря Екатериной (Ефимовской). Тем не менее именно с фигурой Елизаветы Федоровны связаны наиболее упорные попытки и практические шаги по восстановлению статуса диаконисс. В рамках представленной статьи мы рассмотрим следующие вопросы: почему и зачем это стало столь важным для нее? откуда у великой княгини было такое глубокое знание предмета? каковы были истоки ее идей и откуда они пришли в Россию?

Будущая российская великая княгиня Елизавета Федоровна родилась в семье герцога Гессен-Дармштадтского Людвиг IV и Алисы, дочери английской королевы Виктории. Принцесса выросла в большой и дружной семье, где дети были окружены любовью родителей. Девочку назвали Елизавета⁷, в том числе и в честь святой подвижницы XIII в. — Елизаветы Тюрингенской (Венгерской), одной из родоначальниц Гессенского рода, посвятившей себя делам милосердия и помощи ближнему. Она кормила голодных, раздавала щедрые милостыни, сама выхаживала больных. Подрастая, маленькая принцесса Элла стремилась подражать своей святой родственнице, воспитываясь на ее примере. В семье великого герцога Гессенского Людвиг IV дети ставили спектакли о жизни святой Елизаветы⁸.

Нельзя не отметить преобладающую роль в воспитании детей матери — великой герцогини Алисы. Будучи по происхождению английской принцессой, она перенесла на немецкую землю строгие правила английского воспитания. Она учила своих детей выполнять всю домашнюю работу: убирать свои комнаты, застилать постели, топить камин, прибегая к помощи горничных только в крайнем случае. Большое внимание Алиса уделяла воспитанию детской души. Именно мать вложила в сознание своих детей высокий христианский смысл любви и сострадания к ближним. Вместе с матерью дети с самого раннего возраста посещали госпитали, приюты, дома для инвалидов, стараясь по мере сил облегчить и скрасить пребывание в них страждущих. По воспоминаниям младшего брата Эллы, Эрнста Людвиг, дети носили цветы в госпиталь, организованный принцессой Алисой в Дармштадте на Мауэрштрассе. Им приходилось, подчас преодолевая детскую робость, общаться с пациентами и даже выполнять их небольшие просьбы⁹. Элла сильно отличалась от своих братьев и сестер и всегда с радостью общалась с бедными, одинокими и больными людьми, видела, как и чем можно им помочь, и делала это. Всегда великодушная в поступках и сдержанная в речи, она более других напоминала мать, унаследовав от нее много ценных качеств. Став великой княгиней Елизаветой Федоровной, перенесла лучшие традиции милосердного служения и деятельной благотворительной помощи на русскую землю. Напомним, что 13 апреля 1891 г. — Лазарева суббота перед Вербным воскресеньем — великая княгиня Елизавета Федоровна назовет для себя «Великим днем». Тогда в маленькой домово́й церкви Сергиевского дворца в Санкт-Петербурге протопресвитером Иоанном Янышевым был совершен обряд присоединения великой княгини к православию. Она приняла православие с именем Елисавета, в честь своей небесной покровительницы — святой праведной Елисаветы, матери Святого пророка Иоанна Крестителя.

В 30-е годы XIX в. в христианской жизни Америки и Европы, в первую очередь в Германии, происходили важные перемены. В 1836 г. после некоторых дискуссий был инициирован процесс, связанный с возрождением деятельности диаконисс. У его истоков стояли немецкий лютеранский священник Теодор Флиднер и его жена Фридерика Мюнстер.

⁷ Елизавета Александра Луиза Алиса Гессен-Дармштадтская (нем. Elisabeth Alexandra Luise Alice von Hessen-Darmstadt und bei Rhein).

⁸ Кондрашина В.А. Звездой мне служит путеводной любовью и красота. М., 2014. С. 14.

⁹ Кучмаева И.К. Культура благотворения Великой княгини Елисаветы Федоровны. Когда жизнь истинствует. М., 2008. С. 40.

Пастор Теодор был земляком принцессы Эллы — выходцем из Гессенских земель. Он изучал богословие в университетах гессенского города Гиссен и в Геттингене, а также в Херборнской академии. Служил домашним учителем¹⁰.

Однако не он был первым. Ранее появились и другие начинания, которые привели к возобновлению церковного чина диаконисс. Еще в 1654 г. св. Винсент де Поль вновь призвал оказывать помощь бедным и больным. Им была основана новая религиозная женская конгрегация (община) дочерей милосердия. Сестры общины «имели свободу от монастырского затвора, их идеалы служения были похожи на идеалы древнего диаконата. Винсент де Поль указывал сестрам: «Вашей обителью должны быть больницы, вашей кельей — дома страдающих, вашим храмом — приходская церковь, а вашим уединением — городские улицы». Эта конгрегация позднее все более превращалась в традиционный монашеский орден, но она сыграла важную роль, поставив целью идеал подобного служения»¹¹.

В 1734 г. в Шотландии также стал возрождаться опыт диаконисс. Была даже составлена Служба их поставления, обстоятельная и красивая, соответствующая древней традиции, вплоть до возложения рук¹². Но у нас нет сведений, что ее осуществляли на практике. В 1836 г. пастор Теодор Флиднер вместе с женой открыл свой первый дом диаконисс в Пруссии — больницу в Кайзерсверте на Рейне, городе, где находился императорский дворец. Он создал институт диаконисс в Кайзерсверте (Kaiserswerther Diakonie), где женщины могли бы изучать богословие и навыки ухода за больными. Позднее он откроет институты диаконата в Дортмунде (1844 г.) и в Берлине (1847 г.). Его поддержали король Пруссии Фридрих Вильгельм IV с супругой королевой Елизаветой.

Вскоре диаонат по «кайзерсвертской» модели появился в Англии и Скандинавии. В Швейцарии Институт диаконисс (Institution des diaconesses) был основан в 1842 г. в Эшалленсе пастором-реформатором Луи Жермоном. В Париже орден протестантских диаконисс основали в 1841 г. пастор Антуан Вермей и Кэролайн Мальвезин. В Страсбурге еще один орден был основан в 1842 г. лютеранским министром Франсуа-Анри Хертером.

В прусском Кайзерсверте женщины, поступавшие в общину, обязаны были прослужить пять лет, они получали комнату, питание, форму, карманные деньги и пожизненный уход. Пастор Теодор разработал Устав общины, по которому диакониссой могла стать женщина не моложе 25 лет после особого обряда посвящения, когда сам Флиднер возлагал на нее руки и произносил молитву за утверждение новой сестры «в истине до самой смерти».

Отрабатывались разные виды деятельности для сестер, такие как подготовка женщин к замужеству через обучение уходу за детьми, к социальному труду и работе по дому. В диаконисс посвящали после продолжительного испытательного срока, в зависимости от их характера и предыдущего образования. Клятвы не практиковались. У сестер оставалась связь с семьей, а также право владеть частными активами и управлять ими. Диакониссы всегда находились в тесном контакте с так называемым Материнским домом, который являлся их миссией и где заботились о них во время болезни и в старости. Сохранялось право вступления в брак и возвращения к родителям, если женщины того пожелают¹³.

Некоторое время в сестричестве работала Флоренс Найтингейл — основательница современного сестринского дела, ставшая известной после службы инструктором медсестер во время Крымской войны, когда она организовала уход за ранеными солдатами. Покинув Кайзерсверт, она вспоминала следующее: «До вчерашнего дня у меня не было времени, чтобы умыться. У каждой из нас — только десять минут на еду... Мы встаем в пять

¹⁰ Flidner, Theodor // *Encyclopædia Britannica* / ed. Ch. Hugh. Vol. 10 (11th ed.). Cambridge, 1911. P. 501–502.

¹¹ Butler A. *Lives of the Saints*. Vol. III. New York, 1956. P. 143.

¹² *The Diaconate now* / ed. R.T. Nolan. Washington (DC), 1968. P. 78.

¹³ Flidner, Theodor. P. 501–502.

утра. Без четверти шесть — завтрак. Пациенты затем едят в одиннадцать, а сестры — в двенадцать. Чай — так называется настойка из молотой ржи... — мы пьем два раза в день... и два раза едим ржаную похлебку»¹⁴.

Опыт Кайзерсверта в Пруссии стал настолько интересен и приемлем, что в течение короткого времени диакониссы открыли свои представительства, больницы, детские дома и учебные заведения в Константинополе, Иерусалиме, Смирне, Бейруте, Александрии, Каире и Флоренции¹⁵.

Появился такой центр и на родине великой княгини Елизаветы Федоровны в Дармштадте в 1858 г. И почти сразу же в нем поселились 135 сестер. «К 1884 г. во всем протестантском мире возникло более 60 независимых домов дяконисс с примерно 6000 сестрами и примерно 1750 сферами деятельности за пределами Материнских домов, а именно в Берлине (больница св. Елизаветы, 1837 г., 101 сестра), Страсбурге (1842 г., 165 сестер), Дрезден (1844 г., 218 сестер), Утрехт (1844 г., 61 сестра), Берн (1845 г., 210 сестер), Берлин (1847 г., 223 сестры), Стокгольм (1849 г., 136 сестер), Питтсбург, ныне Рочестер в Северной Америке (1849 г., 18 сестер), Кенигсберг (1850 г., 204 сестры), Штеттин (1851 г., 32 сестры), Штутгарт (1854 г., 286 сестер), Цюрих (1858 г., 80 сестер), Санкт-Петербург (1859 г., 34 сестры), Лондон (Гайд парк, 1861 г., 14 сестер), Копенгаген (1863 г., 115 сестер)», и так далее¹⁶.

Примечательно, что в Кенигсберге дом диаконисс был открыт одним из первых в Пруссии. Больницу милосердия (другие названия: «Кенигсбергская Диакония» или «Кенигсбергский диаконический Материнский дом милосердия на Альтенберге») основали в 1849–1850 гг. Сделали это дамы, которых звали Магда и Клара. Это были дочери прусского генерал-фельдмаршала графа Карла Фридриха цу Дона-Шлобиттена. Его брат был министром внутренних дел Пруссии. Дочери полководца побывали в Кайзерсверте у пастора Теодора Флиднера и буквально «заразились» его идеями.

Больничный центр в городе открыли 18 мая 1859 г. в доме на Хинтерроссгартен, 44. Откликнулись многие, собрали средства, создали объединение, его утвердил Указом король Пруссии. Позднее к дому пристраивались корпуса, изолятор для инфекционных больных, общежитие для диаконисс. Они могли здесь получать медицинское образование.

Больница милосердия запечатлена на многих открытках и фотографиях конца XIX — начала XX столетия. Например, здание больницы на Альтроссгартнер кирхен штрассе (ныне ул. Нерчинская) 1861 г. К стенам больницы была также пристроена капелла. Здания комплекса в разных частях города почти не сохранились в основном из-за бомбежек во время Второй мировой войны.

Сегодня мы можем видеть постройки на улице Боткина — удивительные образцы архитектурного неоренессанса, здесь находился изолятор Больницы милосердия, построенный в 1905–1906 гг. В настоящее время здание относится к Медицинскому центру Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта.

Сестры пастора Теодора носили форму, которая была задумана как одежда, позволявшая «приличным женщинам работать вне дома». Флиднер считал необходимым ввести такую форму, обозначить статус сестер, подчеркнуть различие (включая различие во врачебной компетентности) между ними и «обычными сиделками с дурной репутацией, которых нанимают в госпиталях»¹⁷.

¹⁴ *Постернак А.В.* Очерки по истории общин сестер милосердия. М., 2001 // URL: <https://acathist.ru/en/novosti/item/1479-posternak-a-v-ocherki-po-istorii-obshchin-sester-miloserdiya> (дата обращения: 09.08.2021).

¹⁵ *Diakonissinnen* // Meyers Konversationslexikon. Verlag des Bibliographischen Instituts. Bd. 4. Leipzig; Wien, 1887. P. 928.

¹⁶ *Schäfer T.* Die weibliche Diakonie in ihrem ganzen Umfang. Bd. 1. Die Geschichte der weiblichen Diakonie (3. Aufl.). Potsdam, 1911; Bd. 2. Die Arbeit der weiblichen Diakonie. Hamburg, 1880; Bd. 3. Die Diakonissin und das Mutterhaus (2, verbesserte Aufl.). Stuttgart, 1894.

¹⁷ *Poplin I.S.* Nursing Uniforms: Romantic Idea, Functional Attire, or Instrument of Social Change? // *Nursing History Review*. 1994. № 2. P. 154.

Основная функция одежды кайзерсвертских сестер «не сводилась к тому, чтобы вызвать к ним уважение в госпиталях: эта одежда давала женщинам возможность утвердиться в обществе в новой роли. Форма медсестры должна была позволить женщинам без ущерба для своего доброго имени работать в социальной сфере, “благодаря религиозной атмосфере и аскетической дисциплине сестры были вне подозрений”»¹⁸. Большинство диако-нисс были простыми крестьянками, среди них почти не было женщин благородного происхождения.

За основу формы пастор Теодор Флиднер взял платье, какое в то время носили в Пруссии замужние горожанки из среднего класса, жившие в районе Нижнего Рейна¹⁹. Эти замужние женщины уже олицетворяли собой скромность и респектабельность. «Трудно говорить о красоте униформы. Однако в ней прослеживается определенная эстетика — эстетика самопреобразования. Форма побуждала женщин “сосредоточиться” на необходимой “этической” работе над собой и показывала пациентам, что перед ними представительница новой профессии. Необыкновенно удачное переосмысление образа медицинской сестры объединило в себе эстетическую составляющую и заботу. Неудивительно, что “новая” медсестра в новой литературе о работающих женщинах была окружена ореолом героизма»²⁰.

В XIX в. в Европе женщин было больше, чем мужчин, многие из них были одиноки. Появление общин диако-нисс позволило им найти для себя новую роль и жизненный смысл. К 1890 г. в Европе существовало более 5000 диако-нисс, главным образом в Германии, Скандинавии и Англии²¹.

Эхо нововведения дошло и до России. Великая княгиня Елизавета Федоровна была хорошо осведомлена о чине диако-нисс, так как это коснулось и ее родины — герцогства Гессен-Дармштадтского. Одну из первых общин диако-нисс основала ее бабушка по отцовской линии, принцесса Прусская Елизавета (1815–1885).

Существовавшие в начале XX в. общины сестер милосердия стали единственными организациями, где готовили средний медицинский персонал, которого не хватало (врачей выпускали высшие учебные заведения). В России уже функционировало Российское отделение Красного Креста, к деятельности которого имела прямое отношение и великая княгиня. Светские учреждения требовали упрощенной подготовки медицинских сестер. На первый план выдвигались идеи гуманитарной помощи, а не духовного делания.

В 1909 г. великая княгиня Елизавета Федоровна, создавая Марфо-Мариинскую обитель, задумала возродить глубокие христианские принципы деятельности диако-нисс. В отчете обители за 1910 г. мы читаем: «Обитель постепенно открывала и расширяла служение больничное, школьное и миссионерское, если позволительно так выразиться, разумея под ним то служение святой Церкви, которое несут сестры при посещении домов... Поэтому посещение сестер принимает само собой характер внутренней миссии, на каковую сестры и посвятили себя, произнеся обеты служения Господу и святой Церкви»²². Сама великая княгиня Елизавета Федоровна писала тогда: «При виде сестры милосердия, носящей на груди крест, конечно, всякий христианин должен думать, что это сестра обетная, посвященная Богу, Божий человек»²³.

¹⁸ Коронес Э., Харди С. Одежда медсестры как разновидность эпоэстетической моды // Теория моды: одежда, тело, культура. 2020. № 57. С. 243–244.

¹⁹ Poplin I.S. Op. cit. P. 157.

²⁰ Коронес Э., Харди С. Указ. соч. С. 246.

²¹ Sister Mildred Winter M., sister. Deaconess // The Encyclopedia of the Lutheran Church / ed. Ju. Bodensieck. Minneapolis, 1965. P. 659–664.

²² Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы. М., 1996. С. 199–200.

²³ Елизавета Федоровна (вел. княгиня). О служении женщин в Русской православной церкви. Нижний Новгород, 1996. С. 79–80.

Каковы могли быть главные источники информации великой княгини, откуда она черпала идеи для формулирования своих принципов, а также для своих высказываний о важности возрождения статуса диаконисс? К ним можно отнести в первую очередь хорошее знание ею истории устроений институтов пастором Теодором Флиднером в Кайзерсверте. Откуда они могли быть ей известны? Как мы уже упоминали, бабушкой по отцовской линии была принцесса Елизавета Прусская. Поскольку мать принцессы Эллы – Алиса, великая герцогиня Гессенская и Прирейнская, скончалась в возрасте 35 лет, участие в воспитании детей, в частности будущей великой княгини Елизаветы Федоровны, принимала их бабушка, Елизавета Прусская.

Духовными учителями прусской принцессы, оказавшими влияние на формирование ее христианской личности, были придворные проповедники Г. Штраусс, И. Госснер и священник Ф.В. Арндт. Еще до замужества и переезда в Гессен она имела сформировавшиеся взгляды, в частности на благотворительность. Надо сказать, что в 1836 г. в Великом герцогстве практически отсутствовала социальная благотворительность. Новые идеи принцессы Гессенская и Прирейнская принесла с собой. Преимущественное значение в ее жизни приобретает социальное служение, а небесной покровительницей остается Елизавета Тюрингенская.

В эти годы немецкий богослов Иоганн Хинрих Вихерн (1808–1881) создает движение «Внутренняя миссия». Это была миссия евангелической церкви, деятельность которой была направлена на укрепление веры и отношений между христианами. Благодаря трудам «Внутренней миссии» появилась инициатива создать дома-пристанища для нуждающихся. Первое такое убежище открыли в Гессене в 1847 г. в бывшем монастыре Арнсбург. Затем появилось еще одно вблизи города Хэнляйн.

Все это происходило одновременно и параллельно с деятельностью пастора Теодора Флиднера по созданию домов диаконисс. При прямом участии и помощи Елизаветы Прусской в Великом герцогстве создали несколько благотворительных учреждений. Важнейшим из ее деяний стало открытие Дома диаконисс Елизаветинского женского монастыря в Дармштадте. Его освящение произошло в день Св. Елизаветы Тюрингенской, 19 ноября 1858 г., он был учрежден по инициативе теолога и придворного проповедника Фердинанда Бендера (1816–1902). Однако практическая реализация идеи легла на плечи принцессы Елизаветы. Помогло ее пожертвование – 10 тыс. талеров.

Принцесса Елизавета Прусская стала центром дармштадтского общества. Она поддерживала объединения людей, исповедовавших скромность, набожность и заботу о бедных. Ф. Бендер, высоко ценивший Елизавету, подготовил и опубликовал в 1886 г. ее биографию, в которой особо подчеркивал «сердечное благочестие» принцессы, послужившее истоком ее диаконических дел. При поддержке принцессы были основаны также Молодежное объединение, Воскресное объединение для женщин и девочек, а также Воскресная школа при общине придворной церкви. Ф. Бендер стал главным советником Елизаветы Прусской при организации «городской миссии» (евангелической организации по оказанию социальной помощи).

Главной целью Дома диаконисс стала подготовка девушек-христианок к труду в качестве сестер милосердия. Учреждение первоначально располагалось на Эрбахер штрассе в Дармштадте, впоследствии здесь появились больница, женский и детский госпиталь, станция для мужчин и изолятор.

Деяния Елизаветы Прусской имели широкое распространение и были замечены также в России. Дармштадтского модель Дома диаконисс стала позднее исходным идеологическим фундаментом для инициатив Гессенских принцесс в Российской империи. Наиболее яркий пример – модель организации Марфо-Мариинской обители милосердия в Москве.

Великая княгиня Елизавета Федоровна была знакома с выступлениями служившего настоятелем в Берлинском русском кафедральном соборе протоиерея Алексея Мальцева (1854–1915) – выдающегося церковно-общественного деятеля, переводчика и богослова.

Еще в 1906 г. в рамках Предсоборного присутствия, созданного для подготовки к Поместному Собору Православной Российской Церкви, он сделал доклад «Внутренняя миссия», где выступил за введение института диаконисс в России. Название он выбрал не случайно: так называлось довольно известное в Европе движение, разработанное Иоганном Хинрихом Вихерном, которое считало начинания пастора Теодора Флиднера образцом для своей деятельности.

Протоиерей Алексей основывался на опыте европейских христианских традиций, включая протестантские и католические, лучшее из которых он предлагал для введения²⁴. Хорошо зная традиции благотворительности, существовавшие в Германии, столь близкие и понятные великой княгине, он отмечал активное участие женщин в деле помощи нуждающимся и напоминал о древнем звании диаконисс.

Великой княгине Елизавете Федоровне было хорошо известен западноевропейский опыт диаконисс, который широко освещался и в русской церковной прессе. Протоиерей Алексей Мальцев в докладе (полное название доклада: «О внутренней миссии за границей, в том числе и диакониссах как одном из органов этой миссии») подробно разъяснял важность опыта служения приходских священников Швейцарии, Норвегии, Австрии, Англии, Италии, Греции бедным слоям населения, организации приютов и школ. Он считал, что православная церковь вполне может применить этот опыт в России как полезный и здравый, особенно в сфере налаживания христианской благотворительности.

Автор доклада делился своими наблюдениями об участии женщин в благотворительности, в первую очередь появившихся в Европе диаконисс: «Сестры, поступающие из всех сословий на это служение ближнему, отнюдь не связываются никакими ни вечными, ни временными монашескими обетами безбрачия, добровольной нищеты или бедности... Освобождение от обязательности этого рода обетов, особенно обета безбрачия, даваемого нередко без совершенного знания жизни, создало бы и у нас среди женских обителей целый класс таких самоотверженных тружениц для великого служения делу любви к ближнему у постели бедных больных женщин, беспризорных и брошенных детей и т. д., который мог бы широко раскинуть сеть своей деятельности на глухие деревни и села, чтобы заменить усталую и больную мать, поддержать престарелых и навести сирот... Не подлежит сомнению, что с возрождением “прихода”, с восстановлением церковной общины, все подобные учреждения получают необычайный подъем и развитие, чем поднимется и общественное значение Церкви, в которой дело любви должно иметь значение не меньшее, чем дело веро- и нравоучения»²⁵.

Великая княгиня Елизавета Федоровна, осмыслив эти идеи, пыталась воплотить их в жизнь. Еще в 1907 г. вместе с будущим духовником обители протоиереем Митрофаном Сребрянским (позднее – архимандрит Сергей, канонизирован Русской Православной Церковью), советуясь с православными старцами²⁶, она начала подготовку устава Марфо-Мариинской обители сестер милосердия. В письме к профессору А.А. Дмитриевскому она рассуждала так: «Когда я составила свой устав и показала его многим церковным людям и Иерарху, то они прямо одобрили именно то, что диакониссы не будут в клире, а вместо рукоположения – мантия. Да и в самом деле, поработавши в служении делу милосердия под руководством и покровом Церкви много лет, отраднo иметь возможность посвятить последние годы своей жизни аскетическому молитвенному подвигу вдали от мирской суеты... Если же будущий Собор Русской Церкви признает

²⁴ Мальцев А. Внутренняя миссия // Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного присутствия. Т. 1. СПб., 1906. С. 38–45.

²⁵ Там же.

²⁶ Среди духовных старцев и наставников, с которыми общалась великая княгиня Елизавета Федоровна, были, в частности: преп. иеросхимонах Алексей Зосимовский, преп. схигумен Герман (Гомзин), преп. схиархимандрит Гавриил Седмиезерный (Зырянов), митрополит Трифон (Туркестанов), преп. иеросхимонах Анатолий Оптинский (Потапов), преп. иеросхимонах Нектарий Оптинский (Тихонов).

необходимым восстановление института Диаконисс полностью, я как верная дочь Церкви готова подчиниться, но это отнимет у нас — усталых тружениц светлый маяк, т.е. соединение с Богом уже на этой земле в ожидании Вечности»²⁷.

С открытием обители в 1909 г. стало формироваться сестричество. Сестры давали обет послушания, нестяжания, целомудрия, причем без монашеского пострига. Они обещали творить добрые дела в духе христианской любви и помощи всем нуждающимся²⁸. Духовно окормляли сестер протоиерей Митрофан Сребрянский и второй священник обители о. Евгений Синадский, а также прп. Алексей (Соловьев), старец Зосимовой пустыни.

От пастора Теодора Флиднера дошли до Москвы идеи форменной одежды сестер, которые распространялись уже не только в среде диаконисс, но и были приняты похожими учреждениями по всему миру. Представительницы данной группы благотворения носили почти одинаковую одежду, придерживаясь схожих или даже однотипных правил этикета при посещении больниц, госпиталей, тюрем, школ или отдельных людей. Так появилось облачение сестер Марфо-Мариинской обители.

Важным документом, разъясняющим некоторые идеи великой княгини Елизаветы Федоровны в сфере женского служения в Церкви, является написанная ею «Пояснительная записка о задачах и целях открывшейся в Москве Марфо-Мариинской обители милосердия». В записке есть интересные теоретические формулировки самой великой княгини Елизаветы Федоровны о сущности опыта деяний древних диаконисс и сопоставления их с деятельностью современных сестер милосердия в созданной ею обители. Великая княгиня сформулировала свою задачу так: «Желая выразить связь с древневековым служением женщины-христианки, посвящавшей себя Господу, и отметить свое церковное послушание и тем самым свое отличие от организаций, усвоивших имя общин сестер милосердия, Марфо-Мариинская обитель милосердия... просит разрешения дать наименование и звание сестрам этой обители — сестер диаконисс»²⁹. И далее: «Забыт и путь истинных врачей в подвигах святых целителей и истинных сестер милосердия, явленный в диаконисском служении»³⁰. Это почти повторяет тезисы пастора Теодора Флиднера и св. Винсента де Поля, возрождавших деятельность диаконисс в Европе. Занятость одиноких женщин, совмещение духовной жизни и врачевания было в России если и не новым, но весьма своевременным веянием.

Великая княгиня не спешила, соблюдая принцип осторожного и не обязательного восстановления литургических аспектов служения диаконисс, связанных с изменениями условий церковной жизни начала XX столетия. Если первой ступенью для диаконисс было ранее именование «диакониссой по одеянию», то к более важной относилось именование «по рукоположению» (так формулировала сама великая княгиня)³¹. Понимая возможное противодействие, она избрала принцип восстановления первой ступени — «диаконисс по одеянию». И не предлагала возрождения второй, высшей степени — «диаконисс по рукоположению». Она знала, что реанимация идеи рукоположения в диакониссы воспринималась в ее время некоторыми церковными иерархами не негативно.

Еще одним источником и помощником в развитии идеи возврата статуса диаконисс для великой княгини стал профессор А.А. Дмитриевский — русский византист, историк Церкви, почетный член Императорского православного Палестинского общества. Он готовил свой доклад для Синода, связанный с темой диаконисс.

²⁷ Цит. по: *Елизавета (Позднякова Е.В.)*, монахиня. Марфо-Мариинская обитель милосердия: служение Марфы и Марии // Избранные доклады секции «Свято-Сергиевская традиция попечения об инвалидах; история и современность». XXII Международные Рождественские образовательные чтения. М., 2014. С. 6.

²⁸ *Громова А.В.* Из истории общин сестер милосердия в Москве // Милосердие в истории. Русский вклад от Крымской войны до Великой: каталог выставки. М., 2014. С. 38.

²⁹ *Елизавета Федоровна (вел. княгиня)*. Указ. соч. С. 83.

³⁰ Там же. С. 79–80.

³¹ *Елизавета Федоровна (вел. княгиня)*. Указ. соч. С. 52–53.

Профессор не возражал против полного восстановления чина диаконисс. Большой интерес представляют выводы профессора, который предполагал, что «восстановленный институт диаконисс избавляет вступающих в него от тяжелых клятвенных обещаний, требуемых чинами монашеского пострижения, и несения суровых подвигов самоотречения и самоограничения... Все это, несомненно, обещает в будущем живучесть этому институту и широкое распространение его особенно среди православных христиан интеллигентных классов»³².

Поддерживал великую княгиню Елизавету Федоровну и митрополит Московский Владимир (Богоявленский), обратившийся с ходатайством в Синод. Устав Марфо-Мариинской обители был разослан для изучения не только А.А. Дмитриевскому, но и профессору И.С. Бердникову³³.

Не случайно, спустя короткое время, 9 ноября 1911 г. в Синоде был рассмотрен вопрос, сформулированный в ходатайстве митрополита Московского Владимира, где он предлагал присвоить сестрам Марфо-Мариинской обители именованию (звания, статуса) диаконисс.

Тогда Синод рассматривал различные вопросы, включая женское служение в Церкви. Говорили о важности роли древних диаконисс в христианской помощи бедным и больным, просвещении иноверцев и оглашенных. В целом, деятельность диаконисс была одобрена. И одним из образцов современного практического подхода к этой работе была признана Марфо-Мариинская обитель сестер милосердия. Синод даже постановил старшим сестрам обители, уже посвященным по особому церковному чину и давшим обет диаконического служения, присвоить данное звание. И даже в 24-й параграф устава обители было позволено внести дополнение о принятии сестер в число диаконисс, но лишь по благословению московского митрополита. Ходатайство поддержал обер-прокурор Синода В.К. Саблер, постоянно информировавший великую княгиню Елизавету Федоровну о прохождении дела³⁴.

Но окончательного решения принято не было. Вопрос о восстановлении древнего чина диаконисс и женском служении решено было рассмотреть на предстоящем Поместном Соборе³⁵. Отложили, как оказалось, насовсем. «Она считала крайне важным для дальнейшей судьбы обители, которую рассматривала в качестве ядра, первого шага в создании широкой благотворительной системы, тесно связанной с Церковью и охватывающей всю Россию... Обсуждение вопроса о диакониссах заняло еще полтора года... За восстановление древнего института высказались семь членов Синода, один, митрополит Антоний, остался при особом мнении. Открыто против выступил только саратовский епископ Гермоген (Долганов), упомянувший в пылу дискуссии, что идея возрождения чина диаконисс “замешана на протестантских дрожжах”»³⁶.

Противники возрождения аргументировали решение следующим образом. Митрополит Санкт-Петербургский Антоний: «Пока не восстановлен чин диаконисс в древнем его значении, сестрам Марфо-Мариинской обители не может быть усвоено именование диаконисс, в чине коих они не состоят»³⁷. Саратовский епископ Гермоген (кроме замеченного им протестантизма) утверждал, что у новоявленных диаконисс «посвященная Богу

³² Там же. С. 135.

³³ *Белякова Е.В., Белякова Н.А.* Святая Елизавета Федоровна и вопрос о пути русского монашества // Русский исторический сборник. Вып. 2. М., 2010. URL: <https://rus-istoria.ru/library/text/item/370-svyataya-elizaveta-fedorovna-i-vopros-o-puti-russkogo-monashestva> (дата обращения: 12.09.2021).

³⁴ *Дамаскин (Орловский В.А.)*, игумен. Последний Император России в управлении делами Церкви: о присвоении звания диаконисс сестрам Марфо-Мариинской обители // Вестник архивиста. 2013. № 4. С. 232–233.

³⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 209. Д. 2565. Л. 291–292 об.

³⁶ *Стегний П.В.* Образы и наставления. Последние Романовы: в поисках утраченных смыслов. М., 2020. С. 95–96.

³⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 2565. Л. 293.

часть души и жизни будет висеть над бездной страстей и предоставлена неверным стихиям»³⁸. И главное – он подписал письмо с текстом: «Постановление признаю противоканоническим. Представляю особое мнение на благовоззрение его Императорского Величества»³⁹. И хотя Синод принципиально не возражал против восстановления древнего служения, вопрос в силу разных обстоятельств был отложен до будущего Поместного Собора и так и остался не решенным⁴⁰.

Есть мнение, что Великая княгиня Елизавета Федоровна обращалась также к опыту современных ей протестантских диаконисс. Их Материнские дома с середины XIX в. были устроены в России. Предположительно, что после отрицательного решения Синода прожившая более двух лет в общине диаконисс в Германии М.А. Гиероглифова⁴¹ подготовила по просьбе Елизаветы Федоровны доклад «Институт диаконисс в Протестантской Церкви»⁴². Известно, что в начале XX столетия в одной лишь Германии существовало более 80 общин диаконисс, где числилось до 20 тыс. человек⁴³.

Император не поддержал инициативу Великой княгини Елизаветы Федоровны. Сохранилась запись: «Синодальным Обер-прокурором помечено: “Собственно Его ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою начертано: “Всецело разделяю особое мнение митрополита Петербургского Антония”. В Царском Селе 1 января 1912 года. Обер-прокурор Святейшего Синода Владимир Саблер”»⁴⁴. Император поддержал мнение меньшинства в Синоде, меньшинства, которое было «против».

Великая княгиня Елизавета Федоровна пыталась объяснить с императором. В письме к Николаю II она восклицала (январь 1912 г.): «Ты понимаешь, для чего мы просили именование “диакониссы”... для того, чтобы как можно яснее обозначить наше положение в стране как органа православной церкви, и когда замечания Гермогена были опубликованы в газетах, он бросил сильную тень о подражании протестантизму на нашу деятельность, на деятельность, которая проходит под непосредственным руководством нашего митрополита и при постоянном прямом контакте с епископами. Старцы из самых разных очень строгих монастырей и “пустынь” приезжали в нашу “обитель”, и мы имеем их молитвенную поддержку и благословение... Ты видишь, что Святейший Синод почти единогласно поддержал наше прошение как прошение об абсолютно желательном учреждении и органе, в котором Церковь сейчас остро нуждается»⁴⁵. Но решение было уже принято. Его отложили до Поместного Собора. К сожалению, и на Поместном Соборе в 1918 г. данный вопрос так и не был решен. Времена были уже другие и вопросы в повестке дня стояли тоже другие. Да и третья сессия собора проходила в то время, когда великая княгиня Елизавета Федоровна уже приняла мученическую кончину.

Эти идеи актуальны и сегодня, несмотря на то, что роль женщин в христианской богослужбной жизни Церкви со времени ее основания была не совсем сопоставима с деятельностью мужчин, и многое, что было допустимо мужчинам, не было определено как

³⁸ Там же. Л. 294 об.

³⁹ Там же. Л. 296–297.

⁴⁰ *Постернак А., Иноземцева С.А., Козловцева Е.Н.* К вопросу о присвоении звания диаконисс сестрам Марфо-Мариинской обители милосердия // Служение женщин в Церкви. Исследования. М., 2011. С. 455.

⁴¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 253. Оп. 1. Д. 57. Л. 1–48.

⁴² *Постернак А.* Статус и деятельность диаконисс Евангелическо-лютеранской церкви в Российской империи (середина XIX – начало XX века) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 74. С. 130.

⁴³ *Белякова Е.В., Белякова Н.А.* Обсуждение вопроса о диакониссах на Поместном Соборе 1917–1918 гг. // Церковно-исторический вестник. 2001. № 8. С. 154.

⁴⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 81. Д. 557. Л. 9.

⁴⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1254 (Ч. 2). Л. 147–148.

послушание или служение, доступное женщинам. Вопрос о восстановлении статуса (чина, звания) диаконисс в его исторических масштабах сегодня не поднимается. Однако немало женщин из христианской и даже околицерковной среды были бы не против такого служения и могли бы не жить в одиночестве, без семьи, а применить себя и отдать свои силы для помощи нуждающимся и обремененным. Опыт России начала XX столетия в наши дни вполне актуален и востребован.

Библиография

Белякова Е.В., Белякова Н.А. Обсуждение вопроса о диакониссах на Поместном Соборе 1917–1918 гг. // Церковно-исторический вестник. 2001. № 8. С. 139–161.

Белякова Е.В., Белякова Н.А. Святая Елизавета Федоровна и вопрос о пути русского монашества // Русский исторический сборник. Вып. 2. М., 2010. URL: <https://rus-istoria.ru/library/text/item/370-svyataya-elizaveta-fedorovna-i-vopros-o-puti-russkogo-monashestva> (дата обращения: 12.09.2021).

Громова А.В. Из истории общин сестер милосердия в Москве // Милосердие в истории. Русский вклад от Крымской войны до Великой: каталог выставки. М., 2014. С. 34–41.

Дамаскин (Орловский В.А.), игумен. Последний Император России в управлении делами Церкви: о присвоении звания диаконисс сестрам Марфо-Мариинской обители // Вестник архивиста. 2013. № 4. С. 231–247.

Елизавета (Позднякова Е.В.), монахиня. Марфо-Мариинская обитель милосердия: служение Марфы и Марии // Избранные доклады секции «Свято-Сергиевская традиция попечения об инвалидах; история и современность». XXII Международные Рождественские образовательные чтения. М., 2014. С. 4–6.

Кондрашина В.А. Звездой мне служит путеводной любовью и красота. М., 2014.

Коронес Э., Харди С. Одежда медсестры как разновидность эпопоэтической моды // Теория моды: одежда, тело, культура. 2020. № 57. С. 237–275.

Крючкова М.Н. Традиции российского милосердия. Марфо-Мариинская обитель. М., 2018.

Кучмаева И.К. Культура благотворения Великой княгини Елисаветы Федоровны. Когда жизнь истинствует. М., 2008.

Постернак А.В. Очерки по истории общин сестер милосердия. М., 2001. URL: <https://acathist.ru/en/novosti/item/1479-posternak-a-v-ocherki-po-istorii-obshchin-sester-miloserdiya> (дата обращения: 09.08.2021).

Постернак А., Иноземцева С.А., Козловцева Е.Н. К вопросу о присвоении звания диаконисс сестрам Марфо-Мариинской обители милосердия // Служение женщин в Церкви. Исследования. М., 2011. С. 448–463.

Постернак А. Статус и деятельность диаконисс Евангелическо-лютеранской церкви в Российской империи (середина XIX – начало XX века) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 74. С. 129–143.

Стегний П.В. Образы и наставления. Последние Романовы: в поисках утраченных смыслов. М., 2020.

Butler A. Lives of the Saints. Vol. III. New York, 1956.

Deaconesses, the Ordination of Women and Orthodox Theology / eds P. Vassiliadis, N. Papageorgiou, E. Kasselouri-Hatzivassiliadi. Cambridge, 2017.

Karras V.A. Female Deacons in the Byzantine Church // Church History. 2004. Vol. 73. № 2. P. 273–274.

Poplin I.S. Nursing Uniforms: Romantic Idea, Functional Attire, or Instrument of Social Change? // Nursing History Review. 1994. № 2. P. 154.

Women and Ordination in the Orthodox Church. Explorations in Theology and Practice / eds G. Thoma, E. Narinskaya. Eugene (OR), 2020.

References

Beliakova E.V., Beliakova N. A. Sviataia Elizaveta Fedorovna i vopros o puti russkogo monashestva [Saint Elizabeth Fedorovna and the question of the path of Russian monasticism] // Russkii istoricheskii sbornik [Russian historical collection]. Вып. 2. Moskva, 2010. URL: <https://rus-istoria.ru/library/text/item/370-svyataya-elizaveta-fedorovna-i-vopros-o-puti-russkogo-monashestva> (access data: 12.09.2021). (In Russ.)

Beliakova E.V., Beliakova N.A. Obsuzhdenie voprosa o diakonissakh na Pomestnom Sobore 1917–1918 gg. [Discussion of the question of deaconesses at the Local Council 1917–1918] // Tserkovno-istoricheskii vestnik [Church History Bulletin]. 2001. № 8. S. 139–161. (In Russ.)

Damaskin (Orlovskii V.A.), igumen. Poslednii Imperator Rossii v upravlenii delami Tserkvi: o prisvoenii zvaniia diakoniss sestram Marfo-Mariinskoi obiteli [The Last Emperor of Russia in the Administration of Church Affairs: On the Assignment of the Title of Deaconess to the Sisters of the Marfo-Mariinsky Monastery] // Vestnik arkhivista [Archivist's Bulletin]. 2013. № 4. S. 231–247. (In Russ.)

Elizaveta (Pozdniakova E.V.), monakhinia. Marfo-Mariinskaia obitel' miloserdii: sluzhenie Marfy i Marii [Martha and Mary Convent of Mercy: the Ministry of Martha and Mary] // Izbrannye doklady sektsii "Sviato-Sergievskaiia traditsiia popecheniia ob invalidakh; istoriia i sovremennost'". XXII Mezhdunarodnye Rozhdestvenskie obrazovatel'nye chteniia [Selected papers from the section "The St. Sergius tradition of caring for the disabled; history and the present". XXII International Christmas Educational Readings]. Moskva, 2014. S. 4–6. (In Russ.)

Gromova A.V. Iz istorii obshchin sester miloserdii v Moskve [From the history of the Sisters of Charity communities in Moscow] // Miloserdie v istorii. Russkii vklad ot Krymskoi voiny do Velikoi: katalog vystavki [Mercy in History. Russian contribution from the Crimean War to the Great War: exhibition catalogue]. Moskva, 2014. S. 34–41. (In Russ.)

Kondrashina V.A. Zvezdoi mne sluzhit putevodnoi liubov' i krasota [Love and beauty are my guiding stars]. Moskva, 2014. (In Russ.)

Korones E., Khardi S. Odezhda medsestry kak raznovidnost' etopoeticheskoi mody [Nurse's clothing as a type of etopoetic fashion] // Teoriia mody: odezhda, telo, kul'tura. Novoe literaturnoe obozrenie [Fashion theory: clothes, body, culture]. 2020. № 57. S. 237–275. (In Russ.)

Kriuchkova M.N. Traditsii rossiiskogo miloserdii. Marfo-Mariinskaia obitel' [Traditions of Russian charity. The Marfo-Mariinsky Cloister]. Moskva, 2018. (In Russ.)

Kuchmaeva I.K. Kul'tura blagotvorenii Velikoi kniagini Elisavety Feodorovny. Kogda zhizn' istinstvuet [Culture of beneficence by the Grand Duchess Elisabeth Feodorovna. When life is true]. Moskva, 2008. (In Russ.)

Posternak A. Status i deiatel'nost' diakoniss Evangelicheskoi-liuteranskoii tserkvi v Rossiiskoi imperii (seredina XIX – nachalo XX veka) [The status and activities of Evangelical Lutheran Church deaconesses in the Russian Empire (mid-nineteenth to early twentieth century)] // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serii II. Istorii. Istoriiia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi [Bulletin of the Orthodox Holy-Tikhonov University for the Humanities. Series II. History. History of the Russian Orthodox Church]. 2017. Vyp. 74. S. 129–143. (In Russ.)

Posternak A., Inozemtseva S.A., Kozlovitseva E.N. K voprosu o prisvoenii zvaniia diakoniss sestram Marfo-Mariinskoi Obiteli miloserdii [On the title of Deaconess to the Sisters of St Mary's Monastery of Mercy] // Sluzhenie zhenshchin v Tserkvi: Issledovaniia [Women's Ministry in the Church: Research]. Moskva, 2011. S. 448–463. (In Russ.)

Posternak A.V. Ocherki po istorii obshchin sester miloserdii [Essays on the history of the general nursing profession]. Moskva, 2001. URL: <https://acathist.ru/en/novosti/item/1479-posternak-a-v-ocherki-po-istorii-obshchin-sester-miloserdii> (access date: 09.08.2021). (In Russ.)

Stegni P.V. Obrazy i nastavlennii. Poslednie Romanovy: v poiskakh utrachennykh smyslov [Images and instructions. The Last Romanovs: In Search of Lost Meanings]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Butler A. Lives of the Saints. Vol. III. New York, 1956.

Deaconesses, the Ordination of Women and Orthodox Theology / eds P. Vassiliadis, N. Papageorgiou, E. Kasselouri-Hatzivassiliadi. Cambridge, 2017.

Karras V.A. Female Deacons in the Byzantine Church // Church History. 2004. Vol. 73. № 2. P. 273–274.

Poplin I.S. Nursing Uniforms: Romantic Idea, Functional Attire, or Instrument of Social Change? // Nursing History Review. 1994. № 2. P. 154.

Women and Ordination in the Orthodox Church. Explorations in Theology and Practice / eds G. Thoma, E. Narinskaya. Eugene (OR), 2020.

DOI: 10.31857/S013038640020238-9

© 2022 г. А.М. ФИЛИТОВ

БИСМАРК – ВИЛЬГЕЛЬМ – ГИТЛЕР: КОНТИНУИТЕТ ИЛИ РАЗРЫВ ТРАДИЦИИ?

Филитов Алексей Митрофанович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: a_filitov@mail.ru

Scopus Author ID: 57195680741

Аннотация. В статье исследована проблема общих черт и коренных противоречий между периодами германской истории 1871–1890 гг. (империя, созданная О. фон Бисмарком) и 1890–1918 гг. (период «персонального режима» Вильгельма II). Общим для них был антидемократизм, однако идеология и практика внешней политики обнаруживали существенные различия. Бисмарковское понятие «насытившегося государства» было забыто, на смену ему пришел экспансионистский «Griff nach Weltmacht» (стремление к статусу «мировой державы», равной британской и французской колониальным империям). Вместе с тем экспансионизм вильгельмовского рейха не имел неограниченного характера, в этом его отличие от нацистской Германии с ее программой завоевания мирового господства. Враждебность к России, характерная для вильгельмовской Германии (явное отступление от бисмарковской традиции), также имела определенные границы, и ее нельзя отождествлять с гитлеровской программой войны на уничтожение. Критически проанализировав концепции ряда немецких историков, автор приходит к выводу, что не следует проводить никакой линии преемственности между бисмарковским периодом и Рейхом Гитлера, – это объединяет Третий рейх с вильгельмовским, хотя степень общности между обоими режимами не следует преувеличивать.

Ключевые слова: Германская империя, Вильгельм II Гогенцоллерн, О. фон Бисмарк, бонапартизм, политика «открытых дверей», А. Бебель, В. Либкнехт, А. фон Вальдерзее, В. Ратенау, Германия, А. Гитлер.

A.M. Filitov

Bismarck – Wilhelm – Hitler: Continuity or Break with Tradition?

Alexey Filitov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: a_filitov@mail.ru

Scopus Author ID: 57195680741

Abstract. The article examines the problem of similarities and major contradictions between the periods of 1871–1890 (Bismarckian Reich) and 1890–1918 (Wilhelmine Reich) in German history. Although anti-democratic tendencies were a common feature of both, ideology and practice in the field of foreign policy differed sharply. The Bismarckian notion of a “saturated state”, which implied a commitment to

the status quo, was superseded by the expansionist “Griff nach der Weltmacht” (the push towards a “world power” equal to the British and French colonial empires). However, the expansionism of the Wilhelmine Empire was not unlimited, unlike the Third Reich’s quest for world domination. The hostility of the Wilhelmine Germany towards Russia, which represented a clear departure from the Bismarckian traditions, also had some limits, and therefore cannot be equated with an inexorable programme of extermination of the Hitler regime. Having critically assessed the concepts of some German historians, the author concludes that no line of continuity could be drawn between the Bismarck Empire and the Third Reich, a line that exists between the latter and the Wilhelmine Empire, although one should not overestimate the commonalities between the two regimes.

Keywords: German Empire, Wilhelm II Hohenzollern, Otto von Bismarck, Bonapartism, “Open Door” policy, August Bebel, Wilhelm Liebknecht, Alfred von Waldersee, Walther Rathenau, Germany, Adolf Hitler.

В рамках данной статьи предполагается рассмотреть некоторые проблемы, касающиеся периодизации германской истории 1871–1918 гг., употребляемых в отношении ее дефиниций, а также имеющих в историографии и публицистике оценок внутренней и внешней политики Германии, в том числе в контексте влияния соответствующих традиций на последующие события ее истории после 1918 г.

Единое германское государство, возникшее в результате политики «железа и крови», традиционно называется вильгельмовским рейхом. Естественно, возникает вопрос – какой из Вильгельмов имеет в виду? И сам собой приходит ответ, отсылающий нас к фигуре первого кайзера объединенной Германии – Вильгельма I. Насколько, однако, оправдана такая персональная атрибуция? Во-первых, его правление продолжалось сравнительно недолго, и влиянием его личности никак не могут быть объяснены процессы, которые развертывались в Германии в период после 1888 г., а этот период был богат такими событиями и проблемами, которые Вильгельм I явно не мог ни предвидеть, ни тем более оставить какие-то рецепты реагирования на них. Во-вторых, что даже более важно, корону германской империи ему буквально навязали, до конца жизни он ощущал себя более пруссаком, чем немцем, и с большим подозрением относился к тем новым реалиям, которые принесло с собой Reichsgründung (основание империи).

Подлинным создателем нового государственного образования был канцлер Отто фон Бисмарк, и потому было бы логично называть его бисмарковским рейхом. Однако обстоятельство ухода «железного канцлера» с политической сцены свидетельствовало о том, что далеко не все характерные для него подходы и принципы окажутся востребованными при его преемниках. Так и случилось: политический курс, который был избран при новом кайзере – Вильгельме II, обнаружил существенные отличия от того, что было характерным для эпохи Бисмарка. В этой связи имело бы смысл разделить историю Германии 1871–1918 гг. на два периода: условно говоря, бисмарковского рейха и вильгельмовского рейха (в данном случае имеется в виду не первый кайзер, а его внук). Попробую обосновать эту периодизацию.

Что представлял собой бисмарковский рейх? Известна формула К. Маркса о «военном деспотизме» с ограничительными добавками («обшитый парламентскими формами», «бюрократически сколоченный» и т.д.)¹. Действительно, это верно: полномочия народного представительства в виде рейхстага были весьма ограниченными, однако тот факт, что он выбирался на основе всеобщего избирательного права, делал его достаточно точным и наглядным «экраном» общественного мнения и позволял вести гласный диалог с властями. Критика в их адрес, на которую, как правило, адекватного ответа не находилось, вела к тому, что авторитет правящей элиты неуклонно эродировал, и на каждом

¹ Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: 2-е изд. Т. 19. М., 1961. С. 28.

следующих выборах силы, выступавшие с критикой в ее адрес, столь же неуклонно повышали свой «рейтинг» и влияние. Разумеется, внося в конституцию Северогерманского союза принцип всеобщего избирательного права и сохранив его в общегерманской монархии, Бисмарк меньше всего думал о том, чтобы воплотить в жизнь идеалы либерализма. Парадоксальным образом мотивом в данном случае было желание раз и навсегда покончить с либералами и их влиянием. Вероятно, образцом для него в этом замысле служил пример Франции, где диктатура Наполеона III была санкционирована всенародным референдумом, на котором масса малограмотного (тем более в отношении тонкостей политических программ) крестьянства проголосовала за традиционные консервативные ценности, к которым апеллировал тамошний наследник великого императора².

Расчет в применении к германским реалиям не оправдался; вернее, он оправдался только в районах с преобладанием помещичьего землевладения. Биограф Вилли Брандта приводит рассказ его деда о том, как проходило голосование в мекленбургской глубинке: управляющий имением, угостив крестьян шнапсом и, очевидно, проинструктировав, где нужно ставить крестик в бюллетене, строил их в очередь, отмечал, кто за кем этот бюллетень получает, и строго следил, чтобы «избиратели» не бросали их в большую кастрюлю без крышки, которая заменяла урну, а аккуратно клали заполненные бюллетени один поверх предыдущего, так что при подсчете можно было точно определить, кто нарушил инструкцию. Разумеется, потенциального «оппозиционера» ждали серьезные неприятности, а потому таковых не находилось³.

В городской среде манипуляции такого рода осуществить было не в пример труднее. В результате уже после первых общеимперских выборов, которые проходили в атмосфере эйфории от выигранной войны и достигнутого единства страны, в рейхстаге оказался лидер социал-демократов Август Бебель, который во всеулышание заявил о своей солидарности с парижскими коммунарами. В яростных нападках на него объединились и консерваторы, и либералы; А. Бебель и его однопартиец В. Либкнехт получили два года заключения в крепости, однако популярность социал-демократов росла неудержимо. Не помог и принятый в 1878 г. «закон против социалистов». На последних перед войной выборах 1912 г. за СДПГ (так партия стала называться с 1890 г.) проголосовало уже свыше трети электората.

Вполне возможно, что популярность социал-демократов в рабочей среде выросла бы еще больше, если бы не проведенные при Бисмарке меры социального законодательства (пенсии, пособия по временной нетрудоспособности и т.д.). Известна фраза одного из его министров: «Отныне мы все социалисты». Имелся в виду, разумеется, не социализм в марксистском понимании (ликвидация частной собственности, свободного предпринимательства и т.д.), а нечто, что предвосхищало практику «социального рыночного хозяйства», существующую ныне в ФРГ.

Разрядке социальной напряженности способствовал и бурный рост экономики, благодаря которому Германия вышла на второе место в мире по уровню производства (после США), обогнав прежнюю «мастерскую мира» – Великобританию. По поводу источников этого роста есть разные точки зрения. Широко распространено мнение, что значительную, если не главную, роль сыграла здесь полученная от Франции контрибуция. На деле стимулированная этим вливанием волна «грюндерства» окончилась полным крахом,

² В определении известного историка ФРГ У. Велера бисмарковский рейх представлял собой «бонапартистский диктаторский режим». См.: *Wehler H.-U. Das deutsche Kaiserreich 1871–1918. Göttingen, 1973.*

³ *Merseburger P. Willy Brandt, 1913–1992. Visionär und Realist. Stuttgart; München, 2002. S. 17.* Разумеется, система была небезупречной: по словам рассказчика, он «нечаянно» опрокинул кастрюлю, бюллетени смешались, и уже нельзя было определить, кто за кого голосовал. Впрочем, на результаты «выборов» это вряд ли повлияло.

и финансовые активы обанкротившихся немецких фирм благополучно мигрировали обратно в Париж и отчасти в Лондон – две столицы империи Ротшильдов. Подлинный «взлет» германской экономики последовал позднее. Когда именно – по этому поводу тоже нет консенсуса. Чаще всего называется середина 90-х годов XIX в.⁴ Не будучи специалистом по экономической истории, трудно дать здесь собственную оценку. В любом случае – вряд ли этот рывок был бы возможен без тех мер стимулирования, которые были начаты при Бисмарке и которые обеспечили развитие промышленности на самой передовой, инновационной (а не имитационной) технической базе (патентное законодательство, защита торговой марки и т.д.). Более того, Германия оказалась первой в том, что ныне называют интеграцией науки и производства. Наконец, именно в Германии впервые стали осуществляться, говоря современным языком, национальные проекты. Упомянем лишь один пример: строительство сети водопровода и канализации Берлина, благодаря которому столица оказалась избавленной от периодических эпидемий холеры и прочих инфекций. Заметим, что этот проект, занявший три десятка лет, был инициирован крупнейшим немецким ученым – естествоиспытателем Рудольфом Вирховым, который был к тому же активным деятелем (и основателем) Партии свободомыслящих, находившейся в самой жесткой оппозиции к властям и лично к Бисмарку. В 1865 г. – еще в прусском ландтаге – их полемика приняла такой характер, что Вирхов был вызван на дуэль; конфликт завершился тем, что ученый-политик принес извинения, не отказавшись в то же время от существа своей критики в адрес Бисмарка; последний отозвал свой вызов⁵. Весьма характерный эпизод для германской политики при «железном канцлере»: с одной стороны, жесткая реакция на инакомыслие, а с другой – готовность отступить при наличии готовности к компромиссу у партнера, а самое главное: политическое разногласие не помешало поручить оппозиционеру крупной общегосударственный проект.

Что поменялось в империи Вильгельма II по сравнению с империей Бисмарка? На первый взгляд, обозначился тренд к определенной либерализации режима: в 1890 г. был отменен «закон о социалистах», причем толкуется порой это так, что имел место острый конфликт между кайзером и канцлером, который упорствовал в намерении этот закон сохранить и даже ушел в отставку в знак протеста, когда это намерение не осуществилось. Думается, что степень разногласий между Вильгельмом и Бисмарком в данном случае существенно преувеличена. Последний был способен и сам корректировать свои позиции – как это случилось в отношении другой репрессивной практики, им примененной против политического католицизма, – культуракмпафа. Показательно, что, будучи уже отставным политиком, Бисмарк, как пишет один из его биографов, «выступил с удивительным признанием: он-де предоставил в конституции империи слишком много власти короне в ущерб рейхстагу, тогда как парламентам необходима свобода, чтобы выступать с обоснованной критикой, предупреждениями, и даже при определенных условиях формировать правительство»⁶. Мотивы такого «признания» очевидны: после отстранения от власти экс-канцлер стал объектом всевозможных придинок и преследований, или, по словам того же биографа, «сам на собственной шкуре ощутил пороки авторитарной системы правления». Если эта система не пощадила даже самого основателя, то тем меньше на снисходительность могли рассчитывать ее противники. Определенные изменения произошли лишь в методах борьбы против «врагов государства»: созданный Бисмарком «рептильный фонд», ранее использовавшийся для финансирования журналистов в консервативных и либеральных изданиях, стал средством подкупа и отдельных публицистов из «левой» прессы. Яркий пример приводит

⁴ К периоду 1873–1896 гг. применяется понятие «долгой депрессии». См.: Экономическая история Германии от эпохи камерализма до наших дней: в 3-х т. Т. 1. Экономическая история Германии в новое время: от аграрного общества к мировой промышленной державе / под ред. С. И. Невского. М., 2017. С. 224.

⁵ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 12.X.2021.

⁶ Willms J. Bismarck. Dämon der Deutschen. Anmerkungen zu einer Legende. München, 2015. S. 329.

в этой связи австралийский историк Р. Флетчер в монографии, посвященной ревизионизму в германской социал-демократии: редактор одного из ее ведущих печатных органов получал прямые субсидии из банковских и правительственных источников за свои ура-патриотические и антибританские статьи⁷. Впрочем, и Бисмарк не чурался доверительных контактов с лидерами «Всеобщего немецкого рабочего союза» — организации, поначалу конкурировавшей с марксистами, но впоследствии объединившейся с ними⁸.

Если в том, что касается внутренней политики Германии, различия между периодами до и после 1890 г. были минимальными, то в области внешней политики был налицо резкий контраст. Бисмарк, думается, был искренен, говоря об объединенной Германии как государстве, удовлетворенном своим новообретенным статусом в международной системе («saturierte Staat»⁹). Это не означало некоего изоляционизма и/или отказа от соперничества с другими европейскими «центрами силы», если употреблять современный вокабуляр. Напротив, понятие какой-то «общевропейской идентичности» было ему чуждо. Характерно в этом смысле его ироническое высказывание в доверительной корреспонденции с кайзером, относящееся к 1876 г.: «Слово “Европа” я слышу всегда в устах тех политиков, которые что-то требуют от других держав, но не решаются потребовать этого от своего имени»¹⁰. Напрашивающаяся аналогия — с идеологией голлизма: Европа национальных государств без четких и раз и навсегда определенных блоковых структур, развитие которой определяется постоянно меняющимся балансом сил. Проецируя на современность, Бисмарка можно было бы назвать типичным «евроскептиком».

Не менее скептически он был настроен и в отношении заморской экспансии. Опять-таки, думается, он был искренен, говоря, что вся Африка не стоит жизни одного прусского гренадера¹¹. Как предостережется, он прозорливо уловил общемировой тренд перехода от классического колониализма с его жестким административным и прочим контролем метрополий (при исключении прочих конкурирующих акторов) зависимых территорий — к тому, который воплотил собой формулу, впервые выдвинутую на рубеже веков американским государственным секретарем Дж. Хеем: «Открытые двери и равные возможности»¹². Авторство этой

⁷ Fletcher R. Revisionism and Empire. Socialist Imperialism in Germany. 1897–1914. London, 1984.

⁸ Взаимодействие между «железным канцлером» и руководимым Ф. Лассалем «Всеобщим союзом» порой трактуется как «эфемерное явление», «кратковременный флирт». Так ли это — вопрос к будущим исследователям. См.: Engelberg E. Der Staat war saturiert, der Gründer noch hungrig // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 14.X.1997.

⁹ Этот неологизм был введен в оборот, чтобы обозначить приверженность нового члена европейского «концерта» сложившемуся статусу-кво, отсутствие у него каких-либо территориальных или иных притязаний. Колумнист газеты «Die Welt» пишет в этой связи, что «Бисмарку удалось после объединения рейха превратить проголодавшуюся прусскую державу в “сатурированную” (т.е. насытившуюся. — А.Ф.) германскую и таким образом восстановить европейское равновесие». См.: Schuster J. Otto von Bismark, ein Genie der Machtspiels // Die Welt. 8.X.2012. Понятие «saturierte Staat» в качестве характеристики бисмарковской внешнеполитической доктрины широко используется современными исследователями, в частности, участниками юбилейного круглого стола к 200-летию со дня рождения «железного канцлера». См.: Hopp A. Warum Bismarck // Aus Politik und Zeitgeschichte. 23.III.2015. S. 6; Wirsching A. Bismarck und das Problem eines deutschen “Sonderweges” // Ibid. S. 12; Ulrich V. Der Mythos Bismarck und die Deutschen // Ibid. S. 18; Zimmerer J. Bismarck und der Kolonialismus // Ibid. S. 34.

¹⁰ Bismark O. von. Aus seine Schriften, Briefen, Reden und Gesprächen. Zürich, 1976. S. 508.

¹¹ Ту же мысль он неоднократно повторял на протяжении своего пребывания у власти: «Пока я остаюсь рейхсканцлером, мы не будем вести никакой колониальной политики» (1881 г.); «Моя карта Африки лежит в Европе» (1888 г.). См.: Zimmerer J. Op. cit. S. 34.

¹² Формально демарш Хей касался политики великих держав в Китае, и большинство работ зарубежных авторов рассматривают эту доктрину в контексте американско-китайских отношений. Лишь немногие историки подчеркивают ее глобальный характер. См.: LaFeber W. The New Empire: An Interpretation of American Expansion, 1860–1898. Ithaca, 1998; Ninkovich F. The United States and Imperialism. Malden (Mass.), 2001.

формулы-доктрины неслучайно: располагая несомненными конкурентными преимуществами, США не нуждались в том, чтобы отгораживать для себя и монополизировать какую-то часть мирового рынка, тем более что он был уже поделен между «старыми» колонизаторами. Американские «неоколонизаторы» претендовали на захват всего этого рынка в целом и вытеснение с него конкурентов не военно-административными, а именно рыночными методами, попутно облекая себя аурой пацифистов и сторонников независимости стран «третьего мира» (если употреблять этот возникший позднее термин). Надо сказать, что потенциал Германии в рамках той модели мира, которая определялась бы формулой «открытых дверей и равных возможностей», ничуть не уступал бы американским, а возможно, и превосходил их. Технические инновации, являвшиеся одним из козырей товаров «made in USA», опирались в Германии на более солидную собственную научную и экспериментальную базу, чем это имело место в США, где ведущие фирмы зачастую просто использовали и внедряли зарубежные (в том числе и немецкие) разработки. Первенство в борьбе против «старого» колониализма Германии могло бы обеспечить и то обстоятельство, что позиция США была достаточно противоречива: «доктрина Хейя» не отменяла «доктрину Монро», которая как раз «закрывала двери» на американский континент всем прочим державам-конкурентам. Германию в такой непоследовательности, а по сути, в лицемерии, упрекнуть было бы трудно. Конечно, можно с полным основанием усомниться, смогла бы ли немецкая инициатива в духе идеи «открытых дверей и равных возможностей» изменить всю систему международных отношений, но определенный моральный авторитет ее протагонистам она бы наверняка принесла и, возможно, даже предотвратила бы дрейф к мировой войне.

Вместо этого германские политики, сменившие Бисмарка, приняли правила «старого колониализма», вступив на путь захвата еще не поделенных территорий и передела уже сложившейся карты колониальных завоеваний. Этот курс, оформленный в терминах «мировая политика» (Weltpolitik) и «строительство флота» (Flottenbau), создавал Германии заслуженную репутацию нарушителя статус-кво и потенциального агрессора, причем в отсутствие каких-либо союзников и без всяких перспектив на успех.

Особо следует остановиться на влиянии «нового курса» германской политики на германо-российские отношения. Бисмарк отнюдь не был русофилом. Однако он не был и русофобом. Россию он рассматривал как равноправного члена «европейского концерта», державой, с которой могут возникать определенные осложнения, но которую нельзя считать экзистенциальной угрозой для Германии. Новые архивные свидетельства, введенные в научный оборот В.С. Дударевым, опровергают точку зрения о Бисмарке как противнике прусско-российского сотрудничества. Более того, как выясняется в свете этих документов, Бисмарк сам проявлял инициативу в налаживании сотрудничества и был склонен рассматривать Россию как союзника, причем более предпочтительного, чем Австрия¹³. Принципиально его позиция не изменилась и после 1871 г., когда объединение Германии уже свершилось. В этом отношении он вступил в конфликт с представителями тех сил, которые, опьяненные военными и экономическими успехами нового рейха, вступили на курс экспансии и агрессии, в том числе и в восточном направлении. Расстановку сил в правящих кругах в первые годы правления Вильгельма II точно описывает немецкий историк В. Лот: «Начальник Генерального штаба, граф Альфред фон Вальдерзее, который с 1887 г. выступал за превентивную войну против России, оказался по этому вопросу в жесткой конфронтации с Бисмарком, но именно он (Вальдерзее) пользовался доверием у молодого монарха. Именно Вальдерзее убедил кайзера высказаться против займа на финансирование железнодорожного строительства в России, в пользу которого выступал Бисмарк»¹⁴.

¹³ См.: Дударев В.С. Бисмарк и Россия. 1851–1971 гг. СПб., 2021. С. 488. Ср.: Gall L. Bismarck. Der weiße Revolutionär. Berlin, 1980. S. 409.

¹⁴ Loth W. Das Kaiserreich. Obrigkeitsstaat und politische Mobilisierung. München, 1996. S. 84.

Сама отставка Бисмарка стала следствием интриг, в ходе которых его обвинили в недооценке «российской угрозы». Биограф Вильгельма II приводит в этой связи характерный эпизод: «Вильгельму попали на глаза донесения о передвижениях российских войск в окрестностях Киева, и он решил, что речь идет о военных приготовлениях против Австрии. Он запросил мнение Бисмарка, но тот не торопился с ответом. По его мнению, не было никаких оснований паниковать, а тем более поднимать панику у австрийцев передачей им вышеупомянутых донесений. Вальдерзее и Вильгельм пришли к выводу — канцлер во власти старых пророссийских традиций...»¹⁵.

Последующие маневры Вильгельма и его министров в отношении России свидетельствовали о том, что она стала восприниматься как некая второстепенная, несамостоятельная величина в европейской политике, которая была обречена на роль вассала либо Германии, либо Антанты. Это способствовало тому, что Германия решилась на объявление войны России, явно не исчерпав всех дипломатических возможностей урегулирования кризиса. Роковую роль сыграла при этом и русофобская позиция руководства немецкой социал-демократии. За кредиты на войну с Францией социал-демократические депутаты рейхстага вряд ли проголосовали бы, а вот война с Россией была в программе еще «Союза коммунистов», руководимого К. Марксом и Ф. Энгельсом. С тех пор европейские реалии коренным образом изменились, но программа немецких социал-демократов осталась прежней. Не далее, как в 1867 г., выступая в Северогерманском рейхстаге, один из лидеров социал-демократов В. Либкнехт угрожал России вторжением на ее территорию «500-тысячной» армии якобы для защиты прав немецкого меньшинства в прибалтийских («остзейских») провинциях¹⁶.

Отмечая инициативную роль Германии в развязывании Первой мировой войны и империалистические цели, которые она в ней преследовала, было бы неверным считать эти цели неограниченными — по аналогии с теми, которые определяли политику нацистского руководства. В этой связи можно выразить определенное недоумение по поводу упорного повторения в российской историографии неверного перевода названия известной книги Фрица Фишера «Griff nach Weltmacht», в том числе и в титуле недавно появившегося долгожданного его русскоязычного издания¹⁷. Это никак не «рывок к мировому господству», иначе автор употребил бы слово «Weltherrschaft». Говоря о стремлении вильгельмовского рейха к достижению статуса Weltmacht, он имел в виду, прежде всего, его колониальные амбиции в смысле создания империи по образцу британской или французской.

Что касается России, то ее противоречия с Германией в предвоенный период по своей интенсивности намного уступали англо-германским и франко-германским, и этот фактор имел свою релевантность также и для военного периода, и для германского планирования на послевоенный период. Заслугой российского историка Б.И. Грекова, существенно дополнившего в этом отношении книгу Фишера, можно считать трактовку взглядов одной из ведущих фигур в экономике и политике Второго рейха — Вальтера Ратенау. Это был яркий экспансионист, уверенный в победоносном для Германии исходе войны, но при всем при этом он считал, что Россия должна будет играть «значительную роль в контролируемой Германией Европе», причем имелось в виду, что «мы можем финансировать Россию»¹⁸. Идея германо-

¹⁵ Макдоно Дж. Последний кайзер: Вильгельм Неистовый. М., 2004. С. 243.

¹⁶ Дударев В.С. Указ. соч. С. 403.

¹⁷ Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / пер. с нем. Л.В. Ланника. М., 2017.

¹⁸ См.: Первая мировая война и XX век: материалы международной конференции 24–26 мая 1994 года. М., 1995. С. 102. К сожалению, автор не привел ссылок на архивные первоисточники, которые он использовал. Что касается Ф. Фишера, то в его книге имеется лишь краткое упоминание о взглядах Ратенау на будущее мироустройство, из которого следует, что он был настроен на компромисс с Францией и тесное сотрудничество с Австро-Венгрией; о его идеях в отношении России ничего не сообщается. См.: Фишер Ф. Указ. соч. С. 116.

российского (в новых обстоятельствах — германо-советского) сотрудничества была реализована позднее в Рапалльском договоре — и не случайно, что с германской стороны наиболее активную роль в его выработке сыграл именно В. Ратенау. И опять-таки не случайно, что именно Ратенау пал жертвой заговора крайне правых кругов, близких к национал-социализму. Для этих кругов ни о каком сотрудничестве с восточным соседом не могло быть и речи; в идеологии и практике гитлеровского режима экспансионизм приобрел характер ничем не ограниченного «рывка к мировому господству», что, повторим, не было характерно для вильгельмовского рейха.

Одна из первых дискуссий немецких историков после разгрома и краха нацизма последовала вскоре после выхода книги Фридриха Майнеке «Немецкая катастрофа». Его вывод о прямой линии преемственности между Вторым (1871–1918 гг.) и Третьим рейхом был оспорен Герхардом Риттером, который объявил гитлеровский режим отрицанием и противоположностью всей прежней германской истории, в особенности же — консервативных прусско-германских традиций и практик¹⁹. На наш взгляд, в корректировке нуждаются обе точки зрения. Консерваторами были и Бисмарк, и Вильгельм II, но, как мы пытались показать, в сфере внешней политики их цели и методы существенно различались. Ввиду этого вряд ли имеет смысл конструировать линию преемственности между бисмарковским рейхом и Третьим рейхом. С другой стороны, такая линия, безусловно, связывает Третий рейх и вильгельмовский рейх, хотя говорить об их тождественности или прямом «перетекании» одного в другой с кратким интервалом в виде Веймарской республики было бы также недопустимым упрощением.

Библиография

Дударев В.С. Бисмарк и Россия. 1851–1971 гг. СПб., 2021.

Макдоно Дж. Последний кайзер: Вильгельм Неистовый. М., 2004.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: 2-е изд. Т. 19. М., 1961.

Первая мировая война и XX век: материалы Международной конференции 24–26 мая 1994 г. М., 1995.

Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / пер. с нем. Л.В. Ланника. М., 2017.

Экономическая история Германии от эпохи камерализма до наших дней: в 3-х т. Т. 1. Экономическая история Германии в новое время: от аграрного общества к мировой промышленной державе / под ред. С.И. Невского. М., 2017.

Bismark O. von. Aus seine Schriften, Briefen, Reden und Gesprächen. Zürich, 1976.

Fletcher R. Revisionism and Empire: Socialist Imperialism in Germany, 1897–1914. London, 1984.

Gall L. Bismarck. Der weiße Revolutionär. Berlin, 1980

Loth W. Das Kaiserreich. Obrigkeitsstaat und poilitische Mobilisierung. München, 1996.

Meinecke F. Die deutsche Katastrophe. Betrachtungen und Erinnerungen. Wiesbaden, 1946.

Merseburger P. Willy Brandt, 1913–1992. Visionär und Realist. Stuttgart; München, 2002.

Ritter G. Staatskunst und Kriegshandwerk. Das Problem des “Militarismus” in Deutschland. 4 Bde. München, 1954–1968.

Tünners H. Nach Verfolgung und Vernichtung. Das Dritte Reich und die Deutsche nach 1945. Stuttgart, 2021.

Wehler H.-U. Das deutsche Kaiserreich 1871–1918. Göttingen, 1973.

Willms J. Bismarck. Dämon der Deutschen: Anmerkungen zu einer Legende. München, 2015.

¹⁹ См.: *Meinecke F.* Die deutsche Katastrophe. Betrachtungen und Erinnerungen. Wiesbaden, 1946; *Ritter G.* Staatskunst und Kriegshandwerk. Das Problem des “Militarismus” in Deutschland. 4 Bde. München, 1954–1968. См. также: *Tünners H.* Nach Verfolgung und Vernichtung. Das Dritte Reich und die Deutsche nach 1945. Stuttgart, 2021. S. 55.

References

- Dudarev V.S.* Bismark i Rossiya. 1851–1971 [Bismark and Russia, 1851–1971]. Sankt-Peterburg, 2021. (In Russ.)
- Ekonomicheskaya istoriya Germanii ot epokhi katedralizma do nashikh dnei: v 3-h t. / pod red. S.I. Nevskogo. T. 1. Ekonomicheskaya istoriya Germanii v novoe vremya: ot grarnogo obshhestva k mirovoj promyshlennoj derzhave [The economic history of Germany in modern times: in 3 vol. / ed. S.I. Nevskiy. Vol. 1. Economic history of Germany in modern times: from an agrarian society to a world industrial power]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Fisher F.* Ryvok k mirovomu gospodstvu. Politika voennykh celej kajzerovskoj Germanii v 1914–1918 gg. / per. s nem. L.V. Lannika [A leap to world domination. The policy of the military goals of Kaiser's Germany in 1914–1918 / translated from German by L.V. Lannik]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Makdono G.* Poslednij kajzer: Vilgelm Neistovjy [The Last Kaiser: Wilhelm the Impetuous]. Moskva, 2004. (In Russ.)
- Marks K., Engel's F.* Sochineniya [Works]: 2 izdanie. T. 19. (In Russ.)
- Pervaya mirovaya vojna i XX vek: materialy Mezhdunarodnoj konferencii 24–26 maya 1994 g. [World War I and the 20th century: Proceedings of the International Conference May 24–26, 1994]. Moskva, 1995. (In Russ.)
- Bismark O. von.* Aus seine Schriften, Briefen, Reden und Gesprächen. Zürich, 1976.
- Fletcher R.* Revisionism and Empire. Socialist Imperialism in Germany. 1897–1914. London, 1984.
- Gall L.* Bismarck. Der weiße Revolutionär. Berlin, 1980.
- Loth W.* Das Kaiserreich. Obrigkeitsstaat und poilitische Mobilisierung. München, 1996.
- Meinecke F.* Die deutsche Katastrophe. Betrachtungen und Erinnerungen. Wiesbaden, 1946.
- Merseburger P.* Willy Brandt, 1913–1992. Visionär und Realist. Stuttgart; München, 2002.
- Ritter G.* Staatskunst und Kriegshandwerk. Das Problem des “Militarismus” in Deutschland. 4 Bde. München, 1954–1968.
- Tünners H.* Nach Verfolgung und Vernichtung. Das Dritte Reich und die Deutsche nach 1945. Stuttgart, 2021.
- Wehler H.-U.* Das deutsche Kaiserreich 1871–1918. Göttingen, 1973.
- Willms J.* Bismarck. Dämon der Deutschen. Anmerkungen zu einer Legende. München, 2015.

DOI: 10.31857/S013038640020239-0

© 2022 г. **Н.В. РОСТИСЛАВЛЕВА**

РЕЦЕПЦИЯ ТЕМЫ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ЮБИЛЕЙНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ РОССИИ И ГЕРМАНИИ В XX веке

Ростиславлева Наталья Васильевна — доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия).

E-mail: ranw@mail.ru

Scopus Author ID: 57219000662; ORCID: 0000-0001-7784-8390; Researcher ID: R-8196-2016

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта «Безопасность и гражданское общество в России и Германии в годы Первой мировой войны. Соотношение процессов интернирования гражданского населения воюющих государств в 1914–1917 гг.» (№ 19-59-12006).

Аннотация. В статье рассматривается рецепция темы Германской империи историками России/СССР и Германии в XX в. в связи с ее юбилеями. В 1921 г. как в российских, так и в германских исторических журналах в качестве рокового для судьбы империи шага обсуждалась отставка Бисмарка и звучала неприкрытая критика Вильгельма II. В российском нарративе жесткой критике подвергалась Ноябрьская революция 1918 г., которая привела империю к гибели. После поражения Германии во Второй мировой войне тема создания и судьбы империи была кардинально пересмотрена историками ФРГ. В год ее столетнего юбилея, в 1971 г., в ФРГ обсуждался вопрос «второго создания империи», изучались имперские церемонии и ритуалы, Вторую империю называли «государством Бисмарка» и обвиняли канцлера в абсолютизме. Исторические нарративы ГДР 1971 г. были тщательно сверены с марксистскими принципами, рассматривался общий взгляд классиков марксизма, прежде всего Ф. Энгельса, на историю XIX в. Создание империи оценивалось двойственно и отмечалось, что «германский народ нашел свое единство в прусской казарме», а правление Бисмарка называлось «бонапартистской монархией». Подобная позиция прослеживается и в историческом нарративе СССР: империя объявлялась «пруско-германским милитаристским государством». Проблема этничности и обретения немцами долгожданного единства была актуальна только в германских нарративах 1921 г. В XXI в. историки объединенной Германии предостерегают от идеализации Второй империи и дискутируют о синтезе коллективных и индивидуальных начал в феномене память — идентичность.

Ключевые слова: Германская империя, этничность, юбилейный исторический нарратив XX в., историческая память, историческая политика, СССР, Россия, историография отечественная, историография германская.

N.V. Rostislavleva

Reception of the Theme of the German Empire in the Anniversary Historical Narratives of the XX Century

Natalia Rostislavleva, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: ranw@mail.ru

Scopus Author ID: 57219000662; ORCID: 0000-0001-7784-8390; Researcher ID: R-8196-2016

The research was carried out with the financial support of the RFBR and the German Research Community within the framework of the academic project “Security and Civil Society in Russia and Germany

during the First World War. Correlation of the processes of internment of the civilian population of the belligerent States in 1914–1917” (№ 19–59–12006).

Abstract. The article examines the reception of the subject of the German Empire by Russian/Soviet and German historians in the twentieth century as part of its anniversary celebrations. In 1921 both Russian and German historical journals discussed the resignation of Bismarck as a critical step for the fortunes of the empire and openly criticised Wilhelm II. In the Russian narrative, the revolution that led the empire to its collapse was harshly critiqued.

After the defeat of Germany in the Second World War, the subject of the creation and fortunes of the empire was radically reconsidered by historians in the FRG. In the year of its centenary, 1971, Germany was debating the “second foundation of the empire”, imperial ceremonies and rituals were being studied, the Second Empire was being called the “Bismarck State”, and the chancellor was being accused of absolutism. The historical narratives in the GDR were represented by the Marxist conception of nineteenth-century German history, above all by the ideas of F. Engels. The creation of the empire was assessed in a mixed manner, it was noted that ‘the German people found their unity in the Prussian barracks’, and Bismarck’s rule was described as a “Bonapartist monarchy”. A similar attitude can be traced in the historical narrative in the USSR: the empire was declared a “Prussian-German militarist state”. The problem of ethnicity and the long-awaited German unity was significant for German narratives of 1921. In the twenty-first century, historians of a united Germany warn against idealising the Second Reich and debate the synthesis of the collective and the individual in the phenomenon of memory-identity.

Keywords: German Empire, reception, ethnicity, anniversary historical narrative of the twentieth century, historical memory, national identity.

Постоянный поиск «новых путей» в историографии обусловлен столь же постоянной сменой вопросов, которые мы задаем прошлому. Исторические нарративы интерпретируют события исходя из современных предпосылок, опираясь на настоящее, которое преодолёно, поэтому историки обречены быть вовлечёнными в процесс интерпретации и создания новых исторических повествований. Центральное место в них занимают неразрывно связанные категории «событие» и «время», которые в XX в. — веке развертывания «мемориальной парадигмы» — приобрели высокий гносеологический статус¹.

Короткий XX век — это век нескольких юбилеев Германской империи. Век был очень турбулентным, поэтому ракурсы рецепции историками России и Германии темы Второй империи поражают разнообразием. Чаще всего поводом нового осмысления события являются юбилеи. Интерес исследователей к изучению юбилеев заставляет задуматься о пересмотре отношения историка к историческому событию, связанному с определенным хронологическим периодом. Насколько изучение юбилеев возможно в рамках уже существующих методологических направлений (история — память — идентичность) или необходимо использование нового методологического инструментария?

В 2021 г. отмечался 150-летний юбилей создания Германской империи. Каковы особенности рецепции Германской империи в годы ее предыдущих юбилеев в исторических нарративах России и Германии? Мы рассмотрим этот вопрос на основе анализа публикаций в таких исторических журналах и ежегодниках России/СССР и Германии/ФРГ/ГДР, как «Голос минувшего», «Новая и новейшая история», «Германский ежегодник», «Исторический журнал/Historische Zeitschrift», «Исторический ежегодник/ Jahrbuch für Geschichte».

50-летний юбилей Германской империи случился в 1921 г., когда она уже не существовала, а Советская Россия и Веймарская Германия переживали годы жесткой внутренней турбулентности. В РСФСР в это время в историческом знании уже шел процесс отказа

¹ Прошлое для настоящего: история — память и нарративы национальной идентичности / под общ. ред. Л.П. Репиной. М., 2020.

от принципов «русской школы», но становление нового марксистского направления еще не завершилось и продолжали выходить дореволюционные исторические журналы, например «Голос минувшего». Удалось обнаружить две публикации, связанные отчасти с юбилеем Германской империи, точнее с осмыслением причин ее гибели. Это статья-рецензия Вл. Розанова «Гибель империи» и сочинение А.Н. Савина «Воспоминания Бисмарка и переписка Шувалова с Гирсом»².

В фокусе сочинения Вл. Розанова — анализ воспоминаний, вышедших в первые годы после поражения Германии в Первой мировой войне. Так, уже в конце 1920 г. в Веймарской республике были опубликованы воспоминания Э. Людендорфа и А. фон Тирпица. Розанов цитирует Людендорфа, размышлявшего над причинами поражения Германии: «Дух немецкой армии был сломлен переутомлением на фронте и голодом внутри страны». Конечно, не осталась вне внимания его фраза об ударе кинжалом в спину со стороны революции. Рефрен воспоминаний Тирпица: «Германия военного поражения не потерпела. Во всем виноват тыл»³. Оба военачальника не сомневались в силе германской армии и возлагали вину на внутренние проблемы Германской империи. С этим был согласен и автор статьи.

Розанов назвал прологом трагедии выступление М. Эрцбергера и принятие мирной резолюции рейстагом в июле 1917 г., которая не подразумевала отказа от аннексий, что не позволяло Германии продвинуться в направлении мирных инициатив. Главной причиной поражения Германской империи в Первой мировой войне была, по его мнению, революция. Автор обвинял в ее подготовке спартаковцев, тогда как независимые, правые социалисты боялись революции и выступали за преобразование конституционный путем. Косвенно эту мысль подтверждают рассуждения Вл. Розанова о книге Э. Бернштейна «Германская революции» («Die deutsche Revolution»). Ее автор, как известно, не был сторонником революционных боев. Розанов назвал его труд «исторической работой» и «важным историческим материалом»⁴. Осуждение революции и российский подтекст здесь вполне очевидны.

В статье, посвященной выходу нового третьего тома «Воспоминаний» Бисмарка, автор — известный представитель «русской школы» А.Н. Савин — подчеркивал, что это издание было выброшено на книжный рынок немецкой революцией: в Германской империи существовал негласный запрет на публикацию записей канцлера, поскольку там речь шла об отставке Бисмарка и вине в этом императора. Даже находясь в Голландии, Вильгельм II заявил протест против издания этой книги⁵. Причина публикации «Воспоминаний» понятна: осуждение отставки Бисмарка в 1890 г., которая негативно сказалась на судьбе империи, поскольку «железный канцлер», как полагал автор, не поддержал бы внешнеполитический курс Вильгельма II. Сын Бисмарка, Герберт, объяснял причину отставки чисто личными стремлениями «легкомысленного, неблагодарного и самоуверенного монарха (т.е. Вильгельма II. — *Н.Р.*) столкнуть великого человека и править без всякой помехи»⁶. Мысль историка предельно ясна: отставка Бисмарка вела к огромным переменам в политике Германии⁷, которые в итоге закончились для нее трагедией.

Переписка Шувалова с Гирсом использовалась автором, чтобы подтвердить нежелательность для России отставки Бисмарка и ввести в публичное пространство нежелательные характеристики Вильгельма II со стороны российских правящих кругов. Так, Савин

² Савин А.Н. Воспоминания Бисмарка и переписка Шувалова с Гирсом // Голос минувшего. 1922. № 1 (3). С. 158–175. Розанов Вл. Гибель империи. Книги о германской революции // Там же. 1922. № 2 (4). С. 207–216.

³ Розанов Вл. Указ. соч. С. 208.

⁴ Там же. С. 211–215.

⁵ Савин А.Н. Указ. соч. С. 158.

⁶ Там же. С. 159.

⁷ Там же. С. 170.

цитировал Александра III: «Нет сомнения, перемена в политике Германии произошла, и нам надо готовиться ко всяким случайностям... а постоянное усиленное вооружение придает всему этому тревожное положение»⁸.

А.Н. Савин видел тесную связь событий марта 1890 г. — отставки Бисмарка — с июлем 1914 г., который озаряет «зловещим светом рождение мировой войны», а третий том «Воспоминаний» Бисмарка называл «прологом пролога». Авторы этих двух нарративов — осколки представителей «русской школы». Уже в 1923 г. редакция журнала «Голос минувшего» покинет Россию, он будет издаваться за границей. Безусловно, авторы не приняли Октябрьскую революцию, преддверием которой стала Первая мировая война, поэтому вильгельмовская Германия вызывала у них отторжение, тогда как их оценки фигуры Бисмарка и созданного им рейха колебались от нейтральных до одобрения.

Что касается публикаций в «Historische Zeitschrift», главным редактором которого в то время был Ф. Мейнеке, то они отчасти перекликаются с российской рецепцией: одна из программных статей за 1921 г. Х. Ротфельса также посвящена отставке Бисмарка⁹. Автор проанализировал документы близкого круга канцлера (дневники Беттихерса, комментарии Ротенбурга, переписку Луциуса и др.). В центре внимания — конфликт кайзера и канцлера в освещении новых источников. Традиционная точка зрения: Бисмарк жаждал продления исключительного закона против социалистов, и это стало причиной его отставки. Однако историк объявлял Бисмарка сторонником компромисса, и, по его мнению, тот видел решение этого вопроса путем голосования в рейхстаге¹⁰. В итоге Ротфельс утверждал, что в конфликте кайзера и канцлера «лежит глубочайшая основа для характеристики эпохи 1890 г.: это имеет значение не столько для ее содержания, сколько является вехой для формы германской политики»¹¹. Ностальгия по империи, поиск ответа на вопрос, кто виноват в том, что Германия оказалась в таком угнетенном состоянии, переживание горечи поражения страны в Первой мировой войне влияли на культурную память, превозносившую Бисмарка. В подобном духе ее конструировали и другие историки-неоранкеанцы.

В разделе докладов и рецензий за 1921 г. этого же журнала в центре внимания вновь стоял Бисмарк: обсуждение его представлений о германо-австрийской союзной политике, публикации источников об отставке Бисмарка. Так, например, «Кельнская газета» опубликовала из своего архива письма берлинского корреспондента доктора Франца Фишера, в которых тот рассказывал о решающих неделях перед отставкой канцлера. Обсуждалась статья О. Граденвитца «Венская аудиенция Бисмарка и письмо кайзера 1892 г.», где разоблачались интриги тогдашнего канцлера Л. Каприви. В обзоре упоминалась книга Г. Мартина «Виновники мировой войны» и отмечалось, что дух русского империализма и панславизма — главная причина мировой войны, сообщалось об издании мемуаров Э. Людендорфа «Мои воспоминания»¹². Травматический опыт заставил историков Веймарской Германии в год юбилея Второй империи обратиться к личности, в которой, по их мнению, олицетворялось величие Германии.

100-летний юбилей Германской империи реципировался уже историками двух германских государств и СССР.

В ФРГ продолжал выходить «Historische Zeitschrift». Конечно, в год 100-летнего юбилея историки не прошли мимо этой даты, но предложили новые парадигмы ее осмысления. В 1971 г. в рубрике «Обсуждение книг» обнаружены краткие рецензии Е. Ференбах

⁸ Там же. С. 175.

⁹ Rothfels H. Bismarck-Krise von 1890 // Historische Zeitschrift. 1921. Bd. 123. H. 2. S. 267–296.

¹⁰ Ibid. S. 290.

¹¹ Ibid. S. 287.

¹² Notizen und Nachrichte. Neueste Geschichte seit 1871 // Historische Zeitschrift. 1921. Bd. 124. H. 1. S. 176–178.

на книгу К. Буххайма «Германская империя 1871–1918: предыстория, подъем и поражение», а также К. Фабера на сборник «Европа и Северогерманский союз», где отмечался уже европейский контекст решения «германского вопроса»¹³. Ференбах с воодушевлением отнеслась к критическому переосмыслению Второй империи и полагала, что критика повлияет на историческое знание в целом, и это должно найти отражение в дискуссиях и ясно выраженной постановке вопроса. В данной рецензии уже обозначены новые континуитеты истории Германии: автор актуализировала 500-летние традиции сословных свобод Священной Римской империи, а также национальные и либеральные идеи первой половины XIX в. Ференбах подчеркивала, что фокус рецензируемой книги – критика в католической публицистике Бисмарка и созданной им империи, которая названа «государством Бисмарка», а его правление обозначено термином «абсолютизм канцлера»¹⁴. Буххайм упрекал Бисмарка в бонапартизме, а, как отмечала Ференбах, проблема бонапартизма автором не проясняется, а возможные альтернативы развития Германии рассматриваются только с точки зрения католической партии Центра. Вывод автора рецензии – это еще не в полной мере новая трактовка исторической картины Германии периода создания империи¹⁵.

Новый подход к интерпретации создания Германской империи был предложен в программной статье самой Е. Ференбах «О значении политических символов в национальном государстве»¹⁶. В методологическом плане статья написана в рамках политической антропологии. Автор подчеркивала, что эти сюжеты хорошо изучены на примере средневековой истории, а история Нового времени еще ждет своего исследователя. Для Нового времени, по мнению Ференбах, такими символами являлись знамена, гербы, национальные гимны, названия земель. Автор была озадачена поиском истоков символических форм Нового времени. Резюмируя, Е. Ференбах подчеркивала: в XIX в. национальные символы возникали или из спонтанных реакций на революционные события, или – и это предпочтительнее – вызревали из исторических традиций, а затем легитимировались. В этом процессе, в представлении автора, прослеживается дифференциация: относительно флага и гимна – связь с изображением креста на флаге и с монархическим гимном, а к новым формам относятся триколор и политические гимны о свободе, порожденные Французской революцией. Однако все они существуют в тесной связи с определенным стечением обстоятельств, которые определяются эпохой создания буржуазных национальных государств¹⁷. Подобный подход – свидетельство утверждения новых приоритетов изучения германской истории.

О юбилее Второй империи на страницах «Historische Zeitschrift» писал Й. Беккер в статье «К проблеме политики Бисмарка в вопросе борьбы за испанский престол»¹⁸. Автор подробно с помощью текстуального анализа изучал фальсификацию Эмской депеши, рассматривал этот процесс в ракурсе историографических споров, заявляя, что это нас приводит в империю вымыслов. Но Эмская депеша, как и в случае с Бисмарком, – это всего лишь повод для определения нового континуитета германской истории.

Историк заметил, что в последнее время в исследованиях о Бисмарке началось сближение мнений: без активного давления прусского государства было бы обретено единство

¹³ *Faber K.-G.* Europa und der Norddeutsche Bund / Hg. von R. Dietrich. Berlin, 1968: Buchbesprechungen // *Historische Zeitschrift*. 1971. Bd. 212. H. 1. S. 178–180; *Fehrenbach E.* Karl Buchheim. Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918. Vorgeschichte, Aufstieg und Niedergang. München, 1969. Buchbesprechungen // *Historische Zeitschrift*. 1971. Bd. 212. H. 2. S. 455–457.

¹⁴ *Fehrenbach E.* Op. cit. S. 455–456.

¹⁵ *Ibid.* S. 457.

¹⁶ *Fehrenbach E.* Über die Bedeutung der politischen Symbole im Nationalstaat // *Historische Zeitschrift*. 1971. Bd. 213. H. 2. S. 296–357.

¹⁷ *Ibid.* S. 356.

¹⁸ *Bekker J.* Zum Problem der Bismarckischen Politik in der spanischen Thronfrage // *Historische Zeitschrift*. 1971. Bd. 212. H. 3. S. 529–607.

по малогерманскому варианту, а «народная политика» образованных и зажиточных городских слоев (*Bürgertum*) могла бы и без «революции сверху», без войны с Францией стать альтернативой бисмарковскому пути. В согласии с либеральными ценностями Беккер осмысливал создание империи в европейском масштабе и подчеркивал, что «с 1871 г. перед европейскими державами стояла задача предотвратить угрожающие последствия создания Германской империи»¹⁹. С точки зрения внутренней политики в условиях индустриализации бисмарковский путь объединения — это лишь временное решение германского вопроса, поскольку для окончательной победы над Францией не были созданы надежные гарантии. Автор подчеркивал значение индустриализации, но концепция «второго создания империи» в 1879 г. четкого обоснования у него не нашла²⁰.

Таким образом, авторы влиятельного западногерманского исторического журнала серьезно перестроили память о Германской империи, продемонстрировав общеевропейские и либеральные ракурсы, показав в полной мере переориентацию исторического знания на ценности «новой социальной истории», которая в это время активно формировалась в ФРГ.

В публицистическом пространстве ФРГ тема юбилея также затрагивалась. На страницах журнала «*Der Spiegel*» Р. Аугштейн отстаивал идею, что Германская империя «умерла» только в 1970–1971 гг., поскольку она продолжала жить в «желаниях и сердцах людей», и только в 1970 г., как полагал журналист, западные немцы избавились от иллюзий бисмарковского рейха²¹. Империя Бисмарка не возникла из воли народа: это тот постулат, что позднее найдет воплощение в работах О. Данна, видевшего главный недостаток бисмарковского рейха в нарушении принципа народного суверенитета²². Конечно, данный нарратив скорее политический, а не исторический, так как его подтекст — переживание за судьбу разделенной Германии, определенное одобрение «новой восточной политики» В. Брандта, которая помогла «народу ФРГ узнать себя, благодаря своим лидерам». Автор констатировал, что «немцы больше не настроены по-бисмарковски», они, «если им позволить, стали нормальными»²³. Имперские амбиции Германии к 1971 г. были, по мнению Аугштейна, благополучно преодолены, но путь германского единения у автора еще четко не вырисовывался, хотя политические прогнозы были сформулированы, что во многом уже разрушает жанр исторического нарратива, обычно лишённого политического прогнозирования. 100-летний юбилей Германской империи стал в данном тексте поводом для размышления над проблемами и перспективами европейской политики, на которую во многом влияло силовое поле СССР и США.

Во влиятельном историческом журнале СССР «Новая и новейшая история» не удалось обнаружить большой статьи к 100-летию создания Германской империи.

Этот юбилей оказался в тени 100-летия Парижской коммуны. Единственный след юбилея в данном издании — это публикация рецензии О.Н. Закаурцева на книгу «Основание Германской империи в свидетельствах очевидцев», опубликованной в Дюссельдорфе, составителем и редактором которой выступил западногерманский историк Э. Дойерлейн. В рецензии отмечается, что буржуазная историография отметила 100-летие Германской империи «изрядным количеством сочинений»²⁴. Автор рецензии упрекал составителя в том, что он отвергает точку зрения, «согласно которой создание Германской

¹⁹ *Ibid.* S. 606–607.

²⁰ См. подробнее об освещении концепции «второго основания империи»: *Оболенская С.В.* Проблемы образования Германской империи 1871 г. в освещении современной буржуазной историографии ФРГ // Ежегодник германской истории. 1986. М., 1987. С. 204–225.

²¹ *Augstein R.* Das 100jährige Reich // *Der Spiegel*. 1971. № 3. URL: <https://www.spiegel.de/politik/das-100jaehrige-reich-a-f8519047-0002-0001-0000-000043375206> (дата обращения: 17.03.2022).

²² *Данн О.* Нации и национализм в Германии. 1770–1990. СПб., 2003. С. 154–156.

²³ *Augstein R.* *Op. cit.*

²⁴ *Закаурцев О.Н.* Рецензия на книгу: «Основание Германской империи в свидетельствах очевидцев» (Дюссельдорф, 1970) // *Новая и новейшая история*. 1971. № 6. С. 188.

империи в 1871 г. было следствием разгрома Франции, реваншем за ликвидацию Священной Римской империи германской нации Наполеоном I». Дойерлейн полагает, что это упрощение, так как существовали политические, экономические и общественные силы, которые подготовили или способствовали возникновению немецкого национального государства²⁵. В итоге автор рецензии упрекал Дойерлейна в умалении заслуг К. Маркса и Ф. Энгельса, звучали обвинения в тенденциозности, поскольку такая форма исторического исследования «является на деле лишь более удобным прикрытием насквозь тенденциозного буржуазного классового подхода к освещению важного периода германской истории»²⁶.

Другое издание, объединявшее историков-германистов, стоявших на марксистских позициях, — «Ежегодник германской истории». На его страницах была опубликована большая статья историков из ГДР Х. Бартеля и Г. Зеебера²⁷. В ней утверждалось, что «основанная в 1871 г. империя была государством господствующих классов»²⁸. Много внимания уделялось революции 1848—1849 гг., которая была названа буржуазно-демократической и призванной решить германский вопрос. В фокусе исследователей была деятельность созданной в Эйзенахе в 1869 г., в преддверии основания империи, Социал-демократической рабочей партии Германии. Отметим оценочные высказывания, которые в чем-то созвучны с мнением современных им западногерманских коллег. Так, в согласии с К. Марксом звучали требования справедливого мира с Французской республикой, а созданную империю А. Бебель и В. Либкнехт считали «пруско-германским милитаристским государством в его бонапартистской форме правления»²⁹. Конечно, сравнивать нужно осторожно, так как методологические установки у историков ГДР и ФРГ были абсолютно разными. Поэтому в данной статье звучала критика крупного западногерманского историка В. Конце и утверждалось, что «подъем рабочего движения был вызван не “национальными” моментами»: только закон против социалистов создал «по всей Германии равномерно действующее «правовое положение для социал-демократов», а «судьба страны пролетариат волнует лишь постольку, поскольку это касается его классовой борьбы»³⁰. Понятия «нация» и «национальная демократия» объявлялись историками ГДР расплывчатыми, поэтому «об идентификации интересов и политики рабочего класса с амбициями и роковыми политическими акциями господствующих классов в прусско-германском государстве» говорить неуместно³¹. Таким образом, какая-либо перспектива формирования национальной идентичности в империи отрицалась, прогнозировались дальнейшие катаклизмы, но исходя из отличных от западногерманских парадигм оснований.

«Ежегодник германской истории» не мог не откликнуться на двухтомный труд историков из ГДР Х. Бартеля и Э. Энгельберга «Великопрусское милитаристское основание империи 1871 г.: предпосылки и последствия». Рецензия на него была подготовлена М.Н. Машкиным: он хвалил коллег по соцлагерю за полемическую заостренность в борьбе с западногерманской историографией и верную характеристику концепции основоположников марксизма-ленинизма по проблемам истории Германии 1871—1918 гг.³²

В ГДР, так же как и в ФРГ, и в СССР, не было опубликовано работ специально к 100-летию юбилею Германской империи, но эта проблема затрагивалась на страницах «Jahrbuch für Geschichte» в программной статье Х. Бартеля и В. Шмидта «Фридрих

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 189.

²⁷ Бартель Х., Зеебер Г. Образование Германской империи, Парижская коммуна и революционное рабочее движение // Ежегодник германской истории. 1971. М., 1973. С. 18—50.

²⁸ Там же. С. 18.

²⁹ Там же. С. 30.

³⁰ Там же. С. 40, 42.

³¹ Там же. С. 50.

³² Машкин М.Н. Новый труд историков ГДР. К столетию основания Германской империи // Ежегодник германской истории. 1971. М., 1973. С. 438.

Энгельс об основных проблемах истории немецкого народа в XIX в.». В тексте нет никаких неожиданностей, все как в обычном марксистском исследовании: обильно цитируются К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин, В. Ульбрихт, много внимания уделено революции 1848—1849 гг., которая обозначена как «буржуазно-демократическая»³³. Вторая империя, как полагали историки из ГДР, возникла в рамках большого этапа германского рабочего движения, который простирался от Французской революции до «создания Германской империи и Парижской коммуны», а с ее основания и до конца XIX в. начался этап борьбы рабочего класса «против прусско-германского милитаристского государства и подготовка будущих классовых битв за собственное освобождение»³⁴. Утверждалось, что бисмарковский путь объявлялся буржуазными историками единственным возможным, тогда как Ф. Энгельс видел и другие возможности обретения единства — «народная революция, подавление феодализма и утверждение демократической республики», а «революцию сверху» под руководством Пруссии и гегемонии Австрии он считал иллюзией³⁵. Это утверждение нуждается в комментариях. Если иметь в виду историков-малогерманцев конца XIX — начала XX в., то это, действительно, так. Но уже Ф. Мейнеке в середине XX в. стоял на другой позиции³⁶, а об иных подходах западногерманских историков 70-х годов XX в. было достаточно сказано в данной статье. Историки из ГДР подчеркивали: Ф. Энгельс не считал создание Германской империи «позитивным фактором», как «утверждали западногерманские историки». Бартель и Шмидт в согласии с Энгельсом полагали: «Германский народ нашел свое единство в прусской казарме»³⁷. Однако в итоге признавалось, что преодоление партикуляризма и «образование буржуазного германского национального государства» создавали условия для развития капитализма, который способствовал «формированию пролетариата и организованной революционной борьбе»³⁸. Марксистские историки объявляли «бисмарковское объединение неблагоприятным», форму правления по Энгельсу обозначили «бонапартистской монархией», «псевдоконституционализмом», «бонапартистской диктатурой». В восприятии Германской империи историками и СССР, и ГДР сквозит идеологическая заданность, жесткая назидательность в терминологии, опора на авторитеты и абсолютное игнорирование достижений и тематических предпочтений историков ФРГ, вплоть до искажения их позиций.

Историки и ГДР, и ФРГ в своих исторических нарративах не видели в факте создания Германской империи какой-либо основы для формирования идентичности, более того, они негативно оценивали имперское прошлое Германии, но делали это, опираясь на разные политические и методологические основания. Дискурс пролетарского интернационализма вытеснял в ГДР проблему национальной идентичности, тогда как в ФРГ обеспокоенность вызывала интерпретация нации с этнических позиций, и это событие не наделялось потенциалом для конструирования идентичности.

Проблема «коллективной идентичности» является до сих пор дискуссионной. В 2003 г. Р. Козеллек высказал опасение, что коллективная идентичность переключается с тоталитарным опытом, ввиду чего надо защищать индивидуальность³⁹. А. Ассман в одной из своих последних работ замечает, что многие современные историки отрицают концепт «коллективной идентичности» как «нелигитимную метафору»⁴⁰. Историк возражает: прошлое, по ее мнению, не только предмет знания, которое может быть почерпнуто из

³³ Bartel H., Schmidt W. Friedrich Engels zu einigen Grundproblemen der Geschichte des Deutschen Volkes im 19. Jahrhundert // Jahrbuch für Geschichte. 1972. Bd. 6. S. 150.

³⁴ Ibid. S. 151, 155.

³⁵ Ibid. S. 172.

³⁶ См.: Meinecke F. Die deutsche Katastrophe. Wiesbaden, 1946.

³⁷ Bartel H., Schmidt W. Op. cit. S. 173.

³⁸ Ibid. S. 173–174.

³⁹ См. об этом подробнее: Assman A. Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur. Eine Intervention. München, 2016. S. 27.

⁴⁰ Ibid. S. 27.

исторических документов, оно посредством опыта, воспоминаний, чувств и идентичности связано с современностью и будущим. Более того, нация убеждает себя в своей идентичности посредством памяти, которая отражается и в исторических нарративах. Однако память обновляется не только на основе того, какие события истории выбраны как актуальные, но и на том, что лично люди помнят, а что забыли⁴¹.

В 2021 г., когда со дня основания Германской империи прошло 150 лет, политики и историки объединенной Германии откликнулись на это событие в своих выступлениях и прессе. Видимо, не в последнюю очередь их заставили это сделать и личные воспоминания граждан ФРГ. Так, в день юбилея во «Frankfurter Allgemeine Zeitung» была опубликована статья профессора Х. Винклера, в которой подчеркивалось: 150-летний юбилей стал поводом осмыслить противоречивый ход германской истории и не слишком доверять тому, что об этом уже сделаны правильные выводы⁴². Профессор из Марбурга Э. Конце на страницах еженедельника «Die Zeit» раскритиковал империю за авторитарный характер, обвинил ее в великодержавных притязаниях и сплочении нации с помощью войны, а ее наследие объявил главной причиной крушения Веймарской республики, это должны иметь в виду те, «кто спустя 150 лет после ее основания представляет империю в радужном свете»⁴³. Все это подтверждает неистребимость индивидуального видения истории и актуальность исторических нарративов в политике памяти и конструировании идентичности.

Библиография

- Бартель Х., Зебер Г.* Образование Германской империи, Парижская коммуна и революционное рабочее движение // Ежегодник германской истории. 1971. М., 1973. С. 18–72.
- Дани О.* Нации и национализм в Германии. 1770–1990. СПб., 2003.
- Закаурицев О.Н.* Рецензия на книгу: «Основание Германской империи в свидетельствах очевидцев» (Дюссельдорф, 1970) // Новая и новейшая история. 1971. № 6. С. 188–189.
- Машкин М.Н.* Новый труд историков ГДР. К столетию основания Германской империи // Ежегодник германской истории. 1971. М., 1973. С. 436–438.
- Оболенская С.В.* Проблемы образования Германской империи 1871 г. в освещении современной буржуазной историографии ФРГ // Ежегодник германской истории 1986. М., 1987. С. 204–225.
- Прошлое для настоящего: история – память и нарративы национальной идентичности / под общей ред. Л.П. Репиной. М., 2020.
- Розанов Вл.* Гибель империи. Книги о германской революции // Голос минувшего. 1922. № 2 (4). С. 207–216.
- Савин А.Н.* Воспоминания Бисмарка и переписка Шувалова с Гирсом // Голос минувшего. 1922. № 1 (3). С. 158–175.
- Assman A.* Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur. Eine Intervention. München, 2016.
- Augstein R.* Das 100jährige Reich // Der Spiegel. 1971. № 3. URL: <https://www.spiegel.de/politik/das-100jaehrige-reich-a-f8519047-0002-0001-0000-000043375206> (дата обращения: 17.03.2022).
- Bartel H., Schmidt W.* Friedrich Engels zu einigen Grundproblemen der Geschichte des Deutschen Volkes im 19. Jahrhundert // Jahrbuch für Geschichte. 1972. S. 146–190.
- Bekker J.* Zum Problem der Bismarckischen Politik in der spanischen Thronfrage // Historische Zeitschrift. 1971. Bd. 212. H. 3. S. 529–607.
- Faber K.-G.* Europa und der Norddeutsche Bund / Hg. von R. Dietrich. Berlin, 1968: Buchbesprechungen // Historische Zeitschrift. 1971. Bd. 212. H. 1. S. 178–180.
- Fehrenbach E.* Karl Buchheim. Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918. Vorgeschichte, Aufstieg und Niedergang. München, 1969: Buchbesprechungen // Historische Zeitschrift. 1971. Bd. 212. H. 2. S. 455–457.
- Fehrenbach E.* Über die Bedeutung der politischen Symbole im Nationalstaat // Historische Zeitschrift. 1971. Bd. 213. H. 2. S. 296–357.
- Meinecke F.* Die deutsche Katastrophe. Wiesbaden, 1946.
- Rothfels H.* Bismarck-Krise von 1890 // Historische Zeitschrift. 1921. Bd. 123. H. 2. S. 267–296.

⁴¹ Ibid. S. 29–30.

⁴² Frankfurter Allgemeine Zeitung. 18.I.2021.

⁴³ Die Zeit. 7.I.2021.

References

Bartel' Kh., Zeyeber G. Obrazovaniye Germanskoy imperii, Parizhskaya kommuna i revolyutsionnoye rabocheye dvizheniye [Formation of the German Empire, the Paris Commune and the revolutionary labor movement] // Yezhegodnik germanskoy istorii [Yearbook of German History]. 1971. Moskva, 1973. S. 18–50. (In Russ.)

Dann O. Natsii i natsionalizm v Germanii. 1770–1990 [Nations and nationalism in Germany. 1770–1990]. Sankt-Peterburg, 2003. (In Russ.)

Mashkin M.N. Novyy trud istorikov GDR. K stoletiyu osnovaniya Germanskoy imperii [The new work of historians of the GDR. Centenary of the founding of the German Empire] // Yezhegodnik germanskoy istorii [Yearbook of German History]. 1971. Moskva, 1973. S. 436–438. (In Russ.)

Obolenskaya S.V. Problemy obrazovaniya Germanskoy imperii 1871 g. v osveshchenii sovremennoy burzhuaznoy istoriografii FRG [The problems of the formation of the German Empire in 1871 in the light of modern bourgeois historiography of the FRG] // Yezhegodnik germanskoy istorii 1986 [Yearbook of German History]. Moskva, 1987. S. 204–225. (In Russ.)

Proshloye dlya nastoyashchego: Istoriya-pamyat' i narrativy natsional'noy identichnosti [Past for Present: History – Memory and Narratives of National Identity] / pod obsh. red. L.P. Repinoy. Moskva, 2020. (In Russ.)

Rozanov Vl. Gibel' imperii. Knigi o germanskoy revolyutsii [The death of an empire. Books about the German Revolution] // Golos minuvshogo [Voice of the Past]. 1922. № 2 (4). S. 207–216. (In Russ.)

Savin A.N. Vospominaniya Bismarka i perepiska Shuvalova s Girsom [Bismarck's memoirs and Shuvalov's correspondence with Girs] // Golos minuvshogo [Voice of the Past]. 1922. № 1 (3). S. 158–175. (In Russ.)

Zakaurtsev O.N. Retseziya na knigu “Osnovaniye Germanskoy imperii v svidetel'stvakh ochevidtsev” (Dyussel'dorf, 1970) [Review of the book “The Founding of the German Empire in the Testimonies of Eyewitnesses” (Düsseldorf, 1970)] // Novaya i noveyshaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 1971. № 6. S. 188–189. (In Russ.)

Assman A. Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur. Eine Intervention. München, 2016.

Augstein R. Das 100jährige Reich // Der Spiegel. 1971. № 3. URL: <https://www.spiegel.de/politik/das-100jaehrige-reich-a-f8519047-0002-0001-0000-000043375206> (дата обращения: 17.03.2022).

Bartel H., Schmidt W. Friedrich Engels zu einigen Grundproblemen der Geschichte des Deutschen Volkes im 19. Jahrhundert // Jahrbuch für Geschichte. 1972. S. 146–190.

Bekker J. Zum Problem der Bismarckischen Politik in der spanischen Thronfrage // Historische Zeitschrift. 1971. Bd. 212. H. 3. S. 529–607.

Faber K.-G. Europa und der Norddeutsche Bund / Hg. von R. Dietrich. Berlin, 1968: Buchbesprechungen // Historische Zeitschrift. 1971. Bd. 212. H. 1. S. 178–180.

Fehrenbach E. Karl Buchheim. Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918. Vorgeschichte, Aufstieg und Niedergang. München, 1969: Buchbesprechungen // Historische Zeitschrift. 1971. Bd. 212. H. 2. S. 455–457.

Fehrenbach E. Über die Bedeutung der politischen Symbole im Nationalstaat // Historische Zeitschrift. 1971. Bd. 213. H. 2. S. 296–357.

Meinecke F. Die deutsche Katastrophe. Wiesbaden, 1946.

Rothfels H. Bismarck-Krise von 1890 // Historische Zeitschrift. 1921. Bd. 123. H. 2. S. 267–296.

DOI: 10.31857/S013038640020240-2

© 2022 г. А.Ю. БАХТУРИНА

ИСПЫТАНИЕ НА ПАТРИОТИЗМ: ГЕРМАНИЯ В ВОСПРИЯТИИ ПРИБАЛТИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Бахтурина Александра Юрьевна — доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия).

E-mail: a-yu-b@yandex.ru

Scopus Author ID: 55508501500; ORCID: 0000-0003-2202-2246

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта «Безопасность и гражданское общество в России и Германии в годы Первой мировой войны. Соотношение процессов интернирования гражданского населения воюющих государств в 1914–1917 гг.» (№ 19-59-12006).

Аннотация. В статье рассматривается отношение прибалтийских немцев к Германии в годы Первой мировой войны. С началом войны прибалтийские немцы вынуждены были определить свое отношение к своей этнической родине Германии, вступившей в войну с Россией. Восприятие прибалтийскими немцами Германии нашло отражение в самых разнообразных источниках, что определило появление диаметрально противоположных оценок. Цель статьи — на основании сравнительного анализа официальных документов МВД, Совета министров, источников личного происхождения, прошений «неприятельских подданных» о получении российского гражданства рассмотреть различные оценки отношения прибалтийских немцев к Германии, формировавшиеся под влиянием самых разнообразных факторов, включая отношение к антинемецким мероприятиям царского правительства, общеимперских мер, вызванных войной, эмоциональных оценок происходящего. Предыдущие исследования рассматривали взгляды прибалтийских немцев преимущественно на основании российской периодической печати и работ националистически настроенных публицистов. Это привело к тому, что вне исследовательского интереса остался сложный процесс поиска прибалтийскими немцами границы между лояльностью Российской империи и отношением к Германии, стране их культуры и родного языка. Настоящая статья направлена на то, чтобы восполнить этот пробел. Исследование показало, что патриотизм прибалтийских немцев не простирался так далеко, чтобы активно и публично демонстрировать неприятие своей исторической родины. Значительная их часть стремилась найти приемлемый баланс между своим российским гражданством и немецким происхождением, при этом отношение прибалтийских немцев к Германии не было единым и зависело от социального происхождения, степени связи с Россией и других причин.

Ключевые слова: Первая мировая война, прибалтийские немцы, пропаганда, Россия, Германия, министерство внутренних дел.

A.Yu. Bakhturina

The Test of Patriotism: Germany in the Perception of the Baltic Germans during the First World War

Alexandra Bakhturina, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: a-yu-b@yandex.ru

Scopus Author ID: 55508501500; ORCID: 0000-0003-1116-4265

The research was carried out with the financial support of the RFBR and the German Research Community within the framework of the academic project “Security and Civil Society in Russia and Germany during the First World War. Correlation of the processes of internment of the civilian population of the belligerent States in 1914–1917” (№ 19-59-12006).

Abstract. The article examines the attitude of the Baltic Germans towards Germany during the Great War. With the outbreak of the war, the Baltic Germans were forced to define their position towards their ethnic homeland, which had gone into war with the Russian Empire. The Baltic Germans' perception of Germany is reflected in a wide variety of sources, resulting in diametrically opposite assessments. The aim of the article is to provide a comparative analysis of official documents of the Ministry of Internal Affairs, the Council of Ministers, ego-sources, and applications for Russian citizenship from “enemy subjects”, to identify different attitudes towards Germany among the Baltic Germans, which were shaped by a variety of factors, including the anti-German activities of the Tsarist government, general imperial measures prompted by the war, and emotional assessment of what was happening. Previous studies have examined the views of the Baltic Germans mainly on the basis of Russian periodicals and the writings of nationalist publicists. This has left the complex process of searching for the boundary between loyalty to the Russian Empire and attitudes towards Germany, the country of their culture and mother tongue, among the Baltic Germans, outside the realm of research interest. This article aims to fill this gap. The study suggests that the patriotism of the Baltic Germans did not extend so far as to actively and publicly demonstrate rejection of their historic homeland. A considerable proportion of the Baltic Germans sought to strike an acceptable balance between their Russian citizenship and their German background, while attitudes towards Germany among them varied, depending on social background, degree of attachment to Russia and other factors.

Keywords: World War I, Baltic Germans, propaganda, Russia, Germany, Ministry of Internal Affairs.

Начало Первой мировой войны для прибалтийских немцев стало временем, когда они оказались перед необходимостью определить свое отношение к Германии как к этнической родине и противнику Российской империи. Общий рост патриотических настроений в стране опосредованно ставил российских немцев в ситуацию, когда они должны были обозначить свое отношение к происходящему, показав себя лояльной частью российского общества. История прибалтийских немцев представляет собой самостоятельное направление в историографии, где весьма подробно исследуется их положение в Российской империи, взаимоотношения с Германией и многие другие аспекты этой проблематики¹. Также в течение многих лет исследуется отношение прибалтийских немцев к России в начале XX в. и особенно в годы Первой мировой войны. В российской историографии на региональном материале неоднократно рассматривалась позиция российских немцев, их отношение к начавшейся войне и антинемецким мероприятиям царского правительства. В значительной части исследований анализировалась позиция немцев-

¹ Андреева Н.С. В борьбе с «русской угрозой»: остзейская эмиграция в период Первой Мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 2. Вып. 4. С. 100–111; Полунина Е.С. Немецкие национальные меньшинства и иммигрантские диаспоры как инструмент политики Германии в период мировых войн // Феномен мировых войн в истории XX века: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции. Воронеж, 2017. С. 65–84.

колонистов и их реакция на ликвидационные законы 1915 г.² В отношении прибалтийских немцев внимание уделяется антинемецкой кампании царского правительства и реакции на нее прибалтийского дворянства³. Восприятие немцами Германии исследовалось преимущественно через их отношение к России или странам Балтии⁴, что объясняется как доминированием официальных точек зрения в имеющихся источниках, показывающих видение проблемы официальными лицами⁵, представителями эстонского и латышского населения, так и сложностью анализа документов, иллюстрирующих позиции самих прибалтийских немцев.

Зарубежные исследователи в целом сходятся во мнении относительно того, что традиционная лояльность прибалтийских немцев в отношении царской власти начинает меняться как под влиянием событий первой русской революции, когда российское правительство, по мнению остзейского дворянства, не достаточно решительно подавляло выступления эстонского и латышского крестьянства, так и ряда других факторов, в том числе политики самодержавия в сфере образования⁶. Подчеркивается, что перечисленные обстоятельства способствовали росту национальной самоидентификации прибалтийских немцев, их сплочению, независимо от социальной принадлежности. При этом нередко выделяется активность немецких общественных организаций в этом направлении, в том числе и женских.

Период Первой мировой войны преимущественно оценивается как время, когда к немцам в России «были применены дискриминационные меры: конфискация собственности, ограничения в гражданских правах и интернирование⁷». По мнению А. Хенрикссона, которое разделяет подавляющее большинство российских и зарубежных исследователей, 1914 г. стал судьбоносным рубежом, когда навсегда изменились «правила политического взаимодействия в балтийском регионе», если до этого любые сомнения в приверженности прибалтийских немцев имперской России «противоречили традициям, чувствам и здравому смыслу», то с августа 1914 г. ситуация начинает стремительно меняться⁸.

Но, несмотря на наличие достаточно устоявшихся точек зрения, позиция прибалтийских немцев в отношении Российской империи нуждается в дальнейшем изучении в силу разнообразия источников по данной проблеме. Оценки прибалтийскими немцами

² Чернова Т.Н. Проблема лояльности и толерантности российских немцев в годы Первой мировой войны (в свете новейших исследований) // Российские немцы в инациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: материалы международной научной конференции. Саратов 14–19 сентября 2004 г. М., 2005. С. 236–245.

³ Белогурова Т.А. Русская периодическая печать и проблемы внутренней жизни страны в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). Смоленск, 2006. С. 93; Андреева Н.С. «Конец немецкому засилью»: прибалтийские немцы и Первая мировая война // Прибалтийские исследования в России. 2015: сборник статей. М., 2015. С. 68–80.

⁴ Виграб Г.И. Прибалтийские немцы: их отношение к русской государственности и к коренному населению края в прошлом и настоящем. Юрьев, 1916. С. 138–149; Крупников П.Я. Полвека истории Латвии глазами немцев (конец XIX в. – 1945 г.). Рига, 1989; Нелипович С.Г. Проблема лояльности немцев в конфликтах XX века: историография вопроса и круг источников // Немцы России и СССР. 1901–1941; материалы международной научной конференции. М., 2000. С. 365–380.

⁵ Нелипович С.Г. Проблема лояльности немцев в конфликтах XX века: историография вопроса и круг источников // Немцы России и СССР. 1901–1941: материалы международной научной конференции. М., 2000. С. 337.

⁶ Henriksson A. The Tsar's Loyal Germans: The Riga German Community, Social Change and the Nationality Question, 1855–1905. Boulder; Colo, 1983; Hagen M. Hochschulnruhen und Regierungspolitik im russischen Reich vor 1914 // Die Universitäten Dorpat/Tartu, Riga und Wilna/Vilnius, 1579–1979. Köln, 1987. S. 51–69.

⁷ Каннелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 2000. С. 257; Лоп Э. Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу. М., 2017. С. 205–212.

⁸ Henriksson A. Vassals and citizens: the Baltic Germans in Constitutional Russia, 1905–1914. Marburg, 2009. С. 179.

Первой мировой войны, их отношения к России присутствуют как в официальных документах, так и в источниках личного происхождения, среди которых выделяются дневниковые записи, не свободные от эмоциональных, субъективных оценок, отчеты и записки чинов МВД, прошения прибалтийских немцев, адресованные в губернские администрации и на высочайшее имя. Различия в трактовках военной ситуации, политики России в отношении немцев, находившихся на территории империи, представителями российской администрации, немецкого дворянства, горожан указывают на необходимость сравнительного анализа различных групп источников, который позволит выделить и объяснить наиболее значимые оценки Германии прибалтийскими немцами, нашедшие отражение в этих документах.

«ПРИБАЛТИЙСКИЕ НЕМЦЫ ... НЕ ВЫШЛИ ЗА ПРЕДЕЛЫ ХОЛОДНОЙ КОРРЕКТНОСТИ»

Первые заявления от имени прибалтийских немцев об их отношении к войне были сделаны с думской трибуны 26 июля 1914 г. Депутат от Курляндской губернии, член «Союза 17 октября» барон Г.Е. Фелькерзам от имени своих «ближайших политических друзей» заявил, что «верноподданное немецкое население прибалтийского края всегда готово встать на защиту престола и отечества» и «по примеру наших предков готовы жертвовать жизнью и имуществом за единство и величие России». Но на этом же заседании Думы в выступлении другого депутата от Курляндской губернии Я. Гольдмана прозвучало указание на противоречия между прибалтийскими немцами и латышским и эстонским населением и призыв к гражданскому миру на период войны: «У нас много счетов с нашими прибалтийскими немцами, но мы не будем теперь с ними считаться»⁹.

Граница между населением прибалтийских губерний, обозначенная в выступлениях думских депутатов, не была мирной: латышское и эстонское население массово обвиняло немцев в симпатиях к Германии и шпионаже в пользу последней. Итак, первая трактовка отношения прибалтийских немцев к Германии принадлежала представителям эстонского и латышского населения, опиралась на многочисленные слухи и нашла отражение в таких же многочисленных доносах.

Значительное число заявлений летом—осенью 1914 г. поступало в Главное управление Генерального штаба. В них сообщалось о попытках прибалтийских немцев взорвать железнодорожные мосты, о том, что «немцы-помещики сигнализируют немецким аэропланам условным освещением из своих замков»¹⁰, т.е. всячески помогают противнику. Обилие доносов, авторами которых были представители латышского и эстонского населения, потребовало проверок как со стороны военных властей, так и жандармерии. В сентябре 1914 г. начальник отдельного корпуса жандармов ротмистр Роговский сообщал, что «в своем стремлении послужить делу борьбы с немецеством эстонцы приняли на себя добровольно обязанности сыска в деле выяснения неблагонадежности немцев, внося в это... много страстности и мало такта и правдоподобности... Расследования, произведенные по каждому отдельному заявлению, не давали ни разу результатов», подтверждающих немецкий шпионаж и помощь германским войскам¹¹.

Мысль о том, что прибалтийские немцы сочувствуют Германии в начале войны, активно проводила латышская и эстонская периодическая печать. Помимо широко известных и часто привлекаемых исследователями статей о немецком шпионаже, публиковались и сведения другого рода. Например, Ревельский вестник 6 октября 1914 г. сообщал¹², что барон Унгерн

⁹ Стенографический отчет о заседании Государственной Думы 26 июля 1914 г. // Известия Министерства иностранных дел. Кн. V. Пг., 1914. С. 20.

¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2005. Оп. 1. Д. 101. Л. 13–13 об.

¹¹ Там же. Л. 80–80 об.

¹² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1276. Оп. 10. Д. 1211. Л. 229.

Штернберг в своем завещании от 19 октября 1912 г., обращаясь к сыну, говорит: «Оставайся верным сыном своей немецкой родины». Сразу отметим, что ни один из известных представителей этого баронского рода в 1912 г. не умер, поэтому идентифицировать автора завещания на данный момент не представляется возможным, что вызывает сомнения в достоверности газетного сообщения.

Одновременно в прибалтийских губерниях начинается высылка немцев – граждан Германии и Австро-Венгрии. Организация этой кампании силами прибалтийских губернских администраций вызвала массу вопросов в Министерстве внутренних дел, в том числе и вопрос об отношении прибалтийских немцев к высылаемым гражданам Германии, что вполне могло рассматриваться как проявление симпатий к Германии в целом, а также и об их лояльности к России.

Для проверки массовых сообщений о немецком шпионаже, злоупотреблениях лифляндской, эстляндской и курляндской администраций в связи с высылками германских и австро-венгерских подданных из Прибалтики туда был направлен член Совета министра внутренних дел Н.П. Харламов. Также прибалтийские губернии с инспекционной поездкой посетил товарищ министра внутренних дел В.Ф. Джунковский.

В начале сентября 1914 г. он посетил Ригу, Ревель и Митаву. Изучая настроения прибалтийских немцев, Джунковский отметил, что с началом войны «прибалтийские немцы в большинстве своем не сумели или не хотели считаться с настроением страны, и не вышли за пределы холодной корректности, давая в то же время некоторыми действиями повод к серьезным на себя нареканиям»¹³.

Доклад Джунковского не только характеризовал отношение прибалтийских немцев к Германии, но и недвусмысленно указывал на то, какого рода заявлений и действий ожидает правительство от прибалтийских немцев. Особое значение придавалось внешней стороне вопроса, в том числе участию в манифестациях и заявлениям в периодической печати. В этом смысле, по мнению Джунковского, активность немцев была недостаточной. В Лифляндской и Эстляндской губерниях «нельзя не отметить также заметного воздержания немцев от участия в патриотических манифестациях, имевших место после объявления войны», «немецкая часть населения уклоняется от участия в патриотических манифестациях»¹⁴. Также Джунковский высказал претензии к немецкой прессе, которая «в большинстве своем, помещает статьи патриотического характера с пожеланиями победы русскому оружию, но в то же время бросается в глаза умолчание о зверствах и насилиях германской армии, волнующих и возмущающих всю Россию. В этом умолчании как местные жители, так и русская пресса справедливо видят нежелание или даже психологическую невозможность для балтийских немцев осуждать армию, созданную культурой народа, родственного им по крови и по единству духа»¹⁵.

Заявление Джунковского находит подтверждение в других документах личного происхождения, показывающих, насколько сложно прибалтийским немцам было оценить действия Германии.

В начале войны из Германии массово были высланы российские граждане. Высылка сопровождалась враждебными заявлениями и демонстрациями¹⁶. Об этом подробно писала российская пресса, но поверить в это прибалтийским немцам было крайне сложно.

¹³ РГВИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 65. Л. 4 об.

¹⁴ Там же. Л. 6.

¹⁵ Там же. Л. 4.

¹⁶ *Абдрашитов Э.Е., Крючков И.В.* Положение россиян в Германии в августе 1914 года (по материалам отечественной публицистики) // История и историческая память. 2011. № 4. С. 66–86; *Богомолов И.К.* Русские подданные в Австро-Венгрии и Германии в июле-октябре 1914 г. // Россия и современный мир. 2017. № 2 (95). С. 143–160; *Ростиславлева Н.В.* «Был все эти незабываемые годы гражданским пленным № 52»: о статусе русских в Германии в годы Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2020. № 3 (65). С. 81.

В дневниковых записях дочери владельца имения «Вандзен» в Курляндской губернии Риты Гейкинг встречаются такие заключения: «Газеты передают теперь зверства немцев по отношению к русским подданным в Германии, почерпанные из так называемой “Черной книги”. Мне кажется, что даже не половина всех этих рассказов правда, и что часто русские ...сами подали повод для дурного обращения вследствие слишком самонадеянного поведения и нахальства»¹⁷.

«В ОТНОШЕНИИ ГЕРМАНСКИХ ПОДДАННЫХ ... МЕСТНЫЕ НЕМЦЫ ПРОЯВЛЯЮТ НЕ ТОЛЬКО ТЕРПИМОСТЬ, НО И ЯВНОЕ СОЧУВСТВИЕ»

Помимо отношения к Германии как противнику Российской империи, прибалтийские немцы уже в начале войны оказались перед необходимостью определить свое отношение к немцам — гражданам Германии и Австро-Венгрии, а также к австрийским военнопленным, которые уже в первые месяцы войны оказываются на территории прибалтийских губерний.

К немцам — гражданам Германии и Австро-Венгрии, по мнению Джунковского, отношение было чрезмерно лояльным, вступавшим в противоречия с правительственными распоряжениями. Джунковский отмечал, что в отношении германских подданных, число которых в прибалтийских губерниях весьма значительно, особенно в Лифляндской губернии, «местные немцы проявляют не только терпимость, но и явное сочувствие»¹⁸.

Общественные организации, за отдельными исключениями, «не удаляют названных подданных из своей среды, и наблюдались неоднократно случаи горячего заступничества за лиц военнообязанных, подлежащих аресту и высылке из края»¹⁹.

Особое внимание привлек член Государственного совета по выборам, Лифляндский губернский предводитель дворянства барон А.А. Пилар фон Пильхау своими ходатайствами об отмене высылки из Эстляндской губернии неприятельских подданных, работавших на Даго-Кертельской суконной фабрике, находившейся в районе морской крепости императора Петра Великого. Джунковский отдельно отметил этот факт в своем докладе²⁰. Но в данном случае А.А. Пилар фон Пильхау, вероятно, беспокоила не только судьба германских подданных, но и возникшая угроза работе фабрики, совладельцем которой он был.

Деятельность барона фон Пильхау через несколько месяцев привлекла внимание военной контрразведки. Барону инкриминировали участие в создании «тайной немецкой администрации». Позднее генерал М.Д. Бонч-Бруевич отмечал, что «было установлено, что в случае оккупации края созданная бароном администрация будет хозяйничать до тех пор, пока Прибалтика окончательно не войдет в состав Германской империи»²¹. В Совете министров весьма скептически отнеслись к мысли о том, что барон, член Государственного совета, отец, чьи дети сражаются в рядах русской армии, может быть сторонником Германии. При обсуждении в Совете министров письма начальника Штаба Ставки генерала М.В. Алексеева о «вредной деятельности барона» военный министр А.А. Поливанов сказал: «Сын его убит на войне. Бонч-Бруевич мутит»²².

В октябре 1914 г. эстонская газета «Tallina Teataja» опубликовала сообщение о том, что «в деревнях Эстляндской губернии пасторы продолжают собирать пожертвования в пользу немецких миссий, увещевая население не жалеть денег на человеколюбивое

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 102. Д-4. 1914 г. Оп. 123. Д. 143. Т. 3. Л. 120 (документ предоставлен сотрудником ГАРФ А.М. Лавреновой).

¹⁸ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 65. Л. 4.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957. С. 75.

²² Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. СПб., 1999. С. 305, 314, 413.

дело»²³. Автор статьи указывал, что деньги, собранные для Лейпцигского миссионерского общества и еще не отосланные по назначению, необходимо конфисковать, передав их затем в распоряжение Красного Креста²⁴. Публикация оказалась в поле зрения председателя Совета министров И.Л. Горемыкина, который обратил на нее внимание министра внутренних дел Н.А. Маклакова. Организация помощи миссиям нарушала циркуляр МВД от 16 октября 1914 г. «О запрещении сбора пожертвований в пользу иностранных миссионерских обществ». В отличие от многих других статей, нередко содержавших ложные сведения, эти данные подтвердились, что стало причиной высылки пасторов из Эстляндской губернии в Сибирь.

Эстляндский губернский предводитель дворянства барон Э. Деллинсгаузен в ноябре 1915 г. обратился к министру внутренних дел А.Н. Хвостову с ходатайством о пересмотре дел пятнадцати высланных немецких пасторов и трех баронов. Факты, приводимые Деллинсгаузеном, сводились к тому, что трое пасторов были высланы без объяснения причин, остальные двенадцать «за вредную деятельность и явное сочувствие интересам воюющих с Россией держав». В связи с этим к товарищу министра внутренних дел В.М. Волконскому также обращался Эстляндский губернский предводитель дворянства и член Государственной Думы от Эстляндской губернии К.Н. фон Бреверн. Он ходатайствовал о высланных в Иркутск лютеранских пасторах, нарушивших запрет МВД на сбор пожертвований²⁵.

Отношение прибалтийских немцев к соотечественникам, сражавшимся на стороне Германии, вызывало самое пристальное внимание официальных лиц. Уже в сентябре 1914 г. в упоминавшемся докладе Джунковского говорилось, что «особенно тягостное и невыгодное для прибалтийского дворянства впечатление производит ... факт службы членов знатных немецких фамилий в рядах германской армии... Тот факт, что все названные лица получили одновременно... право перейти в гражданство Германии, не может успокоить общественное мнение и не изменяет тяжелого нравственного значения события, свидетельствуя о легкости, с которой оставляют подданство России члены немецких фамилий»²⁶.

В 1916 г. к этой теме обратился министр юстиции И.Г. Щегловитов, выступив на заседании Государственного совета с заявлением, что члены семей представителей прибалтийского дворянства «сражаются в рядах наших врагов и мы не слышим, чтобы эти изменники были вычеркнуты из матрикул прибалтийского дворянства»²⁷. Безусловно, требовались ответные заявления, показывающие отношение прибалтийских немцев к соотечественникам, сражающимся на стороне Германии. В ответ на выступление Щегловитова к нему обратился Курляндский губернский предводитель дворянства, член Государственного совета по выборам В.Е. Рейтерн-Нолькен, заявивший, что в германской армии прибалтийских дворян нет. Те, кто сражается в ее рядах, например, бароны Засс, Фиркс и Радены, получили германское гражданство и вступили в германскую армию еще до начала войны.

В своем письме Щегловитову Рейтерн-Нолькен всячески стремился найти оправдание немецким баронам — бывшим гражданам России: «И как им, вероятно, ни тяжело было сражаться против бывших своих земляков и даже против родства своего, они не могли уклоняться от исполнения своего долга. Их можно жалеть, но не укорять, и применение к ним эпитета “изменники” — несправедливо и недопустимо»²⁸.

²³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 1211. Л. 228.

²⁴ Там же.

²⁵ Записка К.Н. Бреверна В.М. Волконскому // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 226 б. Л. 10–12 об. (документ предоставлен сотрудником ГАРФ А.М. Лавреновой).

²⁶ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 65. Л. 4–4 об.

²⁷ Там же. Ф. 1088. Оп. 2. Д. 1009. Л. 2 об.

²⁸ Там же. Л. 4.

В целом в отношении соотечественников, находящихся теперь за линией фронта, прибалтийские немцы занимали примирительную позицию. Мнение официальных лиц, что прибалтийские немцы с начала войны, «замкнувшись в своей любви к германской культуре... проявляют ... двойственность духа, как бы разделяющую их между долгом по отношению к русскому государству и сердечной приверженностью их к своему народу как носителю культуры, признаваемой им наивысшей в мире»²⁹ и, хотя налицо лояльность прибалтийских немцев, «нельзя не придавать значения расовым инстинктам»³⁰, подтверждается письмами и ходатайствами самих прибалтийских немцев, показывающими, насколько сложен, а подчас невозможен был решительный разрыв между немцами – гражданами России и Германии.

«ПОВЕДЕНИЕ СЕРБИИ НАЗЫВАЛОСЬ НЕДОСТОЙНЫМ, НЕ ЗАСЛУЖИВАВШИМ ЗАСТУПНИЧЕСТВА РОССИИ»

Свое отношение к Германии и начавшейся летом 1914 г. войне прибалтийские немцы выражали, оценивая причины мирового конфликта. Особое внимание придавалось действиям Сербии летом 1914 г. Значительная часть прибалтийских немцев, что подтверждается как официальными документами, так и источниками личного происхождения, считала, что действия Сербии привели к войне, и, поддерживая Россию, немцы опосредованно одобряют сербских политиков, что невозможно и недопустимо. Характеризуя ситуацию в Эстляндской губернии, Джунковский отмечал, что «некоторые представители немецкого общества позволяли себе иногда публично высказывать мнения, явно противоречащие общему настроению России. Так, например, выражались сомнения в возможности победы над Германией, а поведение Сербии называлось недостойным, не заслуживавшим заступничества России...»³¹.

Аналогичное утверждение встречается в дневнике Риты Гейкинг: «Для нас, балтийцев, война просто ужасна. Воодушевления нет, так как дело, с нашей точки зрения, неправо; стоять на стороне сербов, этой шайки убийц, для нас может быть только невозможным положением, а все-таки мы должны участвовать, будучи русскими подданными»³².

«НЕ ИМЕЕТ С ГЕРМАНИЕЙ НИКАКИХ СВЯЗЕЙ, КРОМЕ ТОЛЬКО ФОРМАЛЬНЫХ»

Прибалтийских немцев помимо языка с исторической родиной связывали формальные гражданские связи. Значительная часть прибалтийских немцев имела или российское, или германское гражданство, а дети до наступления совершеннолетия нередко не имели гражданства вообще. Ограничения, высылки и аресты, начавшиеся на территории прибалтийских губерний с началом войны, затронули в 1914 г. лиц с германским и австрийским гражданством, включив их в число неприятельских подданных. В начале войны начинается высылка из прибалтийских губерний военнообязанных немцев – мужчин, граждан Германии и Австро-Венгрии. Они и члены их семей стремились добиться отмены высылки или получения отсрочки, подавая прошения губернаторам. Одновременно подавались прошения на высочайшее имя с просьбами о предоставлении российского гражданства, на получение которого многие из них имели полное право, прожив в России пять и более лет. В прошениях в тех или иных формах формулировалось отношение просителей к Германии. С одной стороны, имели место заявления о том, что проситель, гражданин Германии, «связей с Германией никогда не имел»³³, так как родился в России или прожил в ней много лет, и не имеет «с Германией никаких связей, кроме только формальных»³⁴.

²⁹ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 101. Л. 79.

³⁰ Там же. Л. 7.

³¹ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 65. Л. 6 об.

³² ГАРФ. Ф. 102. Д-4. 1914 г. Оп. 123. Д. 143. Т. 3. Л. 120.

³³ Латвийский исторический архив. Ф. 3. Оп. 5. Д. 2552. Л. 15.

³⁴ Там же.

С другой стороны, для лиц, проживших в России недолгое время, такая патетика была несвойственна. Например, в прошении Георгия Плактиса говорилось: «До 1904 г. проживал в Германии, а с 1904 г. перешел на жительство в Россию, имение Штоксмангоф Рижского уезда..., а через 2 года перешел на жительство в имение Фетельн Венденского уезда, здесь уже проживаю 8 лет... Женился на крестьянке... Как проживающий в России около 10 лет и установивший в России постоянное свое хозяйство и не желая больше перейти обратно на жительство в Германию, ввиду желая остаться всеподданнейшим российским подданным и подчиняющимся всем существующим в России законоположениям». Проситель ни в какой форме не заявлял о своем отношении к Германии, подчеркивая, что он не желает возвращаться на родину и хочет стать российским гражданином из-за своих хозяйственных и семейных дел³⁵.

Прошения немцев о предоставлении гражданства писались с целью убедить власти в своей лояльности и отсутствии каких-либо связей и интересов в Германии, поэтому невозможно с полной уверенностью говорить об искренности заявлений, сделанных в сложной ситуации, диктовавшей необходимость отречения от своей гражданской и этнической родины.

Часть немцев — германских подданных — вообще никак свою позицию в отношении Германии не выражала, стремясь скрыть свое происхождение и гражданскую принадлежность. Так, в переписке Маргариты Тырман с ее отцом, гражданином Германии, высланным из Прибалтики в Самару, автор сообщает лишь о трудностях, связанных с ожиданием получения российского гражданства и необходимостью скрывать свой статус, чтобы не лишиться работы³⁶.

«НЕНАВИСТЬ ПРОТИВ ВСЕГО НЕМЕЦКОГО ПРОИЗВОДИТ СТРАННЫЕ ПЛОДЫ»

Серьезным испытанием для лояльности прибалтийских немцев с началом Первой мировой войны стали общеимперские и губернские распоряжения относительно использования немецкого языка и деятельности немецких общественных организаций.

В ноябре—декабре 1914 г. Николай II утвердил два положения Совета министров «Об исключении подданных воюющих с Россией держав из состава союзов, обществ и других подобных частных, общественных и правительственных организаций и установлений» и «О некоторых мерах в отношении подданных воюющих с Россией держав». Первое положение предусматривало прекращение членства неприятельских подданных в общественных и иных организациях, а второе предписывало закрыть все организации, созданные неприятельскими подданными. Но параллельно министр внутренних дел Н.А. Маклаков 30 ноября 1914 г. издал циркуляр, позволявший губернской администрации закрывать немецкие общества, состоящие из русских подданных. Министр внутренних дел предлагал закрывать общества, преследующие цели «объединения немецкого элемента на почве узконациональных интересов и... проведения германских национальных тенденций»³⁷.

Ранее, до появления общеимперских актов о закрытии немецких обществ, министр народного просвещения Л.А. Кассо издал распоряжение о закрытии «Эстляндского немецкого общества распространения образования», занимавшегося организацией школ с преподаванием на немецком языке³⁸. Такой подход вызывал негативную реакцию: «Ненависть против всего немецкого производит странные плоды... В Ревеле закрыто “Немецкое общество юношей” административным порядком, хотя оно выказало только

³⁵ Национальный архив Латвии. Латвийский государственный исторический архив. Ф. 3. Оп. 5. Д. 2552. Л. 77.

³⁶ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 253. Оп. 10. Д. 503. Л. 47.

³⁷ Туманова А.С. Общественные организации в России. Правовое положение 1860—1930-е гг. М., 2019. С. 390.

³⁸ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 8. Л. 8.

благотворную деятельность и, наверное, не занималось антирусской политикой», — говорилось в дневниковой записи Р. Гейкинг от 18 августа 1914 г.³⁹

Антинемецкие распоряжения затрагивали всех без исключения прибалтийских немцев, независимо от их отношения к войне, Германии и России. Одновременно разворачивалась антинемецкая кампания в российской периодической печати. Если антинемецкие высказывания эстонской и латышской прессы, общественности были объяснимы сложными межнациональными отношениями в регионе, то к российской прессе отношение было иным. Особенно активны были корреспонденты «Нового времени», регулярно сообщая о симпатиях прибалтийских немцев к Германии. Безусловно, что ничего, кроме отторжения, они вызвать не могли. «Балтийцы, все без исключения явились на призыв и теперь прольют свою кровь за Россию, а это им благодарность. “Новое Время” и “Вечернее Время” ежедневно публикуют самые отвратительные антинемецкие статьи, ложные доносы»⁴⁰, — писала Р. Гейкинг летом 1914 г.

* * *

Отношение прибалтийских немцев к Германии и, соответственно, к России не было единым. Одна часть, по свидетельству Эстляндского губернатора майора И.В. Коростовца, «оправившись от первого смущения, вызванного объявлением Германией войны России, примкнула к общему делу и остается верной гражданскому долгу»⁴¹. Другие все больше симпатизировали Германии. Имеющиеся источники позволяют говорить о том, что симпатии к Германии нередко рождались в среде прибалтийского немецкого дворянства, страдавшего не только от антинемецкой пропаганды, но и от общеимперских экономических действий, вызванных войной. Например, очевидным было недовольство начавшейся уже летом 1914 г. конфискацией части крупного рогатого скота и лошадей в помещичьих имениях. Немецкоязычная интеллигенция оказалась более лояльно настроенной к России и не стремилась демонстрировать свои симпатии Германии. Различие позиций прибалтийских немцев в отношении к Германии стало особенно заметным после оккупации Курляндии осенью 1915 г., когда многие по-прежнему сохраняли традиционную верность императорскому дому и России, другие «еще до войны начали освобождаться от привязанности к царской империи» и постепенно переориентировались на кайзеровскую Германию⁴².

Восприятие Германии прибалтийскими немцами было более масштабным, чем отношение к просто государству — противнику России в Первой мировой войне. Германию олицетворяли германские граждане — жители Российской империи, военнопленные и немецкие организации. На Германию, воевавшую на два фронта, прибалтийские немцы смотрели как на противника на Востоке и сочувствовали ей в борьбе на Западе. Взгляды прибалтийских немцев, зафиксированные в официальных документах и источниках личного происхождения, однозначно указывают на то, что гражданская лояльность прибалтийских немцев Российской империи нередко соседствовала с сочувствием немецкому народу. На протяжении войны прибалтийские немцы выражают сочувствие соотечественникам, проживающим в Прибалтике, но имеющим германское или австро-венгерское гражданство. Патриотизм прибалтийских немцев не простирался так далеко, чтобы активно и публично демонстрировать неприятие своей исторической родины. При этом значительная часть прибалтийских немцев стремилась найти приемлемый баланс между своим российским гражданством и немецким происхождением, но нередко ситуацию усугубляли антинемецкие мероприятия, направленные первоначально против военнообязанных граждан Германии и Австро-Венгрии, что было вполне объяснимо, но потом распространившиеся

³⁹ ГАРФ. Ф. 102. Д-4. 1914 г. Оп. 123. Д. 143. Т. 3. Л. 120.

⁴⁰ Там же. Л. 121.

⁴¹ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 65. Л. 6 об.

⁴² Круппиков П.Я. Полвека истории Латвии глазами немцев. Рига, 1989. С. 152–153.

и на российских немцев. Особенное недовольство вызывали антинемецкие статьи российской прессы и кампании, развернутые против немцев латышами и эстонцами. Меры, принятые зимой 1914–1915 гг. царским правительством и местными губернскими властями для стабилизации конфликтной ситуации в Прибалтике, не были восприняты как достаточные. Проблему усложняло расхождение в подходах между гражданской и военной властью. Военное командование, исходившее из интересов безопасности тыла русской армии в прифронтовой полосе, с большим недоверием относилось к лицам немецкого происхождения. Попытки Совета министров сгладить ситуацию не всегда имели успех, но, по мнению прибалтийских немцев, это означало, что царское правительство должным образом не оценило их многолетнюю лояльность и поддержку самодержавия в трудных внутривластных событиях начала XX в.

Библиография

- Абрашитов Э.Е., Крючков И.В.* Положение россиян в Германии в августе 1914 года (по материалам отечественной публицистики) // История и историческая память. 2011. № 4. С. 66–86.
- Андреева Н.С.* В борьбе с «русской угрозой»: остзейская эмиграция в период Первой Мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 2. Вып. 4. С. 100–111.
- Андреева Н.С.* «Конец немецкому засилью»: прибалтийские немцы и Первая мировая война // Прибалтийские исследования в России. 2015: Сборник статей. М., 2015. С. 68–80.
- Белогурова Т.А.* Русская периодическая печать и проблемы внутренней жизни страны в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). Смоленск, 2006.
- Богомолов И.К.* Русские подданные в Австро-Венгрии и Германии в июле–октябре 1914 г. // Россия и современный мир. 2017. № 2 (95). С. 143–160.
- Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957.
- Виграб Г. И.* Прибалтийские немцы: их отношение к русской государственности и к коренному населению края в прошлом и настоящем. Юрьев, 1916.
- Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 2000.
- Крупников П.Я.* Полвека истории Латвии глазами немцев (конец XIX в. – 1945 г.). Рига, 1989.
- Лор Э.* Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу. М., 2017.
- Нелипович С.Г.* Проблема лояльности немцев в конфликтах XX века: историография вопроса и круг источников // Немцы России и СССР. 1901–1941: материалы международной научной конференции. М., 2000. С. 365–380.
- Полунин Е.С.* Немецкие национальные меньшинства и иммигрантские диаспоры как инструмент политики Германии в период мировых войн // Феномен мировых войн в истории XX века: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции. Воронеж, 2017. С. 65–84.
- Ростиславлева Н.В.* «Был все эти незабываемые годы гражданским пленным № 52»: о статусе русских в Германии в годы Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2020. № 3 (65). С. 79–97.
- Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. СПб., 1999.
- Туманова А.С.* Общественные организации в России. Правовое положение. 1860–1930-е гг. М., 2019. 479 с.
- Чернова Т.Н.* Проблема лояльности и толерантности российских немцев в годы Первой мировой войны (в свете новейших исследований) // Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности. Материалы международной научной конференции. Саратов 14–19 сентября 2004 г. М., 2005. С. 236–245.
- Hagen M.* Hochschulnruhen und Regierungspolitik im russischen Reich vor 1914 // Die Universitäten Dorpat/Tartu, Riga und Wilna/Vilnius, 1579–1979. Köln, 1987. S. 51–69.
- Henriksson A.* Vassals and citizens: the Baltic Germans in Constitutional Russia, 1905–1914. Marburg, 2009.
- Henriksson A.* The Tsar's Loyal Germans: The Riga German Community, Social Change and the Nationality Question, 1855–1905. Boulder, Colo, 1983.

References

Abdrashitov E.E., Kryuchkov I.V. Polozhenie rossiyan v Germanii v avguste 1914 goda (po materialam otechestvennoj publicistiki) [The situation of Russians in Germany in August 1914 (based on the materials of

Russian journalism] // *Istoriya i istoricheskaya pamyat'* [History and historical memory]. 2011. № 4. S. 66–86. (In Russ.)

Andreeva N.S. “Konec nemeckomu zasil'yu”: pribaltijskie nemcy i Pervaya mirovaya vojna [“The end of German dominance”: Baltic Germans and the First World War] // *Pribaltijskie issledovaniya v Rossii. 2015: Sbornik statej* [Baltic Studies in Russia. 2015: Collection of articles]. Moskva, 2015. S. 68–80. (In Russ.)

Andreeva N.S. V bor'be s “russkoj ugrozoy”: ostzejskaya emigraciya v period Pervoj Mirovoj vojny [In the fight against the “Russian threat”: Russian emigration during the First World War] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University]. 2015. Ser. 2. Vyp. 4. S. 100–111. (In Russ.)

Belogurova T.A. Russkaya periodicheskaya pechat' i problemy vnutrennej zhizni strany v gody Pervoj mirovoj vojny (1914 – fevral' 1917 gg.) [The Russian periodical press and the problems of the internal life of the country during the First World War (1914 – February 1917)]. Smolensk, 2006. (In Russ.)

Bogomolov I.K. Russkie poddannye v Avstro-Vengrii i Germanii v iyule-oktyabre 1914 g. [Russian subjects in Austria-Hungary and Germany in July-October 1914] // *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the modern world]. 2017. № 2 (95). S. 143–160. (In Russ.)

Bonch-Bruevich M.D. Vsyaya vlast' Sovetam. Vospominaniya [All power to the Soviets. Memories]. Moskva, 1957. (In Russ.)

Chernova T.N. Problema loyality i tolerantnosti rossijskih nemcev v gody Pervoj mirovoj vojny (v svete novejshih issledovanij) [The problem of loyalty and tolerance of Russian Germans during the First World War (in the light of the latest research)] // *Rossijskie nemcy v inonacional'nom okruzenii: problemy adaptacii, vzaimovliyaniya, tolerantnosti: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Saratov, 14–19 sentyabrya 2004 g.* [Russian Germans in a foreign environment: problems of adaptation, mutual influence, tolerance: materials of the international scientific conference. Saratov, September 14–19, 2004]. Moskva, 2005. P. 236–245. (In Russ.)

Kappeler A. Rossiya – mnogonacional'naya imperiya. Voznikovenie, istoriya, raspad [Russia – Multi-national Empire. Origin, history, decay]. Moskva, 2000. (In Russ.)

Krupnikov P.Ya. Polveka istorii Latvii glazami nemcev (konec XIX v. – 1945 g.) [Half a century of Latvian history through the eyes of Germans (late 19th century – 1945)]. Riga, 1989. (In Russ.)

Lor E. Rossijskoe grazhdanstvo: ot imperii k Sovetskomu Soyuzu [Russian Citizenship: from the Empire to the Soviet Union]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Nelipovich S.G. Problema loyality nemcev v konfliktakh XX veka: istoriografiya voprosa i krug istochnikov [The problem of German loyalty in the conflicts of the 20th century: historiography of the issue and the range of sources] // *Nemcy Rossii i SSSR. 1901–1941: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Germans of Russia and the USSR. 1901–1941: materials of the International scientific conference]. Moskva, 2000. S. 365–380. (In Russ.)

Polunin E.S. Nemeckie nacional'nye men'shinstva i immigrantskie diaspory kak instrument politiki Germanii v period mirovyh vojn [German national minorities and immigrant diasporas as an instrument of German policy during the World Wars] // *Fenomen mirovyh vojn v istorii XX veka: materialy Vserossijskoj nauchno-teoreticheskoj konferencii* [The phenomenon of world wars in the history of the 20th century: materials of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference]. Voronezh, 2017. S. 65–84. (In Russ.)

Rostislavleva N.V. “Byl vse eti nezabyvaemye gody grazhdanskim plennym № 52”: o statuse russkih v Germanii v gody Pervoj mirovoj vojny [“I was a civilian prisoner № 52 all these unforgettable years”: about the status of Russians in Germany during the First World War] // *Novyj istoricheskij vestnik* [New Historical Bulletin]. 2020. № 3 (65). S. 79–97. (In Russ.)

Sovet ministrov Rossijskoj imperii v gody Pervoj mirovoj vojny. Bumagi A.N. Yakhontova [The Council of Ministers of the Russian Empire during the First World War. Papers of A.N. Yakhontov]. Sankt-Peterburg, 1999. (In Russ.)

Tumanova A.S. Obshchestvennye organizacii v Rossii. Pravovoe polozhenie. 1860–1930-e gg. [Public organizations in Russia. The legal situation of the 1860–1930]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Vigrab G.I. Pribaltijskie nemcy: ih otnoshenie k russkoj gosudarstvennosti i k korennomu naseleniyu kraja v proshlom i nastoyashchem [Baltic Germans: their attitude to Russian statehood and to the indigenous population of the region in the past and present]. Yur'ev, 1916. (In Russ.)

Hagen M. Hochschulunruhen und Regierungspolitik im russischen Reich vor 1914 // *Die Universitäten Dorpat/Tartu, Riga und Wilna/Vilnius, 1579–1979.* Köln, 1987. S. 51–69.

Henriksson A. Vassals and citizens: the Baltic Germans in Constitutional Russia, 1905–1914. Marburg, 2009.

Henriksson A. The Tsar's Loyal Germans: The Riga German Community, Social Change and the Nationality Question, 1855–1905. Boulder; Colo, 1983.

DOI: 10.31857/S013038640020242-4

© 2022 г. Г. ВУРЦЕР

ПРЕТЕНЗИИ ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВ НА КОМПЕНСАЦИЮ

Вурцер Георг – Ph.D., независимый исследователь (Баден-Вюртемберг, Германия).

E-mail: georgwurzer@gmx.de

ORCID: 0000-0002-2532-0073

Аннотация. В статье идет речь о дискуссии по поводу компенсации, которой хотел добиться от Бранденбурга нынешний глава дома Гогенцоллернов принц Георг Фридрих. Юридической основой для этих претензий является Закон о компенсации, который гарантировал адекватное возмещение собственникам, которые подверглись экспроприации со стороны Советской военной администрации в Германии в 1945 г. Однако в 1994 г. из этого закона были исключены те, кто сотрудничал с национал-социалистическим или коммунистическим режимами или призывал к этому других. Прецеденты применения этого положения уже имеются. Ключевой вопрос состоял в том, насколько значительную помощь оказывал тогдашний кронпринц Вильгельм нацистскому режиму. Специалисты, обнаружив немало новых источников, предъявили многочисленные факты его сотрудничества с нацистами еще до их прихода к власти. Однако другие эксперты считают, что интеллектуальный уровень кронпринца был не таков, чтобы он мог представлять серьезную политическую фигуру, и поддержка, оказанная им нацистам, была в действительности весьма незначительной. Дискуссии вокруг этого вопроса, как и следовало ожидать, приобрели политическую окраску. Основными источниками по данному вопросу являются экспертные заключения, которые обе стороны в споре заказали известным специалистам. С одной стороны, приводятся бесспорные факты, а с другой – обсуждаются дискуссионные оценки. Кроме того, рассматривается политическая и юридическая оценка спора. Исползованные в статье материалы позволяют сделать выводы о культуре свидетелей-экспертов в Федеративной Республике Германии и условиях работы историков.

Ключевые слова: Гогенцоллерны, компенсация, кронпринц Вильгельм, экспертная культура.

G. Wurzer

Compensation Claims of the Hohenzollern

Georg Wurzer, PhD, independent scholar (Baden-Wuerttemberg, Germany).

E-mail: georgwurzer@gmx.de

ORCID: 0000-0002-2532-0073

Abstract. The article focuses on the debate over compensation from Brandenburg, sought by the current head of the House of Hohenzollern, Prince Georg Friedrich. The legal basis for these claims is the Compensation Act, which guaranteed adequate compensation to owners who had been subjected to expropriation by the Soviet Military Administration in Germany in 1945. In 1994, however, those who collaborated with National Socialist or Communist regimes or encouraged others to do so were excluded from this law. The key question is whether the then Crown Prince Wilhelm had significantly aided and abetted the Nazi regime. This would preclude compensation. The main sources are expert assessments commissioned by both parties to the dispute to be prepared by reputable specialists. The undisputed facts are presented on the one hand, and the controversial assessments are discussed on the other. In addition, the political and legal reappraisal of the dispute is also addressed. The proceedings allow conclusions to be drawn about the reapp of expert witnesses in the Federal Republic of Germany and the working conditions of historians.

Keywords: Hohenzollern, compensation, Crown Prince Wilhelm, expert culture.

I would like to preface my article by saying that I will try to present the different points of view objectively. Where a valuation appears, it corresponds to my personal opinion and makes no claim to general validity. For me, no personal interests are connected with the subject.

The reader may wonder why I have prefaced my article with these words. In the following, the reason should become clear. The Hohenzollern case illustrates, not least, the conditions under which historians in Germany have to work on controversial topics and allows conclusions to be drawn about the consultant culture.

As some may have heard from the press, the current head of the House of Hohenzollern is claiming compensation from the federal state of Brandenburg. The basis for this claim is the Compensation Act of 1994. According to this law, owners who were expropriated by the Soviet Military Administration in Germany (SMAD) in 1945 are to be adequately compensated. However, according to Section 1, Paragraph 4, this law excludes claims if the expropriated person substantially aided and abetted National Socialist or Communist regimes. It is precisely this point that is disputed in the case of the former head of the House of Hohenzollern, Crown Prince Wilhelm of Prussia. Initially, secret negotiations were held between the relevant state authorities and the legal representatives of the House. The case involves compensation payments amounting to 1.2 million euros to date¹.

However, the satirist Jan Böhmermann made the expert opinions public in November 2019², and the German and international press have reported on this very extensively. As for the news coverage, the current head of the House of Hohenzollern, Prince Georg Friedrich of Prussia, stresses that he highly respects the independence of the press and academia and is open to public debate³.

Nevertheless, his lawyers have filed a large number of actions for injunction and also a criminal procedure for false statements of fact against journalists and historians. Various figures are circulating on this, with talk of up to 150 ongoing and completed lawsuits. According to the German Association of Historians, 80 cases are pending at the Berlin Regional Court alone⁴.

Both sides commissioned two expert opinions, each from specialists in National Socialism and the late Weimar Republic. I would like to present the four expert opinions in more detail here, keeping to the order in which they were published. The expert opinions swelled more and more, the first one contained 19, the last one 154 pages.

Surprisingly, the historical facts are for the most part undisputed: Crown Prince Wilhelm, who had already attracted attention in 1913 as an extreme nationalist and ruthless militarist due to the

¹ *Seibt G.* Wilhelm hier und Wilhelm da // *Süddeutsche Zeitung*. 20.XI.2019; *Habermalz C.* Historiker und Juristen tauschen die Rollen // *Deutschland Rundfunk*. 03.III.2020; *Metzner T.* Brandenburg für Vergleich mit Preußenprinz // *Potsdamer Neueste Nachrichten*. 24.VIII.2020; *McLean S., Schmidt N.* Germany's ex-royals want their riches back, but past ties to Hitler stand in the way // *CNN*. 30.XII.2020. URL: <https://edition.cnn.com/style/article/hohenzollern-prince-georg-prussia/index.html> (access date: 14.01.2022); *Abgeordnetenhaus: Keine Entschädigung für Hohenzollern* // *ZEIT-ONLINE*. 25.III.2021. URL: <https://www.zeit.de/news/2021-03/25/abgeordnetenhaus-keine-entschaedigung-fuer-hohenzollern> (access date: 14.01.2022); *Lengels O.* Warum die Hohenzollern Entschädigung fordern // *Deutschland Rundfunk*. 05.X.2021. URL: <https://www.deutsch-landfunk.de/adlige-angelegenheit-warum-die-hohenzollern-entschaedigung-100.html> (access date: 14.01.2022).

² See: URL: <http://hohenzollern.lol/> (access date: 14.01.2022). The expert opinions quoted below are available for download on this page.

³ *Wiegrefe K.* Hohenzollern-Streit vor Gericht // *Der Spiegel*. 23.IV.2021.

⁴ The Association of Historians of Germany has set up a special Hohenzollern-Klage-Wiki on this question, where detailed information on the topic of Hohenzollern formal warnings can be found. URL: <https://wiki.hhu.de/spaces/viewspace.action?key-HV> (access date: 14.01.2022). See also: *Orth C.* Prinzenfonds hilft Journalisten // *Deutschland Rundfunk*. 28.VII.2020. URL: <https://www.deutschlandfunk.de/berichterstattung-ueber-die-hohenzollern-prinzenfonds-hilft-100.html> (access date: 14.01.2022); *Wiegrefe K.* Brandenburg stützt Historiker im Streit mit Georg Friedrich Prinz von Preußen // *Der Spiegel*. 19.02.2021. URL: <https://www.spiegel.de/panorama/hohenzollern-brandenburg-stuetzt-historiker-im-streit-mit-georg-friedrich-prinz-von-preussen-a-00000000-0002-0001-0000-000175447355> (access date: 14.01.2022); *Wiegrefe K.* Der Prozesshansel // *Der Spiegel*. 26.VI.2021; *Jungblut P.* Streitbare Hohenzollern: Prozessflut um Rückgabe-Debatte // *BR24*. 23.06.2021. URL: <https://www.br.de/nachrichten/kultur/streitbare-hohenzollern-prozessflut-um-rueckgabe-debatte,Sb9630V> (access date: 14.01.2022).

Zabern or Saverne Affair, was by no means a democrat. The expert reports focus primarily on his activities between 1930 and 1934. There are some incontrovertible historical facts. For example, it cannot be disputed that on April 1, 1932, for the second round of the Reich's presidential election on April 10, 1932, the crown prince recommended voting for Hitler and not for Hindenburg, the representative of right-wing conservative circles. In a letter dated June 20, 1934, he boasted to the British Lord Rothermere that he had provided Hitler with two million votes in the election. As is well known, Hitler was not elected nevertheless. On April 14, 1932, he lobbied Reichswehr Minister Wilhelm Groener to lift the existing ban on the SA and SS, so as not to lose this valuable human and military potential. A striking event was March 21, 1933, the so-called "Day of Potsdam". On this day, the closing of ranks between the old conservative elites and Hitler's party became public. Recent research claims that the Day of Potsdam was less a National Socialist staging than a triumph of the conservatives. The crown prince is said to have played a less prominent role in it than was previously assumed. Nevertheless, it cannot be denied that the event achieved its primary purpose from the National Socialist point of view. In the vote on the Enabling Act, which took place three days later, the conservative parties voted to grant Hitler far-reaching powers. The crown prince's advocacy of National Socialist rule immediately after January 30, 1933, is also beyond question. For example, he expressly stated that he would punch anyone who opposed the new regime in the face. In the American press, he posed as a shameless Nazi propagandist against the allegedly atrocious propaganda of the foreign media concerning the persecution of Jews in Germany. From research, the picture that emerges is of a crown prince who, while not a National Socialist himself and never a member of the party, wanted to use the Nazis to restore the monarchy in Germany. His role model was undoubtedly Mussolini, who allowed the monarchy in Italy to continue alongside fascist rule, and whom the crown prince revered.

Now the question arises as to how the individual evaluators assess these facts. The first expert commissioned by the House of Hohenzollern was the renowned professor and Prussia expert Christopher Clark. He does not dispute the facts and does not subject them to reinterpretation, but nevertheless comes to the conclusion that the crown prince did not significantly advance National Socialism. He points to the mediocre figure of the crown prince, who simply did not possess the intellectual capacity nor, after the ignominious end of the monarchy in Germany in 1918, the symbolic capital necessary to significantly influence the course of events⁵. Clark has since revised his opinion under the influence of the latest research, but maintains his basic assessment that the crown prince was, literally, a "twit"⁶. The two experts commissioned by the public authorities, Peter Brandt and Stephan Malinowski, essentially rely on the known facts and come to the opposite conclusion. They enumerate a large number of incriminating material⁷. The last expert opinion by Wolfram Pyta and Rainer Orth stands out from this series, in the first part of which the bold thesis is put forward that the crown prince had been part of the resistance against Hitler and had belonged to the group around General Kurt von Schleicher, who in the fall of 1932 tried at the last minute to stop the rise of Hitler by means of the so-called «cross-front» concept. In fact, Pyta and Orth have opened up a great many new sources and succeed in pointing out some errors and

⁵ Clark C. Hat Kronprinz Wilhelm dem nationalsozialistischen System erheblichen Vorschub geleistet? // URL: <http://hohenzollern.lol/gutachten/clark.pdf> (access date: 14.01.2022).

⁶ The Man was a Twit. Historian Christopher Clark on the Hohenzollern Dispute // Der Spiegel. Nr. 44. 26.X.2019. S. 56–58. See also: *Fanizadeh A.* Kampf um das Tafelsilber // Die Tageszeitung. 12.XII.2020 and the interview with Clark from 07.12.2020: Fontane hat mir die Seele Preußens gezeigt (Moderation: Katrin Heise). URL: <https://www.deutschlandfunkkultur.de/historiker-christopher-clark-fontane-hat-mir-die-see-le-100.html> (access date: 14.01.2022).

⁷ *Malinowski S.* Gutachten zum politischen Verhalten des ehemaligen Kronprinzen (Wilhelm Prinz von Preußen, 1882–1951). 19.06.2014 // URL: <http://hohenzollern.lol/gutachten/malinowski.pdf> (access date: 14.01.2022); *Brandt P., Pache J.* Gutachten zur politischen Einstellung und zum politischen Verhalten des ehemaligen preußischen und reichsdeutschen Kronprinzen Wilhelm. 20.08.2014 // URL: <http://hohenzollern.lol/gutachten/brandt.pdf> (access date: 14.01.2022).

inaccuracies in the expert opinions of Brandt and Malinowski. However, given the extent of documentary evidence, there is widespread consensus among researchers that Pyta's point of view is difficult to follow. The second part of Pyta and Orth's expert opinion, on the other hand, revisits Clark's narrative of the crown prince as a poor devil without influence and does not deny his advocacy of the Nazi government after the takeover. Historians Pyta and Orth do not even address a number of arguments in the two expert reports critical of the crown prince⁸.

The dispute over compensation for the Hohenzollerns became a political issue. The Cultural Committee of the Bundestag dealt with the matter on January 29, 2020. Of the experts, Professor Pyta apparently did not accept the invitation. In the course of the hearing, it became clear that the parliamentary groups of the Left, Greens and SPD were against compensation, while the representative of the CDU, who mainly took the floor, did not take a clear stand. Only the AfD, quite contrary to its usually populist habitus, spoke of an incomprehensible aversion of official Berlin to Prussia and clearly positioned itself in favor of the Hohenzollerns⁹.

Ultimately, the issue will probably be decided in court. As I have already indicated, I do not wish to take a position myself or make any prediction about the outcome of the dispute. In a comparable case, however, the Cottbus Administrative Court ruled that the compensation claims of two descendants of a print shop owner had to be rejected because articles had appeared in the latter's newspaper in 1932 and 1933 that had given considerable support to the Nazi movement¹⁰. But if even a relatively insignificant provincial newspaper was able to render considerable support to the Nazis, what about the crown prince, who was a far more prominent figure?

References

Brandt P., Pache J. Gutachten zur politischen Einstellung und zum politischen Verhalten des ehemaligen preußischen und reichsdeutschen Kronprinzen Wilhelm. 20.08.2014 // URL: <http://hohenzollern.lol/gutachten/brandt.pdf> (access date: 14.01.2022).

Clark C. Hat Kronprinz Wilhelm dem nationalsozialistischen System erheblichen Vorschub geleistet? // URL: <http://hohenzollern.lol/gutachten/clark.pdf> (access date: 14.01.2022).

Malinowski S. Gutachten zum politischen Verhalten des ehemaligen Kronprinzen (Wilhelm Prinz von Preußen, 1882–1951). 19.06.2014 // URL: <http://hohenzollern.lol/gutachten/malinowski.pdf> (access date: 14.01.2022).

Pyta W., Orth R. Gutachten über die politische Haltung und das politische Verhalten von Wilhelm Prinz von Preußen (1882–1951), letzter Kronprinz des Deutschen Reiches und von Preußen, in den Jahren 1923 bis 1945 // URL: <http://hohenzollern.lol/gutachten/pyta.pdf> (access date: 14.01.2022).

The Man was a Twit. Historian Christopher Clark on the Hohenzollern Dispute // *Der Spiegel*. Nr. 44. 26.X.2019. S. 56–58.

⁸ *Pyta W., Orth R.* Gutachten über die politische Haltung und das politische Verhalten von Wilhelm Prinz von Preußen (1882–1951), letzter Kronprinz des Deutschen Reiches und von Preußen, in den Jahren 1923 bis 1945 // URL: <http://hohenzollern.lol/gutachten/pyta.pdf> (access date: 14.01.2022).

⁹ Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode, Ausschuss für Kultur und Medien, Wortprotokoll der 42. Sitzung. Berlin, 29.01.2020, Öffentliche Anhörung, Tagesordnungspunkt 1, “Antrag der Abgeordneten Jan Korte, Friedrich Straetmanns, Simone Barrientos, weiterer Abgeordneter und der Fraktion DIE LINKE: Keine Entschädigungen an Nachkommen der Monarchie”, BT-Drucksache 19/14729 // URL: https://www.bundestag.de/resource/blob/686304/ee40ceee20e3e24c0a19836f6ba80e2e/42_Protokoll-data.pdf (access date: 14.01.2022). On the evaluation of the hearing see: *Habermalz C.* Alles dreht sich um die Würdigkeitsklausel. 29.1.2020. // URL: <https://www.deutschlandfunkkultur.de/expertenanhoeerung-zum-hohenzollern-streit-alles-dreht-sich-100.html> (access date: 14.01.2022).

¹⁰ See the judgment of the Cottbus Administrative Court of 23.04.2020 – VG 1 K 1763/15. // URL: <https://openjur.de/u/2257586.html> (access date: 14.01.2022).

DOI: 10.31857/S013038640020243-5

© 2022 г. Н.А. ВЛАСОВ

«СЛАВЯНЕ НЕПОБЕДИМЫ»: ВЫМЫШЛЕННЫЕ ЦИТАТЫ ОТТО ФОН БИСМАРКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Власов Николай Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: n.vlasov@spbu.ru

Scopus Author ID: 57221556533; ORCID: 0000-0001-7476-268X; Researcher ID: H-2439-2015

Аннотация. Статья посвящена изучению феномена вымышленных цитат, приписываемых германскому государственному деятелю Отто фон Бисмарку и распространенных в современном российском информационном пространстве. Данный сюжет, как и в целом проблема вымышленных цитат исторических деятелей как формы коллективной памяти о прошлом, еще не стал предметом самостоятельного исследования. Цель настоящей статьи включает в себя два аспекта. Во-первых, речь идет о выявлении роли и функции ложных цитат Бисмарка в современном российском информационном пространстве. Во-вторых, предполагается рассмотреть вопрос о причинах, по которым данные высказывания приписываются именно «железному канцлеру», т.е. о месте Бисмарка в современной российской исторической памяти. Для достижения поставленной цели привлечен широкий круг материалов — от научных работ и публицистики до развлекательных текстов в сети Интернет, которые содержат вымышленные цитаты Бисмарка. На основании проведенного исследования автор делает вывод о том, что наибольшей популярностью пользуются высказывания Бисмарка, ключевым тезисом которых является принципиальная непобедимость России и русского народа. Появившиеся на рубеже XX–XXI вв., они быстро обрели популярность в первую очередь в рамках «патриотического» дискурса и благодаря своей широкой известности воспринимаются даже представителями академической среды как общеизвестная истина. Выбор Бисмарка в качестве фиктивного автора данных высказываний определяется его соответствием в коллективной памяти ролевой модели «не-друга» — зарубежного деятеля, относившегося к России без симпатии, но признававшего ее силу и выступавшего за хорошие отношения с ней.

Ключевые слова: историческая память, Россия, ложные цитаты, Отто фон Бисмарк, идентичность, «патриотический» дискурс.

N.A. Vlasov

“The Slavs are Invincible”: Otto von Bismarck’s Fictional Statements in Contemporary Russia

Nikolay Vlasov, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia).

E-mail: n.vlasov@spbu.ru

Scopus Author ID: 57221556533; ORCID: 0000-0001-7476-268X; Researcher ID: H-2439-2015

Abstract. The author focuses on the phenomenon of fictitious quotations attributed to the German statesman Otto von Bismarck, which are common in contemporary Russian information space. This topic, as well as the problem of fictional quotations of historical figures in general as a form of collective memory of the past, has not yet been the subject of independent research. The goal of the present article is twofold. First, to identify the role and function of quotations falsely attributed to Bismarck in contemporary

Russian information space. Secondly, to examine the reasons for attributing these statements to the Iron Chancellor, i.e. Bismarck's place in contemporary Russian historical memory. To this end, a wide range of materials have been drawn upon, from scholarly works and press articles to online entertainment texts that contain fictitious quotations ascribed to Bismarck. The author concludes that the key thesis of the most popular pseudo-Bismarck statements is the principal invincibility of Russia and the Russian people. Emerged at the turn of the twentieth and twenty-first centuries, they quickly gained popularity primarily within "patriotic" discourse and, due to their widespread popularity, are perceived even by some members of the academia as a well-known truth. The choice of Bismarck as fictitious author of these statements is determined by his position as a "non-friend" in the collective memory, i.e. a foreign figure who had no sympathy for Russia, yet recognised its strength and favoured good relations with it.

Keywords: historical memory, Russia, false quotations, Otto von Bismarck, identity, patriotic discourse.

Цитаты выдающихся деятелей прошлого часто встречаются в современном информационном пространстве. Ссылка на высказывание такого человека призвана придать аргументам дополнительный вес и убедительность, продемонстрировать эрудицию и кругозор использующего ее. При этом точность и достоверность цитаты в обычной коммуникации не имеют большого значения. Сплошь и рядом слова одной исторической фигуры приписываются другой (более известной в наши дни), существует и множество полностью вымышленных высказываний. Изучение последних представляет большой интерес в рамках исследований исторической памяти. В известном смысле их можно отнести к числу «мест памяти» в том значении, которое вкладывал в этот термин П. Нора¹. Они тесно связаны с существующим в современном общественном сознании образом исторической фигуры, которой приписывается цитата, причем эта связь носит двусторонний характер. С одной стороны, уже существующий образ влияет на то, какие слова будут приписаны деятелю прошлого; с другой стороны, когда высказывание становится популярным и приобретает статус общеизвестного, оно в свою очередь начинает участвовать в формировании образа соответствующей исторической фигуры.

Вполне логично, что наибольшее распространение в стране обычно получают истинные или вымышленные высказывания деятелей национальной истории. Тем интереснее изучать ситуации, когда вымышленные цитаты начинают во множестве приписываться зарубежным историческим фигурам. Одной из таких фигур в современной России является Отто фон Бисмарк (1815–1898). В отечественном информационном пространстве можно встретить множество высказываний Бисмарка на самые различные темы. Большинство из этих цитат носят вымышленный характер; Бисмарк никогда не произносил их, а в некоторых случаях придерживался противоположного мнения.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы определить, какую роль играют наиболее известные вымышленные цитаты «железного канцлера» в российском информационном пространстве и почему данные фразы были приписаны именно Бисмарку. Ответ на второй вопрос подразумевает раскрытие роли и места этого германского государственного деятеля в российской исторической памяти.

Точное количество вымышленных высказываний Бисмарка в российском информационном пространстве подсчитать затруднительно – в любом случае счет идет на десятки. Их распространенность породила весьма любопытный феномен, который можно охарактеризовать как «сатирическую подделку»: авторы таких вымышленных цитат открыто высмеивают саму практику приписывания Бисмарку слов, которых он не говорил, включая в них явные анахронизмы («люди охотно верят сказанному в телевизоре»²)

¹ Нора П. Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб., 1999. С. 17–50.

² Люди охотно верят сказанному в телевизоре // URL: <http://joyreactor.cc/post/3023878> (дата обращения: 26.12.2021).

или заставляя «железного канцлера» высказываться по поводу актуальных политических процессов в России (например, по поводу пенсионной реформы 2018 г.: «Чтобы победить русских, нужно дать им возможность рано выходить на пенсию»³).

Среди вымышленных цитат, претендующих на истинность, основная часть также посвящена России и российско-германским отношениям. Наибольшее распространение среди них получили две: «никогда не воюйте с русскими, потому что на каждую вашу военную хитрость они ответят непредсказуемой глупостью» и «славян невозможно победить, мы убедились в этом за сотни лет, но можно привить им ложные ценности, и тогда они победят сами себя». Оба высказывания часто приводятся в сокращенном виде (до первой запятой). Как это часто бывает в случае с вымышленными цитатами, помимо основной формулировки, существуют многочисленные вариации. К примеру, «никогда не воюйте с русскими» иногда заменяется на «никогда ничего не замышляйте против России»⁴.

Помимо вышеназванных, существует и множество других всерьез приписанных Бисмарку высказываний. К примеру, отдельная их группа посвящена отношениям Украины с Россией. Наиболее известное высказывание обычно формулируется как «Могущество России может быть подорвано только отделением от нее Украины». Данная вымышленная цитата (речь идет о приписанной Бисмарку идее германского философа Э. Гартманна) появилась еще в 1920-е годы⁵. Однако особенно широкое распространение в информационном пространстве она получила в период обострения российско-украинских отношений в начале XXI в.

И все же именно приписанные Бисмарку высказывания о непобедимости России встречаются наиболее часто. Их распространенность настолько значительна, что они порой воспринимаются как общеизвестная истина даже представителями академической среды и попадают в научные публикации⁶ и учебники для высшей школы⁷ – разумеется, без надлежащих сносок на первоисточник. Вымышленная цитата про «непобедимых славян» (в варианте «русских невозможно победить...») использовалась в визуальной рекламе парка «Россия – моя история»⁸. Однако основное пространство функционирования данных высказываний – безусловно, Интернет, в том числе социальные сети.

Вымышленный характер высказываний о непобедимости России и славян, их несоответствие реальным взглядам Бисмарка по данному вопросу уже становились предметом исследования и могут считаться однозначно доказанными⁹. Сложнее обнаружить изначальный источник этих мнимых цитат, особенно учитывая многообразие их вариантов. Можно, однако, сделать вывод о том, что речь в данном случае идет о явлениях относительно недавнего происхождения. Приписанная Бисмарку фраза «никогда не воюйте с Россией» впервые появляется в художественной литературе в конце XX в.¹⁰ Ее продолжение (о «непредсказуемой глупости») возникло, по всей видимости, существенно позднее, уже в начале XXI в. Фраза «славяне непобедимы и только внутренними раздорами

³ Нам Бисмарк не указ // URL: <https://twitter.com/decaychronicles/status/1020205504323129345?lang-fi> (дата обращения: 26.12.2021).

⁴ «Железный канцлер» Отто фон Бисмарк – клин между Россией и Украиной // URL: <http://prad-media.ru/iron-chancellor-bismarck-and-russia/> (дата обращения: 26.12.2021).

⁵ О происхождении этого апокрифа см.: *Петров И.* Служба утерянных цитат – 10 // URL: <https://labas.livejournal.com/1050646.html> (дата обращения: 23.10.2021).

⁶ См., например: *Кантор В.К.* Понимать Россию умом (к проблеме самосознания русской мысли) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. Вып. 3. С. 122; *Шабров О.Ф.* Культурная политика и национально-государственный суверенитет // Власть. 2020. Т. 28. № 6. С. 297.

⁷ См., например: *Культурология: учебник для военных вузов / отв. ред. О.Ю. Ефремов.* СПб., 2017. С. 209.

⁸ *Трещанин Д., Серебряная О.* Как пропагандисты приписали Бисмарку страх перед Россией // Настоящее время. 26.01.2016. URL: <https://www.currenttime.tv/a/27510409.html> (дата обращения: 24.12.2021).

⁹ *Власов Н.А.* «Никогда не воюйте с Россией»? Отто фон Бисмарк и перспектива российско-германской войны: апокрифы и реальность // Клио. 2017. № 2 (122). С. 127–133.

¹⁰ См., например: *Берденников В.* Газеты за шкафом. Алматы, 1994. С. 257.

могут быть доведены до иноземного порабощения» встречается еще в 1830 г. в повести Ф. Булгарина «Славяне, или Освобождение Арконы»¹¹. Практика приписывания этой фразы Бисмарку также возникает в Интернете примерно в середине первого десятилетия XXI в.

В данном случае, однако, нам важно определить не происхождение вымышленных цитат, а особенности их функционирования в информационном пространстве и причины популярности. По словам Л.П. Репиной, существующая в обществе память о прошлом — «отражение не столько имевших некогда место реальных событий, сколько нужд и потребностей общества в настоящем»¹². Вполне логично, что широкая распространенность приписываемых Бисмарку цитат объясняется именно их актуальностью, востребованностью в современной России.

Столь же логично, что наибольшее распространение апокрифы Бисмарка получили в рамках так называемого «патриотического» дискурса. Необходимо сразу уточнить, что термин «дискурс» в данном случае используется в том значении, которое вкладывали в него основоположники «кембриджской школы» интеллектуальной истории: как «комплексная структура, включающая в себя словарь, грамматику, риторику, набор словоупотреблений, допущений и смыслов», которая «используется определенным сообществом применяющих этот язык для политических целей, выражения определенной картины мира или идеологии»¹³. Сложнее дать точное определение понятию «патриотический дискурс» — далеко не случайно этого не делает подавляющее большинство исследователей, использующих данный термин в своих работах. Вслед за Т.А. Гребенщиковой и Н.Д. Павловой мы можем определить его ключевую черту как «преобладающую апологизацию образа России»¹⁴. Широкое распространение апокрифы Бисмарка получили и в рамках российского националистического дискурса.

В рамках как «патриотического», так и националистического дискурса распространены идеи об уникальности России, ее народа и ее исторического пути, ее превосходстве над остальными странами мира (в первую очередь Запада), военной непобедимости. Апокрифы Бисмарка по своему смыслу полностью соответствуют этим тезисам. Их суть сводится к тому, что Россию принципиально невозможно одолеть военным путем, она непобедима в силу определенных качеств своего народа, поэтому любой прямой конфликт с ней бесперспективен.

Как особенности функционирования рассматриваемых вымышленных цитат, так и их роль в рамках «патриотического» дискурса прекрасно иллюстрирует широко распространенное в Интернете в 2014 г. «письмо Бисмарка Ангеле Меркель»¹⁵. Данный текст появился на фоне Украинского кризиса и введения западных санкций против России и представлял собой призыв к современной политической элите ФРГ вернуться к политике дружбы с русскими, сторонником которой якобы являлся Бисмарк. Оба вымышленных высказывания употреблены в тексте непосредственно друг за другом и представлены как цитата из мемуаров «железного канцлера».

Очевидно, что как в этом тексте, так и в других аналогичных документах функция данных высказываний заключается в том, чтобы подкрепить определенную точку зрения,

¹¹ Булгарин Ф. Славяне, или Освобождение Арконы // Сочинения Фаддея Булгарина. Ч. 5. СПб., 1830. С. 43.

¹² Репина Л.П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое. 2016. № 1. С. 89.

¹³ Росоцк J.G.A. Concepts and Discourses: A Difference in Culture? Comment on a Paper by Melvin Richter // The meaning of historical terms and concepts. New studies of Begriffsgeschichte / eds H. Lehmann, M. Richter. Washington, 1996. P. 47.

¹⁴ Гребенщикова Т.А., Павлова Н.Д. Патриотический дискурс в политическом Интернет-сообществе // Вопросы психологии. 2019. № 4 (42). С. 34.

¹⁵ Седов Д. Отто фон Бисмарк — Ангеле Меркель. Передано ночным эфиром // Фонд стратегической культуры. 22.11.2014. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2014/11/22/bismark-angele-merkel-peredano-nochnym-efirom-30544.html> (дата обращения: 24.12.2021).

придать ей больший вес в глазах читателей или слушателей. Апелляция к авторитету играет в данном случае легитимирующую роль. Иностраный политик – «внешний наблюдатель» – представляется при прочих равных фигурой более объективной, поэтому его мнение автоматически приобретает больший вес. При этом игнорируется возможная существенная разница между контекстом жизни и деятельности действительного или мнимого автора высказывания и современной ситуацией.

Однако почему слова о непобедимости России приписываются именно Бисмарку? При поиске ответа на указанный вопрос мы должны обратиться к тому образу «железного канцлера», который сформировался в России в XX в.

В первую очередь следует отметить, что реконструкция этого образа и его эволюции еще остается нерешенной исследовательской задачей. Имеются работы, посвященные фигуре Бисмарка в германской исторической памяти¹⁶ и восприятию «железного канцлера» его российскими современниками¹⁷. Однако специальных работ, посвященных образу Бисмарка в СССР и современной России, не существует.

На рубеже XIX–XX вв. фигура Бисмарка стала привлекать в нашей стране все большее внимание. Воспринимаемый как выдающийся государственный деятель, он, однако, считался и считается зачастую противником, основоположником того германского государства, отношения с которым становились все более напряженными в преддверии Первой мировой войны. В меньшей степени был представлен образ Бисмарка как сторонника российско-германской дружбы. Этот образ приобрел актуальность на рубеже 1930–1940-х годов – достаточно вспомнить издание в СССР перед самым началом Великой Отечественной войны мемуаров «железного канцлера» и вступительную статью к ним А.С. Ерусалимского¹⁸, а также использование образа Бисмарка как антипода Гитлера в советской военной пропаганде¹⁹.

Тем не менее в середине XX в. фигура «железного канцлера» в значительной степени утратила актуальность в советском общественном сознании. Новому всплеску интереса к этой личности способствовало появление в 1977 г. романа В.С. Пикуля «Битва железных канцлеров»²⁰. В течение первых двух лет он выдержал три издания массовыми тиражами, затем многократно переиздавался в конце 1980-х и первой половине 1990-х годов. Следующая волна переизданий началась в середине 2000-х годов и совпадает по времени со стремительным ростом популярности рассматриваемых вымышленных цитат Бисмарка.

В романе В.С. Пикуля в художественной форме рассказывается о противостоянии О. Бисмарка и А.М. Горчакова. Как и большинство книг данного автора, «Битва железных канцлеров» написана с патриотических позиций. Бисмарк изображен здесь в ней как выдающийся государственный деятель, который, будучи противником России, тем не менее относится к ней с невольным уважением. Германский «железный канцлер» у Пикуля – это, безусловно, противник, однако противник достойный, намного более мудрый и прощательный, чем многие его современники и потомки.

С конца 1980-х годов объем литературы о Бисмарке на русском языке значительно увеличился. В 1988 г. была опубликована первая за долгое время научно-популярная биография «железного канцлера», принадлежащая перу В.В. Чубинского²¹. В 1990-е годы были

¹⁶ См., например: *Ростиславлева Н.С.* Национальная идентичность немцев в фокусе наследия Отто фон Бисмарка // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 336–349.

¹⁷ См., например: *Инатов А.М.* Личность и деятельность Отто фон Бисмарка в оценках российской политической и интеллектуальной элиты во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2011.

¹⁸ *Ерусалимский А.С.* Бисмарк как дипломат // Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 1. М., 1940. С. V–XLVIII.

¹⁹ Советская агитация в годы Великой Отечественной: листовки для немецких солдат // Культурология.рф URL: <https://kulturologia.ru/blogs/200918/40413/> (дата обращения: 24.12.2021).

²⁰ *Пикуль В.С.* Битва железных канцлеров: два романа из истории русской дипломатии. Л., 1977.

²¹ *Чубинский В.В.* Бисмарк: политическая биография. М., 1988.

переизданы мемуары Бисмарка, увидело свет еще несколько его биографий, в основном переводных. В начале XXI в. помимо биографических работ, рассчитанных на массового читателя, были опубликованы сокращенные версии воспоминаний Бисмарка²². Появление большого количества публикаций (в том числе в СМИ и Интернете) отражало наличие читательского интереса и одновременно способствовало укоренению в массовом сознании образа Бисмарка как одной из ключевых фигур европейской истории.

Чтобы понять истоки популярности фигуры Бисмарка, необходимо вновь обратиться к особенностям восприятия деятелей прошлого в рамках существующего в сознании общества исторического мифа. По словам А. Ассман, «событие не становилось частью исторического прошлого, пока не подпадало под одну из немногих архетипических, то есть вечно повторяющихся исторических парадигм»²³. Точно так же исторические деятели, как правило, идентифицируются коллективной памятью с одной из ролевых моделей, которые можно назвать архетипами. К примеру, такими ролевыми моделями могут являться «великий и мудрый правитель», «коварный предатель» или «гениальный ученый».

Если говорить о Бисмарке, то на первый взгляд он соответствует модели «великого и мудрого правителя». Однако необходимо помнить о том, что одной из важнейших функций исторической памяти является формирование идентичности. По справедливому замечанию Л.П. Репиной, «идентичность социума поддерживается посредством реконструкции воображаемого прошлого»²⁴. Образ зарубежных исторических деятелей прошлого в коллективной памяти определяется во многом их отношением к стране или народу, с которыми носители этой памяти идентифицируют себя. Именно поэтому наибольшую известность получили высказывания Бисмарка, касающиеся России.

На наш взгляд, можно говорить о том, что для иностранных государственных деятелей в коллективной памяти существует отдельный набор ролевых моделей. Естественным, в первую очередь речь идет об образе «врага» — правителя, для которого уничтожение России являлось самоцелью (а неудача при попытке достичь этой цели обернулась катастрофой). В качестве наиболее известных примеров можно, разумеется, назвать Наполеона и Гитлера. Однако существует и другой, близкий, но существенно отличающийся образ, который можно назвать ролевой моделью «не-друга».

«Не-друг» — иностранный (как правило, государственный) деятель, относившийся к России без всякой симпатии, однако уважавший ее и признававший выдающиеся качества страны и ее народа. Благодаря своему уму и опыту он избегал конфликтов с русскими и предостерегал от них своих преемников. Более того, он даже стремился к сотрудничеству с Россией — не в силу симпатий к ней, а исключительно исходя из трезвой оценки собственных интересов. Именно в силу базового негативного отношения к стране позитивные высказывания из уст «не-друга» приобретают характер в высшей степени объективных и непредвзятых.

Наиболее известные фигуры «не-друзей» в российской исторической памяти — это Уинстон Черчилль и Отто фон Бисмарк. Неудивительно, что им обоим приписывается большое число высказываний о России и русских в целом, а также отдельных эпизодах и фигурах отечественной истории.

В заключение можно сказать, что вымышленные цитаты Бисмарка — едва ли не единственный артефакт Германской империи, который сегодня существует в российском общественном сознании, за исключением разве что исторической памяти о Первой мировой войне — масштаб которой, однако, тоже нельзя переоценивать.

²² См., например: *Бисмарк О. фон. С русскими не играют.* М., 2014.

²³ *Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика.* М., 2014. С. 253.

²⁴ *Репина Л.П. Историческая память и национальная идентичность. Подходы и методы исследования // Диалог со временем.* 2016. Вып. 54. С. 11.

Библиография

- Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014.
- Берденников В. Газеты за шкафом. Алматы, 1994.
- Бисмарк О. фон. С русскими не играют. М., 2014.
- Булгарин Ф. Славяне, или Освобождение Арконы // Сочинения Фаддея Булгарина. Ч. 5. СПб., 1830. С. 1–43.
- Власов Н.А. «Никогда не войдете с Россией»? Отто фон Бисмарк и перспектива российско-германской войны: апокрифы и реальность // Клио. 2017. № 2 (122). С. 127–133.
- Гребеницкова Т.А., Павлова Н.Д. Патриотический дискурс в политическом Интернет-сообществе // Вопросы психолингвистики. 2019. № 4 (42). С. 34–49.
- Ерусалимский А.С. Бисмарк как дипломат // Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 1. М., 1940. С. V–XLVIII.
- «Железный канцлер» Отто фон Бисмарк – клин между Россией и Украиной // URL: <http://prad-media.ru/iron-chancellor-bismarck-and-russia/> (дата обращения: 26.12.2021).
- Ипатов А.М. Личность и деятельность Отто фон Бисмарка в оценках российской политической и интеллектуальной элиты во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2011.
- Кантор В.К. Понимать Россию умом (к проблеме самосознания русской мысли) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. Вып. 3. С. 117–131.
- Культурология: учебник для военных вузов / отв. ред. О.Ю. Ефремов. СПб., 2017.
- Нора П. Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб., 1999. С. 17–50.
- Петров И. Служба утерянных цитат – 10 // URL: <https://labas.livejournal.com/1050646.html> (дата обращения: 23.10.2021).
- Пикуль В.С. Битва железных канцлеров: два романа из истории русской дипломатии. Л., 1977.
- Репина Л.П. Историческая память и национальная идентичность. Подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 9–15.
- Репина Л.П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое. 2016. № 1. С. 82–99.
- Ростиславлева Н.С. Национальная идентичность немцев в фокусе наследия Отто фон Бисмарка // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 336–349.
- Седов Д. Отто фон Бисмарк – Ангеле Меркель. Передано ночным эфиром // Фонд стратегической культуры. 22.11.2014. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2014/11/22/bismarck-angele-merkel-peredano-nochnym-efirom-30544.html> (дата обращения: 24.12.2021).
- Советская агитация в годы Великой Отечественной: листовки для немецких солдат // Культурология.рф URL: <https://kulturologia.ru/blogs/200918/40413/> (дата обращения: 24.12.2021).
- Трещанин Д., Серебряная О. Как пропагандисты приписали Бисмарку страх перед Россией // Настоящее время. 26.01.2016. URL: <https://www.currenttime.tv/a/27510409.html> (дата обращения: 24.12.2021).
- Чубинский В.В. Бисмарк: политическая биография. М., 1988.
- Шабров О.Ф. Культурная политика и национально-государственный суверенитет // Власть. 2020. Т. 28. № 6. С. 295–299.
- Роскок J.G.A. Concepts and Discourses: A Difference in Culture? Comment on a Paper by Melvin Richter // The meaning of historical terms and concepts. New studies of Begriffsgeschichte / eds H. Lehmann, M. Richter. Washington, 1996. P. 47–58.

References

- Assman A. Dlinnaia ten' proshlogo. Memorial'naia kul'tura i istoricheskaia politika [The Long Shadow of the Past: Cultures of Memory and the Politics of History]. Moskva, 2014. (In Russ.)
- Berdennikov V. Gazety za shkaфом [Newspapers Behind the Wardrobe]. Almaty, 1994. (In Russ.)
- Bismarck O. von. S russkimi ne igraiat [Don't Play with Russians]. Moskva, 2014. (In Russ.)
- Bulgarin F. Slaviane, ili Osvozhdenie Arkony [The Slavs, or Liberation of Arcona] // Socheniia iia Faddeia Bulgarina [The Works of Faddey Bulgarin]. Pt. 5. Sankt-Peterburg, 1830. (In Russ.)
- Chubinskii V.V. Bismarck: politicheskaia biografiia [Bismarck: the Political Biography]. Moskva, 1988. (In Russ.)
- Erusalimskii A.S. Bismarck kak diplomat [Bismarck as a Diplomat] // Bismarck O. Mysli i vospominaniia [Thoughts and Memories]. T. 1. Moskva, 1940. S. V–XLVIII. (In Russ.)

Grebenshnikova T.A., Pavlova N.D. Patrioticheskiy diskurs v politicheskom Internet-soobshchestve [Patriotic Discourse in Political Internet-Community] // *Voprosy psiholingvistiki* [Issues of Psycholinguistics]. 2019. № 4 (42). S. 34–49. (In Russ.)

Iratov A.M. Lichnost' i deiatel'nost' Otto von Bismarcka v otsenkakh rossiiskoi politicheskoi i intellektual'noi elity vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka: dis. ... kand. ist. nauk [The Personality and Work of Otto von Bismarck in Assessments of the Russian Political and Intellectual Elite in the second half of the 19th – early 20th century: PhD thesis]. Voronezh, 2011. (In Russ.)

Kantor V.K. Ponimat' Rossiю umom (k probleme samosoznaniia russkoi mysli) [To Understand Russia Using the Mind (to the Problem of Self-Consciousness of Russian Thought)] // *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy]. 2011. Vol. 12. Iss. 3. P. 117–131. (In Russ.)

Kul'turologiia. Uchebnik dlia voennykh vuzov [Culturology. Textbook for military universities] / ed. O. Efremov. Sankt-Peterburg, 2017. (In Russ.)

Nora P. Problematika mest pamiat' [Problems of Places of Memory] // *Frantsiia – pamiat'* [France – Memory]. Sankt-Peterburg, 1999. S. 17–50. (In Russ.)

Petrov I. Sluzhba uteriannykh tsitat – 10 [Service of Lost Quotes – 10] // URL: <https://labas.livejournal.com/1050646.html> (access date: 23.10.2021). (In Russ.)

Pikul' V.S. Bitva zheleznykh kantslerov: dva romana iz istorii russkoi diplomatii [The Battle of the Iron Chancellors: Two Novels from the History of Russian Diplomacy]. Leningrad, 1977. (In Russ.)

Repina L.P. Istoricheskaiia pamiat' i natsional'naia identichnost'. Podhody i metody issledovaniia [Historical Memory and National Identity. Approaches and Research Methods] // *Dialog so vremenem* [Dialogue with time]. 2016. Iss. 54. S. 9–15. (In Russ.)

Repina L.P. Sobytiia i obrazy proshlogo v istoricheskoi i kul'turnoi pamiat' [Events and Images of the Past in Historical and Cultural Memory] // *Novoe proshloe* [New Past]. 2016. № 1. S. 82–99. (In Russ.)

Rostislavleva N.S. Natsional'naia identichnost' nemtsev v fokuse naslediiia Otto von Bismarcka [National Identity of Germans in the Focus of Otto von Bismarck's Legacy] // *Dialog so vremenem* [Dialogue with time]. 2016. Iss. 54. S. 336–349. (In Russ.)

Sedov D. Otto von Bismarck – Angele Merkel'. Peredano nochnym efirom [Otto von Bismarck – Angela Merkel. Broadcast at Night] // *Fond strategicheskoi kul'tury* [Strategic Culture Foundation]. 22.11.2014. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2014/11/22/bismarck-angele-merkel-peredano-nochnym-efirom-30544.html> (access date: 24.12.2021). (In Russ.)

Shabrov O.F. Kul'turnaia politika i natsional'no-gosudarstvennyi suverenitet [Cultural Policy and National-State Sovereignty] // *Vlast'* [Power]. 2020. Vol. 28. № 6. S. 295–299. (In Russ.)

Sovetskaia agitatsiia v gody Velikoi Otechestvennoi: listovki dlia nemetskikh soldat [Soviet Propaganda during the Great Patriotic War: Leaflets for German Soldiers] // *Kul'turologiia.rf*. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/200918/40413/> (access date: 24.12.2021). (In Russ.)

Treshhanin D., Serebianaia O. Kak propagandisty pripisali Bismarku strakh pered Rossiei [How Propagandists Attributed Fear of Russia to Bismarck] // *Nastoiashhee vremia* [Present Time]. 26.01.2016. URL: <https://www.currenttime.tv/a/27510409.html> (access date: 24.12.2021). (In Russ.)

Vlasov N.A. “Nikогда ne voiuite s Rossiei”? Otto von Bismarck i perspektiva rossiisko-germanskoi voiny: apokryfy i real'nost' [“Never Make War Against Russia”? Otto von Bismarck and the Prospects of a Russian-German War: Apocrypha and Reality] // *Clio*. 2014. № 2 (122). S. 127–133. (In Russ.)

“Zheleznyi kantsler” Otto von Bismarck – klin mezhdru Rossiei i Ukrainoi [“Iron Chancellor” Otto von Bismarck – the Wedge between Russia and Ukraine] // URL: <http://prad-media.ru/iron-chancellor-bismarck-and-russia/> (access date: 26.12.2021). (In Russ.)

Pocock J.G.A. Concepts and Discourses: A Difference in Culture? Comment on a Paper by Melvin Richter // *The meaning of historical terms and concepts. New studies of Begriffsgeschichte* / eds H. Lehmann, M. Richter. Washington, 1996. P. 47–58.

DOI: 10.31857/S013038640018559-2

© 2022 г. **Н.М. НАРЫКОВА**

РОССИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В РИМЕ: ДИПЛОМАТИЯ, ИДЕОЛОГИЯ, ПРАГМАТИЗМ (1905–1945 годы)

Нарыкова Нина Михайловна — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: narykova@yandex.ru

Scopus Author ID: 57220810414; Researcher ID: AAW-1205-2021; ORCID: 0000-0003-1839-5285

Аннотация. В первой половине XX в. получили развитие первые специализированные международные аграрные организации. Статья дополняет малоизвестную в историографии историческую картину опыта международного взаимодействия в рамках этих структур, ибо в 1905 г. Россия была одним из учредителей первой международной межправительственной аграрной организации — Международного института сельского хозяйства (International Institute of Agriculture, ИА). На основании официальных документов ИА и Российской империи, а также архивных материалов советского периода автор статьи выделяет два периода в истории сотрудничества России и ИА: 1905–1917 гг. и 1931–1936/37 гг. Российская империя вносила большие суммы в бюджет ИА. С ИА взаимодействовали государственные органы и сотрудничали выдающиеся ученые империи. Частичное восстановление отношений СССР и ИА в 1930-е годы соответствовало внешнеэкономическим интересам советской власти в условиях выполнения планов первых пятилеток и реализации общего политического курса на сотрудничество с зарубежными научно-техническими и коммерческими кругами. Начало сближения СССР и ИА произошло на международной зерновой конференции в Риме весной 1931 г. Участие России в деятельности ИА показывает прагматические аспекты ее внешней политики, а также политические и дипломатические возможности международного общения в рамках международной специализированной организации.

Ключевые слова: Международный институт сельского хозяйства (International Institute of Agriculture, ИА), Российская империя, СССР, внешняя политика, Международный аграрный институт (МАИ, The International Agrarian Institute, IAI), ФАО ООН, международные организации, аграрные отношения.

N.M. Narykova

Russia and the International Institute of Agriculture in Rome: Diplomacy, Ideology, Pragmatics (1905–1945)

Nina Narykova, Saint-Petersburg State Agrarian University (Saint-Petersburg, Russia).

E-mail: narykova@yandex.ru

Scopus Author ID: 57220810414; Researcher ID: AAW-1205-2021; ORCID: 0000-0003-1839-5285

Abstract. The first specialised international agricultural organisations emerged in the first half of the twentieth century. The article complements the poorly studied history of the experience of international cooperation within these structures, given that in 1905 Russia was one of the founders of the first international intergovernmental agrarian organisation – the International Institute of Agriculture (IIA). Drawing on official documents from the IIA and the Russian Empire, as well as archival materials from the Soviet period, the author identifies two periods in the history of cooperation between Russia and the IIA: 1905–1917 and 1931–1936/37. The Russian Empire contributed large sums to the IIA budget. The IIA was in contact with Russian imperial authorities and collaborated with the Empire's eminent scientists. The partial restoration of relations between the USSR and IIA in the 1930s was in keeping with the foreign economic interests of the Soviet authorities in the context of the first five-year plans and the implementation of the general political course towards cooperation with foreign scientific, technical, and commercial establishments. The rapprochement between the USSR and IIA began at the International Wheat Conference in Rome in the spring of 1931. The participation of Russia in IIA shows the pragmatic aspects of its foreign policy, as well as the political and diplomatic potential for international communication within the framework of an international specialised organisation.

Keywords: International Institute of Agriculture, Russian Empire, USSR, UN FAO, foreign policy, USSR, International Agrarian Institute, international organisations, agricultural relations.

Общественные настроения и глобальные тренды мирового развития выдвинули продовольственные проблемы на повестку важнейших вопросов мировой гуманитарной безопасности, борьбы с голодом и бедностью, тем самым актуализировав исследовательский интерес к изучению исторического опыта первых международных форм сотрудничества в интересах сельского хозяйства. В современной зарубежной историографии вновь проявился интерес к деятельности различных международных аграрных организаций первой половины XX в. Подтверждение этому можно увидеть в недавней публикации Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО ООН) к юбилею ее мемориальной библиотеки имени Д. Лубина, где авторы описывают историю и современное состояние этого глобального информационного центра, создание которого исторически связано с деятельностью первой международной межправительственной аграрной организации – Международного института сельского хозяйства (The International Institute of Agriculture, IIA, 1905–1945 гг.). В разделах, написанных Н. Миньями, представлены краткая история IIA, его структура, место и роль делегатов стран и международных сотрудников в деятельности органов и служб. Конечно, отмечена личность калифорнийского фермера Д. Лубина – автора идеи создания IIA и первого представителя США в IIA. В других главах издания изложены основные факты развития библиотеки: от первых фондов в годы IIA до современного электронного центра научной информации ФАО ООН по отраслям сельскохозяйственных наук, вопросам состояния мирового сельскохозяйственного производства и продовольственной обеспеченности¹. Интересна и другая статья Н. Миньями о развитии библиотеки IIA в 1920–1930-е годы как «привилегированного информационного центра для отслеживания и транснационального распространения специализированных знаний на службе модернизации сельской местности». В ней прослежена динамика интернационализации методов работы и профессионализации персонала. Раскрыта роль фонда Рокфеллера в подготовке кадров и каталогизации фондов².

В целом современные публикации о IIA, опирающиеся на различные источники (в том числе архивы ФАО ООН), выполнены в ключе современного взгляда на международное сотрудничество не только в период между двумя мировыми войнами, но и на его

¹The story of The FAO Library 65th Anniversary 1952–2017. Food and Agriculture Organization of the United Nations. Rome, 2017.

² Mignemi N. Rome, capitale mondiale de la documentation agricole: de la bibliothèque de l'Institut international d'Agriculture à la David Lubin Memorial Library de la FAO // *Mélanges de l'École française de Rome – Italie et Méditerranée modernes et contemporaines*. 2020. 132/1. P. 215–235. URL: <http://journals.openedition.org/mefrim/7233> (дата обращения: 20.07.2021).

истоки в начале XX в. Авторы особо подчеркивают международную роль экспертной деятельности представителей различных национальных экономических школ³ и усилие международных благотворительных (общественных) организаций. Они описывают историю формирования сельскохозяйственной статистики и проведения под эгидой ИА первой международной сельскохозяйственной переписи 1930 г., столь важной тогда для понимания процессов развития сельского хозяйства различных географических регионов и отдельных государств⁴. Однако даже в обширной специальной (в большей мере историографической) публикации Н. Миньемы и Х. Пан Монтохо отсутствует информация об участии России в создании этих первых форм многостороннего сотрудничества в сфере сельскохозяйственного производства и торговли⁵. На наш взгляд, этот пробел принципиально важно восполнить, что и предпринято в настоящей статье. Тем более что современная ФАО ООН, в известном смысле – наследник ИА, активно сотрудничает с РФ. Для российской историографии вопросы опыта сотрудничества акторов международных отношений – существенный аспект ее национальной истории.

Как показывают официальные документы ИА и Российской империи, а также малоизвестные архивные документы советского периода, в истории взаимодействия России и ИА можно выделить два периода: 1905–1917 гг. и 1931–1936/37 гг. Российская империя вместе с другими великими державами была в 1905 г. соучредителем ИА. Хотя идея первой международной организации межправительственного уровня для нужд сельского хозяйства пришла из США и была воплощена в Риме, ее поддержка со стороны России как крупнейшего аграрного производителя и зернового игрока на европейском рынке во многом создала предпосылки организационного успеха в оформлении этой международной структуры. Более того, подписав Конвенцию 1905 г. об учреждении Института⁶, Россия стала вносить самые крупные (по критериям учредительного документа) взносы в бюджет организации, так 19 августа 1915 г. был сделан максимальный взнос в размере 15 тыс. руб. (40 тыс. фр.)⁷. Николай II, следуя имперским традициям и личной дружбе монархов, благосклонно встретил предложение короля Виктора Эммануила III об учреждении ИА, и российское правительство обеспечило представительство в ИА.

Понимая значение участия России, автор первоначального проекта Д. Лубин в феврале 1905 г. посетил российского поверенного в Риме и изложил ему цели нового международного института как «учреждения международного земледельческого представительства» с функциями «сельскохозяйственной и рабочей биржи» (в том числе и для регулирования постоянной и временной миграции) и справочного бюро «статистических, торговых и учено-технических сведений»⁸.

Весной 1905 г. министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов доложил императору об «итальянском проекте», и 11 апреля 1905 г. Николай II санкционировал командировку на его учредительную конференцию официальных представителей⁹. Ими стали чиновники министерства земледелия: А.Д. Поленов и А.Н. Крупенский¹⁰. На самой конференции российская делегация поддержала итальянскую версию института как межправительственной структуры, не имеющей права нарушать суверенитет государств-членов, и подписала текст выработанной конвенции, как и другие делегаты, «*ne varietur*». Главное впечатление

³ *D'Onofrio F.* Agricultural figures: the politics of numbers at the International Institute of Agriculture // *Agricultural History Review*. 2017. Vol. 65. Part II. P. 227–296.

⁴ *D'Onofrio F.* The microfoundations of Italian agrarianism: Italian agricultural economists and Fascism // *Agricultural History*. 2017. Vol. 91. № 3. P. 369–396.

⁵ *Pan-Montojo J., Mignemi N.* International organizations and agriculture, 1905 to 1945: Introduction // *Agricultural History Review*. 2017. Vol. 65. Part II. P. 237–254.

⁶ *Acte final de la Conférence internationale pour l'Institut international d'agriculture*. Rome, 1905.

⁷ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 395. Оп. 1. Д. 2002. Л. 325.

⁸ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 190. Оп. 525. Д. 2170. Л. 21–23.

⁹ РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 1478. Л. 23.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2170. Л. 75–76.

о конференции сформулировал в заключение своего отчета Поленов. Он полагал, что, поскольку создаваемая организация будет заниматься сбором и обработкой данных, имеющих весьма важное значение для сельскохозяйственных интересов всех стран, а также согласованием и объединением этих интересов в области международных отношений, иметь российское представительство в ней «весьма существенно»¹¹. Крупенский в донесении министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу писал: «Созданный конференцией институт является как бы статистическим, всемирным, международным бюро; но это не будет статистика мертвая, но статистика, проникнутая жизнью, сельскохозяйственными нуждами и распространяющая вокруг себя результаты централизованных в одном учреждении работ, опытов, сведений. Международный агрономический институт может таким образом принести немалую пользу земледелию вообще и сельским хозяйствам всех стран в особенности. С этой точки зрения Россия, в которой земледелие и все отрасли сельского хозяйства нуждаются в покровительстве, в реформах и в применении более рациональных способов культуры, не может, как кажется, не приветствовать учреждение международного института»¹².

Значительную роль в развитии сотрудничества империи и ПА сыграли российские министры сельского хозяйства, дипломаты, чиновники статистических служб, ученые. Идея создания Института получила поддержку министра земледелия (1894–1905 гг.) и члена Государственного совета (1905–1917 гг.), автора крупных исследований о рациональном ведении сельского хозяйства в России, одного из организаторов российской аграрной статистики А.С. Ермолова (1847–1917). В европейских кругах аграриев Ермолов был известной фигурой: министр-ученый представлял Россию на международных аграрных конгрессах Международной комиссии по сельскому хозяйству (La Commission Internationale d'Agriculture), участвовал в работе всемирных выставок.

Решение о российском участии в ПА принималось без консультаций с сельскохозяйственными обществами страны, ибо внешнеэкономическая целесообразность членства в организации не вызывала сомнений в Совете министров. Высказывались надежды, что Россия будет получать не только мировые сведения об урожаях и движении цен, но сможет через него добиваться более справедливого отношения на европейском рынке к своим сельскохозяйственным товарам (хлеб, сливочное масло)¹³. Вместе с тем общая внутриполитическая атмосфера в России на тот момент не предполагала большой заинтересованности российских правительственных кругов в идее новой международной организации. Проект ПА не представлялся России достаточно масштабным, особенно на фоне не затухающей борьбы внутри властных кругов и в обществе по вопросам перспектив экономического развития самой империи. В среде российской министерской бюрократии были и те, кто вообще имел слабое представление о мировых экономических процессах и новых формах взаимодействия государств¹⁴.

6 мая 1908 г. Николай II подписал учредительную конвенцию. А.С. Ермолов был назначен официальным представителем России в ПА. На открытии ПА Россию представлял ее посол в Италии князь Н.В. Муравьев, а в дальнейших заседаниях участвовал советник посольства барон М.Н. Корф¹⁵. К сентябрю 1908 г. окончательно определилось российское представительство в органах ПА: А.С. Ермолов – на генеральных ассамблеях (ГА) и Г.П. Забелло – член Постоянного комитета (ПК) Института и консул России в Риме. До назначения в ПА консул имел многолетний опыт работы в редакциях официальных

¹¹ РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 1478. Л. 59–59 об.

¹² АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2170. Л. 82.

¹³ РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 1478. Л. 265–268.

¹⁴ Нарыкова Н.М. Участие России в международных аграрных организациях: стереотипы политической культуры и новые исторические «вызовы» (XIX – нач. XX в.) // Политическая культура XIX века: Россия и Европа. М., 2005. С. 143–151.

¹⁵ РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 1478. Л. 298, 308 об.

изданий министерства финансов России, был знаком с экономической статистикой, международным товарооборотом и условиями реализации урожаев России на мировом рынке. В работе ИА он активно занимался вопросами финансов ИА, последовательно отстаивал русские экономические и политические интересы, заботился об эффективных связях российских ведомств и ИА. Его систематические отчеты в Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗЗ) показывают полную осведомленность и активность российского представителя. Г. Забелло, совмещая две должности, вполне эффективно использовал официальную информацию ИА для русско-итальянских торговых связей, деятельности русско-итальянской торговой палаты.

Российские представители не входили в высшее руководство Института, не считая избрания А.С. Ермолова на одной из генеральных ассамблей вице-президентом. Из сохранившихся документов ведомств следует, что таких задач и не ставилось. Вместе с тем Россия как великая держава стремилась влиять через своего представителя на общую политику президента ИА. Это проявилось, в частности в 1910 г., когда президентский пост занял представитель Италии маркиз Каппелли, тяготевший к делегатам стран Тройственного союза, группировавшимся вокруг немецкого делегата Т. Миллера. Группа из представителей Германии, Австро-Венгрии и сам Каппелли тогда агитировали за проект изменения ряда положений учредительной Конвенции и регламента ИА, которые позволяли бы ИА вступать в непосредственные отношения с национальными сельскохозяйственными обществами и союзами. Г. Забелло выступил против, полагая, что это предложение отвечает прежде всего немецким интересам. Проект натолкнулся на сопротивление других членов ПК – представителей 12 стран, в том числе Франции и ее колоний. Французский делегат в борьбе против германского проекта был готов прибегнуть к крайнему средству – угрозе, заявив, что его страна перейдет в последнюю категорию государств-членов с годовым взносом в 1,5 тыс. фр., отзовет своего делегата и прекратит предоставлять в ИА какую-либо информацию¹⁶. В конечном итоге проект отклонили.

В текущей деятельности ИА Россия достаточно активно реагировала на просьбы и инициативы Института, если не считать бюрократических проволочек. Для обсуждения получаемых от ИА запросов и выработки рекомендаций по их реализации в России в феврале 1910 г. был создан специальный комитет по сношениям русских правительственных учреждений с ИА под председательством А.С. Ермолова. Переписку вел отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики ГУЗЗ. К 1914 г. сложилась практика направления в ИА различной сельскохозяйственной информации через «опросные листы» для его бюллетеней.

Постепенно складывалось сотрудничество ученых России и ИА. В 1911 г. в работе ГА, где обсуждали проект развития международной агрометеорологической службы, принял участие П.И. Броунов – один из основоположников российской сельскохозяйственной метеорологии и климатологии. Его опыт деятельности в России представил и высоко оценил в основном докладе французский делегат и зам. директора ИА Л. Доп. Броунов передал в ИА для публикации свои ценные чертежи и графики наблюдений. В ноябре 1912 г. по просьбе ИА о привлечении русских ученых в число его сотрудников-корреспондентов Ученый комитет ГУЗЗ назвал большую группу специалистов, выдающихся представителей российской сельскохозяйственной науки. По отделу растениеводства были рекомендованы Н.К. Недокучаев, профессора Д.Н. Прянишников, Л.Ф. Альтгаузен, К.К. Гедройц, А.И. Стебут, С.Ф. Франкфурт, Н.М. Тулайков. По отделу животноводства – профессора Н.П. Чирвинский, Е.А. Богданов, А.А. Тихомиров, Г.А. Кожевников, Е.Ф. Лискунов. По отделу прикладной ботаники – Р.Э. Регель, П.И. Мищенко, Д.Л. Рудзинский, Э.В. Костецкий. По отделу энтомологии – И.В. Васильев. По отделу микологии и фитопатологии – Г.И. Дорогин, А.С. Бондарцев, проф. Ф.В. Бухгольц, В.Г. Траншель, проф. С.И. Ростовцев, А.А. Потенбь. По отделу метеорологии – профессора П.И. Броунов,

¹⁶ РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 2002. Л. 226.

А.Н. Воейков, А.В. Клоссовский, В.А. Михельсон, Б.И. Срезневский, В.К. Гауэр, Э.Г. Лоске. По отделу сельскохозяйственного образования – проф. А.Ф. Фортунатова, С.Н. Ленина, И.И. Мещерский¹⁷. Однако, как показывает письмо Г. Забелло министру А.С. Кривошеину от 14 июня 1914 г., Россия и ПА так и не наладили систематическое реферирование многочисленной русской сельскохозяйственной литературы для бюллетеней Института. Вопрос упирался в отсутствие финансирования со стороны Рима и в проблемы подбора и оплаты работы российских специалистов для переводов с русского на рабочие языки ПА¹⁸.

Крупнейшим мероприятием, отразившим плодотворность сотрудничества ПА и России, стало начало реорганизации российской аграрной статистики по рекомендациям Института¹⁹. Кроме того, в рамках разработанной в ПА программы изучения американскими представителями европейского кооперативного опыта, в 1913 г. был организован их приезд в Россию для ознакомления с деятельностью Московского народного банка²⁰. Одним из последних перед Первой мировой войной мероприятий ПА стало проведение в феврале–марте 1914 г. в Риме представительной международной конференции по фитопатологии. Конференция выработала проект конвенции, которая учитывала опыт борьбы с распространением сельскохозяйственных заболеваний в растениеводстве и садоводстве, накопленный в международном сотрудничестве после подписания антифиллоксерного соглашения 1881 г. Россия на конференции активно участвовала в разработке условий нового соглашения. Профессор А.А. Ячевский возглавлял важнейшую техническую комиссию, где шли ключевые дискуссии по проекту конвенции. Отчет Г. Забелло показывает, что профессор как делегат России, опираясь на отечественный опыт борьбы с заболеваниями растений, настаивал, чтобы основными методами борьбы за фитобезопасность в международном торговом обмене были не запретительные таможенные формальности, а свидетельства о «здравии» живых растений и тщательный фитопатологический надзор самих культур²¹.

В 1910–1915 гг. ПА выдвинул инициативы, не получившие поддержки в ведомствах России. Российская сторона не считала отвечающим своим экономическим интересам расширять информацию, посылаемую в ПА, о прогнозах на урожай, что было в русле общей сдержанной позиции других государств в вопросе распространения своей коммерческой информации. Было отвергнуто предложение ПА о необходимости изучения Институту условий международного фрахтового рынка, которое особо лоббировалось Д. Лубином. Ради поддержки своего проекта еще до официального решения Постоянного комитета ПА о фрахтах Д. Лубин обратился 14 февраля 1913 г. с личным письмом к председателю Совета министров В.Н. Коковцову²². Комитет А.С. Ермолова и министерство торговли и промышленности сочли необходимым отклонить идею Лубина: ввиду того, что на фрахтовые цены влияют разнообразные и сложные факторы, их выявление – «практически почти невыполнимая задача»²³.

Военно-революционные потрясения в России – две революции 1917 г. и разрушительная гражданская война – и установление власти, построенной на советской идеологии, предопределили отношение СССР к ПА. Членство России было прервано. Создание

¹⁷ РГИА. Ф. 382. Оп. 6. Д. 5124. Л. 12–12 об.

¹⁸ РГИА. Ф. 395. Оп. 2. Д. 3087. Л. 229–237.

¹⁹ См. подробно: *Нарыкова Н.М.* Аграрии и прогресс (Международные аграрные организации: от основания до мирового экономического кризиса 1929–1933 гг.) Ставрополь, 2001. С. 124–129.

²⁰ *Costanzo G.* The Organization of agricultural credit in the United States // *International Review of Agriculture*. 1942. № 2. Р. 37–40.

²¹ *Нарыкова Н.М.* Ученые-аграрники и международное сотрудничество в начале XX века: к 110-летию Санкт-Петербургского государственного аграрного университета // *Северо-Запад в аграрной истории России*. Калининград, 2016. С. 210.

²² РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 459. Л. 226.

²³ Там же. Л. 239–240 об.

Коминтерна и стремление СССР консолидировать зарубежные партии в рамках леворадикальной линии борьбы за мировую революцию сопровождались и вполне определенной практикой революционизирования крестьянских движений в зарубежных странах. Поддержку бедных слоев деревни и политический союз с рабочими провозгласил целью своей деятельности Крестьянский интернационал (Крестинтерн; The Peasant International), созданный в 1923 г. при Коминтерне. В 1926 г. при Крестьянском интернационале (читай: при Коминтерне) в Москве был создан Международный аграрный институт (МАИ, The International Agrarian Institute, IAI) – идеологический антипод ПА. Его задумывали как международную общественную структуру для «изучения аграрного вопроса и крестьянского движения в разных странах», способную осуществлять «популяризацию теоретических и практических знаний», «устраивать доклады, диспуты, собеседования», «научные экспедиции и обследования» и т.п.²⁴ При открытии Института заместитель его директора, советский экономист С. Дубровский подчеркнул принципиальное различие между ПА и МАИ. Критика ПА с позиций классово-борьбы сводилась к тому, что тот не учитывает социальные запросы бедных слоев деревни, игнорирует крестьянское движение на Востоке и в колониях²⁵. Публичные отчеты о работе, многочисленные авторские публикации и рецензии трудов иностранных коллег показывают стремление МАИ на основе использования информационно-аналитических методов опыта деятельности ПА решать политическую задачу – формировать пропагандистскую основу советского пути развития сельского хозяйства. В структуре Института были созданы региональные отделы (по группам стран) и научные кабинеты по направлениям (сельскохозяйственной экономики, крестьянского движения, аграрного законодательства и аграрной политики, сельскохозяйственных рабочих, сельского хозяйства и крестьянства СССР). Дирекция МАИ вела переписку с маститыми экономистами Европы (М. Зеринг, Э. Лаур, К. Риттер, Ф. Азребоз)²⁶, международными организациями, в том числе Международной организацией труда (МОТ) и Федерацией сельскохозяйственных рабочих, национальными сельскохозяйственными и кооперативными организациями, министерствами некоторых стран, научными обществами и конъюнктурными институтами (особенно Германии); принимала иностранные делегации, для которых был привлекателен социально-политический опыт СССР²⁷. Опираясь на подготовленные им «опросники», МАИ выборочно обследовал крестьянские хозяйства Восточной Европы, Китая и Турции, коммуны во Франции. В начале работы МАИ его членами-корреспондентами были выдающиеся экономисты-аграрники: А.В. Чайнов, Н.Д. Кондратьев, позже – Е.С. Варга. С МАИ сотрудничали профессиональные революционеры, эмигрировавшие в СССР, лидеры компартий и сторонники «крестьянского коммунизма»²⁸, функционеры аграрных партий Восточной и Юго-Восточной Европы, немецкие, французские, чешские, польские экономисты, симпатизировавшие коммунистическим идеям. В руководство входили известные функционеры Коминтерна: Т. Домбровский и В. Коларов. МАИ, используя средства и каналы Всесоюзного общества культурных связей с заграницей, сформировал значительные информационные фонды, закупая многочисленные иностранные издания о сельском хозяйстве, экономике и законодательстве и т.д., в том числе издания ПА.

Как показывают публикации в теоретическом органе МАИ, журнале «Аграрные проблемы», а также реферативные материалы: «Информационные бюллетени МАИ»,

²⁴ Устав Международного аграрного института // Крестьянский интернационал. 1925. № 10. С. 95–96.

²⁵ Аграрные проблемы. М., 1927. Кн. I. С. 174–177.

²⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 536. Оп. 1. Д. 68. Л. 3, 133.

²⁷ В Международном аграрном институте // Аграрные проблемы. М., 1928. Кн. I. С. 203–208.

²⁸ *Vigreux J.* La faucille après le marteau. Le communisme aux champs dans l'entre-deux-guerres. Besançon, 2012.

«Сводки и материалы об аграрном движении и борьбе за крестьян» (для Исполнительного комитета Коммунистического интернационала – ИККИ), «Краткие сводки по аграрному вопросу и крестьянскому движению» (на нескольких языках), собственная экспертная продукция МАИ (открытая и закрытая) была различного качества. Публикации и рекомендации нередко содержали идеологические штампы и надуманные выводы. Работая на запросы Коминтерна, верно замечая многие новые социально-экономические явления, МАИ не смог выработать целостного взгляда на развитие современных ему процессов в аграрном секторе зарубежных стран. Вплоть до закрытия в 1940 г. его аграрные исследования укладывались в модель «углубления общего кризиса капитализма». Вместе с тем именно в 1920-е годы аграрная эволюция в Западной Европе рельефно выявила возможности государственного влияния на механизмы рыночных отношений в целях «рационализации в сельском хозяйстве» и поддержания рентабельности хозяйств путем земельных и финансово-налоговых реформ, создания нового трудового законодательства. Наиболее развитые государства нарастили вложения в социальную сферу деревни, поддерживая бизнес и стимулируя общественные силы. Великая депрессия 1929–1933 гг. привела к эффективному опыту поддержки фермеров в США. При этом на протяжении 20–30-х годов на международном экспертном уровне не стихали дискуссии о причинах кризисов в аграрной сфере, что показали, например, четыре конференции международной ассоциации экономистов-аграрников (1929–1936 гг.). Созданная в 1929 г. по инициативе британцев и объединившая ведущих экономистов Великобритании, США, Канады и Германии (М. Зеринг, Г.Ф. Варрен, Р.Р. Энфилд, Л.К. Элмхирст, Е.Г. Ноуре; в их числе А.В. МакКей – руководитель Федерального фермерского управления США) ассоциация, к которой позже присоединились и экономисты из СССР, на конференции в 1930 г. выявила широкий круг мнений о путях выхода аграрной экономики из сохраняющегося «доиндустриального положения». Крупный американский монетарист Варрен (один из руководителей ассоциации) тогда отметил, что основная причина аграрного кризиса – не в экономических циклах, перепроизводстве, урожаях и т.д., а в глубокой потребности капиталовложений²⁹.

МАИ, функционируя за счет Советского государства и имея в штате большинство советских работников, пережил существенные идеологические дискуссии. Столкновение научных и политических мнений имело трагические последствия. В 1929 г. МАИ постигла кадровая чистка, а в 1931 г. – реорганизация «под Коминтерн». Работу МАИ подорвали репрессии против его сотрудников, обвиненных в уклонении от марксистской теории классовой борьбы и сомневавшихся в правильности социалистической практики, проявивших «правый уклон» и оппортунизм. Однако, как констатировал поляк Т. Домбаль, «правооппортунистический прорыв в МАИ не состоялся», хотя редакторы «Аграрных проблем» и заняли явно примиренческую позицию в ситуации борьбы с правой опасностью в ВКП(б) и «охотно преподносили массам аграрную программу европейской социал-демократии»³⁰. В 1930-е годы изменились состав и руководство МАИ. В это же время, несмотря на усилия Коминтерна, в Европе крестьянское движение под влиянием коммунистов не получило развития. В январе 1931 г. по решению Коминтерна был ликвидирован Крестинтерн, как не решивший своих политических задач, в том числе по организации в 1930 г. комитетского (крестьянского) движения в Западной Европе, программу которого разработал «крестьянский» Совет³¹. В более широком контексте событий на судьбу МАИ (1926–1940 гг.) повлияла смена стратегии Коминтерна, взявшего

²⁹ Die Zweite Internationale Agrarkonferenz in Cornell University, Ithaca, N.Y. // Weltwirtschaftliches Archiv. 1931. Bd. XXXIII. H. I. S. 306–310.

³⁰ Правооппортунистический прорыв в Международном аграрном институте // Большевик. 1931. № 15. С. 89.

³¹ РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 2. Д. 191. Л. 123–124; Там же. Оп. 1. Д. 221. Л. 63–64.

курс на единство коммунистических рядов в борьбе против фашизма и войны и отход от критики реформизма европейской социал-демократии.

Со своей стороны, ИА после разрыва официальных связей с Россией продолжал собирать информативные материалы о многих аспектах сельского хозяйства, политике и торговле СССР, публикуя некоторые данные в своих изданиях или предоставляя их Лиге Наций, с которой периодически боролся за международные полномочия. ИА практиковал эпизодические контакты с известными в Европе учеными из СССР, приглашая их на свои мероприятия. В 1927 г. профессор Н. Вавилов в рамках большой заграничной командировки посетил Италию, где выступил в ИА на заседании Международного научного сельскохозяйственного совета (CISA) с докладом об изучении в СССР проблем изменчивости растений³².

В 1920–1940-е годы выходы из России продолжали работать в международном штате ИА, внося свой вклад в деятельность организации. В этом смысле выделяется экспертная работа Г. Павловского (1887–1961), руководителя важнейшего бюро экономических и социальных исследований ИА, который до работы в Риме сделал на родине карьеру чиновника по особым поручениям при Центральном Переселенческом управлении империи. Следует отметить аналитические публикации экономиста в основном периодическом издании ИА – журнале «International Review of Agriculture»³³. В начале 30-х годов Павловский в качестве эксперта входил в делегации ИА на важнейших международных экономических конференциях.

Выход СССР на мировой агропродовольственный рынок в начале 1920-х годов и наращивание его зернового экспорта (в том числе временный, но резкий скачок в результате губительной практики сплошной коллективизации и хлебозаготовок) создали объективные предпосылки для сближения Советского государства и ИА. В это время Институт неуклонно расширял число своих членов, и в начале 1930-х годов его иногда называли «Сельскохозяйственной Лигой Наций»³⁴. Членами организации были более 70 государств (с учетом метрополий, колоний, доминионов, мандатных территорий), что, по информации ИА, охватывало 79,9% общей территории и 92% населения мира. С Институтом сотрудничали около 80 национальных сельскохозяйственных ассоциаций 25 стран³⁵. В ИА за счет современных средств связи оперативно приходила официальная информация об аграрном производстве государств-членов и международной торговле сельскохозяйственной продукцией. Статистику обрабатывали с применением счетных машин сотрудники Института (штат более 100 человек) и публиковали в ежемесячных бюллетенях и ежегодниках³⁶.

Во главе ИА стоял опытный итальянский дипломат Д. де Микелис. С 1928 г. в руководстве ИА укрепилось итальянское представительство, а США (до 1932 г.) приостановили свое членство. Таким способом они выразили свое отношение к избранию на должность генерального секретаря не американца Хобсона, а итальянца А. Бризи (экс-директора департамента сельского хозяйства министерства экономики). Б. Муссолини субсидировал отдельные инициативы Института, и в 1930 г., отмечая большие перспективы

³² Aus dem Internationalen Landwirtschafts-Institut in Rom // Berichte über Landwirtschaft. 1928. Bd. VII. H. 3. S. 320–321.

³³ См. подробно: *Нарыкова Н.М.* Аграрная экономика и сельский социум зарубежных стран в оценках современников (первая половина XX в.) // Вопросы истории. 2020. № 6. С. 87–89.

³⁴ *Dop L. L'Institut international d'Agriculture de Rome* // Revue agriculteurs des France. 1933. Vol. 65. № 1. P. 3.

³⁵ Aus dem Internationalen Landwirtschafts-Institut in Rom // Berichte über Landwirtschaft. 1928. Bd. VII. H. 1. S. 133.

³⁶ Some aspects of the work of the International Institute of Agriculture (1905–1940). Rome, 1942; Notice sur L'Institut International de Agriculture. Rome, Oct. 1934.

организации, ввел специальные привилегии и иммунитеты для Института и его сотрудников, которые просил ПА еще в 1924 г.³⁷

В разгар начавшегося в 1929 г. мирового экономического кризиса и катастрофического падения цен на сельскохозяйственную продукцию СССР, борясь за зерновые рынки Европы и получение внешних кредитов, приступил к реальному дипломатическому сопровождению своего зернового экспорта. Это показала Международная зерновая конференция 26 марта – 2 апреля 1931 г., которая состоялась в ПА в качестве подготовительной для Лондонской экономической конференции 1931 г. и впервые с полноправным участием СССР³⁸. В условиях начавшейся экономической войны с Великобританией, введением США дискриминационных мер против советских товаров и появления плана «пан-Европы» конференция в Риме приобрела для СССР особое значение. Потребность участия СССР в римской конференции усиливали действия А. Бриана, который, несмотря на позиции Германии и Италии, в эти месяцы противодействовал приглашению СССР на заседания аграрной комиссии Лиги Наций. Отвечая на приглашение ПА, решение об участии приняло Политбюро ВКП(б) в начале декабря 1930 г., но сроки самой конференции переносились, что показало политическую борьбу вокруг международных аграрных проблем в проекте европейской интеграции А. Бриана и Лиги Наций. Мотивы советского участия в римской конференции раскрывает письмо наркома М. Литвинова И. Сталину от 11 февраля 1931 г.: «Информация о созыве конференции в Риме и январская сессия комиссии “пан-Европы”, которая выделила две подкомиссии, посвящены тем же вопросам сбыта зерна и аграрных кредитов, которые должны собраться еще в текущем месяце под председательством Бриана. Подкомиссии – из представителей 11 стран (Европы). А в Риме предполагается и участие заокеанских стран. Хотя в резолюции комиссии «пан-Европы» имеется ссылка на предстоящее заседание конференции в Риме, можно, однако, предположить наличие некоторой борьбы и соперничества между комиссией “пан-Европы” и Международным аграрным институтом. Январское заседание в Риме, вероятно, и было сорвано усилиями Франции, которая стремится взять в свои руки разрешение аграрных вопросов в Европе...»³⁹. Литвинов пишет также, что совещание в НКИД с участием представителей Наркомзема, Экспортхлеба, МАИ (Крестинтерна) признало целесообразным участие СССР по ряду соображений. Предложено проводить на конференции не только критику внутренней аграрной политики буржуазных стран, социал-демократических аграрных программ и кампании против «советского демпинга», но и, используя противоречия между отдельными странами – производителями и потребителями зерна, «вступить в непосредственный контакт с мировыми экспортерами» (допускалась возможность соглашения с ними по квотированию), а также импортерами хлеба (контакты с Италией, Великобританией).

В итоге на конференции представительная делегация СССР публично изложила позицию Советского государства не сокращать (что предлагали на конференции) свои посевные площади и зерновой экспорт⁴⁰, а в кулуарах прозондировала настроения зерновых конкурентов (Канады, Австралии, Аргентины). Но представителей США – главного конкурента и протекциониста – на конференции не было, что ограничило возможности консультаций. Л. Крицман, заместитель управляющего Центрального статистического управления СССР и руководитель делегации, провел беседу с представителями Франции и Польши, а также членом секретариата Лиги Наций⁴¹. На заседаниях конференции все

³⁷ Actes de la Septième assemblée générale 2–8 mai 1924. Rome, 1924. P. 272.

³⁸ См. подробно: *Нарыкова Н.М.* Международная зерновая конференция 1931 года в Риме и позиция СССР // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2012. С. 217–230.

³⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 05. Оп. 11. Д. 16. П. 73. Л. 2–4.

⁴⁰ Actes conférence internationale préparatoire de la II-ème conférence mondiale du blé. Rome, 26 mars – 2 avril 1931. Rome, 1931. P. 82–84.

⁴¹ АВП РФ. Ф. 0415. Оп. 8. Д. 9. П. 5. Л. 71–80.

делегации, кроме аргентинской, обошли молчанием советский зерновой демпинг. Французы были не против расширения российского зернового экспорта, но при условии его предсказуемости для других экспортирующих стран. Поляки предлагали СССР заключить соглашение по примеру их «ржаного» соглашения с Германией. Отчеты делегации показывают, что прямые контакты с представителями зарубежного зернового торгового бизнеса и участие в публичных дискуссиях способствовали выработке советской линии на последующих мировых экономических конференциях и заседаниях Европейской комиссии.

Существенной частью программы советской делегации стали консультации с руководством ПА. Накануне принятые в Москве директивы разрешили делегации сообщить ПА «о нашем принципиальном согласии вступить в состав членов Института», «не возражать против того, чтобы Институт сделался органом международной информации по сельскому хозяйству» и признать желательным участие представителей советских научных организаций в структурах ПА. Руководство СССР рассматривало ПА как инструмент в решении задач расширения международных связей, когда продолжался мировой кризис и обострилась международная экономическая конкуренция. СССР считал, что его членство в ПА создаст центр, где «будут представлены его аграрные интересы»⁴².

Российские представители во время конференции 1931 г. и после нее несколько раз контактировали с президентом ПА Д. де Микелисом, который в ряде вопросов выступал и от имени министра сельского хозяйства Италии. Для поддержания одного из разговоров в коридоре Института де Микелис отметил, что «он пролетарий и в душе коммунист, потому что у него ничего нет и потому что Италия может картелировать только солнце...»⁴³. Обсуждали вопросы о возможности преференций во взаимной торговле, мировые процессы картелирования, вступление СССР в члены ПА и инициативу Института реализовать собственную идею создания финансовой структуры – Международного краткосрочного сельскохозяйственного кредита (от 6 месяцев до 5 лет). Эту инициативу СССР поддержал, руководствуясь потребностями усиления кредитования его внешней торговли. Но в последующие месяцы конференция по этому вопросу оказалась слабо подготовленной ПА, и проект не получил развития⁴⁴. Определенное противодействие начинанию проявилось со стороны финансового комитета Лиги Наций. А проект создания для аграрных стран Центральной и Восточной Европы финансовой компании – Международного сельскохозяйственного (ипотечного) кредита самой Лиги Наций – провалился в большей мере из-за позиций Великобритании. Метрополия предпочла помогать не сельхозпроизводителям континентальной Европы, а своим колониям и доминионам за счет усиления режима преференций⁴⁵.

Начиная с 1931 г. между СССР и ПА наблюдалось расширение информационного обмена через научные и учебные центры СССР по конкретным вопросам сельскохозяйственной науки и практики. По информации Института в Международный научный совет ПА (консультативный орган) входило несколько «специалистов, принадлежавших к научному миру СССР». К середине 30-х годов ПА имел книгообмен с 84 советскими учреждениями и получал более 80 советских периодических изданий, но хотел расширить и систематизировать эти поступления. Его издания относительно регулярно получали Всесоюзная академия сельского хозяйства, библиотека Академии наук СССР, МАИ, правительственная библиотека. Официальные статистические сведения о мировых агропродовольственных рынках активно использовал в своей экспертной работе НИИ внешней торговли СССР.

⁴² Там же. Ф. 05. Оп. 11. Д. 16. П. 73. Л. 8.

⁴³ Там же. Ф. 0415. Оп. 8. Д. 4. П. 5. Л. 56–57.

⁴⁴ Там же. Ф. 05. Оп. 11. Д. 16. П. 73. Л. 25–32.

⁴⁵ *Dungy M.L.* The global agricultural crisis and British diplomacy in the League of Nations in 1931 // *Agricultural History Review*. 2017. Vol. 65. Part II. P. 297–319.

В течение 1932–1936 гг. наращивалась серия взаимных обращений и запросов, хотя и не все они сопровождались ответами. Конечно, остались без обратной связи многочисленные обращения ПА в Центральное управление народно-хозяйственного учета Госплана СССР⁴⁶. Фрагментарно переписка велась с опытной сельскохозяйственной школой в Москве, опытными подразделениями МГУ и НИИ субтропических культур в Сухуми. Через торгпредство в Риме СССР получил адреса учреждений, работающих в области изучения влияния радиационных частот на физиологию растений, и информацию о влиянии ирригации на выращивание злаковых культур и о состоянии эрозии почв в Италии.

Стремление СССР использовать международные научные и статистические данные ПА, прежде всего и главным образом для решения насущных задач сельскохозяйственной науки и практики (в том числе развития промышленных отраслей), раскрывают документы, связанные с меморандумом об установлении отношений технического характера между СССР и ПА. СССР получил меморандум ПА от 20 октября 1936 г., подписанный ее президентом Дж. Ачербо (экс-министром сельского хозяйства Италии) и генеральным секретарем А. Бризи, уже 23 октября, но готовить ответ начал только весной 1937 г.⁴⁷ В мае 1937 г. экономический отдел НКВД запросил Наркомат земледелия сделать предложения для сотрудничества с ПА. Профильный наркомат прислал список вопросов, содержащий обширный перечень конкретных и актуальных сведений о достижениях зарубежного сельскохозяйственного производства, которые интересны СССР. Среди них – материалы о новейшей аппаратуре по дождеванию и рекордных урожаях зерновых культур с указанием конкретных хозяйств и регионов мира. Большая группа вопросов касалась животноводства (нормы кормления крупного рогатого скота, овец, свиней и лошадей, применяемые в последние годы в Западной Европе и Америке; список пород, дающих высокие показатели; описание животноводческих хозяйств с максимальным применением механизации). Ведомство интересовало использование отходов пищевой промышленности в хозяйствах и методы скормливания. В сфере ветеринарии – вопросы о конкретных заболеваниях животных и подготовке кадров ветеринаров. В заключение вопросника была указана потребность получить новейшие данные «по продвижению земледелия на север на опыте скандинавских стран, Аляски и Канады»⁴⁸.

В своем меморандуме ПА предложил СССР наладить обширную программу сотрудничества и установить его постоянные формы, создав в правительственных структурах специальный «центр», которому было бы поручено «централизовать» весь обмен информацией с Институтом. ПА просил предоставлять ему тексты законов и постановлений по сельскому хозяйству республик и автономных областей СССР (для публикации в ежегоднике ПА), систематическую статистику о сельскохозяйственном производстве, освоении новых земель, развитии научных исследований защиты растений и т.д. Были подробно описаны возможные процедуры обеспечения оперативного обмена сельскохозяйственной информацией.

Архивные материалы свидетельствуют, что СССР в 1936 г. уже готовился направить взносы в бюджет ПА. Сотрудники НКВД вели переписку с президентом Ачербо, изучали Регламент ПА, бюджет за 1936 г. и его проект на 1937 г. С учетом инфляционных процессов просчитывалась сумма взносов СССР⁴⁹. Тем временем военно-политическая обстановка как в Европе, так и на Дальнем Востоке накалялась. Агрессия Италии против Эфиопии привела к исключению Италии из Лиги Наций и введению санкций против страны. В ответ режим Б. Муссолини провозгласил политику автаркии, которая, в частности, не исключила расширение торговых отношений с СССР в рамках нового двустороннего торгового договора 1935 г. Высокие ставки в мировой политической игре за обеспечение безопасности

⁴⁶ АВП РФ. Ф. 54 к. Оп. 5. Д. 38. П. 16. Л. 21–23.

⁴⁷ Там же. Оп. 7. Д. 22. П. 30. Л. 36–46.

⁴⁸ Там же. Л. 151.

⁴⁹ Там же. Л. 229; Institut International de Agriculture. Status. Rome, 1934; Statut du personnel. Rome, 1932.

государств, возникшие военные очаги и территориальные переделы драматично детерминировали международные экономические отношения. Начавшаяся война разрушила многие экономические планы, рынки (и в первую очередь – продовольствия и сырья) и международные связи. ИА перестал получать от государств-членов систематические торгово-экономические сведения и денежные взносы, и в конечном итоге был вынужден бороться за собственное выживание на территории воюющей Италии⁵⁰. Сразу после Второй мировой войны на смену ИА пришла новая организация – Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, в которую Россия вступила только в 2006 г. Итальянское доминирование в международном сельскохозяйственном центре времен ИА надолго сменилось ведущим американским влиянием в ФАО ООН.

Анализ участия России в создании и деятельности первой международной межправительственной аграрной организации (1905–1945 гг.) в контексте международных процессов доказывает, что в реальной международной практике Российское государство до 1917 г. руководствовалось национальными интересами в понимании имперских правительственных структур, а в годы СССР – меняющимися политическими установками ВКП(б). Со второй половины 20-х годов наблюдалось расширение тех внешнеэкономических действий структур НКВД и Наркомата внешней торговли, которые способствовали решению оперативных внутренних экономических задач, особенно в годы мирового экономического кризиса и создания в СССР колхозного строя, борьбы страны за выполнение планов первых пятилеток и модернизацию экономики. В целом, динамика политической обстановки 1930-х годов в мире, курс Советского Союза на строительство социализма в отдельно взятой стране и экономическое взаимодействие с западным миром логически привели советское руководство к осознанию потребности использовать возможности ИА. СССР вполне адекватно соотносил свои задачи и реальный международный вес ИА, его функциональные возможности. С политической точки зрения СССР воспринимал ИА через призму своих отношений с Лигой Наций и Италией, действовал прагматично, не строя в отношении его особых планов. В 1930-е годы СССР сотрудничал (с разными показателями интенсивности) с зарубежным бизнесом и научно-технической интеллигенцией, и его взаимодействие со специализированной международной организацией в Риме, как и российско-итальянская торговля для нужд советской индустриализации, соответствовали общей внешнеэкономической линии руководства страны. Со своей стороны, ИА, возглавляемый гражданами Италии, втянутый в политику фашистского режима Б. Муссолини и находившийся под покровительством Италии, в своей деятельности стремился получить поддержку СССР, что соответствовало устремлениям Рима использовать Институт для подкрепления своих международных позиций. При этом руководство Института на основе решений своего главного (после ГА) органа – Постоянного комитета (с международным составом) и деятельности технических служб (статистического и отраслевых бюро) пыталось сформировать целостное представление о коренных изменениях в организации сельскохозяйственного производства огромного государства и существе аграрной политики, проводимой его коммунистическим руководством. Это в конечном итоге отвечало разнообразным международным запросам. В первую очередь участники международной агропродовольственной торговли нуждались как в оперативной, так и в стратегически важной информации о состоянии сельскохозяйственного производства СССР и потенциалах его внешней торговли, в которой сельскохозяйственные товары продолжали занимать существенное место. Таким образом, совпадение или переплетение различных политических и экономических интересов создали сложную, но достаточно понятную динамику развития отношений России (СССР) и первой уникальной международной межправительственной аграрной организации.

Библиография

Аграрные проблемы. 1927. Кн. 1.

⁵⁰ The work of the International institute of agriculture during the war (1940–1945). Rome, 1945.

- В Международном аграрном институте // Аграрные проблемы. 1928. Кн. 1. С. 203–208.
- Нарыкова Н.М.* Аграрии и прогресс (Международные аграрные организации: от основания до мирового экономического кризиса 1929–1933 гг.). Ставрополь, 2001.
- Нарыкова Н.М.* Аграрная экономика и сельский социум зарубежных стран в оценках современников (первая половина XX в.) // Вопросы истории. 2020. № 6. С. 84–95.
- Нарыкова Н.М.* Международная зерновая конференция 1931 года в Риме и позиция СССР // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2012. С. 217–230.
- Нарыкова Н.М.* Участие России в международных аграрных организациях: стереотипы политической культуры и новые исторические «вызовы» (XIX – нач. XX в.) // Политическая культура XIX века: Россия и Европа. М., 2005. С. 143–151.
- Нарыкова Н.М.* Ученые-аграрники и международное сотрудничество в начале XX века: к 110-летию Санкт-Петербургского государственного аграрного университета // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2016. С. 203–212.
- Правопопартунистический прорыв в Международном аграрном институте // Большевик. 1931. № 15. С. 86–96.
- Устав Международного аграрного института // Крестьянский интернационал. 1925. № 10. С. 95–96.
- Acte final de la Conférence internationale pour l'Institut international d'agriculture. Rome, 1905.
- Actes conférence internationale préparatoire de la II-ème conférence mondiale du blé. Rome, 26 mars – 2 avril 1931. Rome, 1931.
- Actes de la Septième assemblée générale 2–8 mai 1924. Rome, 1924.
- Aus dem Internationalen Landwirtschafts-Institut in Rom // Berichte über Landwirtschaft. 1928. Bd. VII. H. 1. S. 133; H. 3. S. 320–321.
- Costanzo G.* The Organization of agricultural credit in the United States // International Review of Agriculture. 1942. № 2. P. 37–40.
- D'Onofrio F.* The microfoundations of Italian agrarianism: Italian agricultural economists and Fascism // Agricultural History. 2017. Vol. 91. № 3. P. 369–396.
- D'Onofrio F.* Agricultural figures: the politics of numbers at the International Institute of Agriculture // Agricultural History Review. 2017. Vol. 65. Part II. P. 227–296.
- Dop L.* L'Institut international d'Agriculture de Rome // Revue agriculteurs des France. 1933. Vol. 65. № 1. P. 3–4.
- Die Zweite Internationale Agrarkonferenz in Cornell University, Ithaca, N.Y. // Weltwirtschaftliches Archiv. 1931. Bd. XXXIII. H. I. S. 306–310.
- Institut International de Agriculture. Status. Rome, 1934.
- Dungy M.L.* The global agricultural crisis and British diplomacy in the League of Nations in 1931 // Agricultural History Review. 2017. Vol. 65. Part II. P. 297–319.
- Mignemi N.* Rome, capitale mondiale de la documentation agricole: de la bibliothèque de l'Institut international d'Agriculture à la David Lubin Memorial Library de la FAO // Mélanges de l'École française de Rome – Italie et Méditerranée modernes et contemporaines. 2020. 132/1. P. 215–235. URL: <http://journals.openedition.org/mefrim/7233> (дата обращения: 20.07.2021).
- Mignemi N.* David Lubin and the International Institute of Agriculture. The origins of FAO. The Library of the International Institute of Agriculture. Our heritage // The story of The FAO Library 65th Anniversary 1952–2017. Food and Agriculture Organization of the United Nations. Rome, 2017. P. 5– 38.
- Notice sur L' Institut International de Agriculture. Rome, Oct. 1934.
- Pan-Montojo J., Mignemi N.* International organizations and agriculture, 1905 to 1945: Introduction // Agricultural History Review. 2017. Vol. 65. Part. II. P. 237–254.
- Some aspects of the work of the International Institute of Agriculture (1905–1940). Rome, 1942.
- Status du personnel. Rome, 1932.
- The story of The FAO Library 65th Anniversary 1952–2017. Food and Agriculture Organization of the United Nations. Rome, 2017.
- The work of the International institute of agriculture during the war (1940–1945). Rome, 1945.
- Vigreux J.* La faucille après le marteau. Le communisme aux champs dans l'entre-deux-guerres. Besançon, 2012.

References

- Аграрные проблемы [Agricultural problems]. 1927. Кн. I. (In Russ.)
- Нарыкова Н.М.* Аграрии и прогресс (Международные аграрные организации: от основания до мирового экономического кризиса 1929–1933 гг.) [Agrarians and Progress (International Agrarian Organizations: from the Foundation to the World Economic Crisis of 1929–1933)]. Stavropol', 2001. (In Russ.)

Narykova N.M. Agrarnaya ekonomika i sel'skij socium zarubezhnyh stran v ocenках sovremennikov (per-vaya polovina XX v.) [Agrarian economy and rural society of foreign countries in the assessments of contemporaries (the first half of the 20th century)] // *Voprosy istorii* [Questions of history], 2020. № 6. S. 84–95. (In Russ.)

Narykova N.M. Mezhdunarodnaya zernovaya konferenciya 1931 goda v Rime i pozitsiya SSSR [International Grain Conference of 1931 in Rome and the position of the USSR] // *Severo-Zapad v agrarnoj istorii Rossii* [North-West in the agrarian history of Russia]. Kaliningrad, 2012. S. 217–230. (In Russ.)

Narykova N.M. Uchastie Rossii v mezhdunarodnyh agrarnyh organizacijah: stereotipy politicheskoi kul'tury i novye istoricheskie “vyzovy” (XIX – nach. XX v.) [Russia's participation in international agrarian organizations: stereotypes of political culture and new historical “challenges” (19th – beginning 20th century)] // *Politicheskaya kul'tura XIX veka: Rossiya i Evropa* [Political culture of the 19th century: Russia and Europe]. Moskva, 2005. S. 143–151. (In Russ.)

Narykova N.M. Uchyonye – agrarniki i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v nachale XX veka: k 110-letiyu Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Agricultural scientists and international cooperation at the beginning of the 20th century: to the 110th anniversary of St. Petersburg State Agrarian University] // *Severo-Zapad v agrarnoj istorii Rossii* [North-West in the agrarian history of Russia]. Kaliningrad, 2016. S. 203–212. (In Russ.)

Pravoopportunisticheskij proryv v Mezhdunarodnom agrarnom institute [Pravo-opportunistic breakthrough in the International Agrarian Institute] // *Bol'shevik* [Bolshevik], 1931. № 15. S. 86–96. (In Russ.)

Ustav Mezhdunarodnogo agrarnogo instituta [Regulation of the International Agrarian Institute] // *Krest'vanskij internacional* [Peasant International], 1925. № 10. S. 95–96. (In Russ.)

V Mezhdunarodnom agrarnom institute [At the International Agrarian Institute] // *Agrarnye problem* [Agricultural problems], 1928. Kn. 1. S. 203–208. (In Russ.)

Acte final de la Conférence internationale pour l'Institut international d'agriculture. Rome, 1905.

Actes conférence internationale préparatoire de la II-ème conférence mondiale du blé. Rome, 26 mars – 2 avril 1931. Rome, 1931.

Actes de la Septième assemblée générale 2–8 mai 1924. Rome, 1924.

Aus dem Internationalen Landwirtschafts-Institut in Rom // *Berichte über Landwirtschaft*, 1928. Bd. VII. H. 1. S. 133; H. 3. S. 320–321.

Costanzo G. The Organization of agricultural credit in the United States // *International Review of Agriculture*, 1942. № 2. P. 37–40.

D'Onofrio F. The microfoundations of Italian agrarianism: Italian agricultural economists and Fascism // *Agricultural History*, 2017. Vol. 91. № 3. P. 369–396.

D'Onofrio F. Agricultural figures: the politics of numbers at the International Institute of Agriculture // *Agricultural History Review*, 2017. Vol. 65. Part II. P. 227–296.

Dop L. L'Institut international d'Agriculture de Rome // *Revue agriculteurs des France*, 1933. Vol. 65. № 1. P. 3–4.

Die Zweite Internationale Agrarkonferenz in Cornell University, Ithaca, N.Y. // *Weltwirtschaftliches Archiv*, 1931. Bd. XXXIII. H. I. S. 306–310.

Institut International de Agriculture. Status. Rome, 1934.

Dungy M.L. The global agricultural crisis and British diplomacy in the League of Nations in 1931 // *Agricultural History Review*, 2017. Vol. 65. Part II. P. 297–319.

Mignemi N. Rome, capitale mondiale de la documentation agricole: de la bibliothèque de l'Institut international d'Agriculture à la David Lubin Memorial Library de la FAO // *Mélanges de l'École française de Rome – Italie et Méditerranée modernes et contemporaines*, 2020. 132/1. P. 215–235. URL: <http://journals.openedition.org/mefrim/7233> (access date: 20.07.2021).

Mignemi N. David Lubin and the International Institute of Agriculture. The origins of FAO. The Library of the International Institute of Agriculture. Our heritage // *The story of The FAO Library 65th Anniversary 1952–2017*. Food and Agriculture Organization of the United Nations. Rome, 2017. P. 5–38.

Notice sur L' Institut International de Agriculture. Rome, Oct. 1934.

Pan-Montojo J., Mignemi N. International organizations and agriculture, 1905 to 1945: Introduction // *Agricultural History Review*, 2017. Vol. 65. Part II. P. 237–254.

Some aspects of the work of the International Institute of Agriculture (1905–1940). Rome, 1942.

Status du personnel. Rome, 1932.

The story of The FAO Library 65th Anniversary 1952–2017. Food and Agriculture Organization of the United Nations. Rome, 2017.

The work of the International institute of agriculture during the war (1940–1945). Rome, 1945.

Vigreux J. La faucille après le marteau. Le communisme aux champs dans l'entre-deux-guerres. Besançon, 2012.

DOI: 10.31857/S013038640020244-6

© 2022 г. А.В. ВОЛОДЬКО

«ЮРЬЕВСКИЙ МИР» МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЭСТОНИЕЙ: ИСТОРИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Володько Анна Вячеславовна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: avolodko@inbox.ru

Scopus Author ID: 57195673900; ORCID: 0000-0002-4355-6362; Researcher ID: AAV-7281-2020

Аннотация. Статья посвящена Юрьевскому (Тартускому) мирному договору между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Эстонской Демократической Республикой от 2 февраля 1920 г., служившему в течение 20 лет основой отношений между двумя странами. В результате присоединения Эстонии к СССР в 1940 г. он потерял юридическую силу. Однако с момента распада СССР эстонская сторона пытается «вернуть его к жизни», провозгласив «краеугольным камнем» своей независимости, определяющим, в частности, ее сухопутную границу. В статье освещается история заключения договора, а также рассматриваются его последствия; дан краткий анализ современных политических противоречий и его оценка в современной российской и эстонской историографии. Изучив документы и мнения специалистов, автор приходит к выводу, что, несмотря на то что Юрьевский (Тартуский) мирный договор не имеет актуальной юридической силы, он может служить поучительным примером того, как несовершенное «компромиссное» международное соглашение повлияло на дальнейшее взаимоотношение государств. При подготовке статьи использованы документы Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), опубликованные в сборнике Документов внешней политики СССР, и Национального архива Эстонии.

Ключевые слова: Эстония, СССР, РСФСР, Тартуский мирный договор 1920 г., внешняя политика, международные отношения, дипломатия, международные договоры.

A.V. Volodko

“The Peace of Jurjev” Between Russia and Estonia: History and Consequences

Anna Volodko, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: avolodko@inbox.ru

Scopus Author ID: 57195673900; ORCID: 0000-0002-4355-6362; Researcher ID: AAV-7281-2020

Abstract. The article focuses on the Treaty of Tartu of February 2, 1920 between the Russian Socialist Federal Soviet Republic and the Democratic Republic of Estonia, which laid the foundation for relations between the two countries for 20 years. As a result of the annexation of Estonia to the USSR in 1940, it ceased to have legal force. However, since the collapse of the USSR, the Estonian side has been trying to “bring it back to life” by declaring it a “cornerstone” of its independence, defining, inter alia, its land border. The article traces the history of the treaty, examines its consequences, briefly analyses the current political controversy surrounding it, and evaluates its assessment in contemporary Russian and Estonian historiography. Having studied the documents and experts' opinions, the author concludes that, although the Treaty of Tartu has no legal force, it is an instructive example of how an imperfect “compromise” international agreement has affected the subsequent relationship between the states. This article draws on documents from the Foreign Policy Archive of the Russian Federation, published in the collection of documents of Foreign Policy of the USSR, and from the State Archive of the Republic of Estonia.

Keywords: Estonia, Russia, Jurjev, Tartu, peace, treaty, territory, border, politics, contradictions.

Потрясения, связанные с Первой мировой войной, революцией и Гражданской войной в бывшей Российской империи, не обошли стороной и бывшую Эстляндскую губернию, провозгласившую себя в феврале 1918 г. независимой Эстонской Демократической Республикой. С ноября 1917 г. по январь 1919 г. она пережила большевистский переворот, немецкую оккупацию и советское вторжение, в результате которого в стране установилось «двоевластие» — примерно половину ее территории контролировало созданное Москвой марионеточное правительство Эстляндской трудовой коммуны¹, а другая половина оставалась под властью национального правительства.

В январе 1919 г. войска национальной армии Эстонии при поддержке британского флота, финских добровольцев и русских белогвардейских отрядов вытеснили красных со своей территории, весной вместе с белогвардейским Северным корпусом, сформированным на эстонской территории, вторглись в РСФСР, заняв часть Псковской губернии. Но дальнейшее наступление на Петроград в мае—июне 1919 г. не увенчалось успехом, и на линии советско-эстонского противостояния установилось затишье.

К тому времени и в Ревеле, и в Москве произошли определенные изменения политической линии. Большевики в условиях тотальной экономической блокады со стороны Антанты и необходимости противостоять белым армиям сразу на нескольких фронтах не имели ресурсов для нового «похода на Запад» и прибегли к дипломатическим средствам ради преодоления международной изоляции и нейтрализации белых войск на территории Эстонии. В Ревеле, в свою очередь, пришло к власти правительство социалистов, относившееся к союзникам-белогвардейцам, не готовым признать независимость Эстонии, почти с той же осторожностью, как и к московским большевикам. Демократическая Эстония также нуждалась в официальном международном признании, с чем не спешили ни державы Антанты, ни другие страны. Наконец, эстонская экономика нуждалась в финансовых вливаниях и международной торговле, а естественный партнер — соседняя Россия — находился с ней в состоянии войны. Все это создавало предпосылки для улучшения двусторонних отношений.

Первое советское предложение о мирных переговорах, переданное в апреле 1919 г. через красное правительство Венгрии, осталось без ответа.

Москва, тем не менее, не отказалась от идеи переговоров и приняла некоторые меры, призванные «умиротворить» эстонскую сторону: 5 июня 1919 г. было объявлено о самороспуске правительства Эстляндской трудовой коммуны, а 21 июля Реввоенсовет предписал командованию Западного фронта не переходить эстонскую границу².

31 августа 1919 г. нарком иностранных дел Г.В. Чичерин направил в Министерство иностранных дел Эстонии радиограмму «с предложением вступить в мирные переговоры, которые имели бы целью установить границы Эстляндского государства, пределы нейтральной зоны между русскими и эстляндскими войсками, ...а также другие детальные вопросы на базе неуклонного признания независимости Эстляндского государства». Предложение сопровождалось предупреждением: если Эстония «будет участвовать в военных операциях против нее (России. — А.В.), и, если советские войска в своих передвижениях будут руководствоваться одними лишь военными соображениями, причины этого будут заключаться исключительно в действиях Ревельского Правительства»³. 4 сентября было получено согласие эстонской стороны начать переговоры.

Некоторое время утрясались вопросы с определением места встречи — в итоге был выбран Юрьев (Тарту) — и с получением гарантий неприкосновенности для делегаций.

¹ Володько А.В. Большевистский проект: Эстляндская Трудовая Коммуна // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 3 (101). URL: <https://history.jes.su/s207987840014524-5-1> (дата обращения: 07.10.2021).

² Телеграмма Революционного Военного Совета РСФСР Народному Комиссару Иностранных Дел РСФСР 21 июля 1919 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 2. М., 1958. С. 220.

³ Eesti Rahvusrhiiiv (Национальный архив Эстонии, далее — ERA). 957.10. 2. Lk. 6.

17 сентября эстонская делегация заявила о намерении «временно отложить» переговоры для проведения консультаций с сопредельными государствами⁴, «из чего, однако, ни в коем случае нельзя делать того заключения, что Эстонское Правительство вовсе отказывается от ведения мирных переговоров с Российским Советским Правительством»⁵. По сути, эстонская сторона заняла выжидательную позицию: ожидалось новое наступление белой Северо-Западной армии под командованием Н.Н. Юденича на Петроград, и Ревель решил подождать его исхода. Однако эстонские части, которые должны были поддерживать Н.Н. Юденича, действовали крайне пассивно. Кроме того, в Латвии в то время разгорелся вооруженный конфликт с русско-германской армией П.Р. Бермондт-Авалова⁶, в котором эстонская армия оказала помощь латвийскому правительству.

Проходившие параллельно многосторонние консультации прибалтийских государств и Финляндии относительно совместного ведения переговоров с Москвой не привели к приемлемому результату, а наступление Юденича на Петроград потерпело неудачу. Эстония выразила готовность начать переговоры самостоятельно⁷.

Г.В. Чичерин ответил согласием, одновременно стараясь «нейтрализовать» Эстонию как союзницу белогвардейцев. Он потребовал разъяснения, почему эстонские войска по-прежнему участвуют в боевых действиях на советской территории, и отметил, что «занимаемое им (эстонским правительством. — *А.В.*) в настоящий момент положение не может остаться без влияния на будущие отношения между нами и на условия окончательного соглашения между вашим Правительством и нашим»⁸.

В ноябре красные войска нанесли окончательное поражение Северо-Западной армии, отступив ее к эстонской границе, и даже предприняли наступление на Нарву.

В этой обстановке 5 декабря в Юрьеве (Тарту) начались советско-эстонские переговоры в закрытом формате. Надо отметить, что эстонская сторона не предоставила советским дипломатам возможности прямой телефонной и телеграфной связи с Москвой⁹.

В состав советской делегации, руководил которой Л.Б. Красин, вошли А.А. Иоффе, И.Э. Гуковский, Ф.В. Костяев и др. Эстонию представляли Я. Поска, А. Пийп, Я. Соотс, М. Пюйманн, Ю. Сельямаа и пр.

Переговоры проходили непросто, прежде всего, из-за завышенных требований эстонской стороны, которая настаивала на присоединении значительных российских территорий — Ямбургского уезда и части Псковской губернии, доли золотого запаса Российской империи в размере 88 млн руб., возвращения железнодорожного подвижного состава, судов, заводского и портового оборудования, эвакуированных в ходе Первой мировой войны, и др. При этом в важнейшем на тот момент для Советской России вопросе — о гарантиях против нового нападения «контрреволюционных сил» с эстонской территории, т.е. полной демобилизации побежденной, но сохранившей боеспособность Северо-Западной армии — эстонская делегация предлагала ограничиться общим заявлением о своем нейтралитете и сохранить армию в интернированном состоянии, а также позволить ее военнослужащим вступать в эстонские вооруженные силы¹⁰. Глава советской делегации Л.Б. Красин выступил против чрезмерных уступок, в частности, по границе: «Мы не

⁴ К мирным переговорам во Пскове // Новая Россия. № 147. 25.IX.1919. С. 3.

⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 2. М., 1958. С. 248.

⁶ Подробнее см.: Иностранная военная интервенция в Прибалтике. 1917–1920 / под ред. И.И. Минца. М., 1988; *Бережанский Н.Г.* П. Бермондт в Прибалтике в 1919 году (из записок бывшего редактора) // Белая борьба за Северо-Западе России. М., 2003. С. 104–177.

⁷ Там же. С. 256.

⁸ Нота Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР и.о. Министра Иностранных Дел Эстонии А. Пийпу 26 октября 1919 г. // Известия. № 24 (793). 28.X.1919.

⁹ *Граф М.* Эстония и Россия 1917–1991: анатомия расставания. Таллинн, 2007. С. 294–295.

¹⁰ Отчет Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР VII Съезду Советов за период с ноября 1918 г. по декабрь 1919 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 2. М., 1958. С. 670.

можем подписать мира и, выражаясь вульгарно, получить кролика в мешке, не убедившись в том, что там есть»¹¹.

По предложению Л.Б. Красина, в протоколе первого заседания были отмечены следующие общие положения для заключения мирного договора: взаимное признание самостоятельности и независимости договаривающихся сторон; прекращение состояния войны и восстановление мирных отношений; заявление правительства Эстонии об отсутствии союза с государствами, ведущими войну с Советской Россией; такое же обязательство относительно так называемых правительств, претендующих на управление Россией целиком или частично, а также в отношении других организаций и групп, ведущих борьбу с Советской Россией; интернирование и разоружение армии Юденича и иммобилизация для нее всех боевых материалов; амнистия всем гражданам, осужденным за поддержку Советской России и участие в 3-м Коммунистическом интернационале; решение приступить к выработке торгового договора и др.¹²

6 декабря 1919 г. был подготовлен проект договора о признании со стороны РСФСР независимости Эстонской Республики¹³. Л.Б. Красин в своем выступлении на переговорах отметил, что «по существу у нас не имеется ни малейших разногласий, ибо мы полностью и безраздельно готовы признать самостоятельность и независимость Эстонской Республики»¹⁴.

15 декабря советская сторона прервала переговоры для консультаций с Москвой. Красина отозвали в Москву для консультаций, и в Юрьев он уже не вернулся. В большевистском руководстве взяли курс на максимально возможные уступки эстонцам: слишком высокими представлялись потенциальная опасность со стороны войск Юденича и возможность наладить международную торговлю. Новым главой советской делегации на переговорах был назначен известный своей гибкостью А.А. Иоффе¹⁵.

18 декабря Г.В. Чичерин телеграфировал советской делегации в Юрьеве: «...мы должны рассеять опасение эстонцев и в то же время показать, что мы хотим немедленного мира. Итак, возьмем на себя инициативу предложения перемирия, соединенного с принятием границы согласно привезенным Костяевым инструкциям, с признанием эстонцами гарантий и с решением немедленно заключить основной договор, откладывая частности на потом. Это будет соединение перемирия с мирными прелиминариями, заключающими в себе основные принципы имеющего быть сейчас же после этого заключенным основным договором... Вы можете сказать, что [мы] тем самым идем навстречу собственным желанием эстонцев»¹⁶.

22 декабря глава делегации ответил Г.В. Чичерину: «Эстонцы заявили, что промежуточный вариант границы для них неприемлем, и предложили комиссию из Поска и Иоффе для переговоров о границе. Заявили, что наши гарантии по существу принимают. ... По-видимому стали стоворчивее»¹⁷.

31 декабря в Юрьеве (Тарту) был заключен договор о перемирии¹⁸. Линия разграничения воюющих сторон легла в основу будущей границы между двумя странами. Эстонская сторона, в свою очередь, активно занялась разоружением Северо-Западной армии, часть

¹¹ Там же.

¹² ERA. 957.10.27. Lk. 10–11.

¹³ ERA. 957.10. Lk. 1–6; ERA. 957.15. Lk. 22.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Большевистские делегаты на мирных переговорах в Пскове // Новая Россия. № 142. 19.IX.1919. С. 1; К мирным переговорам во Пскове // Новая Россия. № 147. 25.IX.1919. С. 3.

¹⁶ Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Делегации РСФСР на мирных переговорах с Эстонией, в Юрьев 18 декабря 1919 г. // Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. 2. С. 310–311.

¹⁷ Телеграмма Делегации РСФСР на мирных переговорах с Эстонией Народному Комиссару Иностранных Дел РСФСР Г.В. Чичерину 22 декабря 1919 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 2. М., 1958. С. 313.

¹⁸ ERA. 957.18.3. Lk. 1–8.

ее личного состава была отправлена в концлагеря. 22 января 1920 г. армия была официально распущена.

Полемика в Юрьеве продолжилась по финансово-экономическим вопросам. В письме Г.В. Чичерина от 13 января 1920 г., адресованном А.А. Иоффе, оговаривался предел уступок Москвы: «Вам уже сообщено шифровкой о постановлении Политбюро дойти до 15 миллионов [рублей], но ни в коем случае не сдавать ни подвижного состава, ни пароходов. По тому положению, какое займут эстонцы, будет видно, действительно ли они хотят мира, или же они только надувают собственные массы и рады ухватиться за какой-либо случай для удовлетворения желаний Антанты»¹⁹. Уже вскоре «желания Антанты» были обозначены с предельной четкостью: союзники объявили о прекращении экономической блокады Советской России. Эстонская сторона, понимая, что может потерять пальму первенства в официальном признании РСФСР на Западе (к тому времени советскую республику признал только Афганистан) и соответствующие торговые выгоды, пошла на компромисс.

2 февраля 1920 г. мирный договор между правительствами Эстонии и РСФСР, наконец, был подписан. На последней странице договора поставили свои подписи: от Советской России член ВЦИК А.А. Иоффе и И.Э. Гуковский, от Эстонской Республики — член Учредительного собрания Я. Поска, А. Пийп, М. Пюйманн, Ю. Сельямаа и Я. Соотс²⁰. «Юрьевский (Тартуский) договор был ратифицирован ВЦИК РСФСР 5 февраля 1920 г., а 13 февраля 1920 г. договор прошел процедуру ратификации в Учредительном собрании Эстонской Республики. Обмен ратификационными грамотами состоялся в Москве 30 марта 1920 г.»²¹. Согласно этому документу Советская Россия «безоговорочно» признавала независимость и «на вечные времена» отказывалась «от всяких суверенных прав», принадлежавших Российской империи. Эстония, в свою очередь, обязалась «не выводить никаких притязаний к России из факта своего прежнего вхождения в состав бывшей Российской империи». Кроме того, воспрещались «пребывание на территории каждого государства войск, организаций и групп, ставящих целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной; государствам, находящимся в фактическом состоянии войны с другой стороной» и перевозка через их порты и территории «всего того, что может быть использовано для нападения на другую договаривающуюся сторону». Стороны также обязывались «разоружить не бывшие подчиненными правительствам договаривающихся сторон ...сухопутные части и морские силы, находящиеся на их территориях», и «воспретить солдатам и командному составу неправительственных войск, подлежащих разоружению, ...вступать под каким-либо видом, в том числе и в качестве добровольцев, в правительственные войска договаривающихся сторон»²². Таким образом, потенциальная угроза со стороны Северо-Западной армии и в целом возможность использования Эстонии в качестве враждебного военного плацдарма против РСФСР была окончательно устранена.

Что же касается «материальных» условий договора, то компромисс был достигнут в пользу Эстонии. В соответствии с новой государственной границей она существенно увеличивала свою территорию за счет исконно русских земель — Принаровья (в частности, Ивангорода) и Печорского края, получала долю золотого запаса Российской империи в размере 15 млн руб. золотом, ее казенное имущество на эстонской территории и лесную концессию на российской территории площадью 1 млн десятин²³.

¹⁹ Из письма Народного Комиссара Иностранных дел РСФСР Председателю Делегации РСФСР на мирных переговорах с Эстонией // Документы внешней политики СССР. Т. 2. М., 1958. С. 323–324.

²⁰ ERA. 957.18.4. Lk. 1–34.

²¹ Тамби С. К 100-летию установления дипломатических отношений между Россией и Эстонией // Международная жизнь. 2020. № 7. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2370> (дата обращения: 17.08.2021).

²² ERA. 957.18.4. Lk. 1–34.

²³ Ibidem.

Положения, связанные с двусторонними торгово-экономическими отношениями, носили взаимовыгодный характер: страны предоставляли друг другу режим наибольшего благоприятствования, обязывались не облагать товары, перевозимые через их территорию, «ввозными пошлинами и транзитными налогами». России предоставлялись места для погрузки и хранения товаров в эстонских портах на тех же условиях, что и эстонским гражданам. Г. В. Чичерин в докладе ВЦИК 17 июня 1920 г. оценил эти статьи так: «Эстония есть транзитная страна, Эстония нуждается в том, чтобы служить транзитной страной для нас, и мы нуждаемся в Эстонии как в транзитной стране. Это есть ее выгода, это есть и наша выгода...»²⁴.

Обе стороны расценили достигнутое соглашение как свой успех. Глава эстонской делегации Я. Поска заявил: «Сегодняшний день — самый важный для нас за всю 700-летнюю историю нашей страны, ведь сегодня Эстония впервые сама полностью определяет дальнейшую судьбу своего народа»²⁵. Не менее важным для утомленного войнами эстонского народа было прекращение боевых действий.

Праздновали победу и в Москве. Для советского руководства договор стал в первую очередь прорывом международной изоляции. В. И. Ленин в различных выступлениях характеризовал его как «окно, пробитое русскими рабочими в Западную Европу», «неслыханную победу над всемирным империализмом» и «первый мир, за которым последуют другие, открывая нам возможность товарообмена с Европой и Америкой»²⁶. Что же касается территориальных уступок и их международно-правовых последствий, то кулуарно Ленин высказался о них без обиняков: «Уступка эта делается не навеки». Эстонские рабочие, пояснял он, скоро свергнут действующую власть «и создадут Советскую Эстонию, которая заключит с нами новый мир»²⁷. Очевидно, что большевистское руководство, не отказавшееся еще от идеи мировой революции, рассматривало Юрьевский мир как тактический ход, позволяющий извлечь максимальные выгоды из текущей ситуации и дожидаться благоприятного момента для «советизации» Эстонии²⁸.

Для Советской России «ревельский офшор», как метко окрестили канал товарных поставок через Эстонию современные исследователи, имел чрезвычайное значение, позволяя обходить многие сохраняющиеся торговые ограничения. Для ревельских банкиров и политической элиты, а также разного рода международных посредников, он, в свою очередь, создавал огромные возможности для обогащения. Так, уже 31 марта 1920 г. был заключен договор между Наркомвнешторгом и Министерством торговли и промышленности Эстонии, согласно которому последнее «принимает на себя доставку из Швеции в Ревель и дальнейшую отправку до Русской границы находящихся в Швеции товаров, принадлежащих Наркомвнешторг[у] или отправляемых по адресу последнего» за коммиссионные в 0,5% стоимости перевозимых товаров плюс компенсацию технических расходов²⁹.

²⁴ Доклад Народного Комиссара по Иностранным Делах РСФСР Г. В. Чичерина на заседании ВЦИК 17 июня 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 2. М., 1958. С. 652.

²⁵ Тартуский мир 2 февраля 1920 года // URL: [https:// vm.ee/sites/default/files/Estonia_for_UN/Rasmus/tartu_rah_u_uus.pdf](https://vm.ee/sites/default/files/Estonia_for_UN/Rasmus/tartu_rah_u_uus.pdf) (дата обращения: 07.09.2021).

²⁶ Ленин В. И. Коль война, так по-военному // Полное собрание сочинений. Т. 40. Декабрь 1919 — апрель 1920. М., 1974. С. 123—124.

²⁷ Ленин В. И. Речь на беспартийной конференции рабочих и красноармейцев Пресненского района 24 января 1920 г. // Полное собрание сочинений. Т. 40. Декабрь 1919 — апрель 1920. М. 1974. С. 23.

²⁸ Забегая вперед, отметим, что такой попыткой «экспорта революции» в Эстонию стало коммунистическое восстание 1 декабря 1924 г., готовившееся при помощи Москвы. Однако в последний момент советское руководство сняло поддержку этой авантюры, и путч закончился полным провалом, после чего Москва постепенно начала сворачивать «военно-конспиративную деятельность» в других странах. Подробнее об этом см.: Михайлова Ю. Л., Рогинский В. В. Мировая революция остановлена в Таллине? 1 декабря 1924 г. // Россия и Прибалтийский регион в XIX—XX вв. М., 2013. С. 78—102.

²⁹ Договор между Народным Комиссариатом Внешней Торговли РСФСР и Министерством Торговли и Промышленности Эстонии 31 марта 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 2. М., 1958. С. 430—431.

Важную роль играла продажа через Эстонию русского золота (прямая торговля золотом на западных биржах была невозможна из-за запрета, введенного Антантой), что позволяло оплачивать приобретаемые товары. Известный концессионер А. Хаммер, непосредственно причастный к этой деятельности, вспоминал: «Ревель был одним из перевалочных пунктов в торговле с Россией, но большая часть поступавших в него из России товаров для обмена на продукты питания представляла собой контрабанду: произведения искусства, бриллианты, платина и бог знает что еще ... в Ревеле работало отделение Наркомвнешторга, которое закупало за границей товары для отправки в Ревель, оплачивая их золотыми слитками»³⁰.

Но речь шла не только о закупке продовольствия и сельскохозяйственного оборудования, имевших особенно важное значение во время голода 1921–1923 гг. Русским золотом и ценностями нелегально оплачивалась деятельность агентов Коминтерна за рубежом, а также поставки снаряжения для Красной армии. Торгпред в Ревеле Г.А. Соломон, наладивший продажу золота через шведские банки, а позднее бежавший за рубеж, отмечал в своих воспоминаниях: «Примерно в сентябре при моем представительстве был организован “Специальный отдел экстренных заказов” или сокращенно “Спотэкзак”, ... представлявший собою по существу закупочную организацию военного ведомства»³¹. О масштабах транзитной торговли можно судить по данным того же Соломона: ежедневно из Ревеля в Россию отправлялось по два маршрутных поезда из 40 вагонов каждый со срочными грузами.

Транзитные коридоры через Ревель и Ригу имели большое значение до 1923 г., когда в результате «полосы признаний» Советского Союза западными странами с ними восстановился товарооборот и необходимость в посредничестве прибалтов, в том числе и для нелегальных и полулегальных сделок, ослабла³². Отношения с Эстонией перешли в более или менее нормальное дипломатическое русло.

Стоит упомянуть и еще одно из последствий Юрьевского мира и «особых» экономических отношений советского государства с Эстонией. В эти годы была создана система рычагов влияния, основанная на «прикармливании» советской стороной ряда представителей политической элиты, начиная с «отца-основателя» независимой Эстонии К. Пятса, получавшего в 1920-х годах огромное жалование как консультант Нефтяного синдиката СССР. Историки до сих пор спорят, насколько важную роль сыграл полученный в результате «компромат» в ходе присоединения Эстонии к СССР в 1940 г.³³

В 1940 г. действие Юрьевского мирного договора закончилось, а в 1944 г. «подаренные» Эстонии территории были вновь включены в состав РСФСР. Казалось бы, договор окончательно стал достоянием прошлого. Однако после распада СССР этот документ обрел иллюзорную «вторую жизнь» и оказывает негативное влияние на современные российско-эстонские отношения.

В 1991 г. получившая независимость Эстония провозгласила себя правопреемницей «первой» Эстонской Республики и рассматривает Тартуский мир как основу своей государственности. Президент Эстонии в 1992–2001 гг. Леннарт Мери называл его «свидетельством о рождении» Эстонской Республики. Более того, в принятой в 1992 г.

³⁰ Хаммер А. Мой век – двадцатый. Пути и встречи. М., 1988 // URL: <https://www.lit-mir.me/br/?b=574201&r=26> (дата обращения: 02.08.2021).

³¹ Соломон Г.А. Среди красных вождей. М., 2015. С. 202.

³² Кен О.Н., Рупасов А.И. Москва и страны Балтии: опыт взаимоотношений, 1917–1939 гг. // Страны Балтии и Россия: общества и государства. М., 2002. URL: <https://textarchive.ru/c-2192078.html> (дата обращения: 10.08.2021).

³³ Различные мнения о значении «советских» контактов К. Пятса см.: Ильмярв М. Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940). М., 2012; Кен О., Рупасов А. Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами, 1928–1934 гг. М., 2014.

Конституции страны было зафиксировано, что границы страны установлены Тартуским мирным договором. Российские власти занимают прямо противоположную позицию, согласно которой это соглашение утратило силу в 1940 г., поскольку Эстонская Республика вошла в состав СССР добровольно, как минимум с формально-юридической точки зрения, и попытки признать его действующим открывают возможность для территориальных претензий Таллина к Москве.

Это противоречие до сих пор препятствует официальному определению границ между двумя странами. В 2005 г. российская сторона вынуждена была отозвать свою подпись под выработанным и подписанным договором о границе³⁴, так как при его ратификации парламент Эстонии в одностороннем порядке включил в преамбулу полностью согласованного и подписанного документа ссылку на Тартуский мирный договор. При этом официальные власти Эстонии заявляют об отсутствии территориальных претензий к России, однако многие политики занимают противоположную позицию, требуя если не возвращения «аннексированных» территорий, то как минимум денежной компенсации за них. В результате подписанный в 2014 г. новый «узкоспециализированный» вариант договора о границе, не содержащий упоминаний о Юрьевском мире и фиксирующий отсутствие у сторон взаимных территориальных претензий, не ратифицирован до сих пор³⁵.

В современной эстонской историографии историческое значение Тартуского мира в процессе обретения независимости Эстонии особых споров не вызывает. Так, известный исследователь Я. Валге оценивает договор как завершение этапа обретения Эстонией политической независимости, но при этом отмечает, что из-за «ревельского офшора» страна попала в экономическую зависимость от России. И только когда транзит через Прибалтику утратил свое значение для Москвы, она окончательно обрела независимость, теперь и в экономической сфере, хотя и ценой серьезного хозяйственного кризиса. Он отмечает: «Не Эстония отделилась от России, но Россия оттолкнула Эстонию»³⁶. Некоторые специалисты указывают на неоднозначные обстоятельства, связанные подписанием договора. Так, профессор Тартуского университета Э. Медияйнен в одном из интервью утверждал, что мир стал «большой победой вовсе не Эстонии, а Советской России, которая, благодаря ему, смогла прорвать блокаду», а Эстония, пойдя ради экономических выгод на сепаратные переговоры, «предала» своих соседей и союзников: Польшу, Финляндию и Латвию, иностранных добровольцев, сражавшихся за нее, белых из Северо-Западной армии, и в этом смысле договор даже сравним с пактом Риббентропа – Молотова³⁷.

Однако куда активнее эстонские ученые анализируют договор в плане его современного юридического статуса, на основе превалирующих в эстонском истэблишменте концепций «континуитета» существования Эстонской Республики и «советской оккупации Прибалтики», напоминая тем самым об актуальности высказывания историка М.Н. Покровского:

³⁴ Договор между Российской Федерацией и Эстонской Республикой о разграничении морских пространств в Нарвском и Финском заливах (Москва, 18 февраля 2014 г.) (не вступил в силу); Распоряжение Президента РФ от 31 августа 2005 г. № 394-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Договора между Российской Федерацией и Эстонской Республикой о российско-эстонской государственной границе и Договора между Российской Федерацией и Эстонской Республикой о разграничении морских пространств в Нарвском и Финском заливах».

³⁵ Подробный обзор переговоров о границе с правовой критикой в адрес эстонских властей, чья позиция создает «нестабильность на границе», см.: *Jolicoeur P., Labarre F. Risking Border Instability: the Russian-Estonian Case // Международная аналитика. 2020. Т. 11. № 3. С. 113–128.*

³⁶ *Валге Я. Фазы независимости Эстонии, 1905–1925 гг. // Прибалтийские исследования в России 2017–2018. Сборник статей по итогам международной научной конференции «Войны и революции 1917–1920: становление государственности Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы» (г. Санкт-Петербург, 23–25 октября 2017 г.). М., 2018. С. 61.*

³⁷ Президент Эстонии попался в «восточные ловушки» Путина? // URL: <https://regnum.ru/news/401884.html> (дата обращения: 01.10.2021).

«История есть политика, опрокинутая в прошлое»³⁸. В наиболее сжатом виде эту концепцию, пожалуй, сформулировал Л. Мьялскоо: «Хотя аннексия стран Балтии Советским Союзом уничижила независимость этих стран де-факто, они не утратили своей международной правосубъектности и продолжали существовать де-юре. Во время существования советской власти страны Балтии “были мертвыми только с виду”, а большинство стран Запада не признали их включения в состав СССР, и последний, таким образом, никогда не обладал суверенитетом над этими республиками»³⁹. В результате, по мнению этого ученого, как и большинства эстонских исследователей, договор однозначно продолжает действовать, а позиция России по отношению к нему необоснованная.

Что касается российских историков, то они подчеркивают его значение в плане выхода РСФСР из международной изоляции, но в то же время отмечают, что за это была заплачена слишком высокая цена в плане территориальных и финансовых уступок. В частности, Н.М. Межевич в статье о российско-эстонских пограничных проблемах подчеркивает, что на переговорах советская делегация «сдавала позиции», и в целом «Юрьевский договор порочен не только с точки зрения обстоятельств его заключения (давление на государство), но и с точки зрения его содержания. Он санкционировал аннексию Эстонией исконно русских земель» и «не может служить правовой основой для решения вопроса о границе между обоими государствами, так как он утратил силу в момент включения Эстонии в состав СССР, хотя при этом присоединении и нарушались нормы международного права»⁴⁰. Относительно современного значения договора в российском научном сообществе преобладающая позиция в основном совпадает с официальной. Более того, некоторые ученые указывают на «сомнительные» обстоятельства подписания договора. Так, российский историк В.И. Мусаев отмечает: «...если Эстония ссылается на этот договор, опираясь, с ее точки зрения, на международное право, то позиция у нее шаткая, поскольку на момент подписания Тартуского мира ни Эстонская Республика, ни Советская Россия не были субъектами этого права. То есть это был ...“междусобойчик” двух самопровозглашенных образований»⁴¹. Он также обращает внимание на противоречивость позиции нынешних эстонских властей: «Если уж, допустим, Эстония сегодня считает этот договор действующим, то надо апеллировать ко всему его тексту, а не к отдельным пунктам, которые нравятся», а некоторые из этих положений, в частности, запрет на размещение на территории страны войск и «всего того, что может быть использовано для нападения на другую договаривающуюся сторону», прямо противоречат членству Эстонии в НАТО⁴².

Подобные предостережения властям звучат и в самой Эстонии. Примечательна в этой связи позиция упомянутого выше Э. Медийяйна: в целом разделяя идею континуитета и считая договор действующим, он указывает на опасные последствия проведения этой линии в жизнь. В одной из своих работ он привлекает внимание к статье 5 договора, где говорится об уважении Россией нейтралитета Эстонии, и приходит к выводу, что, если эстонские власти настаивают на том, что он продолжает действовать, им следует выйти из НАТО и провозгласить нейтралитет⁴³.

³⁸ *Покровский М.Н.* Общественные науки в СССР за десять лет. Доклад на конференции марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928 г. // Вестник Коммунистической академии. Книга XXVI (2). М., 1928. С. 5–6.

³⁹ *Мьялскоо Л.* Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. Тарту, 2005. С. 74–75.

⁴⁰ *Межевич Н.М.* Российско-эстонская граница: история формирования и современное значение для развития Северо-Запада России // Псковский регионологический журнал. 2007. № 4. С. 141, 145.

⁴¹ «Уступка не навеки»: интервью с ведущим научным сотрудником Санкт-Петербургского института истории РАН В.И. Мусаевым // Санкт-Петербургские ведомости. 26.11.2020.

⁴² Там же.

⁴³ *Medijainen E.* Article 5: Permanent neutrality in the Tartu Peace Treaty, 1920 // Journal of Baltic Studies, 2010. Vol. 41. № 2. P. 201–214.

Подводя итоги, отметим: исходя из приведенных выше документов и мнений специалистов мы считаем, что Юрьевский (Тартуский) мирный договор 1920 г. однозначно следует расценивать как чисто исторический документ, не имеющий актуальной юридической силы. Однако в этом качестве он может служить поучительным примером того, как несовершенное «компромиссное» международное соглашение, продиктованное конъюнктурными устремлениями одной стороны и чрезмерными территориальными амбициями другой, может иметь далеко идущие негативные последствия и через много лет влияющие на отношения между подписавшими его государствами.

Библиография

Валге Я. Фазы независимости Эстонии, 1905–1925 гг. // Прибалтийские исследования в России 2017–2018. Сборник статей по итогам международной научной конференции «Войны и революции 1917–1920: становление государственности Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы» (г. Санкт-Петербург, 23–25 октября 2017 г.). М., 2018. С. 51–63.

Володько А. В. Большевистский проект: Эстляндская Трудовая Коммуна // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 3 (101). URL: <https://history.jes.su/s207987840014524-5-1> (дата обращения: 07.10.2021).

Граф М. Эстония и Россия 1917–1991: анатомия расставания. Таллин, 2007.

Кен О. Н., Рупасов А. И. Москва и страны Балтии: опыт взаимоотношений, 1917–1939 гг. // Страны Балтии и Россия: общества и государства. М., 2002. С. 225–256. URL: <https://textarchive.ru/c-2192078.html> (дата обращения: 10.08.2021).

Кен О., Рупасов А. Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами, 1928–1934 гг. М., 2014.

Межевич Н. М. Российско-эстонская граница: история формирования и современное значение для развития Северо-Запада России // Псковский региологический журнал. 2007. № 4. С. 134–145.

Михайлова Ю. Л., Рогинский В. В. Мировая революция остановлена в Таллине? 1 декабря 1924 г. // Россия и Прибалтийский регион в XIX–XX вв. М., 2013. С. 78–102.

Мялксо Л. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. Тарту, 2005.

Соломон Г. А. Среди красных вождей. М., 2015.

Тамби С. К 100-летию установления дипломатических отношений между Россией и Эстонией // Международная жизнь. 2020. № 7. С. 46–67. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2370> (дата обращения: 17.08.2021).

Хаммер А. Мой век – двадцатый. Пути и встречи. М., 1988 // URL: https://www.litmir.me/br/?b-574201&p-1#section_1 (дата обращения: 02.08.2021).

Jolicoeur P., Labarre F. Risking Border Instability: the Russian-Estonian Case // Международная аналитика. 2020. Т. 11. № 3. С. 113–128.

Medijainen E. Article 5: Permanent neutrality in the Tartu Peace Treaty, 1920 // Journal of Baltic Studies. 2010. Vol. 41. № 2. P. 201–214.

References

Graf M. Estoniya i Rossiya 1917–1991: anatomiya rasstavaniya [Estonia and Russia 1917–1991. The anatomy of parting]. Tallin, 2007. (In Russ.)

Hammer A. Moi vek – dvadtsatyi. Puti i vstrechi [My century is the twentieth. Paths and encounters]. Moskva, 1988 // URL: https://www.litmir.me/br/?b-574201&p-1#section_1 (access date: 02.08.2021). (In Russ.)

Ken O. N., Rupasov A. I. Zapadnoe prigranich'e. Politbiuro TsK VKP(b) i otnosheniia SSSR s zapadnymi sosednimi gosudarstvami, 1928–1934 gg. [The Western Borderlands. Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the USSR's relations with the Western neighbouring states, 1928–1934]. Moskva, 2014. (In Russ.)

Ken O. N., Rupasov A. I. Moskva i strany Baltii: opyt vzaimootnoshenii, 1917–1939 gg. [Moscow and the Baltic States: Experience of relations, 1917–1939] // Strany Baltii i Rossiia: obshchestva i gosudarstva [The Baltic States and Russia: societies and states]. Moskva, 2002. S. 225–256. URL: <https://textarchive.ru/c-2192078.html> (access date: 10.08.2021). (In Russ.)

Mezhevich N. M. Rossijsko-estonskaya granica: istoriya formirovaniya i sovremennoe znachenie dlya razvitiya Severo-Zapada Rossii [Russian-Estonian border: the history of formation and modern significance

for the development of the North-West of Russia] // Pskovskij regionologicheskij zhurnal [Pskov Regionological Journal]. 2007. № 4. S. 134–145. (In Russ.)

Mihajlova Yu.L., Roginskij V.V. Mirovaya revolyuciya ostanovlena v Talline? 1 dekabrya 1924 g. [Is the world revolution stopped in Tallinn? December 1, 1924] // Rossiya i Pribaltijskij region v XIX–XX vv. [Russia and the Baltic region in the 19th–20th centuries]. Moskva, 2013. S. 78–102. (In Russ.)

Myalksoo L. Sovetskaya anneksiya i gosudarstvennyj kontinuitet: mezhdunarodno-pravovoj status Estonii, Latvii i Litvy v 1940–1991 gg. i posle 1991 g. [Soviet annexation and State continuity: the international legal status of Estonia, Latvia and Lithuania in 1940–1991 and after 1991]. Tartu, 2005. (In Russ.)

Solomon G.A. Sredi krasnykh vozhdiei [Among the red leaders]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Tambi S. K. 100-letiyu ustanovleniya diplomaticheskikh otnoshenij mezhdru Rossiej i Estoniej [To the 100th anniversary of the establishment of diplomatic relations between Russia and Estonia] // Mezhdunarodnaya zhizn' [International life]. 2020. № 7. S. 46–67. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2370> (access date: 17.08.2021). (In Russ.)

Valge Ya. Fazy nezavisimosti Estonii, 1905–1925 gg. [Phases of Estonian independence, 1905–1925] // Pribaltijskie issledovaniya v Rossii 2017–2018. Sbornik statej po itogam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii “Vojny i revolyucii 1917–1920: stanovlenie gosudarstvennosti Finlyandii, Estonii, Latvii i Litvy” (g. Sankt-Peterburg, 23–25 oktyabrya 2017 g.) [Baltic Studies in Russia 2017–2018. Collection of articles on the results of the international scientific conference “Wars and revolutions of 1917–1920: the formation of the statehood of Finland, Estonia, Latvia and Lithuania” (St. Petersburg, October 23–25, 2017)]. Moskva, 2018. P. 51–63. (In Russ.)

Volodko A.V. Bol'shevistskij proekt: Estliandskaia Trudovaja Kommuna [The Bolshevik project: the Estonian Workers' Commune] // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal “Istoriia” [Electronic scientific and educational journal “History”]. 2021. Vol. 12. Iss. 3 (101). URL: <https://history.jes.su/s207987840014524-5-1> (access date: 07.10.2021). (In Russ.)

Jolicoeur P., Labarre F. Risking Border Instability: the Russian-Estonian Case // Mezhdunarodnaia analitika [International analytics]. 2020. Vol. 11. № 3. S. 113–128.

Medijainen E. Article 5: Permanent neutrality in the Tartu Peace Treaty, 1920 // Journal of Baltic Studies. 2010. Vol. 41. № 2. P. 201–214.

DOI: 10.31857/S013038640017361-5

© 2022 г. А.М. ФОМИН

«ВОЕННАЯ ТРЕВОГА» НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В 1923 году: ИСТОРИЯ ЗАБЫТОГО КРИЗИСА

Фомин Александр Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; Междисциплинарная научно-образовательная школа Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» (Москва, Россия).

E-mail: almif@list.ru

Researcher ID: AAK-2004-2020

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии. Грант № 20-59-18007.

Аннотация. Статья посвящена ранее практически не изученному эпизоду в истории международных отношений, связанному с временным прекращением работы Лозаннской конференции по Ближнему Востоку в феврале 1923 г., что грозило возобновлением состояния войны между Турцией и державами Антанты. Этот кризис, происходивший одновременно с франко-бельгийской оккупацией Рура, оказал значительное влияние на конечный результат мирного урегулирования на Ближнем Востоке, закрепленный в Лозаннском договоре. В работе ставится задача определить место и роль этого кризиса в процессе становления новой системы международных отношений после Первой мировой войны и его взаимосвязь с другими важнейшими событиями и процессами этого периода. Автор последовательно анализирует два этапа этого кризиса, первый из которых был связан с требованием Турции вывести корабли союзных держав из ее портов, а второй — с резким обострением обстановки на турецко-сирийской границе. Кризис показал неспособность Франции «в одиночку» отстаивать свои интересы на Ближнем Востоке и ее невольную зависимость от политики Великобритании. Таким образом, его роль в развитии международных отношений на Ближнем Востоке была аналогична той, которую сыграл Рурский кризис в Европе. Статья написана на основе британских, французских и итальянских дипломатических документов.

Ключевые слова: международные отношения, Ближний Восток, Антанта, Турция, Сирия, Лозаннская конференция 1922–1923 гг., Рурский кризис 1922–1923 гг., Лозаннский договор 1923 г.

A.M. Fomin

The “War Alert” in the Middle East in 1923: The Story of a Forgotten Crisis

Alexander Fomin, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: almif@list.ru

Researcher ID: AAK-2004-2020

The study was supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Lomonosov Moscow State University “Preservation of the World Cultural Heritage”.

Abstract. This article focuses on a previously unexplored episode in the history of international relations, related to the temporary suspension of the Lausanne Conference on the Middle East in February 1923,

which threatened to revive a state of war between Turkey and the Entente powers. This crisis, which unfolded at the same time as the Franco-Belgian occupation of the Ruhr, had a significant impact on the final outcome of the peace settlement in the Middle East enshrined in the Lausanne Treaty. The aim of the article is to determine the place and role of this crisis in the process of establishing a new system of international relations after the Great War and its interconnection with other major events and processes of this period. The author consecutively analyses two phases of this crisis, the first relating to the Turkish demand for the withdrawal of the ships of the Allied Powers from its ports, and the second to the sharp aggravation of the situation on the Turkish-Syrian border. The crisis demonstrated the inability of France to defend its interests in the Middle East “single-handedly” and its forced dependence on British policy. Thus, its role in the development of international relations in the Middle East was similar to that played by the Ruhr Crisis in Europe. The paper draws on numerous sources, primarily British, French, and Italian diplomatic documents.

Keywords: international relations, Middle East, Entente, Turkey, Syria, Lausanne Conference of 1922–1923, Ruhr Crisis of 1922–1923, Lausanne Treaty of 1923.

Становление Версальско-Вашингтонской системы международных отношений после Первой мировой войны было длительным процессом, проходившим весьма неравномерно в разных регионах мира. Парижская конференция 1919 г. была лишь его началом. Характерной его чертой была острая конфликтность взаимодействия заинтересованных сторон. Можно сказать, что осенью 1918 г. на смену мировой войне пришел не долгожданный мир, а затяжной «мировой кризис»¹. Определение новых границ нередко происходило в ходе силовых акций и «малых войн», насильственным путем решавших запутанные вопросы, где дипломатия была бессильна. Верхняя Силезия, Адриатика (Фиуме), Трансильвания, Тешинская Силезия – вот далеко не полный перечень территориальных споров, в решении которых основную роль сыграл силовой фактор. В отношениях стран Антанты с главным побежденным противником – Германией – практика угроз и шантажа (особенно со стороны Франции) стала важнейшим инструментом. В наибольшей степени это относится к Рурскому кризису 1923–1924 гг., чье значение для становления Версальского порядка трудно переоценить.

На Ближнем Востоке формирование нового миропорядка было, пожалуй, самым длительным и кровопролитным. Регион оказался ареной многочисленных конфликтов и кризисов, самым острым и продолжительным из них была греко-турецкая война 1919–1922 гг. Ее драматическое завершение вызвало Чанакский кризис сентября–октября 1922 г., который, однако, был не последним. Открывшаяся после него Лозаннская конференция была в начале февраля 1923 г. прервана, после чего вновь создалась угроза возобновления войны, ликвидированная лишь с подписанием мира почти пять месяцев спустя.

Ближневосточный кризис 1923 г. оказался «в тени» таких важнейших событий, как Чанакский кризис, Рурский кризис и сама конференция в Лозанне. Насколько нам известно, его фактическое содержание еще практически не изучено: историки, в лучшем случае, лишь упоминают о нем². Детальный анализ ближневосточной «военной тревоги» 1923 г. позволит лучше понять закономерности формирования послевоенного миропорядка и на Ближнем Востоке, и в Европе, а также механизмы взаимодействия великих держав, прежде всего Великобритании и Франции.

Изучение кризиса 1923 г. требует хотя бы краткого изложения его предистории³. Выход Турции из Первой мировой войны, оформленный Мудросским перемирием

¹ Именно так называется книга У. Черчилля, посвященная событиям этого времени. См.: *Черчилль У.* Мировой кризис. М., 2003.

² *Walder D.* The Chanak Affair. London, 1969; *Sonyel S.R.* Turkish Diplomacy, 1918–1923: Mustafa Kemal and the Turkish National Movement. London; Beverly Hills (CA), 1975.

³ См. подробнее: *Шамсутдинов А.М.* Национально-освободительная борьба в Турции. 1918–1923 гг. М., 1966; *Фомин А.М.* Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство», 1918–1923. М., 2010.

от 30 октября 1918 г., создавал условия для реализации планов победителей по разделу Ближнего Востока, но на согласование своих интересов друг с другом у них ушло более полутора лет, а заключенный в августе 1920 г. Севрский договор не вступил в силу даже формально. Решающим фактором в послевоенных судьбах Ближнего Востока стало турецкое национальное движение во главе с генералом Гази Мустафой Кемаль-пашой (Ататюрком), которое безоговорочно отвергло Севрский договор и начало борьбу за его отмену. В 1920 г. М. Кемаль создал в Анкаре новый центр власти, альтернативный султанскому правительству в Константинополе⁴. Анкарское правительство вступило в бескомпромиссную борьбу с Грецией, которая добровольно взяла на себя задачу навязать Севрский договор Турции. С 1921 г. Великобритания и Франция, оставаясь союзниками по Антанте, фактически оказались в греко-турецком конфликте по разные стороны баррикад. Франция сделала ставку на кемалистов, увидев в них силу, способную создать устойчивый режим, который смог бы обеспечить гарантии французских капиталовложений в Турции и оградить эту страну от «большевистского влияния». Для Великобритании ключевое значение имело стратегическое положение Турции на стыке морей и континентов, и в первую очередь контроль над Черноморскими проливами. Осуществление своих планов Лондон увязывал с успехами греческого оружия.

Разгром Греции в конце августа – начале сентября 1922 г. коренным образом изменил соотношение сил на Ближнем Востоке. Чанакский кризис сентября – октября 1922 года рельефно высветил глубокие различия в интересах Великобритании и Франции. Когда Великобритания оказалась в шаге от прямого военного столкновения с Турцией из-за Проливов, Франция (как, впрочем, и Италия) отказала ей в поддержке, что осложнило отношения двух держав. Итогом Чанакского кризиса стала конвенция о перемирии, подписанная 11 октября 1922 г. в турецком городе Мудания (совр. Муданья). Она предполагала полный вывод с турецкой территории (из Восточной Фракии) греческих войск и передачу под контроль Анкары гражданской администрации в Константинополе при сохранении в самом городе и зоне Проливов английских, французских и итальянских войск вплоть до вступления в силу окончательного мирного договора. Для его выработки было решено созвать международную конференцию в Лозанне (Швейцария).

С этого момента урегулирование Восточного вопроса, казалось, было переведено в дипломатическую плоскость. Однако опасность возвращения конфликта к «силовому сценарию» по-прежнему сохранялась. Это отчетливо проявилось в ноябре 1922 г. во время предварительных консультаций между главой Форин Оффис лордом Д.Н. Кёрзоном и премьер-министром Франции Р. Пуанкаре. Кёрзон поинтересовался возможными действиями Парижа в случае нового обострения конфликта с Анкарой. Пуанкаре ответил предельно ясно – Франция не пошлет ни одного солдата на новую войну на Ближнем Востоке. Кроме того, если Кёрзону обстановка в зоне Проливов представлялась угрожающей (турки под видом жандармов переправляли на европейский берег солдат), то по сведениям Пуанкаре ситуация была совершенно спокойной. Иными словами, Франция хотела сохранить добрые отношения с Анкарой, в то время как Великобритания не исключала возможности открытого конфликта с ней⁵. Через несколько месяцев ситуация изменилась на прямо противоположную.

В первые недели конференции, открывшейся 20 ноября 1922 г., Англия и Франция демонстрировали редкое для них единство точек зрения, хотя французские делегаты старались не испортить отношений с турками, преподнося предложения Антанты как самые выгодные для Турции. В первую очередь это касалось Проливов. Проект будущей конвенции был выработан сравнительно быстро, причем Кёрзон сумел фактически отстранить от участия в ее подготовке советскую делегацию. Параллельно он вел безуспешные

⁴ В европейских языках Константинополь официально стал Стамбулом только в 1930 г.

⁵ См. подробнее: *Фомин А.М.* Указ. соч. С. 387–396.

двусторонние переговоры с турецким министром иностранных дел Исмет-пашой (Инёню)⁶ о принадлежности богатого нефтью Мосульского вилайета, включенного англичанами в состав Ирака. В английском правительстве не было единства по проблеме Мосула. Премьер-министр Э. Бонар Лоу, который лично вел с французами переговоры о германских репарациях⁷, был готов на любые уступки туркам, лишь бы не дать Франции играть на англо-турецких противоречиях. Перспектива срыва конференции из-за Мосула была очень непопулярна в обществе и прессе. 8 января 1923 г. Кёрзон получил от Бонар Лоу послание, где говорилось, что «есть два обстоятельства, которые представляются жизненно важными. Первое состоит в том, что мы не должны вступать в войну из-за Мосула; второе — в том, что, если французы не присоединятся к нам, а мы знаем, что так и случится, мы не будем бороться с турками одни за то, что осталось от Севрского договора». Премьер-министру вторила печать. «Дейли Экспресс» писала, что «Мосул не стоит костей одного английского солдата. Наши интересы в Мосуле несущественны»⁸. Французская печать не оставляла сомнений относительно позиции Парижа. Близкая к французскому МИД газета «Тан» писала: «Мы можем с гордостью думать, что Франция никогда не обещала участвовать в споре, вызванном притязаниями (т.е. притязаниями Англии на Мосул. — А.Ф.) другой державы»⁹. Кёрзон, однако, был категорически против отказа от Мосула и решил вынести этот вопрос на пленарное заседание конференции 23 января 1923 г. Оно не принесло результатов: «позиции сторон ясны и полярны, то есть несовместимы в принципе: турки требуют Мосул, англичане не хотят его отдавать»¹⁰.

Кёрзон понимал, что Англия не может рисковать войной из-за Мосула. Но он знал, что турки из-за него войну не начнут, так как Мосул находился в британских руках, и вынуждены будут уступить. Поэтому он решил спровоцировать срыв конференции, сняв тем самым ответственность с Лондона. Если Великобритания была кровно заинтересована в сохранении Мосула за Ираком, то у Франции имелись свои «красные линии», за которые она не желала отступить. Это касалось финансовых и экономических статей договора, а также режима капитуляций. Для такого государства-рантье, как Франция, вопрос о «купонах» и инвестициях имел огромное значение. Исмет-паша настаивал на полной отмене капитуляций, льготных условиях выплаты внешнего долга (не в золотой, а в бумажной валюте, как это делали со своими долгами сами страны Антанты). Турки также добивались, чтобы условия иностранных концессий были приведены в соответствие с принципом суверенитета страны. После нескольких недель дебатов ни Исмет-паша, ни глава французской делегации К. Баррер не изменили своих позиций, и к концу января 1923 г. конференция фактически зашла в тупик. К этому времени в результате провала Парижской конференции по репарациям (начало января 1923 г.) и ввода франко-бельгийских войск в Рур (12 января) само существование Антанты было поставлено под вопрос. В этой ситуации Кёрзон решил пойти ва-банк.

В январе 1923 г. по его указанию был разработан проект мирного договора, составленный таким образом, чтобы неизбежно вызвать франко-турецкий конфликт. Относительно Мосула он ограничивался положением о решении вопроса путем арбитража Лиги Наций, но финансовые, экономические и юридические положения формулировались на основе жестких французских требований. Как писал впоследствии британский эксперт Г. Никольсон, «когда дело дошло до закрепления на бумаге тех пунктов, что были согласованы, и тех, что еще были предметом споров, оказалось, что специфически британские

⁶ В скобках даются фамилии турецких политических деятелей, принятые ими после 1934 г., когда ношение фамилий в Турции стало обязательным.

⁷ История дипломатии. Т. 3. М., 1965. С. 349–350.

⁸ *Nicolson H. Curzon: the Last Phase, 1919–1925. A Study in Post-War Diplomacy.* London, 1937. P. 331.

⁹ *Le Temps.* 7.I.1923.

¹⁰ *Лазарев М.С.* Империализм и курдский вопрос (1917–1923). М., 1989. С. 263.

desiderata (те вопросы, которые обсуждались на конференции под председательством Кёрзона) почти все были согласованы, а финансовые, экономические и капитуляционные вопросы, в которых французы и итальянцы были заинтересованы больше нас, все еще были предметом острых противоречий. Наши союзники, таким образом, столкнулись с пугающим пониманием того, что, хотя они приехали в Лозанну, полагая, что Турция рассматривала Великобританию как врага, а Францию и Италию как друзей, именно этот враг достиг выполнения своих пожеланий, а друзья совершенно не сумели добиться каких-либо уступок от турок. Теперь стало понятно, что вопрос стоял не о том, что Франция и Италия могли бы бросить Великобританию, а о соблазне для Кёрзона оставить своих союзников. Остался только Мосул. Если бы британцы пришли к сепаратному соглашению с турками по этому вопросу, французы действительно оказались бы в опасной ситуации. Кёрзон хорошо знал, что они это понимают»¹¹. Таким образом, в случае отказа турок от подписания договора, ответственность за кризис автоматически ложилась на Францию.

Договор был вручен туркам 31 января и должен был быть подписан или отвергнут до 4 февраля. По этому поводу Кёрзон писал в Форин Оффис: «Представленный договор будет содержать по крайней мере 20 условий, затрагивающих Францию и Италию в равной, если не в большей, степени с нами, которые турки, насколько можно судить из их протестов, откажутся принять. Мосульский вопрос появится только в форме условия, согласно коему установление этой части турецкой границы будет передано Лиге Наций. Таким образом, я думаю сдержать мое обещание премьер-министру, что если мы и споткнемся, то не об этот камень в первую очередь и не одни. Что касается турок, то я считаю немедленное или скорое подписание практически невозможным. Но совершенно точно, что до следующей среды французы и итальянцы будут всячески убеждать их, чтобы предотвратить однозначный отказ». О возможном возобновлении военных действий Кёрзон думал, что «все указывает на то, что этого не произойдет, поскольку французы напрягут все силы, чтобы успокоить их (турок. — А.Ф.), зная, что франко-британский конфликт на Востоке будет означать исчезновение последних остатков нашего терпения в Рура». Стоявшая к западу от реки Марицы (по которой проходила греко-турецкая граница в Европе) греческая армия была еще одной гарантией против турок¹².

В Париже не сразу поняли интригу Кёрзона. Как и французские газеты, Пуанкаре был склонен видеть причину возникшей угрозы в британских амбициях в Мосуле. 3 февраля он писал генералу М. Вейгану, назначенному на пост верховного комиссара в Бейруте: «Французское правительство твердо решило не пренебрегать ничем, что могло бы облегчить заключение мира с Турцией, и я надеюсь, что он в конечном счете будет заключен. Однако если, несмотря на все наши усилия, между Англией и Турцией начнутся военные действия, мы должны будем сохранять в этом конфликте позицию, аналогичную той, которую британское правительство занимает по отношению к нам по вопросу Рура, а именно благожелательного нейтралитета. ...Если турецкие войска нарушат границу Сирии, нам придется противостоять этому. Но это ни в коем случае не означает, что мы позволим себя втянуть в войну с Турцией на стороне Англии»¹³. Кёрзон, однако, и не рассчитывал, что французы будут воевать за Мосул. Лишив французов и итальянцев свободы маневра, он попытался использовать их, чтобы заставить турок подписать договор на британских условиях. Они вынуждены были действовать по плану Кёрзона и до последнего момента старались убедить Исмет-пашу подписать договор, предлагая незначительные поправки. Исмет-паша, имевший четкие указания ни в чем не уступать в вопросах суверенитета Турции, подписать отказался. 4 февраля турки окончательно отвергли проект

¹¹ *Nicolson H.* Op. cit. P. 327.

¹² *Curzon to Crowe, 24.01.1923 // Documents on British foreign policy, 1919–1939 (далее – DBFP). First series. Vol. XVIII. London, 1972. P. 469–470.*

¹³ *Poincaré à Weygand, 3.02.1923 // Documents diplomatiques français: 1923 (далее – DDF: 1923). T. I. 1er janvier – 30 juin. Paris, 1997. P. 174.*

договора, и работа конференции была прервана. Кёрзон первым покинул Лозанну. Исмет-паша отправился в обратный путь 5 февраля.

Прекращение работы конференции еще не означало возобновления войны. Перед отъездом из Лозанны турецкие представители заявили главе итальянской делегации Э.К. Гаррони, что конвенция, подписанная в Мудании, остается в силе¹⁴. Однако уже в первую неделю после этого возникла кризисная ситуация, грозившая непредсказуемыми последствиями.

В Анкаре срыв Лозаннской конференции вызвал бурную реакцию в прессе и в Национальном собрании. Оппозиция резко критиковала действия турецкой делегации в Лозанне, упрекая Исмет-пашу в неоправданных уступках. Между тем, покинув Лозанну, турецкая делегация не торопилась возвращаться на родину. Исмет-паша более чем на неделю задержался в Бухаресте, где вел переговоры с румынскими политиками и давал интервью местной прессе. Мустафа Кемаль в этот момент совершал поездку по стране и в силу этого отсутствовал в Анкаре. Таким образом, глава правительства Рауф-паша (Орбай), сочувствовавший оппозиции, получил некоторую свободу маневра. На него огромное давление оказывала «партия войны» во главе с генералом Карабекир-пашой и главой турецкого Генштаба Февзи-пашой (Чакмаком). По одной из версий, которую высказал бывший министр иностранных дел Бекир Сами-бей, дальнейшие события были вызваны тем, что прекращение конференции было воспринято некоторыми турецкими должностными лицами как полный разрыв¹⁵. Однако независимо от причин первая реакция турецких властей спровоцировала ситуацию, которую вполне уместно назвать «смирским корабельным кризисом».

С момента заключения перемирия в 1918 г. в турецких портах находились военные корабли держав Антанты. Они рассматривались как важный рычаг давления на Турцию. В частности, довольно крупная флотилия стояла на рейде Смирны (Измира): французский бронированный крейсер «Эрнест Ренан» водоизмещением в 13,5 тыс. т, по одному британскому («Калипсо») и одному итальянскому легкому крейсеру, а также несколько миноносцев и канонерских лодок¹⁶. Правительства держав не планировали выводить корабли из турецких вод до вступления в силу мирного договора. Однако 5 февраля, на следующий день после отъезда турецкой делегации из Лозанны, адмиралы, командовавшие эскадрами в порту Смирны, получили предписание местного вали (губернатора) вывести в трехдневный срок из порта все корабли водоизмещением более 1 тыс. т. В противном случае турки угрожали «считать перемирие разорванным», т.е. считать себя снова в состоянии войны с державами¹⁷. Адмиралы ответили, что ничего не предпримут до получения распоряжений своего руководства. Реакция руководства была предсказуемо жесткой. На следующий день исполняющий обязанности британского верховного комиссара в Константинополе Н. Гендерсон по согласованию с адмиралтейством распорядился направить в Смирну дополнительный корабль – крейсер «Кюросао» (водоизмещением более 4 тыс. т). Французский верховный комиссар М. Пелле отдал такое же распоряжение, но в этом случае речь шла только о канонерской лодке, водоизмещение которой не превышало установленный лимит в 1 тыс. т. Гендерсон истолковал такой шаг французского коллеги как желание быть всегда «на безопасной стороне»¹⁸.

7 февраля британский, итальянский, французский и американский консулы в Смирне обратились к губернатору с протестом по поводу «необоснованных» турецких требований. В то же время французский верховный комиссар распорядился об эвакуации из Смирны

¹⁴ Garroni a Mussolini, 5.02.1922 // I documenti diplomatici italiani (далее – DDI). Ser. 7. 1922–1935. Vol. 1. 31 ottobre 1922 – 26 aprile 1923. Roma, 1953. P. 331–332.

¹⁵ Henderson to Curzon, 8.02.1923 // DBFP. Vol. XVIII. P. 518–519.

¹⁶ Le Temps. 9.II.1923.

¹⁷ Poincaré aux ambassadeurs, 7.02.1923 // DDF: 1923. P. 137; *Sonyel S.R.* Op. cit. P. 210.

¹⁸ Henderson to Curzon, 6.02.1923 // DBFP. Vol. XVIII. P. 509–510

всей французской колонии — около 2 тыс. человек. Его итальянский коллега такого распоряжения дать не мог, так как итальянская колония в Смирне насчитывала 12 тыс. человек¹⁹. Турецкая сторона на протест не ответила, оставив требование в силе. В тот же день командующие британской и французской эскадрами в Смирне получили приказ не покидать порт, а в случае атаки со стороны турецких береговых батарей открыть ответный огонь²⁰. Это означало вероятную эскалацию конфликта. На следующий день французская «Тан» поместила передовицу «Тревога в Смирне». Газета терялась в догадках о мотивах турецкого поведения: если Турция опасалась возобновления греческой агрессии, ей не следовало провоцировать ссору с другими державами. Автор статьи задавался вопросом, не было ли какого-либо «иностранный влияния на некоторых политических деятелей в Анкаре?». Конфликт на Востоке, в который была бы замешана Франция, стал бы «удачным облегчением для германского правительства» в условиях Рурского кризиса²¹.

«Момент истины» настал 8 февраля, когда британский крейсер «Кюросоа» прошел в смирнскую бухту мимо турецких береговых укреплений. Турецкие пушки промолчали. Как стало позже известно, Февзи-паша отдал приказ открыть огонь по англичанам, но он был в последний момент отменен телеграммой Рауф-паши из Анкары²². В тот же день союзные верховные комиссары передали представителю анкарского правительства в Константинополе Аднан-бею (Адывару) совместную ноту, в которой указывалось на недопустимость турецких требований как с точки зрения сохранявшего силу Мудросского перемирия 1918 г., так и с точки зрения обычной дипломатической практики. Турок ставили в известность, что союзные корабли останутся в турецких портах до вступления в силу будущего договора²³. Примечательно, что вечером того же дня Аднан-бей от имени Рауф-паши заверил Н. Гендерсона, что требование вывода кораблей не было продиктовано какими-либо враждебными намерениями по отношению к Великобритании, и к тому же «конфиденциально» добавил, что «каким бы ни было турецкое отношение к Великобритании раньше, теперь Турция искренне стремится к дружбе с ней». Как подчеркнул Аднан, эта перемена произошла после перерыва в работе конференции, что, правда, не убедило Гендерсона. Аднан ссылаясь на растущее влияние в Анкаре «военной партии», которая не отступится от выдвинутого требования по кораблям, и предложил компромиссное решение — вывести из Смирны только один из двух британских крейсеров, на что Гендерсон ответил, что это будет возможно только в случае «примирительного» ответа Анкары на ноту союзников²⁴.

Итак, немедленная угроза военного столкновения не реализовалась, и конфликт перешел в стадию «войны нервов». Французские газеты писали, что вход в бухту Смирны был заминирован за исключением узкого прохода под самыми дулами береговой артиллерии²⁵, что турки в спешном порядке укрепляют береговые батареи и минируют акваторию в порту Исмида (на азиатском берегу Босфора). Турецкие власти отказали в заходе в смирнский порт французскому пакеботу «Пьер Лоти», который планировалось использовать для эвакуации из города французской колонии²⁶. Губернатор Смирны уведомил союзных адмиралов, что любая попытка тралить мины в порту будет рассматриваться как *casus belli*²⁷.

9 февраля Н. Гендерсон и британские командующие в Константинополе генерал Ч. Гаррингтон и адмирал О. Брок составили аналитическую записку о текущем положении дел с весьма тревожной оценкой ситуации. По их мнению, смирнский инцидент создал еще

¹⁹ Henderson to Curzon, 7.02.1923 // Ibid. P. 514–515.

²⁰ Ibid. Note 2. P. 515.

²¹ Le Temps. 9.II.1923.

²² Henderson to Curzon, 12.02.1923 // DBFP. Vol. XVIII. P. 535.

²³ Henderson to Curzon, 8.02.1923 // Ibid. P. 517–518.

²⁴ Ibid. P. 518–519.

²⁵ Le Temps. 10.II.1923.

²⁶ Le Temps. 11.II.1923.

²⁷ Le Temps. 14.II.1923.

один эпизод, когда непродуманные действия турок могли в любой момент привести к возобновлению боевых действий. Через месяц погодные условия стали бы для этого благоприятны. Политика, оставлявшая инициативу в руках турок, была, по мнению авторов, крайне невыгодна Великобритании. «Экстремистская военная партия» приобретала все больше влияния в Анкаре. И хотя кемалистские лидеры, считавшиеся противниками войны, сохраняли контроль над ситуацией, это не предотвращало риска какого-нибудь непоправимого инцидента в Чанаке, Исмиде, Смирне или где-либо еще. В связи с этим Гендерсон, Гарингтон и Брок предлагали воспользоваться редкой ситуацией, когда Франция и Италия также были крайне раздражены позицией Турции, и вместе с ними предпринять «решительную акцию». Предлагалось сделать совместное заявление Исмет-паше, которого со дня на день ждали в Константинополе, что переговоры в Лозанне были отложены, чтобы дать ему возможность проконсультироваться со своим правительством, но эта отсрочка не могла продолжаться вечно. Предлагалось дать туркам срок (от десяти дней до двух недель), по истечении коего союзники будут считать конференцию окончательно провалившейся, а конвенцию, подписанную в Мудании, — утратившей силу. Иными словами, речь шла об ультиматуме с угрозой возобновления войны²⁸. Спустя три дня Кёрзон отклонил эту идею. По его мнению, ультиматум мог только «разворошить осиное гнездо» в Анкаре, в то время как ситуация требовала крайне осторожной политики²⁹. Впрочем, к этому моменту обстановка уже изменилась и пик «корабельного кризиса» был пройден.

10 февраля Аднан-бей от имени Рауф-паши сделал устное заявление трем верховным комиссарам в ответ на ноту союзников от 8 февраля: Турция не может допустить безусловного нахождения в своих портах, в особенности укрепленных, иностранных военных кораблей, но Анкара готова обсуждать этот вопрос на основе равноправия и что взаимная добрая воля была необходима для разрешения ситуации. При этом турецкая сторона отказывалась признать действенность Мудросского перемирия, так как законную силу имела только конвенция, подписанная в Мудании. По словам Гендерсона, общий тон турецкого заявления был «примирительным». Официального письменного ответа на ноту союзников Анкара направлять не хотела, предпочитая «оставить все как есть». Гендерсон, с одной стороны, постарался убедить Аднан-бея, что Турция должна «сойти» со своей непримиримой позиции (очевидно, по поводу мира), а с другой — посоветовал Кёрзону пойти на некоторые уступки туркам в «очень чувствительном» для них вопросе о Смирне. От этого Лондон мог бы больше выиграть, чем потерять, поскольку такой ход мог усилить позиции Исмет-паши в Анкаре, где в это время царило «огромное возбуждение»³⁰.

В этот момент единственным источником независимой информации из Анкары для стран Антанты был французский полковник Л. Мужен, который с июня 1922 г. выполнял роль неофициального эmissара Пуанкаре при правительстве Мустафы Кемала. Официальные представители союзных держав оставались в Константинополе. Мужен был убежденным сторонником франко-турецкого сближения. Ему удалось завязать множество дружеских контактов в Анкаре, он вошел в доверие к самому М. Кемалю и заботился главным образом о нейтрализации аналогичных усилий советского полпреда С.И. Аралова³¹. Однако по мере того, как переговоры в Лозанне затягивались, обстановка в Анкаре становилась все менее благоприятной как для Франции, так и для самого Мужена. В многочисленных телеграммах в Париж он настаивал, что избранная французами линия поведения в Лозанне грозила «разрушить огромный престиж, который Франция имела

²⁸ Henderson to Curzon, 9.02.1923 // DBFP. Vol. XVIII. P. 523–524.

²⁹ Curzon to Henderson, 12.02.1923 // Ibid. P. 535–536.

³⁰ Henderson to Curzon, 10.02.1923 // Ibid. P. 532–533.

³¹ См. подробнее: *Аралов С.И.* Воспоминания советского дипломата. 1922–1923. М., 1960. С. 122; *Dumont P.* A l'aube du rapprochement franco-turc: le colonel Mougin, premier représentant de la France auprès du gouvernement d'Ankara (1922–1925) // *La Turquie et La France à l'époque d'Ataturk.* Paris, 1981. P. 79–84.

в Анатолии». С начала января 1923 г. нарастала антифранцузская кампания в местной прессе. К концу этого месяца Мужен уже писал о возможности открытого конфликта: «Ситуация критическая, и я думаю, что разрыв будет иметь очень серьезные последствия не только в Месопотамии, но и, как следствие, на нашей сирийской границе, в особенности к югу от Айнтаба в регионах Алеппо и Александретты»³². С момента прекращения работы конференции в Лозанне Мужен регулярно докладывал о состоянии «экзальтации» и «возбуждения», царившем в Анкаре и вообще в Анатолии³³. 10 февраля Рауф-паша предъявил Мужену требование добиться вывода союзных кораблей из Смирны в течение трех дней, иначе Турция не будет считать себя связанной условиями перемирий, подписанных в Мудросе и Мудании. Это требование, гораздо более резкое, чем сделанное в тот же день заявление в Константинополе, выглядело как ультиматум. Мужен на время уехал в Константинополь, где в разговорах с дипломатами и военными союзных стран приписывал «сдержанность» турок в ситуации с крейсером «Кюросао» только своему личному влиянию в Анкаре, но добавлял, что оно не безгранично, и убеждал как своих соотечественников, так и британцев пойти навстречу туркам и вывести из порта хотя бы часть кораблей³⁴. Так, обозначилось явное различие в отношении Анкары к Великобритании и Франции. Если с англичанами турки старались говорить в максимально примирительном тоне, то в общении с французами готовы были переходить к ультиматумам. Очевидно, это было вызвано результатами первой сессии Лозаннской конференции, вина за неудачу которой в Анкаре возлагалась на Францию.

Вызывающее поведение турок по отношению к Мужену привело к временному англо-французскому сближению. 11 февраля Пуанкаре направил инструкции послам в Лондоне и Риме. По его мнению, в данных обстоятельствах было чрезвычайно важно единство действий всех союзников. Французскую позицию он определил так: «Мы считаем невозможным принять официальное предписание, которое нас принуждает просто вывести корабли в течение трех дней. Но, как представляется, мы можем ответить, что хотели бы обсудить этот вопрос как можно скорее по дипломатическим каналам и достичь быстрой договоренности. Мне представляется, что было бы нецелесообразно и даже опасно пускаться в дискуссию о действительности конвенций о перемирии, поскольку греческие наступления³⁵, несомненно, дали туркам предлог для того, чтобы поставить под сомнение Мудросское перемирие. Вместо того, чтобы ставить вопрос в юридической плоскости, лучше рассматривать его с точки зрения фактов и заявить, что корабли направлены в Смирну, чтобы защищать наших граждан и выполнять гуманитарную миссию после событий исключительной значимости»³⁶. В тот же день Пуанкаре встретился с британским послом в Париже лордом Р. Крю-Милнсом и лично изложил ему свою позицию примерно в тех же выражениях, что и в телеграммах в Лондон и Рим. Пуанкаре также добавил, что «выражаясь дипломатически, вряд ли были серьезные основания держать флот в Смирне, если интересы подданных союзных держав будут обеспечены. Поэтому не было ничего неразумного в том, чтобы обсудить причины, которые заставляют нас держать их там». Иными словами, Пуанкаре готов был к компромиссу с турками по вопросу о кораблях при условии, что это не будет выглядеть как безусловное отступление. Крю возразил французскому премьер-министру, что «не может быть и речи, чтобы склоняться перед турецкой угрозой». Тогда Пуанкаре заметил, что войны нужно по возможности избежать, и сослался на мнение маршала Ф. Фоша, что было практически невозможно выжить турок из Мосула, если он станет главным объектом их атаки. Очевидно, Пуанкаре так хотел дать понять англичанам, что в случае войны им не удастся переложить ее бремя на Францию. Крю

³² Dumont P. Op. cit. P. 84.

³³ Henderson to Curzon, 7.02.1923 // DBFP. Vol. XVIII. P. 514–516.

³⁴ Henderson to Curzon, 11.02.1923 // Ibid. P. 533.

³⁵ Имеются в виду действия Греции в ходе войны 1919–1922 гг.

³⁶ Poincaré á Saint-Aulaire et Barrère, 11.02.1923 // DDF: 1923. T. 1. P. 221.

ответил, что англичане тоже стремились сохранить мир, если это можно будет сделать без унижения, но существовал предел, дальше которого нельзя было уступать туркам³⁷.

Кёрзон, однако, одобрил предложение Пуанкаре отклонить турецкий ультиматум и в то же время попытаться урегулировать смирнский инцидент дипломатическим путем. Он, правда, не мог согласиться с отказом турок признавать действие Мудросского перемирия³⁸. 12 февраля в телеграмме Гендерсону он предложил свой проект ноты союзников турецкому правительству. Ее суть сводилась к тому, что союзные корабли находились возле Смирны именно в силу Мудросского перемирия, которое сохраняло силу, в то время как конвенция в Мудании решала лишь частные вопросы, связанные с окончанием военных действий между Турцией и Грецией. По этой причине союзники считали себя полностью вправе посылать корабли в Смирну для защиты жизни и собственности своих граждан. Однако, идя навстречу пожеланиям Анкары, они готовы были обсудить вопрос об ограничении числа этих кораблей до необходимого минимума, если Турция гарантирует безопасность оставшимся кораблям. Кёрзон не удержался от добавления, что скорейшее подписание Турцией предложенного ей в Лозанне договора поможет быстрому возвращению ситуации в турецких портах в нормальное русло³⁹. Кёрзон мог себе позволить говорить с позиции силы, поскольку в этой ситуации, в отличие от многих других случаев, поддержка союзников ему действительно была обеспечена, о чем свидетельствует разговор Пуанкаре с итальянским послом в Париже Р. Авеццаной 12 февраля. По словам Пуанкаре, «если окажется невозможным избежать возобновления состояния войны с Турцией, Италия и Франция должны действовать в согласии с Англией, чтобы гарантировать свои собственные интересы». Он был убежден, что «Англия, даже если окажется в одиночестве, сможет преодолеть турецкое сопротивление, закрепившись постоянно в Галлиполи и Анатолии и полностью изгнав из Турции Францию и Италию, если они бросят ее в самый опасный момент». Пуанкаре не сомневался, что в случае турецкой атаки на Францию она ответит соразмерно, однако надеялся на «более удовлетворительное решение» в результате переговоров с турками⁴⁰.

Итак, обе стороны кризиса в этот момент заняли принципиальную позицию, и в общем-то второстепенный вопрос о кораблях в Смирне стал для каждой из них делом престижа. Страны Антанты защищали свою репутацию великих держав, а Турция — образ сильной страны-победительницы, отстаивавшей свой суверенитет. Между тем Аднан-бей буквально «упрашивал» Гендерсона, чтобы союзники, особенно Великобритания, сделали все для «ликвидации затруднения в Смирне, которое осложняет всю ситуацию». Он изложил позицию Рауф-лаши и самого М. Кемалья, который как раз в это время лично приехал в Смирну, с обоснованием неприемлемости для Анкары ссылок на Мудросское перемирие. Аднан предложил и компромиссный выход: оставить в бухте Смирны только по одному легкому крейсеру от каждой из трех держав. Он обещал похлопотать о повышении установленной «планки» тоннажа остающихся кораблей и особенно просил найти решение до открытия Экономического конгресса в Смирне, намеченного на 15 февраля⁴¹. Таким образом, возникла реальная основа для «разрядки» обстановки. 13 февраля Гендерсон писал, что «есть явные признаки того, что в Турции получает поддержка политика добрых отношений с Великобританией. Однако сторонники такой политики опасаются встретить резкий отказ со стороны Лондона». Гендерсон убеждал своего шефа пойти навстречу туркам в вопросе о кораблях⁴². По его мнению, «ультиматум», предъявленный полковнику Мужену

³⁷ Crewe to Curzon, 11.02.1923 // DBFP. Vol. XVIII. P. 533–534.

³⁸ Curzon to Crewe, 12.02.1923 // Ibid. P. 536.

³⁹ Curzon to Henderson, 12.02.1923 // Ibid. P. 537–539.

⁴⁰ Avezzana a Mussolini, 13.02.1923 // DDI. Ser. 7. Vol. 1. P. 355.

⁴¹ Henderson to Curzon, 12.02.1923 // DBFP. Vol. XVIII. P. 536–537.

⁴² Henderson to Curzon, 13.02.1923 // Ibid. P. 541.

10 февраля, был только блефом, рассчитанным на то, чтобы надавить на Францию. Официальное представление, сделанное в Константинополе в тот же день, не содержало никаких угроз, что подтвердилось при дальнейшем общении с турками. По мнению Гендерсона, «Анкара не откажется от этого требования (о выводе кораблей. — А.Ф.). В то же время они (турки. — А.Ф.) не собираются добиваться его выполнения, если не почувствуют себя в серьезной опасности, как это было 5 февраля. Они ищут способ выйти из этой ситуации без сильной потери лица». Гендерсон согласился с предложенным Кёрзоном проектом ноты с одной оговоркой — не настаивать на упоминании Мудросского перемирия⁴³.

Согласование окончательного текста совместной ноты заняло еще некоторое время. Задержка была вызвана замешательством итальянской стороны. Итальянский премьер-министр Б. Муссолини предлагал созвать в Константинополе конференцию из трех верховных комиссаров, военных экспертов и представителей Анкары по вопросу об иностранных кораблях в турецких портах. Кёрзон считал это предложение «несколько смехотворным», но не возражал против него, если верховные комиссары видели в нем необходимость. Гендерсон отклонил эту идею. Наконец, когда 15 февраля итальянский верховный комиссар получил соответствующие инструкции из Рима, совместная нота была, наконец, вручена туркам. От проекта Кёрзона она отличалась в одной существенной детали: вместо ссылки на Мудросское перемирие в ней содержалось утверждение, что текущая ситуация «была юридически и фактически перемирием», и, пока мир не будет восстановлен, союзники считали себя вправе держать корабли в Смирне, но готовы были обсуждать с турецкой стороной их количество⁴⁴.

Создается впечатление, что лично для Кёрзона события вокруг Смирны, грозившие нарушить хрупкий мир на Ближнем Востоке, сами по себе не имели определяющего значения. По поводу Турции его позиция была неизменной: турки сделали «большую ошибку», отказавшись подписать договор, но они могли исправить ее в любой момент⁴⁵. Между тем, по поступавшим сведениям, Иismet-паша, задержавшийся в Бухаресте, также оставался непреклонен — предложенный ему договор был неприемлем в первую очередь из-за экономических положений, т.е. тех, которые более всего интересовали Францию⁴⁶. Кёрзона на фоне Рурского кризиса гораздо больше, чем ситуация в Смирне, занимали личные взаимоотношения с лидером Франции, к которому он со времен Чанака испытывал большую неприязнь. Иначе трудно объяснить, почему он тратил много времени и сил на заочное выяснение отношений с Пуанкаре по поводу хоть и недавних, но уже прошедших событий. В эти тревожные дни между Лондоном и Парижем шел обмен длинными меморандумами и заявлениями по поводу того, кто виноват в срыве конференции в Лозанне (Кёрзон и Пуанкаре возлагали вину друг на друга). 11 февраля Крю даже мягко посоветовал своему шефу прекратить эту полемику, чтобы не осложнять лишним раз отношений с французами, которые из-за кризиса в Смирне вынуждены были действовать в одной команде с англичанами⁴⁷. Кёрзон не внял этому совету и уже 14 февраля направил в Париж еще одно длинное послание на ту же тему⁴⁸, после чего заочная полемика продолжилась.

Официального ответа турецкой стороны на ноту держав по вопросу о кораблях в Смирне так и не последовало. Очевидно, этот вопрос утратил актуальность после того, как 17 февраля Иismet-паша, наконец, прибыл морским путем из Румынии в Константинополь и имел возможность побеседовать с верховными комиссарами трех держав, а также с генералом Гарингтоном. Все они выражали надежду на скорое подписание мира, с чем Иismet-паша полностью соглашался⁴⁹. Разговор Иismet-паши с Гендерсоном проходил в самом вежливом

⁴³ Ibid. P. 542–543.

⁴⁴ Henderson to Curzon, 15.02.1923 // Ibid. P. 549.

⁴⁵ Curzon to Henderson, 9.02.1923 // Ibid. P. 522–523.

⁴⁶ Curzon to Henderson, 13.02.1923. Note 1 // Ibid. P. 541.

⁴⁷ Crewe to Curzon, 11.02.1923 // Ibid. P. 534–535.

⁴⁸ Curzon to Crewe, 14.02.1923 // Ibid. P. 544–548.

⁴⁹ Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. М., 1927. С. XLVIII (предисловие).

и дружественном тоне. Оба собеседника согласились считать, что конференция в Лозанне не прервана, а всего лишь отложена. Исет-паша после заверений в глубоком уважении к лорду Кёрзону посетовал Гендерсону, что в Лозанне британцы проявили меньше гибкости, чем французы и итальянцы, отказавшись вычленив из проекта договора еще не решенные вопросы. По-прежнему бескомпромиссный Кёрзон, получив отчет об этой беседе, лишь выразил надежду, что Исет-паша «употребит все свое влияние для дела мира». Исет-паша, в свою очередь, ответил, что для успеха дела мира достаточно лишь знать о «скромных пожеланиях турецкого народа, который, как и все народы, просит только о том, чтобы жить свободным и независимым»⁵⁰. Иными словами, каждый остался при своем мнении. Хотя никаких практических результатов беседы в Константинополе не имели, стало окончательно ясно, что Турция в данный момент была настроена на дипломатическое разрешение ситуации.

Из Константинополя Исет-паша отправился в Анкару, встретившись по дороге с М. Кемалем, возвращавшимся из Смирны. 21 февраля в Великом национальном собрании Турции (ВНСТ) после доклада Исет-паши в закрытом режиме начались жаркие дебаты по поводу конференции в Лозанне и проекта договора. В ходе дебатов Рауф-паша заявлял, что, хотя Турция и готова была возобновить военные действия, это следовало делать, только если союзники отвергнут турецкие контрпредложения. В обсуждение вынужден был вмешаться сам М. Кемаль, заявивший, что предложенная отсрочка решения вопроса о Мосуле на год никак не помешает Турции впоследствии захватить этот район силой, поскольку ей придется иметь дело с одной Великобританией, а не со всеми державами Антанты⁵¹.

Напряженная обстановка ощущалась в Константинополе и на берегах Проливов, где были сконцентрированы практически все союзные войска, оставшиеся в Турции. Генерал Гарингтон и адмирал Брок проявляли беспокойство по поводу состояния неопределенности, в котором долго пребывали вверенные им силы. Вероятный отказ Анкары от договора без предложения возобновить переговоры мог повлечь за собой внезапную турецкую атаку на британские позиции. Британский верховный комиссар Г. Рамбольд, вернувшийся к своим обязанностям (пока он участвовал в Лозаннской конференции, в Константинополе его замещал Н. Гендерсон), указывал, что на азиатском берегу Дарданелл турецкие солдаты вновь стали появляться рядом с британскими позициями⁵². Генералу Гарингтону не нравилась «необходимость отдавать врагу инициативу». 22 февраля он писал в Лондон: «Турки так близко ко мне, что я должен действовать, и никакие полумеры не пригодятся с моими слабыми силами. Есть все шансы, что я стану тем человеком, который будет вынужден начать конфликт для защиты своих собственных войск, сделав все возможное, чтобы избежать его». Ответ из военного министерства успокаивал: по имеющимся сведениям, турки не отвергали полностью проект договора, поэтому поводов для тревоги не было. В случае же внезапного начала конфликта Гарингтону приказали действовать в соответствии с полученными ранее инструкциями – покинуть Константинополь и сосредоточиться на обороне Галлиполи⁵³.

О дебатах в Анкаре политики и военные союзных держав могли только догадываться. Кёрзон решил заочно попытаться воздействовать на их ход. 24 февраля по его просьбе адмиралтейство отдало приказ вывести из порта Смирны большую часть британских кораблей, оставив лишь легкий крейсер «Калипсо». В телеграмме Рамбольду по этому поводу Кёрзон распорядился сообщить Аднан-бею, что эта акция, не меняя принципиальной позиции Лондона по вопросу о кораблях, была задумана «как знак примирения и дружелюбия» по отношению к Турции с целью помочь Исет-паше и «умеренной» партии в Анкаре.

⁵⁰ Henderson to Curzon, 17.02.1923 // DBFP. Vol. XVIII. P. 552–553.

⁵¹ *Sonyel S.R.* Op. cit. P. 211–213.

⁵² Rumbold to Curzon, 22.02.1923 // DBFP. Vol. XVIII. P. 562–563.

⁵³ Ibid. Note 1. P. 563–564.

Французов и итальянцев просто уведомили об этой британской акции без всякого предварительного согласования⁵⁴. В Париже такое одностороннее поведение англичан вызвало крайнее раздражение. По сообщению лорда Крю, французское правительство распорядилось вывести из Смирны «единственный» французский корабль⁵⁵, но на самом деле речь шла о выводе только тех кораблей, которые вошли в порт Смирны после 7 февраля⁵⁶. Аднан-бею информацию о принятом решении 24 февраля сообщил главный драгоман британского верховного комиссариата. Вместо легкого крейсера «Калипсо» в Смирну должен был прийти аналогичный корабль «Кэрисфорт», и турок уведомили, что им не следует беспокоиться из-за его прибытия. Как и хотел Кёрзон, драгоман представил британскую акцию как «жест доброй воли», который не менял британскую «принципиальную» позицию. Лондон все еще ждал официального ответа Анкары на совместную ноту союзников от 15 февраля⁵⁷, но теперь это уже не имело принципиального значения. Насколько нам известно, ответа так и не последовало. Так или иначе, из Анкары поступали обнадеживающие сведения: Национальное собрание склонялось к тому, чтобы одобрить действия Исмета в Лозанне, а это значило, что «экстремисты» не смогут взять верх и позиция Анкары по крайней мере не ужесточится⁵⁸. Таким образом, завершение «корабельного» кризиса было, в отличие от его начала, тихим и практически незаметным.

Опасность возобновления конфликта на Ближнем Востоке, однако, полностью не миновала. Вероятность столкновения Турции со всеми тремя союзниками по Антанте резко снизилась, но ее отношения с Францией оставались крайне напряженными. В турецкой прессе продолжалась яростная антифранцузская кампания, начавшаяся еще в конце января, вызванная неуступчивостью Франции в вопросе о финансовых и экономических статьях будущего договора. Францию обвиняли в желании поставить Турцию в положение экономического рабства. Многие атаки турецкой прессы были нацелены на французский мандат в Сирии. 25 февраля эта кампания стала поводом для объяснений между Аднан-беем и французским верховным комиссаром генералом Пелле. По словам генерала, такое отношение турецкой прессы к Франции было крайне неразумным в ситуации, когда мир еще не был подписан: «Турция нуждалась в нас, чтобы его заключить, и она будет еще более нуждаться в нас после его заключения». С другой стороны, как отмечал Пелле в телеграмме в Париж, «некоторые статьи в “Журналь де Деба” взбудоражили всю Турцию»⁵⁹.

Крайне сложной была обстановка на границе Турции с французской Сирией. Турецкие власти ввели запретительные таможенные тарифы, фактически парализовавшие торговлю главного города северной Сирии Алеппо⁶⁰. С территории Турции в Сирию постоянно проникали вооруженные банды («четы»), которые терроризировали местное арабское население, нападали на представителей мандатных властей, а затем скрывались на турецкой территории, избегая столкновений с французской армией⁶¹. Северо-западные районы Сирии жили в условиях, близких к партизанской войне. По мнению британских дипломатов, внимательно следивших за ситуацией, цель турок состояла в том, чтобы дискредитировать в глазах сирийцев французскую администрацию, показав ее неспособность обеспечить безопасность местных жителей. В то же время поступали многочисленные сведения о концентрации у границы турецких войск, значительно превышавших наличные французские силы. В Алеппо ходили слухи, что Франция готова уступить туркам северную Сирию так

⁵⁴ Curzon to Rumbold, 24.02.1923 // Ibid. P. 564–565.

⁵⁵ Ibid. Note 1. P. 565.

⁵⁶ Poincaré á Saint-Aulaire et Barrère, 11.02.1923. Note 3 // DDF: 1923. T. 1. P. 221.

⁵⁷ Rumbold to Curzon, 25.02.1923 // DBFP. Vol. XVIII. P. 567.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Pellé á Poincaré, 25.02.1923 // DDF: 1923. T. 1. P. 279.

⁶⁰ Ibid. Note 1. P. 279.

⁶¹ W. Smart, vice-consul in Aleppo to Curzon, 1.02.1923 // Records of Syria, 1918–1973 (далее – RS). Vol. 3. London, 2005. P. 177; Smart to Curzon 2.02.1923 // Ibid. P. 179.

же, как двумя годами ранее она оставила им Киликию⁶². Советский полпред в Турции С.И. Аралов доносил в Москву: «Образовалось течение во главе с Февзи-пашой (начальником военного штаба) сторонников наступления на Сирию. Февзи-паша уверяет, что он через две недели будет в Дамаске. Исмет-паша возглавляет мирное течение. Кемаль будто бы примыкает к военной группе». Тем не менее вероятность войны советский полпред оценивал как невысокую. По сведениям Аралова, отношение к Франции сильно зависело от политического расклада в самой Турции. В то время как «официальная печать» (особенно газета «Ени Гюн») «ежедневно ругает французское правительство и поносит его самыми нещадными словами», оппозиционные круги (газета «Тан») «очень прозрачно защищают французские интересы»⁶³, что Аралов приписывал близким контактам лидеров оппозиции с полковником Муженом.

Тем временем после двухнедельных дебатов турецкое Национальное собрание 6 марта 1923 г. отклонило предложенный союзниками проект мирного договора и выработало свои контрпредложения, врученные представителям трех держав 9 марта. Турки требовали полной отмены капитуляций, хотели оградить свою промышленность от иностранной конкуренции высокими таможенными и фискальными барьерами, а также лишить иностранцев права распоряжаться некоторыми монополиями. Османский долг турки соглашались выплачивать в бумажной, а не в золотой валюте. Экономические вопросы они предлагали выделить из мирного договора и обсудить на особых переговорах. Именно экономический вопрос стал причиной нового обострения франко-турецких отношений.

На Кэ д'Орсе полагали, что турецкие предложения содержали «серьезные изменения» условий, предложенных союзниками, от которых более всего страдают французские интересы. Поэтому было решено отказаться от «сепаратного» рассмотрения экономических вопросов, о чем Пелле уведомил турецких дипломатов. Такой поворот событий вызвал взрыв возмущения в Турции. Турецкая пресса с новой силой обрушилась на Францию как на главное препятствие к миру на Ближнем Востоке. В Анкаре полковнику Мужену пришлось выслушать от Рауф-паши возмущенные обвинения в адрес Франции в нарушении данного слова⁶⁴. Около 20 марта Мустафа Кемаль посетил город Адану недалеко от сирийской границы, где его встретила большая группа этнических турок из района Александретты (Искендеруна) на северо-западе Сирии. Беженцы, вышедшие в знак траура под черными флагами, красочно описывали невероятные жестокости, якобы творимые французами по отношению к туркам на этой территории. Мустафа Кемаль заявил им: «Турецкий очаг существовал тысячи лет в ваших местах. Он не останется поработенным иностранцами»⁶⁵. Это было воспринято и слушателями, и прессой как призыв к началу борьбы за возвращение данного района Турции. После визита Кемалья в Адану события на границе приняли иной оборот. Турецкая пресса обвиняла Францию в притеснениях турецкого населения этого района с явными намеками на несправедливость существующей границы (проводились параллели с Эльзас-Лотарингией после войны 1870–1871 гг.)⁶⁶. Французских войск явно не хватало для противостояния вылазкам вооруженных банд, не говоря уже об отражении возможного турецкого нападения. Французы вынуждены были начать строительство оборонительных сооружений в районе Александретты и в то же время стали формировать из сирийских крестьян отряды самообороны для борьбы с произволом турецких и «протурецких» банд⁶⁷.

⁶² Rumbold to Curzon, 23.03.1923 // Ibid. P. 182; Smart to Curzon, 31.03.1923 // Ibid. P. 184.

⁶³ С.И. Аралов – Л.М. Карахану, 26.02.1923 // Турция: рождение национального государства. 1918–1923 (по документам РГАСПИ). М., 2007. С. 249.

⁶⁴ *Sonyel S.R.* Op. cit. P. 213.

⁶⁵ *Аралов С.И.* Указ. соч. С. 152.

⁶⁶ Rumbold to Curzon, 23.03.1923 // RS. Vol. 3. P. 182; Smart to Curzon 31.03.1923 // Ibid. P. 184.

⁶⁷ W. Smart, consul in Aleppo to Foreign Office, 1.02.1923 // Ibid. P. 177; Smart to Curzon, 2.02.1923 // Ibid. P. 179.

С 21 по 27 марта в Лондоне происходило совещание глав делегаций союзников для обсуждения турецких предложений. Их подробный разбор был поручен совместному комитету экспертов, в котором французская делегация оказалась самой «туркофобской». В отчетах экспертов в принципиально важных для Франции вопросах рекомендовалось настаивать на самых жестких позициях. Тогда же французский представитель на Лозаннской конференции М. Бомпар представил план разделения экономических и финансовых вопросов. Проблемы Османского долга предстояло решать в Лозанне главам официальных делегаций. В то же время, поскольку под «экономическими» проблемами понималась прежде всего судьба довоенных концессий, их предлагалось решить на прямых переговорах делегации главных концессионеров с турецким правительством одновременно с конференцией в Лозанне⁶⁸. Итоговый документ этих переговоров должен был быть подписан вместе с мирным договором.

Во время перерыва в работе Лозаннской конференции Турция приняла еще один принципиально важный шаг для того, чтобы сделать союзников (главным образом, французов) более сговорчивыми: турки установили контакт с главным конкурентом европейских держав. К началу апреля были закончены переговоры между правительством ВНСТ и американо-канадской группой Честера – Кеннеди на предоставление концессии на строительство сети железных дорог, портов, телеграфных линий в Восточной Анатолии и Северном Ираке. 9 апреля ВНСТ одобрило договор о концессии. Это соглашение прямо било по интересам Великобритании, так как в нем речь шла о Мосульском вилайете. Французы тоже протестовали против него, так как оно нарушало франко-турецкие договоренности 1914 г., когда Турция в обмен на очередной заем обещала предоставить аналогичные концессии французской группе. Со стороны турок это был чисто дипломатический маневр – в 1924 г. концессия была аннулирована⁶⁹.

23 апреля Лозаннская конференция возобновила работу. Турцию на ней по-прежнему представлял Исет-паша, а державы Антанты – верховные комиссары в Константинополе: Рамбольд, Пелле и Монтанья. К этому времени англо-французские противоречия вокруг Рура зашли столь далеко, что, как тогда говорили, *entente cordiale* («сердечное согласие») на практике превратилось в *rupture cordiale* («сердечный разрыв»). В Рурском конфликте Лондон формально занимал нейтральную позицию, а в британском руководстве не было единства относительно дальнейшей политической линии в этом вопросе⁷⁰. Тем не менее было очевидно, что от позиции Лондона в значительной мере зависел исход Рурского кризиса и, следовательно, политические перспективы самого Пуанкаре. В этой ситуации Париж просто не мог себе позволить явных разногласий с англичанами еще и на Востоке, где кемалистская Турция превратилась из предполагаемого союзника (каким она была с конца 1921 г.) в жесткого оппонента.

Работа конференции продвигалась медленно. 26 мая Турция отказалась от требования репараций с Греции в обмен на уступку Карагача – предместья Адрианополя на правом берегу реки Марицы. Это позволило Греции и Турции к середине июня выработать прелиминарные условия мира между собой. Теперь Греция могла приступить к демобилизации армии, сконцентрированной вдоль реки Марицы, лишив таким образом страны Антанты одного из главных аргументов в споре с Турцией. Великие державы должны были продолжать переговоры, практически не имея реальных рычагов давления на турецкую сторону. Итальянский делегат на конференции Дж. Монтанья в связи с этим писал в Рим: «У меня возникает сомнение, что греческий шаг скрывает английский маневр, чтобы заставить Францию быть более сговорчивой в вопросах, которые все еще дебатировались и которые являются ее преимущественным интересом»⁷¹.

⁶⁸ Meetings in London 21–27.03.1923 // DBFP. Vol. XVIII. P. 607–661.

⁶⁹ Eversley L., Chiról V. The Turkish Empire from 1288 to 1914. London, 1924. P. 451.

⁷⁰ См. подробнее: Магадеев И.Э. В тени Первой мировой войны: дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М., 2021. С. 319–329.

⁷¹ Montagna a Mussolini, 14.06.1923 // DDI. Ser. 7. Vol. 2. P. 55–56.

Как и следовало ожидать, наибольшие разногласия возникли между Турцией и Францией. Отстаивая экономические интересы Франции, Пелле фактически приходилось иметь дело с Иismet-пашой один на один. Великобритания взяла на себя привычную посредническую роль, но Рамбольд в соответствии с инструкциями из Лондона убеждал Пелле идти на все новые уступки туркам⁷². Франция оказалась в сложном положении. Многократно провозгласив, что не желает возобновления войны, она вынуждена была искать мира любой ценой. Продолжать конференцию бесконечно она не могла ввиду напряженной ситуации в Европе. Показательно, что, когда интересы союзников совпадали, Иismet-паша вынужден был уступать. Так, например, под давлением англичан он согласился сохранить на пять лет таможенный тариф 1916 г.⁷³ Главной причиной франко-турецкий разногласий стал спор о форме выплаты процентов по долгам (в золоте или в бумажных франках). Вопрос так и не был решен, и его согласились передать для непосредственных переговоров между Турцией и держателями облигаций. Турки также добились полной отмены капитуляций. К моменту последнего пленарного заседания многие экономические вопросы оставались открытыми, но было принято решение подписать договор, а все спорные вопросы отложить для дальнейших переговоров. Договор был подписан 24 июля 1923 г., а через месяц ВНСТ его ратифицировало. В начале октября все иностранные войска покинули Турцию.

В период подготовки и работы второй сессии Лозаннской конференции Турция несколько не отказалась и от «жестких» форм давления на оппонентов. Вплоть до подписания и ратификации договора силовой вариант развития событий не терял актуальности. В меморандуме британского генерального штаба, составленном в середине апреля 1923 г., говорилось, что «ситуация с Турцией не урегулирована и есть возможность, хотя и маловероятная, что, если русское влияние возобладает в Анкаре, мы можем оказаться в ситуации, в которой войны с Турцией вряд ли удастся избежать без потери престижа на Востоке». Наличных британских сил в регионе было явно недостаточно для такого случая, а на помощь французов и итальянцев рассчитывать было нельзя. В случае возникновения такого конфликта британские военные предлагали уже знакомый нам план — оставить Константинополь и сосредоточиться на обороне Дарданелл⁷⁴. Отметим, что приписывание всех возможных неприятностей в Азии «русскому» или «большевистскому» влиянию стало к этому времени уже своеобразной английской традицией. О том, что эти страхи были явно не оправданы, свидетельствуют донесения советских представителей в Анкаре в Москву. Советско-турецкие отношения в первой половине 1923 г. находились, мягко говоря, в стадии сильного охлаждения, а советское влияние на турецкую политику оказалось близким к нулю. Причины были как в явных ошибках турецкой дипломатии, так и в большей заинтересованности Турции в сотрудничестве с развитыми странами Запада (в первую очередь с той же Великобританией и с США) при послевоенном восстановлении экономики страны⁷⁵.

Гораздо больше поводов для беспокойства в это время было у Франции. Дипломатические баталии в Лозанне сопровождалась ростом напряженности на турецко-сирийской границе, где отмечалась концентрация турецких войск. В середине апреля значительная их группировка (до одной дивизии) сконцентрировалась на небольшом участке границы напротив Александретты. Французы в ответ помимо строительства оборонительных сооружений

⁷² См., например: Rumbold to Curzon, 16.06.1923 // DBFP. Ser. 1. Vol. XVIII. P. 871–874.

⁷³ *Thobie J.* Une dynamique de transition: Les relations économiques franco-turques dans les années 20 // *La Turquie et la France à l'époque d'Atatürk.* Paris, 1981. P. 112.

⁷⁴ Our military strength in relation to our military commitments. Memoir by the General Staff, April 1923 // The National Archives. CAB 24/159/100.

⁷⁵ С.И. Аралов — Л.М. Карахану, 4.02.1923 // Турция: рождение национального государства... С. 241–246; Я.З. Суриц — Л.М. Карахану, 19.06.1923 // Там же. С. 252–258.

направили в Александреттскую гавань два крейсера⁷⁶. Командующий французскими войсками в этом районе генерал Билотт считал турецкие маневры не более чем «блефом»⁷⁷, но энергично принимал необходимые меры для обороны границы. В начале мая полковник Мужен сообщал из Анкары, что турки направили в Киликию новое подкрепление, а через месяц он писал уже о подготовке частичной мобилизации в Турции⁷⁸.

Согласно отчету французской разведки, попавшему в руки англичан, к концу апреля численность турецких войск в Киликии достигла 11–12 тыс. человек. Кроме того, между турецким городом Килис и Александреттским заливом концентрировались многочисленные «иррегулярные» отряды, которые организовывались и обучались офицерами турецкого генштаба. Эти силы могли быть немедленно задействованы против Франции в случае нового срыва переговоров. Целью этих действий было «запутать» французских дипломатов в Лозанне. На случай срыва конференции Анкара заранее готовила пропагандистскую публикацию документов, возлагавшую вину за него на Францию. По мнению авторов отчета, Турция на южном направлении применяла двойную тактику, сочетая блеф с реальными военными приготовлениями. Так, явным блефом была «утечка» информации о якобы стянутых к границе 35 тыс. солдат (настоящая численность, как уже говорилось, была в три раза меньше). С другой стороны, концентрация даже 12 тыс. солдат была вполне реальным проявлением враждебности, так же, как и антифранцузская кампания внутри страны («ксенофобские чувства населения по отношению к нам были доведены до пароксизма»), и явное неуважение, которое турки демонстрировали полковнику Мужену. Проявлениями антифранцузской политики можно было считать закрытие отделений французского Сирийского банка в Киликии и предоставление американцам «Концессии Честера», которая, как считали французы, была направлена против их интересов. Турки, правда, по крайней мере дважды приостанавливали военные приготовления (первый раз – во второй половине марта и второй раз – после 24 апреля), но, как считала французская разведка, только с целью «усыпить бдительность» Франции. В целом политика Анкары по отношению к Франции, и особенно к французскому мандату в Сирии, оставалась крайне враждебной⁷⁹.

Ситуация представлялась Парижу настолько серьезной, что 2 мая французский посол в Лондоне граф Ш. Сент-Олер по поручению Пуанкаре предложил Кёрзону выступить с совместным протестом против действий турок в отношении Сирии, которые, по его мнению, угрожали интересам всей Антанты. Пуанкаре предлагал, чтобы Великобритания по примеру Франции усилила военное присутствие вблизи турецких границ. Кёрзон ответил резким отказом, напомнив послу о поведении Франции во время Чанакского кризиса восемь месяцами ранее, когда ситуация была прямо противоположной. По мнению Кёрзона, наилучшим местом для проявления солидарности Антанты была Лозанна⁸⁰. Трудно было яснее указать Франции на ее фактически подчиненное место в англо-французском тандеме. В результате в начале мая МИД Франции в одиночку предпринял официальный демарш в Константинополе по поводу враждебных действий Турции на южной границе. В случае их продолжения Франция угрожала покинуть конференцию в Лозанне. Аналогичное заявление, но в более мягких выражениях, сделал в Лозанне Пелле. На турок это «произвело большое впечатление»⁸¹. 3 мая начали поступать сведения о начале демобилизации турецких частей, стянутых к сирийской границе⁸², но этот спад напряженности был коротким. Вылазки турецких «чет» и столкновения с французскими войсками

⁷⁶ J. Catoni, vice-consul in Aleppo to W. Smart, 19.04.1923 // RS. Vol. 3. P. 189.

⁷⁷ Smart to Curzon, 21.04.1923 // Ibid. P. 190.

⁷⁸ Dumont P. Op. cit. P. 86.

⁷⁹ Service des Renseignements. Bulletin périodique № 64 (du 6 au 30 avril 1923). Beyrouth, 6.05.1923 // RS. Vol. 3. P. 204–211.

⁸⁰ Curzon to Crewe, 2.05.1923 // Ibid. P. 198.

⁸¹ Rumbold to Curzon, 3.05.1923 // Ibid. P. 201.

⁸² Smart to Curzon, 3.05.1923 // Ibid. P. 203.

происходили 21 мая южнее Идлиба⁸³, в середине июня в районе Алеппо (погиб французский лейтенант) и к северо-западу от Александретты⁸⁴. В июне усилилась активность турецких войск у границы. К городам Адана и Мараш стягивались значительные подкрепления⁸⁵. В конце июня турецкие войска заняли пограничные посты к югу от железной дороги Нисбин-Джезире на территории, которую французы считали сирийской (граница еще не была делимитирована)⁸⁶. Можно предположить, что все это было связано с по-прежнему неуступчивой позицией французской делегации в Лозанне.

Подписание договора 24 июля не принесло немедленного успокоения. В конце июля у сирийского пограничного пункта Духанур в районе Нисбина произошло масштабное боевое столкновение. По французским сведениям, с турецкой стороны в нападении на этот пункт принимало участие до 3,5 тыс. человек под командованием офицера разведки. Французы за три дня (28–30 июля) потеряли 16 человек убитыми. Инцидент послужил причиной дипломатического демарша со стороны Франции в Анкаре⁸⁷. Не прекращалась и деятельность «чет» на границе. В начале августа к востоку от города Хассеке у стыка границ Турции, Сирии и Ирака произошел настоящий бой между отрядом французских колониальных войск и большой группой вооруженных бедуинов и курдов, которых французы считали протурецки настроенными. Французская колонна была практически полностью уничтожена. Погибли три французских офицера и более 60 тунисцев и сирийцев на французской службе. В ответ французы подвергли бомбардировке с воздуха несколько сирийских деревень поблизости от места нападения⁸⁸.

С осени 1923 г. на турецко-сирийской границе на некоторое время установилось затишье, но в апреле 1924 г. начался новый всплеск активности протурецких «чет», хоть и в меньших масштабах. Это, вероятно, можно объяснить затягиванием ратификации Лозаннского договора Францией. Предлогом был спор о статусе французских школ в Турции. Франция номинально оставалась в состоянии войны с Турцией, и та, очевидно, решила дать французам это почувствовать. Ситуация, однако, быстро разрядилась после того, как новое правительство «Картеля левых» во главе с Э. Эррио, пришедшее к власти в мае 1924 г., поспешило наладить отношения с Анкарой и уже в августе ратифицировало Лозаннский договор.

* * *

Рассмотренные события позволяют сделать некоторые выводы о процессе становления нового международного порядка после Первой мировой войны. В 1923 г. он подходил к завершению. Рурский кризис был, пожалуй, последним случаем использования в международной политике грубого силового давления перед наступлением «эры пацифизма» в середине 1920-х годов. «Военную тревогу», связанную с внезапным прекращением работы Лозаннской конференции, можно отнести к явлениям того же порядка, хотя, разумеется, и значительно меньшего масштаба. Как и в любом международно-политическом кризисе, здесь мы видим конфликт, вызванный несовместимостью интересов участников. Страны Антанты хотели навязать Турции договор, сохранявший многие следы ее прежнего полуколониального положения, а Турция не хотела его подписывать. Провал попыток дипломатического разрешения этого спора, ставший очевидным к 4 февраля, вызвал эскалацию противостояния между Турцией и ее недавними победителями. Его

⁸³ Smart to Curzon, 31.05.1923 // Ibid. P. 215.

⁸⁴ Smart to Curzon, 18.06.1923 // Ibid. P. 221.

⁸⁵ H. Satow (Beirut) to Curzon, 15.06.1923 // Ibid. P. 224

⁸⁶ L. Oliphant (Foreign Office) to the Under-Secretary of State, Colonial Office, 28.06.1923 // Ibid. P. 223.

⁸⁷ Foreign Office to Colonial Office, 27.08.1923 // Ibid. P. 230.

⁸⁸ Vaughan-Russell (Aleppo) to Curzon, 10.08.1923 // Ibid. P. 226; Smart to Curzon, 17.08.1923 // Ibid. P. 227; Palmer (Damascus) to Curzon, 17.08.1923 // Ibid. P. 228.

можно четко разделить на две фазы — «корабельный» кризис в Смирне и обострение ситуации на турецко-сирийской границе.

Сразу после прекращения работы Лозаннской конференции турецкий ультиматум о выводе кораблей из Смирны спровоцировал кризис, продолжавшийся около двух недель (5–17 февраля 1923 г.). Как часто бывает в таких ситуациях, ни одна из сторон не хотела возобновления войны, но и не желала «терять лицо», пойдя на слишком явные уступки. Отсюда столь принципиальное значение, которое придавалось в общем-то второстепенному вопросу о кораблях. На протяжении всего кризиса у союзников был постоянный «канал связи» с Анкарой в лице представителя Кемаля в Константинополе Аднанбея. Это, однако, не означает, что кризис не мог перерасти в войну. К таким последствиям мог привести любой случайный инцидент, если бы у кого-то из военных «сдали нервы». Однако особенность этого кризиса, в отличие, например, от Чанакского, была все же в его большей «управляемости». Причиной его возникновения стали намеренные действия Кёрзона, приведшие к срыву Лозаннской конференции. Целью британского министра иностранных дел было вынудить явно ненадежных «союзников» по Антанте — французов и итальянцев — действовать «в одной упряжке» с Лондоном, что было особенно важно из-за разворачивавшегося Рурского кризиса. В ходе «корабельного кризиса» данная цель была достигнута. Пуанкаре, вначале гордо заявлявший, что Франция не будет воевать за британские интересы, вскоре вынужден был признать, что французские интересы на Востоке оказались неотделимы от британских. Более того, именно Франция стала теперь главным противником новой Турции, и именно на нее в случае открытого конфликта легла бы ответственность за его последствия (в первую очередь на севере Сирии). Сам же кризис в Смирне разрешился к общему удовлетворению: Кёрзон распорядился вывести корабли (кроме одного), только выждав довольно большую паузу, когда это выглядело уже не как уступка под давлением, а как жест доброй воли. Каждая сторона могла считать себя «победителем».

Второй фазой Ближневосточного кризиса 1923 г. можно назвать резкое обострение ситуации на турецко-сирийской границе, начиная с марта 1923 г. Столкнувшись с твердой позицией Франции по вопросу экономических статей договора, Анкара пошла на преднамеренную эскалацию конфликта с помощью действий нерегулярных «чет» на севере Сирии и концентрации войск у границы. Пересмотр границы, очевидно, не входил тогда в планы Турции. Ее цель, по-видимому, состояла в другом: на фоне Рурского кризиса поставить Париж перед перспективой затяжного и дорогостоящего конфликта на Востоке без всякой внешней поддержки, поскольку англичане так же не собирались воевать за французские интересы, как и французы за британские. Во время второй сессии конференции в Лозанне Париж не имел на руках никаких серьезных «козырей». Итогом стал Лозаннский договор, который и Великобритания, и Турция могли по разным причинам рассматривать как свой успех, а для Франции он стал явным дипломатическим поражением. В целом, кризис показал неспособность Франции отстаивать свои интересы на Ближнем Востоке «в одиночку» и ее вынужденную зависимость от политики Великобритании, которая и после победы кемалистов сохраняла здесь значительное влияние. Таким образом, можно сделать вывод, что рассмотренные нами события сыграли на Ближнем Востоке роль, аналогичную роли Рурского кризиса в Европе.

Библиография

- Аралов С.И. Воспоминания советского дипломата. 1922–1923. М., 1960.
Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании. М., 2016.
Кемаль Мустафа [Ататюрк]. Путь новой Турции. 1919–1927. Т. 4. Победа новой Турции 1921–1927. М., 1934.
Лазарев М.С. Империализм и курдский вопрос (1917–1923). М., 1989.

- Магадеев И.Э. В тени Первой мировой войны: дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М., 2021.
- Миллер А.Ф. Турция: актуальные проблемы новой и новейшей истории. М., 1983.
- Поцхверия Б.М. Турция между двумя мировыми войнами: очерки внешней политики. М., 1992.
- Сергеев Е.Ю. Джордж Натаниэль Керзон — последний рыцарь Британской империи. М., 2015.
- Фомин А.М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство», 1918–1923. М., 2010.
- Хормач И.А. Советская Россия на Лозаннской конференции по урегулированию положения на Ближнем Востоке (1922–1923 годы) // Новая и новейшая история. 2019. № 2. С. 74–92.
- Шамсутдинов А.М. Национально-освободительная борьба в Турции. 1918–1923 гг. М., 1966.
- Bush B.C. Mudros to Lausanne. Britain's Frontier in West Asia 1918–1923. Albany; New York, 1976.
- Cumming H.H. Franco-British Rivalry in the Post War Near East. The decline of French influence. London; New York; Toronto, 1938.
- Dockrill M.L., Goold J.D. Peace without Promise. Britain and the Peace Conferences. 1919–1923. London, 1981.
- Dumont P. A l'aube du rapprochement franco-turc: le colonel Mougin, premier représentant de la France auprès du gouvernement d'Ankara (1922–1925) // La Turquie et La France à l'époque d'Atatürk. Paris, 1981. P. 79–84.
- Eversley L., Chirol V. The Turkish Empire from 1288 to 1914. London, 1924.
- Miquel P. Poincaré. Paris, 1984.
- Nicolson H. Curzon: the Last Phase, 1919–1925. A Study in Post-War Diplomacy. London, 1937.
- Sonyel S.R. Turkish Diplomacy, 1918–1923. Mustafa Kemal and the Turkish National Movement. London; Beverly Hills (CA), 1975.
- Thobie J. Une dynamique de transition: Les relations économiques franco-turques dans les années 20 // La Turquie et la France à l'époque d'Atatürk. Paris, 1981. P. 109–160.
- Walder D. The Chanak Affair. London, 1969.

References

- Aralov S.I. Vospominaniya sovetskogo diplomata. 1922–1923 [Memoirs of a Soviet diplomat. 1922–1923]. Moskva, 1960. (In Russ.)
- Fomin A.M. Voyna s prodolzheniyem. Velikobritaniya i Frantsiya v bor'be za "Osmanское nasledstvo", 1918–1923 [The War to be continued. Great Britain and France in the struggle for the "Ottoman inheritance", 1918–1923]. М., 2010. (In Russ.)
- Kapitonova N.K., Romanova Ye.V. Istoriya vneshney politiki Velikobritanii [History of British Foreign Policy]. Moskva, 2016. (In Russ.)
- Kemal' Mustafa. Put' novoy Turtsii. 1919–1927. T. 4 [The path of a new Turkey. 1919–1927. Vol. 4]. Moskva, 1934. (In Russ.)
- Khormach I.A. Sovetskaya Rossiya na Lozanskoj konferentsii po uregulirovaniyu polozheniya na Blizhnem Vostoke (1922–1923 gody) [Soviet Russia at the Lausanne Conference on the Settlement of the Situation in the Middle East (1922–1923)] // Novaya i noveyshaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2019. № 2. S. 74–92. (In Russ.)
- Lazarev M.S. Imperializm i kurdskiy vopros (1917–1923) [Imperialism and the Kurdish Question (1917–1923)]. Moskva, 1989. (In Russ.)
- Magadeyev I.E. V teni Pervoy mirovoy voyny: dilemmy yevropeyskoy bezopasnosti v 1920-ye gody [In the shadow of the First World War. Dilemmas of European security in the 1920s]. Moskva, 2021. (In Russ.)
- Miller A.F. Turtsiya. Aktual'nyye problemy novoy i noveyshey istorii [Turkey. Actual problems of modern and recent history]. Moskva, 1983. (In Russ.)
- Potskhveriya B.M. Turtsiya mezhdru dvumya mirovymi voynami. Oчерki vneshney politiki [Turkey between the two world wars. Foreign policy essays]. Moskva, 1992. (In Russ.)
- Sergeyev E.Yu. Dzhordzh Nataniel' Kerzon — posledniy rytsar' Britanskoy imperii [George Nathaniel Curzon. The last knight of the British Empire]. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Shamsutdinov A.M. Natsional'no-osvoboditel'naya bor'ba v Turtsii. 1918–1923 [National liberation struggle in Turkey. 1918–1923]. Moskva, 1966. (In Russ.)
- Bush B.C. Mudros to Lausanne. Britain's Frontier in West Asia 1918–1923. Albany; New York, 1976.
- Cumming H.H. Franco-British Rivalry in the Post War Near East. The decline of French influence. London, 1938.
- Dockrill M.L., Goold J.D. Peace without Promise. Britain and the Peace Conferences. 1919–1923. London, 1981.

Dumont P. A l'aube du rapprochement franco-turc: le colonel Mougin, premier représentant de la France auprès du gouvernement d'Ankara (1922–1925) // *La Turquie et La France à l'époque d'Ataturk*. Paris, 1981. P. 79–84.

Eversley L., Chirol V. The Turkish Empire from 1288 to 1914. London, 1924.

Miquel Pierre. Poincaré. Paris, 1984.

Nicolson H. Curzon: the Last Phase, 1919–1925. A Study in Post-War Diplomacy. London, 1937.

Sonyel S.R. Turkish Diplomacy, 1918–1923: Mustafa Kemal and the Turkish National Movement. London; Beverly Hills (CA), 1975.

Thobie J. Une dynamique de transition: Les relations économiques franco-turques dans les années 20 // *La Turquie et la France à l'époque d'Atatürk*. Paris, 1981. P. 109–160.

Walder D. The Chanak Affair. London, 1969.

DOI: 10.31857/S013038640020245-7

© 2022 г. М.Д. БУХАРИН

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА КОНЦА 1930-х – НАЧАЛА 1940-х годов: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ И ХИМЕРЫ ИЗОЛЯЦИИ

Бухарин Михаил Дмитриевич – действительный член РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: michabuha@gmail.com

Scopus Author ID: 16308918000; ORCID: 0000-0002-3590-016X; Researcher ID: R-9643-2017

Аннотация. В конце 1930-х – начале 1940-х годов европейская наука, как и иные сферы общественной жизни, погружается в период региональной изоляции, разрыва налаженных международных связей: информация циркулировала с большими затруднениями, проверка ее надежности была затруднена. В результате место достоверных и верифицируемых сведений занимали слухи. Характерным примером явилась попытка празднования 70-летнего юбилея крупнейшего историка первой половины XX в. М.И. Ростовцева (1870–1952), жившего и работавшего в США. В преддверии юбилея в среде историков-эмигрантов Восточной и Юго-Восточной Европы распространились слухи о смерти Ростовцева. Не имея возможности ни проверить сообщения о его кончине, ни удостовериться в том, что Ростовцев жив, европейская наука отказалась как от празднования юбилея, так и от проведения мемориальных заседаний. Возможно, слухи о кончине М.И. Ростовцева распускал директор пражского Института им. Н.П. Кондакова в 1939–1945 гг. Н.Е. Андреев, который хотел таким образом избежать необходимости привлекать европейскую и североамериканскую научную общественность к чествованию М.И. Ростовцева, что вызвало бы необходимость публично прибегать к поддержке пронацистских властей Протектората Богемии и Моравии, от которых зависела деятельность института. В течение всего военного периода коллеги не имели возможности знакомиться с работами друг друга. В послевоенный период структура европейской науки не вернулась к точке начала кризиса конца 1930-х годов. Новая трансформация была обусловлена переделом сфер влияния в Центральной и Восточной Европе и формированием новых барьеров на путях научной коммуникации.

Ключевые слова: гуманитарные науки, ученые, научная политика, международное сотрудничество, М.И. Ростовцев, русская эмиграция, европейские страны.

M.D. Bukharin

European Historical Science of the Late 1930s – Early 1940s: International Connections and Chimeras of Isolation

Mikhail Bukharin, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: michabuha@gmail.com

Scopus Author ID: 16308918000; ORCID: 0000-0002-3590-016X; Researcher ID: R-9643-2017

Abstract. In the late 1930s and early 1940s, European science plunged into a period of regional isolation and the breakdown of established international ties. As a result, rumour replaced reliable verifiable information. A notable case in point was the attempt to celebrate the 70th anniversary of M.I. Rostovtzeff (1870–1952), a prominent historian of the first half of the twentieth century, who lived and worked in the United States. In the run-up to the anniversary, rumours of the death of Rostovtzeff began to circulate among immigrant historians in Eastern and Southeastern Europe. Unable either to verify reports of his

death or to verify that Rostovtzeff was alive, European academic community declined both to commemorate the anniversary and to hold memorial events. Perhaps it was the director of the Kondakov Institute in Prague in 1939–1945, N.E. Andreev, who disseminated rumours about the death of M.I. Rostovtzeff, thus trying to avoid involving the European and North American academic community in the celebration, which would have necessitated publicly soliciting the support of the pro-Nazi authorities of the Protectorate of Bohemia and Moravia, on which the Institute depended. Throughout the period of the II World War, colleagues could not get acquainted with each other's work. In the post-war period, the structure of European science did not return to the point of the beginning of the crisis of the late 1930s. The new transformation was due to the redistribution of spheres of political influence in Central and Eastern Europe and the formation of new barriers to scientific communication.

Keywords: humanities, scholars, academic policy, international cooperation, M.I. Rostovtzeff, Russian emigration, European countries.

Наука принадлежит к числу тех явлений человеческой культуры, которые не развиваются усилиями отдельно взятых лиц: в том или ином виде каждый профессиональный научный работник, даже работающий индивидуально, прямо или опосредованно взаимодействует со своими предшественниками или современниками. Всякая научная деятельность встроена в систему взаимоотношений – личных, институциональных, концептуальных – так называемую «сеть». Понятие «сети» в реконструкции и анализе прошлого и настоящего науки стало в настоящий момент одним из определяющих. Анализ формирования и развития сетей научного взаимодействия в глобальном масштабе в Новое и Новейшее время привел к выявлению и других особенностей современной науки, которые принято описывать такими категориями, как «движущиеся метрополии», «полицентрические коммуникационные сети», которые подчеркивают взаимосвязанность и меняющиеся отношения власти и влияния научной деятельности во всем мире¹. История мировой науки XX в. рассматривается в настоящее время в категориях отхода от «бинарного» и «детерминированного» понимания истории имперской науки и понимания отношений науки и государства «условными, недетерминированными и нестабильными способами»². «Сети» стали ключевой темой в написании истории науки, однако сами они не получили такого же критического анализа и в результате могут показаться всеобъемлющими, абстрактными, а история их функционирования – беспроблемной³.

Период 1920–1930-х годов в европейской науке пришелся на то время, когда континентальные империи Европы – Российская, Австро-Венгерская, Германская, Османская – прекратили свое существование. В период распада глобальных империй значительно возрастает шанс на появление «движущейся метрополии»⁴, когда центры научной деятельности перемещаются или создаются по мере изменения политических, экономических и научных отношений. Одной из таких метрополий стала Прага, положение которой как европейского научного центра значительно укрепилось за счет новых волн научной эмиграции из Советской России. Создание сетей научного взаимодействия стало для русской эмигрантской (и не только пражской, конечно⁵) научной общественности

¹ *Petitjean P.* Science and the “Civilizing Mission”: France and the Colonial Enterprise // *Science Across the European Empires 1800–1950* / ed. B. Stutchey. Oxford, 2005. P. 107–128.

² *Bennett B.M., Hodge J.M.* Science and Empire: Knowledge across the British Empire, 1800–1970. Basingstoke, 2011. P. 13–16.

³ *Chakrabarti P., Worboys M.* Science and Imperialism since 1870 // *The Cambridge History of Science* / eds H. Slotten, R. Numbers, D. Livingstone. Vol. 8. Modern Science in National, Transnational, and Global Context. Cambridge, 2020. P. 12.

⁴ *MacLeod R.M.* On Visiting the “Moving Metropolis”: Reflections on the Architecture of Imperial Science // *Historical Records of Australian Science*. 1982. Vol. 5. № 3. P. 1–2.

⁵ См., например: *Fátima Nunes M. de.* The History of Science in Portugal (1930–1940): the Sphere of Action of a Scientific Community // *E-Journal of Portuguese History*. 2004. Vol. 2/2. P. 1–17.

не просто способом вести свою профессиональную деятельность⁶, но и в какой-то степени способом отстоять свою национальную и культурную идентичность⁷ и даже осуществления мессианских устремлений⁸.

Слом системы взаимодействия, разрыв налаженных связей неминуемо и очень быстро отражался на деятельности всей научной сферы. Одним из факторов, нанесших глобальной науке XX в. первый сильнейший удар, была Первая мировая война, в значительной степени подорвавшая сложившуюся структуру международного научного взаимодействия. На этот удар наложились российские революции 1917 г., приведшие к слому одной из наиболее успешных систем научной деятельности и ее выходу из привычной схемы международного научного взаимодействия. Эта схема функционировала на различных уровнях: институциональном, личном, исследовательском⁹.

В XXI столетии поддерживать сети взаимодействия в рабочем порядке, казалось бы, несложно. Использование цифровых средств связи стало уже обыденным делом. В доцифровую эпоху, в том числе в межвоенный период, поддержание сетей научного взаимодействия в рабочем состоянии зависело от более традиционных способов: собраний с личным присутствием и переписки. Именно протоколы таких собраний и эпистолярные документы дают возможность восстановить с наибольшей точностью механизм создания, функционирования и разрыва международных научных связей в глобальной науке в целом и в европейской в частности в доцифровую пору.

Сильнейшая зависимость науки от политической ситуации в СССР давно стала общим местом. СССР второй половины 1930-х годов все более закрывался от внешнего мира¹⁰, поддержание отношений с иностранными коллегами для советских ученых становилось не просто сложным, но и опасным для жизни. Так, научное сотрудничество с германскими коллегами стоило жизни выдающемуся византинисту-правоведу, историку церкви В.Н. Бенешевичу¹¹. Между тем расщепление научного пространства на отдельные кластеры, их нарастающая изоляция стали отчетливым трендом развития всей европейской науки второй половины и особенно конца 1930-х годов. Объяснение этим процессам лежит на поверхности: разделение Европы на враждующие политические лагеря и минимизация контактов. Наиболее заметно это явление становится при реконструкции попыток преодолеть эти барьеры. Показательным примером является жизнь русской эмигрантской науки в Центральной и Юго-Восточной Европе, которая пыталась сохранить налаженные международные связи на рубеже 1930–1940-х годов. Институциональная координация исследовательской деятельности стала невозможной, личные контакты практически прекратились, а обмены свелись к минимуму, произошел отрыв от тех источников информации, которые были доступны в результате реализации первых двух составляющих: от библиотек, архивов, содержащих собственно объекты исследования и исследовательскую литературу.

В конце 1940 г. мировая научная общественность готовилась отметить 70-летний юбилей выдающегося историка, археолога, искусствоведа, яркого общественного деятеля профессора Йельского университета Михаила Ивановича Ростовцева (1870–1952), день

⁶ См. подробнее: *Ковалев М.В.* «На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих глазах...». Из истории научных коммуникаций русской эмиграции (1921–1930) // *Россия XXI*. 2013. № 5. С. 84–107.

⁷ *Дмитриев А.Н., Свешников А.В.* Образование и наука // *Всемирная история*: в 6 т. 2-е изд. Т. 6. Кн. 1. Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций. / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2019. С. 221.

⁸ *Духовные задачи русской эмиграции* (от редакции) // *Путь*. Орган русской религиозной мысли. 1925. № 1. С. 3.

⁹ См. теоретические обобщения: *Дмитриев А.Н., Свешников А.В.* Указ. соч. С. 199–200.

¹⁰ См., например, для политически не столь ангажированной медиэвистики: *Клюев А.И., Свешников А.В.* Миграция или эмиграция о географической мобильности советских медиэвистов в 1920–1930-е гг. // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 2013. Вып. 45. С. 138.

¹¹ См.: *Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.* «Все горе в звериной ненависти к византиноведению...»: В.Н. Бенешевич и Академия наук СССР в 1933–1937 гг. // *Византийский временник*. 2019. Т. 103. С. 314–340.

рождения которого приходился на 10 ноября. Между тем по Праге поползли слухи о кончине Ростовцева. Так, секретарь Русского исторического общества в Праге извещал письмом профессора Карлова университета Е.А. Ляцкого об этом печальном событии.

№ 1

Н.Ф. Новожилов – Е.А. Ляцкому
Русское историческое общество в Праге
Praha II, Příčna 2.
26. XI. 1940.

Глубокоуважаемый Евгений Александрович, газеты принесли весть о смерти Михаила Ивановича Ростовцева, величайшего из современных историков, и Николая Карловича Кульмана¹², очень заметного работника в области истории русского языка, его методики и истории русской словесности. Не считаете ли Вы благопотребным устроить в Историческом обществе вечер, посвященный его памяти? Общество раньше всегда устраивало такие вечера.

Пользуясь случаем, приписываю несколько строк о Всеволоде Васильевиче¹³. Он очень плох и исхудал, [неразборчиво] совсем жизни непричастным. Был я у него дважды на этих днях. В последнее мое у него посещение сказал он мне, что Вы как-то сказали ему о вине – хорошем, что оно помогает. Вот он и просил меня сказать Вам, что теперь он с радостью принял бы от Вас в подарок хорошую бутылочку вина типа мадеры, марсалы или портвейна, ибо его доктор, только что у него побывавший, разрешил ему и вино, и водку, и пиво. Но из всех сих напитков ему предпочтительнее пить вино и, памятуя о Вашем предложении, он и просил Вам меня напомнить ему.

Будьте здоровы! Привет сердечный Веры Павловны.
Преданный Вам Ник. Новожилов.

Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 259. Л. 8–8 об. Автограф.

Интересно, что за две недели до написания этого письма 8 ноября 1940 г. Новожилов писал Ляцкому об идее отметить 70-летний юбилей философов И.И. Лапшина и Н.О. Лосского¹⁴, однако кандидатура Ростовцева – куда более крупной фигуры – в данном контексте не обсуждалась.

Сообщение о кончине М.И. Ростовцева не могло не «наделать шума» в научной среде, тем более в среде русской эмигрантской исторической науки, неотъемлемой частью которой он являлся. В течение декабря 1940 – января 1941 г. сведения о его кончине не просто циркулировали среди коллег – они так и не были никем и ничем опровергнуты. Пражские ученые предпринимали серьезные усилия для организации конференции памяти якобы почившего Ростовцева.

Показательно для характеристики ситуации в научной сфере письмо историка, археолога Д.А. Расовского профессору Славянского университета, председателю Русского исторического общества А.В. Флоровскому, написанное из Белграда. В нем Расовский,

¹² *Кульман Николай Карлович* (1871–1940) – филолог, литературовед; профессор Александровского лицея, Женского Педагогического института, Высших Бестужевских и Военно-педагогических курсов; с 1919 г. – в эмиграции, профессор Белградского и Софийского университетов, профессор (1923), декан (1928) Русского отделения историко-филологического факультета Сорбонны, профессор Свято-Сергиевского богословского института в Париже (1925); о нем см.: *Янченко В.Д.* Николай Карлович Кульман (к 135-летию со дня рождения) // *Русский язык в школе.* 2006. № 5. С. 46–49.

¹³ *Саханев Всеволод Васильевич* (1885–1940) – историк, археолог, географ, член Русского исторического общества.

¹⁴ Архив Российской академии наук (далее – Архив РАН). Ф. 1609. Оп. 1. Д. 259. Л. 7.

с одной стороны, выражает надежду на то, что М.И. Ростовцев жив и здоров, и основанием для такой надежды служит не наличие соответствующей информации, а отсутствие данных о его кончине в иностранных газетах, которые, вероятно, в Белград поступали. С другой стороны, Расовский утверждает, что в условиях войны никакое объединение ученых даже по случаю кончины коллег невозможно, причем невозможным оно было уже в конце 1930-х годов, когда скончался искусствовед византинист Д.В. Айналов (1862–1939), о смерти которого говорит Расовский.

№ 2

Д.А. Расовский – А.В. Флоровскому

24 января 1941 г.

Многоуважаемый Антоний Васильевич,

Спасибо за поздравления к Новому году, желаю и Вам всего самого хорошего. Посылаю Вам отписки своей статейки из одного болгарского сборника и рецензии из XI^{го} тома «Анналов» Института. Теперь набираем XII^{ый} том. Так как иностранная печать ничего не пишет о Ростовцеве, то мы надеемся, что он жив и здоров. Во всяком случае, никакого сборника ни в честь, ни в память Михаила Ивановича сейчас было бы невозможно издать, так как имя Ростовцева обязывало бы к привлечению ученых из всех стран, а пока длится война – это невозможно. По той же причине пришлось отказаться и от сборника в память Айналова.

Желаю Вам всего хорошего.

Искренне уважающий Вас Дм. Расовский.

Г.А. Острогорский сам просит передать Вам свой поклон.

Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 383. Л. 6–6 об. Автограф.

Тогда как в Белграде сведения о кончине М.И. Ростовцева в конце января 1941 г. вызвали сильнейшие сомнения, в Праге ситуация была иной: не имея определенных сведений и полагаясь на сообщения «газет», на повестке дня стоял вопрос об организации конференции памяти Ростовцева. Так, 27 января 1941 г. директор Института им. Н.П. Кондакова Н.Е. Андреев на бланке Института отправил Флоровскому следующий запрос:

№ 3

Н.Е. Андреев – А.В. Флоровскому

Прага, 27 января 1941 г.

Глубокоуважаемый Антоний Васильевич,

Институт предполагает устроить заседание памяти М.И. Ростовцева (место и срок не установлены, вероятно, в конце марта). Позволю себе обратиться к Вам с просьбой сделать сообщение на этом заседании на тему «М.И. Ростовцев как историк». Мы думаем, что доклад может быть примерно на полчаса. Предполагается, что П.Н. Савицкий¹⁵ прочитает о М.И. как о кочевниковеде, Е.И. Мельников¹⁶ как об археологе (возможно, что И.И. Мысливец¹⁷ скажет несколько слов о М.И. как об историке искусства), а я несколько фраз о М.И. как члене института.

Очень надеемся, что Вы, Антоний Васильевич, найдете возможность, несмотря на свою занятость, принять участие в поминовении Михаил Ивановича.

Прошу Вас принять уверения в глубоком моем уважении.

Искренне Вам преданный

¹⁵ *Савицкий Петр Николаевич* (1895–1968), общественный деятель, философ, культуролог.

¹⁶ *Мельников Евгений Иванович* (1909–?), археолог, искусствовед, доктор философии Карлова университета в Праге.

¹⁷ Вероятно, имеется в виду: *Мысливец Йозеф* (1907–1971), чешский византинист, искусствовед, писатель.

Ник. Андреев.

Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 120. Л. 3. Машинопись, подпись от руки.

В левом верхнем углу рукой Флоровского: отвечено 1. II. 41. Согласен.

В этом документе обращают на себя внимание следующие обстоятельства. Институт им. Н.П. Кондакова продолжал работу в условиях военного времени. Предыдущее письмо Н.Е. Андреева от 4 октября 1940 г.¹⁸ также было посвящено анонсу доклада берлинского ученого – Р. Редлиха¹⁹ «Иконография Христа на саркофагах III–IV вв.», на который был приглашен Флоровский. И другие письма Н.Е. Андреева Флоровскому этого же времени были посвящены приглашению на доклады или просьбам сделать доклад²⁰ или подать статью в издание Института им. Н.П. Кондакова²¹.

Трагикомический характер этим документам придает повод, по которому весь цвет пражской исторической науки собрался устроить заседания – не юбилей (10 ноября 1940 г. Ростовцеву исполнилось 70 лет), а, судя по формулировкам, предполагаемая кончина М.И. Ростовцева и его поминовение. Скончался М.И. Ростовцев лишь в 1952 г.

Еще более странной эта ситуация выглядит в свете воспоминаний самого Н.Е. Андреева, в которых этот эпизод передан следующим образом: «В конце 1940 и в начале 1941 года Морпер²² был даже несколько опасен для нас, потому что носился с идеей составить от имени Кондаковского института сборник в честь 70-летия Ростовцева, который находился в США (войны с США [тогда еще] не было). Он говорил, что хорошо бы создать международный сборник, чтобы в нем приняли участие ученые из разных стран, и что это был бы знак благодарности великому ученому от Европы. Я с ужасом отнесся к его идее: мне казалось совершенно нежелательным и даже опасным публиковать что-либо, поскольку мы уже находились в состоянии войны с западными демократиями. Создалось бы впечатление, что мы ориентированы пронемецки. Я решил всеми силами тормозить осуществление такого сборника, тем более что было совершенно неизвестно, как отнесся бы к нему сам Михаил Иванович Ростовцев, сношения с которым, как и с его ассистентом Толлем, становились все более редкими и отчужденными. Идея такого “фестшрифта” была опасна, но в целом все шло хорошо, потому что Морпер создал невидимый для нас, но осязаемый источник благорасположения к нам управления протектората»²³.

Сложилась следующая ситуация: надвигался юбилей М.И. Ростовцева, не заметить который было невозможно. В Институте им. Н.П. Кондакова немецкий искусствовед Морпер «носит» с идеей опубликовать том в честь юбилея. Морпер имел тесные и достаточно дружественные связи с руководством Протектората, и публикация такого сборника могла бы создать впечатление, что Институт тесно сотрудничает с властями. Именно этого, вероятно, стремился избежать директор института Н.Е. Андреев. Можно предположить, что ссылка на газеты, которые якобы сообщили о кончине М.И. Ростовцева и на которые ссылается Н.Ф. Новожилов в письме к Е.А. Ляцкому, – провокация самого Андреева, предпринятая с тем, чтобы отложить публикацию тома в честь 70-летия Ростовцева. В условиях военного времени, когда многие привычные связи оборваны, проверить достоверность тех или иных сведений даже в узком кругу историков-эмигрантов не представлялось возможным.

¹⁸ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 120. Л. 2.

¹⁹ Редлих Отто Райнхард (1858–1944) – австрийский историк и архивист.

²⁰ Например: Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 120. Л. 4.

²¹ Например: Там же. Л. 5 от 20 марта 1941 г., Л. 6 от 5 мая 1941 г., Л. 7 от 22 мая 1941 г. (упоминается «арабский доклад» Флоровского).

²² Возможно, имеется в виду Морпер Йоган Йозеф (1899–1980) – немецкий историк искусства и архитектуры.

²³ Андреев Н.Е. То, что вспоминается: из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1992). СПб., 2019. С. 443.

Вполне возможна такая последовательность событий, которая позволила бы Н.Е. Андрееву достичь поставленной цели: он мог сообщить Н.Ф. Новожилову со ссылкой на некие газеты о кончине Ростовцева. Это дало бы повод отложить мобилизацию научной общественности на издание юбилейного тома в честь его 70-летнего юбилея. Подготовка такого издания, действительно, могла бы создать впечатление у его участников, что деятельность Института им. Н.П. Кондакова и пражской научной среды в целом патронируется пронацистским протекторатом. Создав ситуацию непонимания в отсутствие достоверных сведений о М.И. Ростовцеве, Н.Е. Андреев как директор института мог настоять на том, что в условиях информационного вакуума издать *Festschrift* или опубликовать *Gedenkschrift* небезопасно с точки зрения репутационных издержек. Оперативно проверить, жив ли Ростовцев, пражские ученые не могли.

Возможно, конечно, и то, что, пойдя на поводу у непроверенных слухов, распространенных газетчиками, и попав впросак с организацией научно-поминального вечера в 1941 г., Н.Е. Андреев решил приукрасить этот эпизод в своих воспоминаниях.

С другой стороны, М.И. Ростовцев был известен своей последовательной антигитлеровской антивоенной позицией, и издание сборника в честь юбилея М.И. Ростовцева в Праге в 1941 или в 1942 г. могло бы как раз укрепить репутацию пражских историков – инициаторов и исполнителей такого общеевропейского проекта как борцов с тоталитарными режимами и союзников не только такого яркого ученого, но и активного общественного деятеля, каким был М.И. Ростовцев. Сложилась бы еще более парадоксальная, практически абсурдная ситуация: с подачи властей Протектората Богемии и Моравии Институт им. Н.П. Кондакова издает том – уже не важно в память или в честь – ученого, известного своей яркой антигитлеровской и антисталинской позицией. Подобное издание могло спровоцировать волну репрессий уже против самих организаторов такого начинания. Вероятно, именно таких репрессий и опасался Н.Е. Андреев – закрытия института и потери личной свободы.

Интересно, однако, что и о жизни и деятельности кондаковского института за пределами Чехословакии, например в Великобритании, информации практически не было. Показательно, что в письме от 31 мая 1941 г. крупный скифолог, друг и коллега Ростовцева Э.Х. Миннз пишет Михаилу Ивановичу: «Что стало с кондаковцами в Праге и Белграде, конечно, не знаю»²⁴. Военный период был для Ростовцева в целом весьма непростым. Так, в письме к писательнице А.В. Тырковой-Вильямс от 21 декабря 1940 г. Ростовцев признавался: «Мой крест – не знаю, как это формулировать – мнительность, что, впрочем, есть животный страх смерти (разумею я смерти не только не боюсь, но даже часто желаю ее). От времени до времени я лежу в кресле и не могу в себе пробудить ни малейшего интереса к жизни»²⁵. Ученый, привыкший к масштабным проектам всемирного значения, страдал от мелкотемья, но признавался, что именно такие мелочи являются для него едва ли не единственным стимулом продолжать жить и действовать: «Вот какими путями мы занимаемся. Но без этого и жить было бы не в силу», – писал он Миннзу 12 мая 1941 г.²⁶ И далее в письме к А.В. Тырковой-Вильямс от 3 июля 1941 г. Ростовцев снова обращается к теме смерти: «С этим уйду – надеюсь, скоро – в небытие и перестану

²⁴ Цит. по: *Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Тункина И.В.* Скифский мир М.И. Ростовцева и Э.Х. Миннза // *Парфянский выстрел* / ред. Г.М. Бонгард-Левин, Ю.Н. Литвиненко. М., 2003. С. 512. Краткие сведения о драматической судьбе Института им. Н.П. Кондакова в Белграде Миннзу сообщил тот же Ростовцев в ответном письме от 14 июля 1941 г. Источником этих сведений, вероятно, послужила информация от Н.П. Толля – заместителя директора Института им. Н.П. Кондакова до 1948 г. (см.: публикацию: Там же. С. 512–513).

²⁵ Цит. по: *Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В.* Письма М.И. Ростовцева А.В. Тырковой-Вильямс и Г. Вильямсу // *Скифский роман* / ред. Г.М. Бонгард-Левин. М., 1997. С. 499.

²⁶ Цит. по: *Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Тункина И.В.* Указ. соч. С. 512.

быть nuisance²⁷ себе и другим»²⁸. Возможно, именно такие сентенции в письмах к близким друзьям, переданные не очень точно, привели к рождению слуха о том, что Ростовцев ушел из жизни, или к мысли о возможности использовать эту выдумку, которая не вызвала бы у коллег заведомого недоверия.

Можно лишь предположить, что если история с кончиной Ростовцева в 1940 г. не является от начала и до конца провокацией Н.Е. Андреева, то первоисточником информации, искаженной и ставшей одним из источников выдумки о кончине М.И. Ростовцева, послужил Н.П. Толль (1894–1985) – историк, археолог, коллега М.И. Ростовцева по экспедиции в Дура-Эвропос в 1934–1937 гг., с 1939 г. работавший вместе с Ростовцевым в Йельском университете и до 1948 г. числившийся вице-директором Института им. Н.П. Кондакова.

Именно об этом писал в воспоминаниях Н.Е. Андреев, характеризуя отношения с Ростовцевым и Толлем в конце 1940 – начале 1941 г. как «все более редкие и отчужденные»²⁹.

Уровень трансграничной научной коммуникации в военное время был столь слаб, а возможность проверки достоверности поступающей информации столь ничтожны, что слух о кончине Ростовцева, пущенный в газетах или распространенный Н.Е. Андреевым (если верно предположение о его сознательной провокации), был принят за правду, а судьба одного из ведущих научных учреждений Европы в области исторических наук, действовавшего в двух столицах, оставалась неизвестной для ведущего английского историка.

Между тем, в то время как пражские и белградские коллеги не могли разобраться в том, жив М.И. Ростовцев или нет, на другом «островке» европейской науки готовились отмечать его юбилей. Приблизительно в то же время, на которое выпала переписка пражских и белградских коллег по данному вопросу, Болгарская академия наук отправила Ростовцеву письмо, в котором поздравляла своего члена-корреспондента с юбилеем.

№ 4³⁰

Болгарская академия наук – М.И. Ростовцеву

София, 5 ноември 1940 г.

До Господин проф. Михаил Г. Ростовцев

Невъ-Хавень-Америка

Високоуважаеми Господинъ Професоре,

Българската академия на наукитѣ и изкуствата съ голема радостъ Ви поднася, по случай на Вашата 70-годишнина, найсърдешни поздравии и благопожелания.

Вашата досегашна обширна всеобемаша дейность в областъта на классическата древность заслужено Ви е спечелила всевъѣтна известность и най-голъма почитъ между ученитъ на цѣлия культуренъ свѣтъ. Вашето грандиозно научно творчество ни изпълва съ голъма къмъ Васъ благодарность особено в това отношение, че то засѣгнало историята и археологията и на българскитѣ земи, чрезъ което е дало тласъке и на изследванията на българскитѣ специалисти въ тая научна областъ.

Българската академия на наукитѣ и изкуствата пожелава отъ сърдце на своя именитъ дописенъ членъ бодрость и здраве³¹, за да можете още дълги години да творите и да дарите на науката, на която сте посветили живота си, още много ценни трудове.

Секретарь:

(Проф. П. Стояков)

Председатель:

(Б. Финовъ).

²⁷ Обуза (франц.).

²⁸ Цит. по: *Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В.* Указ. соч. С. 499.

²⁹ *Андреев Н.Е.* Указ. соч. С. 443.

³⁰ Публикуется по старой болгарской орфографии (до реформы 1945 г.).

³¹ В тексте «ддраве» – очевидно, опечатка.

Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-8091. Оп. 110. Д. 10. Л. б.н. Автограф. Подписи от руки.

Научный архив БАН. Ф. 28к. Д. 312. Л. 7. Автограф. Подписи от руки.

Сам по себе этот документ не особенно примечателен: научное учреждение чествует юбиляра. Однако это чествование имело свою предысторию. За год до юбилея М.И. Ростовцев получил письмо от старого друга и коллеги, действительного члена Болгарской академии наук Г.И. Кацарова, в котором тот вместе с другими коллегами поздравлял юбиляра с днем рождения. Сохранилось ответное письмо, которое проясняет контекст.

№ 5

М.И. Ростовцев – Г.И. Кацарову

M. ROSTOVITZ

YALE UNIVERSITY

DEPARTMENT OF CLASSICS

BOX 1916, YALE STATION

NEW HAVEN, CONNECTICUT

13 декабря 1939.

Доброго Нового Года!

Дорогие друзья,

Большое Вам спасибо за Ваше трогательное приветствие. Оно пришло на год раньше. Джонсон³² неправильно вычислил мой возраст, но, как бы то ни было, оно было мне очень дорого. Вы знаете, с какой симпатией я отношусь к Вашей родине и как высоко я ценю Ваши работы и Вашу деятельность. Дай Бог, чтобы гроза поскорее прошла, и мы могли бы опять увидеться и поговорить об интересующих нас предметах. Еще раз большое спасибо.

Ваш М. Ростовцев.

ГАРФ. Ф. Р-8091. Оп. 110. Д. 10. Л. б.н. Автограф. Подписи от руки.

Тот факт, что выдающему ученому Михаилу Ивановичу Ростовцеву в течение одного года (с конца 1939 по начало 1941 г.) довелось пережить несвоевременный юбилей и преждевременные поминки, можно объяснить только полным разрывом коммуникаций внутри научной среды как на институциональном уровне, так и на уровне личных контактов. Ученые в США, Чехословакии, Болгарии, Югославии, Великобритании оказались разобщены, лишены надежных средств коммуникации. Место достоверной информации в таких условиях быстро заняли слухи и домыслы.

Фактически коллеги не имели достоверных сведений друг о друге на протяжении нескольких лет. Завершение Второй мировой войны дало возможность поставить вопрос о восстановлении прежних связей.

Одним из определяющих факторов в развитии европейской науки середины 1940-х годов явилось распространение доминирующего влияния СССР на страны Центральной и Восточной Европы. Как пишет Т.А. Покивайлова, сразу после завершения Второй мировой войны «были сформированы и приведены в действие разнообразные механизмы обеспечения информационной блокады. К ним следует отнести, в первую очередь, такие как цензура, глушение радиопередач, ограничение и затем пресечение контактов и связей как личных, так и производственных с гражданами и представителями, прежде всего западных стран, запрещение въезда и свободного передвижения иностранцев по

³² Имеется в виду Элвин Джонсон (1874–1971) – американский экономист и общественный деятель, первый директор Новой школы социальных исследований (The New School for Social Research), способствовавший эмиграции многих ученых из Европы с Северную Америку. См.: *Coser L.A. Refugee Scholars in America. Their Impact and Their Experiences.* New Haven, 1984. P. 102–109.

территории, максимально жесткое ограничение возможностей их общения с гражданами стран региона, закрытие границ и т.п. В этой широкой системе запретительных мер первостепенное значение отводилось политической цензуре, как одному из важнейших инструментов идеологического контроля, борьбы с инакомыслием и средству формирования общественного мнения в нужном для компартий и партийно-государственного аппарата идейно-политическом направлении»³³.

Завершение мирового военно-политического кризиса середины 1930-х – середины 1940-х годов не привело к возврату системы международного научного сотрудничества к той точке, в которой довоенный status quo был нарушен. Новая политическая обстановка обусловила то, что вместо восстановления старых связей пришлось строить новые и на институциональном, и на личном уровне. Анализ одного из эпизодов в развитии европейской науки XX в. – деятельности российской эмигрантской исторической науки по обе стороны Атлантики показывает, что развивалась мировая наука отнюдь не линейно.

В этой связи судьба А.В. Флоровского – одного из действующих лиц истории с несостоявшимися поминками М.И. Ростовцева – в послевоенный период является исключением. Новая сила – советская наука – проявила интерес к его деятельности, что дало ему возможность начать и осуществить процесс научной репатриации, при этом надежды на спасение Института им. Н.П. Кондакова оказались тщетными: советские власти в нем не нуждались. Судьба Н.Е. Андреева оказалась более ожидаемой. После прихода Красной армии в Прагу, в которой он остался для обеспечения сохранности института, Андреев был арестован органами СМЕРШ, два года находился в заключении, однако подозрения в сотрудничестве с гитлеровским режимом доказаны не были. В 1948 г. Н.Е. Андреев эмигрировал в Великобританию. Очевидно, меры предосторожности, предпринятые им в связи с юбилеем М.И. Ростовцева, оказались напрасными.

Библиография

- Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.* «Все горе в звериной ненависти к византиноведению...»: В.Н. Бенешевич и Академия наук СССР в 1933–1937 гг. // *Византийский временник*. 2019. Т. 103. С. 314–340.
- Андреев Н.Е.* То, что вспоминается: из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982). СПб., 2019.
- Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Тункина И.В.* Скифский мир М.И. Ростовцева и Э.Х. Миннза // *Парфянский выстрел* / ред. Г.М. Бонгард-Левин, Ю.Н. Литвиненко. М., 2003. С. 477–545.
- Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В.* Письма М.И. Ростовцева А.В. Тырковой-Вильямс и Г. Вильямсу // *Скифский роман* / ред. Г.М. Бонгард-Левин. М., 1997. С. 461–501.
- Дмитриев А.Н., Свешиников А.В.* Образование и наука // *Всемирная история*: в 6 т. 2-е изд. Т. 6. Кн. 1. Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2019. С. 199–228.
- Клюев А.И., Свешиников А.В.* Миграция или эмиграция. О географической мобильности советских медиевистов в 1920–1930-е гг. // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 2013. Вып. 45. С. 131–143.
- Ковалев М.В.* «На этих съездах мы растем и своих, и в чужих глазах...». Из истории научных коммуникаций русской эмиграции (1921–1930) // *Россия XXI*. 2013. № 5. С. 84–107.
- Покивайлова Т.А.* Информационная блокада региона: механизмы действия // *Волокитина Т.В., Мурашко Г.Л., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): очерки истории. М., 2002. С. 380–426.
- Янченко В.Д.* Николай Карлович Кульман (к 135-летию со дня рождения) // *Русский язык в школе*. 2006. № 5. С. 46–49.
- Bennett V.M., Hodge J.M.* Science and Empire: Knowledge across the British Empire, 1800–1970. Basingstoke, 2011.
- Chakrabarti P., Worboys M.* Science and Imperialism since 1870 // *The Cambridge History of Science*. Vol. 8. Modern Science in National, Transnational, and Global Context / eds H. Slotten, R. Numbers, D. Livingstone. Cambridge, 2020. P. 9–31.

³³ *Покивайлова Т.А.* Информационная блокада региона: механизмы действия // *Волокитина Т.В., Мурашко Г.Л., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): очерки истории. М., 2002. С. 380.

Coser L.A. Refugee Scholars in America. Their Impact and Their Experiences. New Haven, 1984.

Fátima Nunes M. de. The History of Science in Portugal (1930–1940): the Sphere of Action of a Scientific Community // E-Journal of Portuguese History. 2004. Vol. 2/2. P. 1–17.

MacLeod R.M. On Visiting the “Moving Metropolis”: Reflections on the Architecture of Imperial Science // Historical Records of Australian Science. 1982. Vol. 5. № 3. P. 1–16.

Petitjean P. Science and the “Civilizing Mission”: France and the Colonial Enterprise // Science Across the European Empires 1800–1950 / ed. B. Stutchey. Oxford, 2005. P. 107–128.

References

Ananiev V.G., Bukharin M.D. “Vse gore v zverinoy nenavisti k vizantinovedeniyu ...”: V.N. Beneshevich i Akademiya nauk SSSR v 1933–1937 gg. [“All Grief is in Animal Hatred to Byzantine Studies...”: V.N. Beneshevich and the USSR Academy of Sciences in 1933–1937] // Vizantijskii Vremennik [Byzantine Studies]. 2019. Vol. 103. S. 314–340. (In Russ.)

Andreev N.E. To, chto vspominaetsya: iz semejnykh vospominaniy Nikolaya Efremovicha Andreeva (1908–1982) [What is Remembered: from the Family Memories of Nikolai Efremovich Andreev] / eds E.N. and D.G. Andreevs. 2nd ed. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)

Bongard-Levin G.M., Bukharin M.D., Tunkina I.V. Skifskij mir M.I. Rostovceva i E.H. Minnsa [Scythian World of M.I. Rostovtzeff and E.H. Minns] // Parfyanskiy vystrel [Parthian Shot] / eds G.M. Bongard-Levin, Yu.N. Litvinenko. Moskva, 2003. S. 477–545. (In Russ.)

Bongard-Levin G.M., Tunkina I.V. Pis'ma M.I. Rostovceva A.V. Tyrkooj-Vil'yams i G. Vil'yamsu [Letter of M.I. Rostovtzeff to A.V. Tyrkova-Williams and G. Williams] // Skifskii Roman [Scythian Novel] / ed. G.M. Bongard-Levin. Moskva, 1997. S. 461–501. (In Russ.)

Dmitriev A.N., Sveshnikov A.V. Obrazovanie i nauka [Education and Science] // Vsemirnaya istoriia: v 6 t. 2nd ed. Vol. 6. Kn. 1. Mir v XX veke: Epoha global'nykh transformatsii. [World History: in 6 vols. Vol. 6. World in 20th century: Epoch of Global Transformations] / ed. A.O. Chubaryan. Moskva, 2019. S. 199–228. (In Russ.)

Klyuev A.I., Sveshnikov A.V. Migratsiya ili emigratsiya. O geograficheskoy mobil'nosti sovetskikh medievistov v 1920–1930-e gg. [Migration or emigration. On the geographical Mobility of Soviet Medievalists in the 1920–1930s] // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii [Dialogue with time. Almanac of Intellectual History]. 2013. Iss. 45. S. 131–143. (In Russ.)

Kovalev M.V. “Na etih s'ezdah my rastem i svoih, i v chuzhih glazakh...”. Iz istorii nauchnykh kommunikatsii russkoi emigratsii (1921–1930) [“At these Congresses we Grow both our own and in the Eyes of Others...”. From the History of Scientific Communications of Russian Emigration (1921–1930)] // Rossiya XXI. 2013. № 5. S. 84–107. (In Russ.)

Pokivailova T.A. Informacionnaya blokada regiona: mekhanizmy dejstviya [Information Blockade of the Region: Mechanisms of Functioning] // Volokitina T.V., Murashko G.L., Noskova A.F., Pokivailova T.A. Moskva i Vostochnaya Evropa. Stanovlenie politicheskikh rezhimov sovetskogo tipa (1949–1953): ocherki istorii [Moscow and Eastern Europe. The Formation of Soviet-type Political Modes (1949–1953): essays on History]. Moskva, 2002. S. 380–426. (In Russ.)

Yanchenko V.D. Nikolai Karlovich Kul'man (k 135-letiyu so dnya rozhdeniya) [Nikolai Karlovich Kulman (on the 135th Anniversary)] // Russkii yazyk v shkole [Russian Language at School]. 2006. № 5. S. 46–49. (In Russ.)

Bennett B.M., Hodge J.M. Science and Empire: Knowledge across the British Empire, 1800–1970. Basingstoke, 2011.

Chakrabarti P., Worboys M. Science and Imperialism since 1870 // The Cambridge History of Science. Vol. 8. Modern Science in National, Transnational, and Global Context / eds H. Sloten, R. Numbers, D. Livingstone. Cambridge, 2020. P. 9–31.

Coser L.A. Refugee Scholars in America. Their Impact and Their Experiences. New Haven, 1984.

Fátima Nunes M. de. The History of Science in Portugal (1930–1940): the Sphere of Action of a Scientific Community // E-Journal of Portuguese History. 2004. Vol. 2/2. P. 1–17.

MacLeod R.M. On Visiting the “Moving Metropolis”: Reflections on the Architecture of Imperial Science // Historical Records of Australian Science. 1982. Vol. 5. № 3. P. 1–16.

Petitjean P. Science and the “Civilizing Mission”: France and the Colonial Enterprise // Science across the European Empires 1800–1950 / ed. B. Stutchey. Oxford, 2005. P. 107–128.

DOI: 10.31857/S013038640017056-9

© 2022 г. **Е.И. СУМБУРОВА, Н.Ф. ТАГИРОВА**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРАНСФЕР В СОВЕТСКОЙ НАУКЕ В 1950– 1960-е годы (НА ПРИМЕРЕ НИФХИ им. Л.Я. КАРПОВА)

Сумбурова Елена Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории права и философии Самарского государственного экономического университета (Самара, Россия).

E-mail: elena-sumburowa@yandex.ru

Scopus Author ID: 57208405976; ORCID: 0000-0001-5202-3202; Researcher ID: AAE-5825-2021

Тагирова Наиля Фаридовна – доктор исторических наук, профессор, ответственный секретарь журнала «Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки» (Самара, Россия).

E-mail: tag-nailya@yandex.ru

Scopus Author ID: 56162791200; ORCID: 0000-0002-5096-337X

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43084.

Аннотация. Авторы статьи предлагают свой вариант ответа на вопрос, как складывалось международное научное сотрудничество на начальном этапе научно-технической революции в годы холодной войны. Цель статьи состоит в выявлении влияния политического фактора на развитие науки, в частности химии. Авторы подтверждают гипотезу о существовании особой советской модели научного трансфера. Работа вводит в научный оборот документы Научно-исследовательского физико-химического института им. Л.Я. Карпова (НИФХИ им. Л.Я. Карпова), хранящиеся в Российском государственном архиве в Самаре. Методологической основой статьи стала формирующаяся в современной историографии концепция научного трансфера. В работе выделены четыре группы акторов международного научного трансфера, из которых наиболее активными были НИИ. Формы научной коммуникации в области химии в 1950–1960-х годах выстраивались во время международных симпозиумов, конференций, стажировок, зарубежных командировок, обучения в советских вузах аспирантов и молодых ученых. Эти каналы взаимодействия были достаточно формализованы и требовали тщательной предварительной подготовки документов, утверждавшихся на государственном уровне. Неформальные коммуникации (личные встречи, обмен научной литературой) по большей части складывались с учеными из социалистических стран. На этой основе строились и совместные исследовательские проекты. Соглашения о научно-техническом сотрудничестве с социалистическими странами являлись институциональным подкреплением подобной работы. В целом исследования, проводившиеся в НИФХИ им. Л.Я. Карпова, были глубоко интегрированы в современные тенденции научно-технической революции середины XX в.

Ключевые слова: СССР, международный трансфер, международное научно-техническое сотрудничество, СЭВ, НИФХИ им. Л.Я. Карпова, история науки, холодная война, научная политика, химия.

E.I. Sumburova, N.F. Tagirova

**International Transfer in Soviet Science in the 1950s–1960s
(the Case of the L.Ya. Karpov NIFHI)**

Elena Sumburova, Samara State University of Economics (Samara, Russia).

E-mail: elena-sumburova@yandex.ru

Scopus Author ID: 57208405976; ORCID: 0000-0001-5202-3202; Researcher ID: AAE-5825-2021

Nailya Tagirova, Samara Federal Research Center, Russian Academy of Sciences (Samara, Russia).

E-mail: tag-nailya@yandex.ru

Scopus Author ID: 56162791200; ORCID: 0000-0002-5096-337X

The research was funded by RFBR according to the project № 21-09-43084.

Abstract. The authors offer their own answer to the question of how international academic cooperation evolved at the initial stage of the scientific and technological revolution during the Cold War. They validate their hypothesis about the existence of a specific Soviet model of scientific transfer. The novelty of the work lies in the introduction into the academic circuit of unpublished documents from the L.Y. Karpov Research Institute of Physical Chemistry, deposited at the RGA in Samara, based on the concept of scientific transfer emerging in modern historiography. The paper identifies four groups of actors of international scientific transfer, of which research institutes were the most active. The forms of scientific communications in the field of chemistry in the 1950s and 1960s emerged at international symposiums, conferences, internships, research trips, training in Soviet universities of graduate students and young scientists. These channels of interaction were sufficiently formalised and required careful preliminary preparation of documents approved at the state level. Informal communication channels (personal meetings, exchange of scientific literature), for the most part, were formed with scientists from socialist countries. Joint research projects were also built on this basis. Agreements on scientific and technical cooperation with socialist countries were an institutional reinforcement of such work. In general, the research carried out at the L.Ya. Karpov Research Institute of Physical Chemistry was well integrated into the trends of the scientific and technological revolution of the mid-twentieth century.

Keywords: USSR, international transfer, scientific and technical cooperation, COMECON, NIFHI named after L.Ya. Karpov, history of science, Cold War.

ВВЕДЕНИЕ

В основе современных технических достижений цивилизации лежат научные открытия и изобретения. Их апробация, внедрение в производство и масштабирование – сложный процесс, в котором задействовано множество самых разных участников: ученых и изобретателей, научных коллективов, производственных организаций и т.д. Эти процессы регулируются (или направляются) самим научным сообществом, государственной стратегией и политикой, отчасти реальным сектором экономики.

Всеобщее общественное признание науки как ведущего фактора современной социально-экономической деятельности сложилось, на наш взгляд, относительно недавно, примерно в середине XX в. К этому же времени относят и величайший феномен советской науки, позволивший нашей стране добиться выдающихся достижений в ряде отраслей науки и техники. И хотя все достижения предшествующего времени также базировались на научных открытиях своего века, авторитет ученого, научного эксперимента и научного изобретения стал непререкаемым, пожалуй, со времени научно-технической революции 1950–1970-х годов. Наука активно институционализировалась: возникали новые научно-исследовательские институты (НИИ), расширялись прежние; в вузах создавались научно-исследовательские секторы (НИС); действовали научно-технические общества (НТО), объединения изобретателей и рационализаторов (ВОИР). В популярной форме новые научные знания становились достоянием широкой общественности.

Историю науки и техники середины XX в. невозможно рассматривать вне рамок изучения международных контактов ученых. В современной литературе они рассматриваются на уровне государств или групп стран, отдельных производственных и научных коллективов, личных контактов ученых. Сами международные связи характеризуются как обмен, техническая помощь, военно-техническое сотрудничество и т.д. Такая постановка вопроса побуждает исследователей обратиться к изучению политических, финансовых, организационных аспектов международного взаимодействия. Ю.П. Бокарев рассматривал их в контексте научно-технической революции и становления постиндустриального общества¹. М.А. Липкин обратился к политико-экономической стороне, сформировал новое предметное поле — изучение «второй глобализации», «альтернативной глобализации»². Научно-техническое взаимодействие стран социалистического блока являлось одной из главных сторон альтернативной (социалистической) глобализации. В отличие от западного варианта научно-техническое взаимодействие стран играло значительную роль уже в 1960-е годы³. В это десятилетие разрабатывалась Комплексная программа социалистической интеграции, реализация которой предполагала углубление научно-технического сотрудничества социалистических стран. Однако практические шаги в сфере научно-технического сотрудничества нуждались в многочисленных согласованиях на межгосударственном, государственном, производственно-отраслевом, финансово-кредитном, институциональном, правовом уровнях и требовало немалых усилий⁴.

Еще один аспект международного сотрудничества связан с изучением трансфера — обмена идеями, научными проектами, технологиями, специалистами, образовательными программами и т.д. Отечественные авторы обратились к изучению истории трансфера идей и технологий не так давно, но сегодня это направление развивается достаточно активно. Можно, пожалуй, говорить о процессе формирования концепции трансфера как обмена, однако процесс этот еще далек от завершения.

В работах, появившихся за последние 20 лет, анализируются теоретические аспекты понятия трансфера. Так, авторы сборника статей «Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700—1917)» изучают природу трансфера и выделяют три его типа: трансфер-соревнование, трансфер по выбору и трансфер как случайное заимствование⁵.

На сегодняшний день не существует единого подхода к определению научного трансфера. Одни авторы понимают его как передачу изобретений и технологий из научно-исследовательских организаций в учреждения, занимающиеся производством товаров и услуг⁶. Другие делают акцент на организации процесса передачи и последствиях переноса технологий через географические, государственные, культурные, социальные и институциональные границы⁷. Некоторые исследователи, оценивая результативность переноса технологий, выделяют такие факторы успеха трансфера, как

¹ Бокарев Ю.П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе. 1970—1980-е годы. М., 2007. С. 311—368.

² Липкин М.А. «Мировой кооператив народов»: Совет экономической взаимопомощи, который пытался построить Н.С. Хрущев // Новый исторический вестник. 2017. № 4. С. 131.

³ Атаулина А.Р. Экономические успехи Совета экономической взаимопомощи в ходе развития интеграционных процессов // Креативная экономика. 2012. № 8. С. 124.

⁴ Бокарев Ю.П. Указ. соч. С. 322—332.

⁵ Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700—1917) / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М., 2010. С. 8—9.

⁶ Бурганова Л.А. Трансфер технологий в Германии (на примере химической промышленности) // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 4. С. 31.

⁷ Кочеткова Е.А. Модернизация советской целлюлозно-бумажной промышленности и трансфер технологий в 1953—1964 годах: случай Энсо-Светогорска // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2013. № 3. С. 13—14.

поддержка со стороны правительства, налаженное международное сотрудничество и одобрение общественности⁸.

Пожалуй, наибольшее распространение термин «трансфер» приобрел при изучении вопросов технологического обмена⁹. Так, например, М.А. Ганин, рассматривая сотрудничество Ленинградского металлического завода и немецкой фирмы «Фриц Неймейер» по выпуску гидротурбин в период с 1920-х по 1950-е годы, выделяет ключевые направления, этапы формирования и представляет его как успешный трансфер. По мнению автора, он начался с закупки продукции немецкого производителя, затем станков и оборудования, испытательных станций для производства гидротурбин на отечественном заводе. Далее советские специалисты изучали в Германии модели и чертежи, на основе которых в СССР изготавливались гидротурбины по спецзаказам и чертежам, выполненным немцами¹⁰. На каждой из стадий советская сторона проявляла гибкий подход, позволивший добиться максимальной продуктивности от этого сотрудничества – от технической поддержки на первом этапе до собственного выпуска гидротурбин и выхода к 1950-м годам на ведущие позиции в области гидротурбостроения, одной из наиболее сложных отраслей электроэнергетики. Таков был результат технологического трансфера¹¹.

Однако чаще трансфер рассматривается просто как обмен и международное сотрудничество в разных сферах и отраслях или как установление международных связей отдельных предприятий и организаций. Так, например, в статье Е.Р. Кураповой анализируется советско-болгарское экономическое и научно-техническое сотрудничество в 1950–1970-е годы. Автор отмечает значительный вклад Советского Союза в подготовку болгарской научно-технической интеллигенции, выделяя при этом интенсивный обмен учеными, преподавателями, техническими специалистами, приезжавшими в Советский Союз «для изучения советского производственного опыта, освоения новейшей техники и передовых технологий»¹². Е.Г. Кирсанова и А.В. Волкова, анализируя научно-техническое сотрудничество СССР и ГДР, пришли к выводу о невозможности полноценного двустороннего сотрудничества стран в области научно-технической политики из-за разных типов экономических систем и государственных аппаратов¹³. В наименьшей степени рассматривается трансфер в области науки, хотя научно-технические документы научных учреждений считаются самостоятельной группой источников, позволяющей помимо прочего анализировать различные аспекты международного научно-технического сотрудничества.

В работах, посвященных 1950–1960-м годам, трансфер технологий и проектов рассматривается как условие модернизации экономики на этапе научно-технической революции¹⁴. При этом авторы сходятся во мнении, что внешнеполитическая ситуация

⁸ Черняховская Ю.В. Международный трансфер технологий и локализация: истории успеха в атомной энергетике // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. Т. 7. № 2. С. 38.

⁹ Захарченко А.В., Рыжкова С.А. Изучение зарубежного опыта специалистами ЦАГИ во второй половине 1920-х гг. (На материалах Российского государственного архива в г. Самаре) // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2020. Т. 2. № 2. С. 85–92.

¹⁰ Ганин М.А. Советско-германское сотрудничество в области гидротурбостроения в 1920-е гг. // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2021. Т. 3. № 2. С. 63–71.

¹¹ Там же. С. 68–70.

¹² Курапова Е.Р. Советско-болгарское экономическое и научно-техническое сотрудничество по материалам РГАЭ (1950-е–1970-е гг.) // О чем поведают архивы... Российско-болгарские отношения и связи. М., 2011. С. 109.

¹³ Кирсанова Е.Г., Волкова А.В. Научно-техническое сотрудничество СССР и ГДР во второй половине XX в.: политические аспекты // Вестник Российской нации. 2017. № 6. С. 154.

¹⁴ Solentsova E.A., Kapitonov A.A. Technology Transfer and Soviet Modernization (Using the Materials of Head Scientific Research Institutes) // SHS Web of Conferences. 2019. Vol. 62. URL: https://www.shsconferences.org/articles/shsconf/pdf/2019/03/shsconf_pedtp2018_01002.pdf (дата обращения: 13.10.2021).

во многом определяла характер трансфера технологий. Так, Е.А. Солнцева и Е.И. Золотухин при рассмотрении трансфера в области гидроэнергетики между СССР, Египтом и Индонезией отмечают, что результаты его были различны. Так, изменение политической ситуации в Индонезии в 1964–1965 гг. и смена государственной власти привели к свертыванию широкомасштабных и финансово затратных научно-технических проектов СССР¹⁵.

Помимо политических обстоятельств на международные контакты, в том числе в области исследований, существенное влияние оказывал личностный фактор (авторитет ученого, политика)¹⁶. Так, В.Л. Некрасов отмечает большое влияние на Н.С. Хрущёва группы ученых, в том числе лауреата Нобелевской премии Н.Н. Семенова. Институциональные противоречия между учеными и управленцами влияли не только на характер проводимых реформ, но и на формы международного научного сотрудничества¹⁷.

У зарубежных исследователей международного научного сотрудничества СССР со странами Европы в основном сложилось мнение о реципиентном характере советской экономики и научно-технического развития во второй половине XX в. Авторы подчеркивают фундаментальность советской науки, но при этом считают, что политические противоречия внутри государства не позволили СССР создать промышленную и технологическую инфраструктуру высокоразвитой сверхдержавы¹⁸. Из современных зарубежных исследований можно выделить сборник «Reassessing Cold War Europe», авторы которого предлагают отказаться от традиционной оценки отношений между Востоком и Западом исключительно как конфронтационных и обратить внимание на моменты сотрудничества в разных сферах, включая научно-техническую, которые присутствовали во времена «железного занавеса»¹⁹.

Подводя итог историографическому обзору, отметим исследовательскую активность последних десятилетий в изучении различных сторон международного сотрудничества. Поиски новых подходов привели к формированию концепции трансфера (обмена). Среди различных видов трансфера (международного сотрудничества и обмена) применительно к 1950–1960-м годам чаще всего исследователи рассматривают научно-технологический трансфер. В период развертывания научно-технической революции середины XX в. ведущими направлениями трансфера как «соревнования» (и/или обмена) были проекты в сфере энергетики, химии и автоматизированных систем управления. В предлагаемой статье мы хотели бы рассмотреть вопросы международных связей советских ученых-химиков с точки зрения научного трансфера.

В 1950–1960-е годы мир хорошо помнил победу над фашизмом, одержанную СССР и другими странами антигитлеровской коалиции. И хотя холодная война, испытания ядерного оружия, идеологическая конфронтация накладывали серьезный отпечаток на научные международные контакты, рассматриваемый период исследователи называют «золотым двадцатилетием», в том числе и для активного научного обмена²⁰.

¹⁵ Солнцева Е.А., Золотухин Е.И. Трансфер советских гидроэнергетических технологий в Египет и Индонезию в 1950–1960-е гг.: одна цель – разные результаты // Клио. Ежемесячный журнал для ученых. 2021. № 11 (179). С. 91.

¹⁶ Кембриджская экономическая история Европы нового и новейшего времени. Т. 2. 1870 – наши дни. М., 2013. С. 403.

¹⁷ Некрасов В.Л. «Дилемма Хрущева»: реформы Госплана СССР, нефтехимический проект и вызовы холодной войны (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.). М., 2019. С. 79–81.

¹⁸ Sutton A.C. Western Technology and Soviet Economic Development 1945 to 1965. Stanford, 1973. P. XXVI; Luke T.W. Technology and Soviet Foreign Trade: On the Political Economy of an Underdeveloped Superpower // International Studies Quarterly. 1985. Vol. 29. № 3. P. 328.

¹⁹ Reassessing Cold War Europe / eds S. Autio-Sarasmo, K. Miklóssy. New York, 2010. P. 22.

²⁰ Solentsova E.A., Kapitonov A.A. Experience of Innovations Institutionalization: Interaction of the World Scientific Community // Lecture Notes in Networks and Systems. 2021. Vol. 160. P. 460.

Главным вопросом статьи является гипотеза о возможности существования советской модели научного трансфера. Если такая модель была реализована в 1950–1960-е годы, то каковы ее характерные черты? Видоизменялась ли эта модель научного обмена в последующие годы или оставалась неизменной на протяжении всей советской эпохи?

В середине 1950-х годов, после многолетней политики изоляционизма, к которой было склонно руководство СССР в 1930–1940-е годы, в том числе и в научной сфере, наступил период налаживания внешнеполитических и внешнеэкономических контактов. Однако утверждать, что хрущевская оттепель в полной мере способствовала возрождению утраченных и установлению новых связей, тоже нельзя. Доктрина холодной войны, политические разногласия между странами социалистического и капиталистического лагеря создавали определенные сложности в полноценном разрывывании системы международного научного обмена. В результате, как мы полагаем, сложилась особая советская модель трансфера идей и технологий, включавшая в себя несколько вариантов взаимодействия с зарубежными странами, в зависимости от их внешнеполитического курса.

Значительную роль в развитии международного сотрудничества сыграла научно-техническая революция, развернувшаяся в Советском Союзе в 1950–1960-е годы и охватившая многие отрасли советской промышленности, в том числе химическое направление. Пленум ЦК КПСС (май 1958 г.) объявил о «химизации всей страны» и способствовал бурному ее развитию. На пленуме Н.С. Хрущёв отметил важность научно-исследовательского сектора, призванного искать новые механизмы для ускоренного развития промышленности: «Перед учеными и инженерами нашей страны сейчас со всей остротой встала задача ликвидировать отставание в развитии научно-исследовательских и опытных работ по производству химических продуктов»²¹.

Среди научных и производственных предприятий, действовавших в 1950–1960-е годы в СССР, выделялся Научно-исследовательский физико-химический институт им. Л.Я. Карпова (НИФХИ) как головной теоретический институт физико-химического профиля, имевший давние научные традиции и богатый опыт международного сотрудничества.

НИФХИ был создан в 1918 г. в числе первых советских научных учреждений для разработки новых и совершенствования уже известных процессов химической технологии. С течением времени институт расширился, из его состава выделились лаборатории, превратившиеся в самостоятельные научные центры – Институт биохимии им. А.Н. Баха Академии наук СССР, Институт пластических масс, Институт азотной промышленности и др., а НИФХИ стал общепризнанным центром физико-химической науки в СССР²². Документы о деятельности НИФХИ в 1950–1960-е годы хранятся в Российском государственном архиве в Самаре и на сегодняшний день мало изучены²³. В материалах фонда среди делопроизводственной и отчетной документации содержатся сведения о международных научных контактах научно-исследовательского института в рассматриваемый период. Наиболее информативными по данному вопросу являются отчеты о заграничных командировках сотрудников института и материалы (отчеты, программы и др.) по вопросам стажировок и консультаций иностранных специалистов в НИИ. Книги регистрации корреспонденции, отправлявшейся за границу, материалы переписки исследователей с зарубежными учеными, доклады и тезисы сотрудников института, представленные на международных

²¹ Российский государственный архив в Самаре (далее – РГА). Ф. 16. Оп. 2–6. Д. 429. Л. 7.

²² Там же. Л. 1–4.

²³ Единственная научная публикация об этом институте – статья Н.Ф. Банниковой, которая проследила этапы развития института, превращение его в головной НИИ в области химической науки, а также формы связи науки и производства в 1920–1950-х годах. См.: Банникова Н.Ф. Влияние интеграции ученых Научно-исследовательского физико-химического института им. Л.Я. Карпова и специалистов отраслевых предприятий на развитие экономики страны в 1920–1950-е гг. // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2019. Т. 1. № 3. С. 47–58.

конференциях, симпозиумах и конгрессах, позволяют выявить основные направления контактов и сферу научных интересов советских ученых и их иностранных коллег. Особое место в фонде занимают материалы о деятельности НИФХИ в совместных проектах стран – участниц СЭВ. Этот вид сотрудничества являлся одним из важных направлений работы советских НИИ, и поэтому материалы о нем представлены в фонде достаточно хорошо – планы, отчеты, документация, результаты экспериментов, предложения по внедрению в производство и др. Введение в научный оборот малоисследованных архивных документов фонда НИФХИ позволит взглянуть на проблему международного научного трансфера со стороны непосредственных его участников – ученых и сотрудников института.

При рассмотрении международного научного трансфера в области физической химии в 1950–1960-е годы нам представляется необходимым ответить на следующие вопросы:

– Что представлял собой процесс международного трансфера в советской науке, кто был его участником и какую роль исполнял?

– Какие идеи и технологии советских физикохимиков были востребованы в изучаемый период за рубежом и какие иностранные исследования интересовали отечественных специалистов?

– В чем заключается суть советской модели трансфера?

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СПОСОБЫ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Международный научный трансфер в 1950–1960-е годы – это сложный процесс взаимодействия четырех групп участников: государственной власти, научных работников, представителей производства и сферы образования. Каждая из сторон выполняла свою задачу в процессе приема и передачи знаний, идей, технологий и опыта. В СССР главными организаторами трансфера являлись власть и сообщество ученых.

Руководство страны, опираясь на принципы плановой экономики, разрабатывало генеральную линию развития народного хозяйства и перспективные планы для каждой отдельной отрасли, включая научно-исследовательские институты. Государство определяло внешнюю форму трансфера – устанавливало границы возможных контактов, регулировало процесс взаимодействия ученых. Были регламентированы вопросы по организации выезда советских специалистов за границу, по приглашению иностранных ученых в Советский Союз, установлены правила международной переписки. Например, для оформления заграничной командировки требовалось собрать большой пакет документов: автобиографию, заполненную анкету, справку-объективку, справку о состоянии здоровья, фотографии и характеристику, подписанную «треугольником» (директор, секретарь парткома и председатель профкома предприятия) и утвержденную в райкоме КПСС²⁴. Для приема иностранных гостей в советском научно-исследовательском институте запрашивалось разрешение вышестоящей организации (в случае с НИФХИ это был Государственный комитет Совета министров СССР по химии). Далее в утвержденный день в сопровождении назначенного сотрудника института проходила экскурсия по лабораториям и обязательно велась краткая запись в специальном журнале о содержании бесед с посетителями²⁵.

Ученые в системе международного научного трансфера занимали центральное место. Они определяли внутреннее содержание процесса обмена идеями и технологиями, выполняя одновременно функции генератора, отправителя и получателя новых знаний. Каналами «диффузии идей»²⁶ являлись научные статьи на русском и иностранных языках, экспериментальные образцы, представленные на всемирных выставках, доклады ученых на международных конференциях, визиты советских ученых за границу и иностранных

²⁴ РГА. Ф. 16. Оп. 2–6. Д. 621. Л. 59.

²⁵ Там же. Д. 705. Л. 152–153.

²⁶ Мун Д. Международный трансфер идей российского генетического почвоведения в 1870–1914 годы // *Historia Provinciae* – журнал региональной истории. 2018. Т. 2. № 1. С. 80.

специалистов в СССР, международная переписка и совместные научно-исследовательские работы.

Изучение отчетов НИФХИ позволяет выделить основные коммуникативные каналы научного трансфера, доступные сотрудникам института в 1950–1960-е годы. Прежде всего обмен научной документацией. Так, в 1964 г. в институт поступило 1400 иностранных почтовых сообщений, в числе которых оттиски статей, образцы химических продуктов, рекламные каталоги (большая часть из капиталистических стран). В то же время из института за границу было отправлено 780 почтовых единиц (большинство в социалистические страны)²⁷.

Важным каналом для получения научной информации были личные связи маститых, признанных мировым сообществом ученых, которые регулярно получали документацию от своих зарубежных корреспондентов. Среди них: директор НИФХИ проф. Я.М. Колотыркин, академики В.А. Каргин и С.С. Медведев, профессора Н.А. Фукс, А.И. Шатенштейн и др. Некоторые сотрудники являлись членами международных организаций (Я.М. Колотыркин – Международного комитета по электрохимической термодинамике и кинетике «СИТСЕ», В.А. Каргин и С.С. Медведев – Международного комитета по теоретической и прикладной химии «IUPAC»). Членство в этих организациях давало право на льготных условиях участвовать в международных совещаниях и получать информацию непосредственно от их исполнителей²⁸.

Еще один способ научного обмена – это личные встречи. В 1964 г. НИФХИ посетило 110 иностранных специалистов. Они знакомились с лабораториями, получали консультации или проходили стажировку. С целью получения информации о новейших достижениях в отдельных областях физико-химической науки в институте были организованы лекции известных зарубежных специалистов: «Свободно-ионная полимеризация» С. Окамуры (Япония), «Координационные полимеры» М. Хаггенса (США), «Новые достижения в области полимеров» М. Гудмэна (США) и др.²⁹

Советские специалисты также выезжали за рубеж. В 1964 г. состоялось 12 заграничных командировок сотрудников НИФХИ, из них 6 в социалистические страны (Чехословакия, Польша, Болгария) и 6 в капиталистические (США, Великобритания, ФРГ, Италия)³⁰.

Установлению международных научных связей между советскими и иностранными учеными способствовало выполнение совместных научно-исследовательских проектов, в которых НИФХИ с конца 1950-х годов регулярно принимал участие, например, в выполнении темы по линии СЭВ «Прямое окисление этилена в окись этилена»³¹.

Таким образом, мы видим, что специалисты НИФХИ в системе международного научного трансфера использовали все возможные для того времени каналы обмена идеями и технологиями.

Два других участника процесса международного научного взаимодействия – представители производства и сферы образования – выполняли важную, но все же вспомогательную роль в системе организации трансфера. В зависимости от условий они могли выступать заказчиками, потребителями или участниками обмена. Так, например, в фонде НИФХИ сохранились запросы иностранных студентов и аспирантов о возможности прохождения практики и проведении экспериментов для выполнения квалификационной работы на базе лабораторий института. В основном это были иностранные граждане, обучавшиеся по программам обмена в МГУ, МИС, МЭИ, МХТИ и других вузах, стипендиаты МАГАТЭ и ООН. Как правило, руководство НИФХИ принимало положительное решение о посещении института, за исключением тех случаев, когда лаборатории были перегружены основной работой или не

²⁷ РГА. Ф. 16. Оп. 2–6. Д. 744. Л. 1–4.

²⁸ Там же. Л. 1.

²⁹ Там же. Л. 2.

³⁰ Там же. Л. 5–7.

³¹ Там же. Д. 517. Л. 1–7.

располагали подходящим оборудованием. В результате такого рода сотрудничества завязывались дружеские и научные контакты на долгие годы. Так, польский исследователь, стипендиат Международного агентства по атомной энергии Л. Гжелевский, проходивший стажировку в НИФХИ с 5 апреля по 30 июня 1960 г., указал в своем отчете, что он приобрел неоценимый опыт во время пребывания в институте³².

Международный научный обмен в сфере физической химии невозможен без связи с производством, хотя в силу теоретического характера большинства исследований НИФХИ отмечается слабость таких связей. В документах института сохранились отдельные данные о его сотрудничестве с производственными предприятиями – как с отечественными, так и с иностранными. Например, в 1959–1962 гг. силами научно-исследовательских учреждений стран – участниц СЭВ под руководством НИФХИ выполнялась тема «Прямое окисление этилена в окись этилена», где помимо НИИ из 6 стран участвовал промышленный комбинат из ГДР «BunaWerke»³³. В марте 1963 г. в НИФХИ прибыла делегация специалистов ГДР с химического предприятия «Leuna-Werke» с предложением установить двустороннее сотрудничество по вопросам применения электронной вычислительной техники в химии. Руководство НИФХИ заинтересовалось этим предложением, так как в институте уже велись подобные исследования³⁴.

Таким образом, анализируя международные научные связи, сложившиеся между НИФХИ и зарубежным научным сообществом, мы отмечаем наличие всех составляющих процесса трансфера – государственной власти, научных работников, представителей производства и сферы образования. Центральное место в нем, безусловно, занимают власть и ученые. Реальный сектор экономики и система высшего образования играли вспомогательную роль, усложняя и обогащая международное научное сотрудничество.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ НИФХИ

Уже в первые годы существования Научно-исследовательского физико-химического института им. Л.Я. Карпова были заложены основные направления его будущей деятельности – физическая химия, теоретическая и прикладная электрохимия, коллоидная химия, фотохимия, химическая кинетика, строение вещества, кинетика физико-химических реакций, органический синтез, аэрозоли и др.³⁵ В 1950–1960-е годы самыми востребованными направлениями физико-химических исследований являлись получение и свойства высокомолекулярных соединений; химическая кинетика и катализ; теоретические и прикладные аспекты в области радиационной химии; физическая химия аэрозолей³⁶. Результаты теоретических изысканий и проведенных экспериментов сотрудников НИФХИ публиковались на страницах реферативных журналов и становились доступными для мирового научного сообщества.

После восстановления научных контактов советские ученые, в том числе и специалисты НИФХИ, стали выезжать за рубеж для участия в международных конференциях, симпозиумах, конгрессах и совещаниях. На адрес института регулярно приходили персональные приглашения на научные мероприятия. Так, Международный союз теоретической и прикладной химии пригласил старших научных сотрудников лаборатории неорганической химии, профессоров П.П. Шорыгина и Д.Н. Шигорина на Совещание по вопросам водородной связи (г. Люблина, 29 июля – 2 августа 1957 г.). В письме сообщалось: «Мы приглашаем видных и признанных специалистов по вопросам водородной связи. Ваше присутствие на совещании сможет способствовать его успешной работе»³⁷.

³² Там же. Д. 570. Л. 14, 49, 58, 65.

³³ Там же. Д. 608. Л. 3.

³⁴ Там же. Д. 697. Л. 33.

³⁵ Будыка А.К. 90 лет Карповскому институту // Российский химический журнал. 2008. Т. LII. № 5. С. 3.

³⁶ РГА. Ф. 16. Оп. 2–6. Д. 429. Л. 2.

³⁷ Там же. Д. 445. Л. 3–4.

В 1950–1960-е годы в НИФХИ работало около 20 ученых мирового уровня. Среди них академики: Х.С. Багдасарьян (автор монографии «Теория радикальной полимеризации», переведенной на несколько языков), Г.К. Боресков (создатель теории катализа и впоследствии основатель Института катализа СО АН СССР), Н.М. Жаворонков (педагог, автор 500 научных работ, крупный ученый в области неорганической химии), В.А. Каргин (основатель советской полимерной школы), Я.М. Колотыркин (автор современной теории коррозии и защиты металлов), К.А. Кочешков (ведущий ученый в области металлоорганических соединений), С.С. Медведев (создатель теории полимеризации), И.В. Петрянов-Соколов (разработчик высокоэффективных фильтров и средств защиты органов дыхания, известных в мире как фильтры Петрянова); профессора Г.С. Жданов (член Международного союза кристаллографов, основоположник советской школы радиационной кристаллографии), Н.А. Фукс (основатель науки об аэрозолях), А.И. Шатенштейн (специалист в области неводных растворов), и др.

Международный научный трансфер идей и технологий в области физической химии осуществлялся не только через влиятельных ученых НИФХИ, но иногда и через молодых специалистов, чьи разработки показались интересными и перспективными иностранцам. Так, в 1960 г. персональное приглашение о посещении Института теоретической физики Утрехтского университета получил старший научный сотрудник В.В. Толмачев, работы которого по вопросам общей теории временных корреляций в статистических системах заинтересовали голландских физиков³⁸.

Порой обмен научными идеями происходил случайно, в неформальном общении, как, например, в случае с младшим научным сотрудником И.Б. Стечкиной. Будучи участницей Международного симпозиума по производству элементарной энергии с помощью МГД-генераторов (г. Зальцбург, 4–8 июля 1966 г.), она выступила с докладом «Некоторые вопросы гидродинамики двухфазных течений» (в соавторстве с Ф.Р. Улиничем). Ее сообщение вызвало интерес у группы ученых из США и ФРГ, завязалась неформальная беседа, которая, по мнению Стечкиной, была очень полезной. Дело в том, что исследования немцев под руководством Радебольда никогда до этого не публиковались, а его группа разработала уникальную методику, о которой стало возможным узнать из первых рук. Результаты исследований группы Петрика (США) были опубликованы, но только в виде отчетов, которые невозможно было достать. Стечкиной пообещали прислать препринты, что давало возможность получить информацию о ходе работ этих ученых³⁹.

Зарубежные научные связи советских физикохимиков, с одной стороны, способствовали популяризации отечественной науки и росту международного авторитета Советского Союза, с другой — позволяли ученым быть в курсе последних зарубежных достижений и корректировать собственные разработки. Так, участники IV Международного коллоквиума по молекулярной спектроскопии (1959 г.) Д.Н. Шигорин и П.П. Шорыгин в своем отчете указали: «Необходимо форсировать разработку и серийный выпуск спектрометров для ядерного магнитного резонанса. В этой важной области радиочастотной спектроскопии СССР сильно отстал от западных стран»⁴⁰.

Изучение документов Физико-химического НИИ, касающихся международных научных контактов в 1950–1960-х годах, позволяет прийти к некоторым выводам. Во-первых, обмен идеями и технологиями между советскими учеными и их зарубежными коллегами был обоюдным и достаточно динамичным. Об этом свидетельствует, например, интенсивность почтовой переписки. В 1958 г. было зафиксировано 82 почтовых сообщения, в 1964 г. — 1400⁴¹. Во-вторых, не представляется возможным выделить какую-то одну конкретную тему исследования НИФХИ, вызывавшую наибольший интерес у иностранных специалистов. Просьбы об отписках статей и стажировках, приглашения специалистов на

³⁸ Там же. Д. 523. Л. 31, 33, 67–68.

³⁹ Там же. Д. 744. Л. 67–68.

⁴⁰ Там же. Д. 520. Л. 4–7.

⁴¹ Там же. Д. 484, 744.

конференции присутствовали во всех структурных подразделениях института. В-третьих, при рассмотрении встречного направления трансфера — интерес отечественных физико-химиков к зарубежным исследованиям — также прослеживается большой охват всевозможных тем, связанных с тематикой работ лабораторий. Но при этом заметно одно отличие — советским ученым не хватало качественного современного оборудования для проведения научных экспериментов, и они пытались решить этот вопрос через закупку иностранных приборов, что было довольно сложно в условиях государственной монополии на внешнюю торговлю. Тогда руководство НИФХИ попыталось восполнить пробел через изготовление техники в собственных мастерских, но для этого не хватило мощностей. В итоге было сделано обращение к правительству с предложением о создании специального предприятия по производству экспериментального оборудования, но это оказался долгий бюрократический процесс, так и не завершившийся в рассматриваемый период⁴².

СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО ТРАНСФЕРА

Государственная политика — системообразующая черта международного научного трансфера рассматриваемого периода. Она определяла его цели, внешнюю форму, характер и особенности научного обмена. Главные целевые установки того времени базировались на проведении научных исследований, соответствовавших мировому уровню или опережавших их. Идеологическая подоплека такой стратегии была в том, что СССР находился в состоянии мирного сосуществования со странами капитализма, но идеологического противостояния. Это проявлялось, на наш взгляд, и в складывании международных научных контактов советских ученых. Политика холодной войны, проводившаяся мировыми державами, оказала заметное влияние на характер взаимоотношений в научном мире, оформилось два варианта научного сотрудничества — интеграция с учеными из стран — членов СЭВ и деловое научное взаимодействие с представителями капиталистических стран.

При изучении коммуникационных каналов между учеными разных стран выявился ряд закономерностей. Советские физикохимики имели деловые контакты по всему миру, не ограничиваясь только социалистическим лагерем. Главным условием для установления общения, завязывания связей являлись общие научные интересы, работа над схожими проблемами. Количественный анализ деловой корреспонденции позволяет утверждать, что переписка с западными странами была более активной, чем со странами Восточной Европы⁴³. Заявки на заграничные командировки также чаще подавались в капиталистические страны, чем в социалистические⁴⁴. Это связано с высоким уровнем развития физико-химической науки в ведущих странах Запада. Однако такие формы научного обмена, как стажировки и совместные научно-исследовательские темы, осуществлялись в основном с учеными из социалистических стран. Таким образом, у советских ученых очное общение происходило чаще с учеными из соцстран, чем из капиталистических. Так, в 1964 г. среди посетителей Научно-исследовательского физико-химического института им. Л.Я. Карпова 81 человек были представителями соцлагеря (чаще всего из Венгрии, Чехословакии и Польши) и только 29 — из капиталистических стран (прежде всего из Японии и Великобритании)⁴⁵.

Прохождение стажировок и выполнение совместных научно-исследовательских тем было возможно только в том случае, если между странами было заключено Соглашение о научно-техническом сотрудничестве. Советский Союз в силу политических обстоятельств имел подобные соглашения со всеми социалистическими странами, что позволяло обмениваться

⁴² Там же. Д. 712. Л. 24–26.

⁴³ Там же. Д. 473. Л. 1–61 об.; Д. 484. Л. 1–295.

⁴⁴ Там же. Д. 610. Л. 1–177.

⁴⁵ Там же. Д. 744. Л. 16–21.

специалистами на длительные сроки. В документах НИФХИ имеются запросы на стажировку от исследователей из всех соцстран. Руководство института старалось принимать желающих, так как это позволяло в свою очередь направить своего сотрудника в заграничную командировку. Что касается специалистов из капиталистических стран, то в документах НИФХИ за 1950–1960-е годы нам не встретилось упоминаний о подобных стажировках, только о кратковременных консультациях, экскурсиях, чтении лекций. Но прецеденты долговременного сотрудничества Советского Союза с капиталистическими странами случались, например, в 1972–1977 гг. между США и СССР действовало Соглашение о сотрудничестве в области науки и техники, что позволило стажироваться в Америке сроком от полугода до года примерно 50 молодым ученым из разных научных учреждений Советского Союза. По воспоминаниям участников обмена, сотрудничество было плодотворным: «Русские ученые лидировали в области теории, могли помочь в постановке научных задач; американцы опережали в технике исследований, создавая замечательное оборудование и приборы»⁴⁶. Но в 1980 г. научное сотрудничество между СССР и США из-за ухудшения внешнеполитической ситуации полностью прекратилось.

Совместные научно-исследовательские проекты выполнялись сотрудниками НИФХИ с учеными из стран – участниц Совета экономической взаимопомощи. В 1950–1960-е годы институт выступил головной организацией в реализации таких тем, как «Разработка эффективных мер защиты от коррозии металлов», «Структурообразование пластмасс и зависимость свойств от структуры», «Получение этилена прямым окислением этилена» (впоследствии проект получил название «Прямое окисление этилена в окись этилена») и др.⁴⁷ Выполнение подобных проектов предусматривало многолетнее сотрудничество во время совещаний, конференций, экспериментов, происходил обмен отчетами, совместно подводились итоги работы и составлялись рекомендации для внедрения на производство.

Таким образом, материалы НИФХИ свидетельствуют о том, что в середине XX в. советские ученые в области физической химии активно сотрудничали с коллегами из других стран. Это взаимодействие проходило по разным каналам – личное общение, научные дискуссии, международная апробация полученных результатов исследования, стажировки молодых и перспективных ученых и т.д. Все эти формы и составляют модель научно-коммуникационного обмена в этот период. Мы полагаем, что возможно говорить о советской модели международного научного трансфера в 1950–1960-е годы. Его отличительная черта – наличие государственной стратегии в соответствующей отрасли научного знания (в данном случае в области физической химии), разнообразие форм научного взаимодействия, ориентированных на объективные мировые научно-технические новации. Отметим и идеологический компонент в международном взаимодействии в этот период, из-за чего приоритетным являлся интерес к исследованиям в социалистических странах.

Научную кооперацию, ориентацию на интеграцию в научной сфере, совместное проведение научных исследований в области химии можно рассматривать как проявление советской модели трансфера. Более разнообразные формы взаимодействия с научно-исследовательским сектором стран социалистической ориентации, на наш взгляд, в этот период не сопровождалось непризнанием или отторжением достижений науки стран капиталистического мира. «Интернациональность науки», в данном случае химической, свидетельствует, с нашей точки зрения, в поддержку тезиса о «золотом двадцатилетии» в международном взаимодействии ученых. Безусловно, оно не было безоблачным.

⁴⁶ Георгий Константинович Боресков: книга воспоминаний / сост. Т.В. Андрушкевич, Т.М. Юрьева, И.Л. Михайлова, В.С. Музыкантов; отв. ред. В.Н. Пармон. Новосибирск, 2007. С. 55, 117–118, 184–187.

⁴⁷ РГА. Ф. 16. Оп. 2–6. Д. 744. Л. 1–4.

Бюрократические формальности, оценка «морального облика» ученого, контроль за целевым использованием государственных средств, выдававшихся на научные исследования и их презентацию, — все эти и другие стороны «советской модели» трансфера нуждаются в дальнейшем изучении, в том числе на материалах других научно-исследовательских институтов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в 1950–1960-е годы заметна явная активизация международных научных контактов СССР с другими странами. Отчасти это связано с изменением во властных структурах Советского Союза, но в большей степени, на наш взгляд, — с развертыванием в мире научно-технической революции. Одним из главных ее направлений стал переход на использование искусственного сырья. Активное научное изучение, создание, производство искусственных материалов и полимеров, изучение всего многообразия химических процессов во всех жизненно важных аспектах экономики и общества открывает в недалеком будущем новую эпоху. Как показывает изучение материалов НИФХИ, ученые этого института внесли значительный вклад в развитие мировой химической науки.

Взаимодействие, совместное изучение, обмен, апробация и распространение новых знаний в области химии (физической химии) было объективной необходимостью. Для изучения этого взаимодействия мы предлагаем использовать уже применяемый в социальных и гуманитарных науках термин «международный научный трансфер». С нашей точки зрения, «международный научный трансфер» — это обобщенное понятие, характеризующее совокупность различных форм, способов и методов научного обмена идеями, практиками, технологиями, документами. Формами такого научного трансфера могут быть совместные международные проекты, исследования и научные публикации. Обмен научными идеями, осуществляемый на научных конференциях, симпозиумах и конгрессах, при личном общении ученых, слабо формализуется, однако именно такой трансфер дает наибольшее приращение научного знания и наибольший полезный эффект для всех участников. Мы выделяем советскую модель трансфера, включающую в себя наличие государственной стратегии научного развития и международного научного обмена, ориентацию на объективные тенденции научно-технического развития, наличие ярко выраженного идеологического компонента, избирательность в определении форм, способов и глубины научных контактов.

Изучение этой обширной темы предполагает проверку наших выводов на материалах других научных коллективов другой тематической и отраслевой направленности.

В каждую историческую эпоху деятельность ученых регулируется общественными представлениями и нормами, государственными установлениями и законами. Однако ученые часто опережают время, далеко не всегда встречая понимание и поддержку в своем сообществе, тем более в международном.

Конечно, вопросы взаимопонимания и адекватного восприятия научных идей коллег — отдельная сложная тема. В 1971 г. в Новосибирске во время закрытия 4-й Всесоюзной конференции по моделированию каталитических реакторов ученый Г.К. Боресков предложил тост: «Я провозглашаю тост за то, чтобы мы, ученые разных стран, лучше понимали друг друга. Может быть, судьбы мира зависят от того, насколько хорошо мы сможем понять друг друга»⁴⁸. Сегодня эти слова звучат особенно актуально. И важность их возрастает не только для научного сообщества, но и человечества в целом.

⁴⁸ Георгий Константинович Боресков: Книга воспоминаний... С. 91.

Библиография

Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М., 2010.

Атаулина А.Р. Экономические успехи Совета экономической взаимопомощи в ходе развития интеграционных процессов // Креативная экономика. 2012. № 8. С. 123–128.

Банникова Н.Ф. Влияние интеграции ученых Научно-исследовательского физико-химического института им. Л.Я. Карпова и специалистов отраслевых предприятий на развитие экономики страны в 1920–1950-е гг. // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2019. Т. 1. № 3. С. 47–58.

Бокарев Ю.П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе. 1970–1980-е годы. М., 2007.

Будыка А.К. 90 лет Карповскому институту // Российский химический журнал. 2008. Т. LII. № 5. С. 3–7.

Бурганова Л.А. Трансфер технологий в Германии (на примере химической промышленности) // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 4. С. 31–35.

Ганин М.А. Советско-германское сотрудничество в области гидротурбостроения в 1920-е гг. // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2021. Т. 3. № 2. С. 63–71.

Георгий Константинович Боресков: книга воспоминаний / сост. Т.В. Андрушкевич, Т.М. Юрьева, И.Л. Михайлова, В.С. Музыкантов; отв. ред. В.Н. Пармон. Новосибирск, 2007.

Захарченко А.В., Рыжкова С.А. Изучение зарубежного опыта специалистами ЦАГИ во второй половине 1920-х гг. (На материалах Российского государственного архива в г. Самаре) // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2020. Т. 2. № 2. С. 85–92.

Кембриджская экономическая история Европы нового и новейшего времени. Т. 2. 1870 – наши дни. М., 2013.

Кирсанова Е.Г., Волкова А.В. Научно-техническое сотрудничество СССР и ГДР во второй половине XX в.: политические аспекты // Вестник Российской нации. 2017. № 6. С. 154–165.

Кочеткова Е.А. Модернизация советской целлюлозно-бумажной промышленности и трансфер технологий в 1953–1964 годах: случай Энсо-Светогорска // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2013. № 3. С. 13–42.

Курапова Е.Р. Советско-болгарское экономическое и научно-техническое сотрудничество по материалам РГАЭ (1950-е–1970-е гг.) // О чем поведают архивы... Российско-болгарские отношения и связи. М., 2011. С. 107–117.

Липкин М.А. «Мировой кооператив народов»: Совет экономической взаимопомощи, который пытался построить Н.С. Хрущев // Новый исторический вестник. 2017. № 4. С. 121–144.

Мун Д. Международный трансфер идей российского генетического почвоведения в 1870–1914 годы // Historia Provinciae – журнал региональной истории. 2018. Т. 2. № 1. С. 80–99.

Некрасов В.Л. «Дилемма Хрущева»: реформы Госплана СССР, нефтехимический проект и вызовы холодной войны (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.). М., 2019.

Солнцева Е.А., Золотухин Е.И. Трансфер советских гидроэнергетических технологий в Египет и Индонезию в 1950–1960-е гг.: одна цель – разные результаты // Клио. Ежемесячный журнал для ученых. 2021. № 11 (179). С. 86–92.

Черняховская Ю.В. Международный трансфер технологий и локализация: истории успеха в атомной энергетике // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. Т. 7. № 2. С. 38–47.

Luke T.W. Technology and Soviet Foreign Trade: On the Political Economy of an Underdeveloped Superpower // International Studies Quarterly. 1985. Vol. 29. № 3. P. 327–353.

Reassessing Cold War Europe / eds S. Autio-Sarasmo, K. Miklóssy. New York, 2010.

Solentsova E.A., Kapitonov A.A. Experience of Innovations Institutionalization: Interaction of the World Scientific Community // Lecture Notes in Networks and Systems. 2021. Vol. 160. P. 460–466.

Solentsova E.A., Kapitonov A.A. Technology Transfer and Soviet Modernization (Using the Materials of Head Scientific Research Institutes) // SHS Web of Conferences. 2019. Vol. 62. URL: https://www.shsconferences.org/articles/shsconf/pdf/2019/03/shsconf_pedtp2018_01002.pdf (access date: 13.10.21).

Sutton A.C. Western Technology and Soviet Economic Development 1945 to 1965. Stanford, 1973.

References

- Ataulina A.R.* Ekonomicheskie uspekhi Soveta ekonomicheskoi vzaimopomoshchi v khode razvitiia integratsionnykh processov [Economic successes of the Council of Mutual Economic Assistance in the course of the development of integration processes] // *Kreativnaya ekonomika* [Creative economy]. 2012. № 8. S. 123–128. (In Russ.)
- Bannikova N.F.* Vliyanie integratsii uchenykh Nauchno-issledovatel'skogo fiziko-khimicheskogo instituta im. L.Ya. Karpova i specialistov otraslevykh predpriyatii na razvitie ekonomiki strany v 1920–1950-e gg. [Influence of the integration of the Scientists from the scientific Research Institute of Physics and Chemistry named after L.Ya. Karpov and specialists from the industrial enterprises on the economic development in 1920–1950s] // *Izvestiia Samarskogo nauchnogo centra Rossiiskoi Akademii nauk. Istoricheskie nauki* [Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences]. 2019. T. 1. № 3. S. 47–58. (In Russ.)
- Bokarev Yu.P.* SSSR i stanovlenie postindustrial'nogo obshchestva na Zapade. 1970–1980-e gody [The USSR and the formation of post-industrial society in the West. The 1970s and 1980s]. Moskva, 2007. (In Russ.)
- Budyka A.K.* 90 let Karpovskomu institutu [90 years of the Karpov Institute] // *Rossiiskii khimicheskii zhurnal* [Russian Journal of General Chemistry]. 2008. T. LII. № 5. S. 3–7. (In Russ.)
- Burganova L.A.* Transfer tekhnologii v Germanii (na primere himicheskoi promyshlennosti) [Technology transfer in Germany (as exemplified by chemical industry)] // *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [The Review of Economy, the Law and Sociology]. 2012. № 4. S. 31–35. (In Russ.)
- Chernjakhovskaja Ju.V.* Mezhdunarodnyi transfer tekhnologii i lokalizatsiia: istorii uspekha v atomnoi energetike [International technology transfer and localization: success stories in nuclear branch] // *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie)* [MIR (Modernization. Innovation. Research)]. 2016. T. 7. № 2. S. 38–47. (In Russ.)
- Ganin M.A.* Sovetsko-germanskoe sotrudnichestvo v oblasti gidroturbostroeniya v 1920-e gg. [Soviet-German cooperation in the field of hydro-turbine engineering in the 1920s] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. Istoricheskie nauki* [Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences]. 2021. T. 3. № 2. S. 63–71. (In Russ.)
- Georgii Konstantinovich Borekov: kniga vospominanii [Georgy Konstantinovich Borekov: a book of memories] / sost. T.V. Andrushkevich, T.M. Jur'eva, I.L. Mikhailova, V.S. Muzykantov; otv. red. V.N. Parnon. Novosibirsk, 2007. (In Russ.)
- Imperium inter pares: rol' transferov v istorii Rossiiskoi imperii (1700–1917) [Imperium inter pares: role of transfers in the history of the Russian Empire (1700–1917)] / red. M. Aust, R. Vul'pius, A. Miller. Moskva, 2010. (In Russ.)
- Kembridzhskaya ekonomicheskaya istoriya Evropy novogo i novejshego vremeni. T. 2. 1870 – nashi dni [Cambridge Economic History of Modern and Contemporary Europe. Vol. 2. 1870 – our days]. Moskva, 2013. (In Russ.)
- Kirsanova E.G., Volkova A.V.* Nauchno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo SSSR i GDR vo vtoroj polovine XX v.: politicheskie aspekty [Scientific and technical cooperation of the USSR and the GDR in the second half of the 20th century: political aspects] // *Vestnik Rossiiskoi natsii* [Bulletin of Russian nation]. 2017. № 6. S. 154–165. (In Russ.)
- Kochetkova E.A.* Modernizatsiia sovetskoj celliulozno-bumazhnoi promyshlennosti i transfer tekhnologii v 1953–1964 godakh: sluchai Enso-Svetogorska [Modernization of Soviet pulp and paper industry and technology transfer in 1953–1964: the case of Enso-Svetogorsk] // *Laboratorium: zhurnal social'nykh issledovanii* [Laboratorium: Russian Review of Social Research]. 2013. № 3. S. 13–42. (In Russ.)
- Kurapova E.R.* Sovetsko-bolgarskoe ekonomicheskoe i nauchno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo po materialam RGAE (1950-e–1970-e gg.) [Soviet-Bulgarian economic and scientific-technical cooperation based on the materials of the RGAE (1950s–1970s)] // *O chem povedayut arhivy... Rossiisko-bolgarskie otnosheniia i svyazi* [What the archives will tell... Russian-Bulgarian relations and ties]. Moskva, 2011. S. 107–117. (In Russ.)
- Lipkin M.A.* “Mirovoi kooperativ narodov”: Sovet ekonomicheskoi vzaimopomoshchi, kotoryi pytalsya postroit' N.S. Khrushchev [The “Global Cooperative of Peoples”: The Council for Mutual Economic Assistance that Nikita Khrushchev Tried to Build] // *Novyi istoricheskii vestnik* [The New Historical Bulletin]. 2017. № 4. S. 121–144. (In Russ.)
- Mun D.* Mezhdunarodnyi transfer idei rossiiskogo geneticheskogo pochvovedeniya v 1870–1914 gody [International transfer of ideas of Russian genetic soil science in 1870–1914] // *Historia Provinciae – zhurnal regional'noi istorii* [Historia provinciae – the journal of regional history]. 2018. T. 2. № 1. S. 80–99. (In Russ.)

Nekrasov V.L. “Dilemma Hrushcheva”: reformy Gosplana SSSR, neftekhimicheskii proekt i vyzovy kholodnoi voiny (vtoraya polovina 1950-kh – pervaya polovina 1960-h gg.) [“Khrushchev's Dilemma”: reforms of the USSR State Planning Committee, the petrochemical project and the Challenges of the Cold War (the second half of the 1950s – the first half of the 1960s)]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Solentsova E.A., Zolotukhin E.I. Transfer sovetskikh gidroenergeticheskikh tekhnologii v Egipet i Indoneziyu v 1950–1960-e gg.: odna cel' – raznye rezul'taty [Transfer of Soviet Hydropower Technologies to Egypt and Indonesia in the 1950s and 1960s: One Goal, Different Results] // *Klio. Ezheemesyachnyi zhurnal dlya uchenykh* [Clio. A monthly scholarly journal]. 2021. № 11 (179). S. 86–92. (In Russ.)

Zaharchenko A.V., Ryzhkova S.A. Izuchenie zarubezhnogo opyta spetsialistami CAGI vo vtoroi polovine 1920-kh gg. (Na materialakh Rossiiskogo gosudarstvennogo arkhiva v g. Samare) [The study of foreign experience by the specialists of the Central Aerohydrodynamic Institute (TSAGI) in the second half of the 1920s (Based on the materials from the Russian State Archive in Samara)] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiiskoi Akademii nauk. Istoricheskie nauki* [Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences]. 2020. T. 2. № 2. S. 85–92. (In Russ.)

Luke T.W. Technology and Soviet Foreign Trade: On the Political Economy of an Underdeveloped Superpower // *International Studies Quarterly*. 1985. Vol. 29. № 3. P. 327–353.

Reassessing Cold War Europe / eds S. Autio-Sarasmö, K. Miklóssy. New York, 2010.

Solentsova E.A., Kapitonov A.A. Experience of Innovations Institutionalization: Interaction of the World Scientific Community // *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2021. Vol. 160. P. 460–466.

Solentsova E.A., Kapitonov A.A. Technology Transfer and Soviet Modernization (Using the Materials of Head Scientific Research Institutes) // *SHS Web of Conferences*. 2019. Vol. 62. URL: https://www.shsconferences.org/articles/shsconf/pdf/2019/03/shsconf_pedtp2018_01002.pdf (access date: 13.10.21).

Sutton A.C. Western Technology and Soviet Economic Development 1945 to 1965. Stanford, 1973.

DOI: 10.31857/S013038640015614-3

© 2022 г. А.З. АРАБАДЖЯН

ИСТОРИЯ ИЗМЕНЕНИЯ КУБИНСКОГО СОЦИАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ РЕФОРМ: ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Арабаджян Александра Завеновна — магистр истории, младший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, аспирант Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: aleche28@gmail.com

Scopus Author ID: 57223307125; ORCID: 0000-0001-8927-5411; Researcher ID: ABI-2382-2020

Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Аннотация. В статье рассматривается трансформация кубинской модели социалистического строительства на современном этапе. Цель исследования — установить, есть ли существенная разница между трактовкой социализма как способа производства на трех разных этапах. Для проведения сравнительного анализа предлагается выделить три модели: марксистско-ленинскую, модель «особого периода в мирное время» и модель актуализации. Ключевым источником каждой модели является конституция соответствующего периода (1976 г., она же с поправками 1992 г., 2019 г.), также более подробно исследуются официальные документы I, VI и VII съездов Коммунистической партии Кубы, отражающие проблемы социализма как способа производства и роли марксизма-ленинизма. Задачи статьи — исследовать такие аспекты социалистического способа производства, как собственность на средства производства, подход к проблеме эксплуатации, функционирование принципа «от каждого по способностям — каждому по труду», работа системы планирования и соотношение рынка и плана. В ходе исследования установлено, что кубинский социализм как способ производства претерпел за свою историю значительные изменения. Был сужен охват системы планирования, и на современном этапе оно стало интегрировать в себя рыночные механизмы, переходить от директивного характера к индикативному в области краткосрочного планирования. Была юридически признана частная собственность на средства производства, а кооперативная форма ведения хозяйства еще в 1990-х годах стала квалифицироваться в качестве социалистической. Хотя отношение к эксплуатации остается негативным, легализация найма рабочей силы включила механизм эксплуатации в кубинскую социалистическую модель. На официальном уровне закрепляется новое содержание понятия социализм. Современный кубинский социализм значительно отходит от марксистско-ленинской модели.

Ключевые слова: Куба, социализм, марксизм, «особый период» в истории Кубы, актуализация модели развития.

A.Z. Arabadzhyan

The History of the Transformation of Cuban Socialism in the Context of Contemporary Reforms: A Political Economy Perspective

Alexandra Arabadzhyan, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: aleche28@gmail.com

Scopus Author ID: 57223307125; ORCID: 0000-0001-8927-5411; Researcher ID: ABI-2382-2020

The article was prepared as part of the project “Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation” supported by a research project grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the priority areas of science and technology development (Agreement № 075-15-2020-783).

Abstract. The paper explores transformation of the contemporary Cuban model of socialism. The purpose is to ascertain the dynamics of the interpretation of socialism as a mode of production in three different stages. It draws on crucial sources such as the 1976 Constitution of Cuba, its 1992 amended version, and the 2019 Constitution. Each corresponds to one of the three models of development identified in the article: the Marxist-Leninist model, the special period model, and the model of actualisation process. The author also takes a more detailed look at the official documents of the First, Sixth, and Seventh Congresses of the Cuban Communist Party, reflecting aspects of socialism as a mode of production and the role of Marxism-Leninism. The paper examines issues such as forms of ownership of the means of production, changing attitudes towards exploitation, the operation of the socialist principle of distribution “from each according to his ability, to each according to his work”, and the role and scope of the planning system. The author’s methodology rests upon the historical-genetic method and comparative analysis. The study indicates that Cuban socialism as a mode of production has undergone considerable changes over the course of its history. The planning system has lost its scale and short-term planning is being transformed from directive to indicative. The actualisation model also legalises private ownership of the means of production, while the special period model views cooperatives as a socialist form of economic management. Although exploitation is condemned, the actualization model integrates it into the social system having legalised wage labour. The changes in the interpretation of socialism as a mode of production have been enshrined at the official level. Contemporary Cuban socialism has moved away from the Marxist-Leninist model.

Keywords: Cuban socialism, Marxism, “special period” in Cuban history, actualization of the model of development.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУБИНСКОГО СОЦИАЛИЗМА: ИСТОРИЯ ПРОЦЕССА РЕФОРМ И ИСТОЧНИКИ АНАЛИЗА

Трансформации кубинского социализма и официальной идеологии связаны с процессом реформирования общественной системы, который хронологически берет начало в 1990-х годах. Тогда, в условиях распада социалистического блока и СССР, Куба переживала наиболее тяжелый кризис в современной истории.

В историографии этот период получил название «особого периода в мирное время»¹ (далее – «особый период»). Данный термин появился еще до событий 1991 г. Его разъяснил Фидель Кастро на выступлении на XVI съезде Профцентра трудящихся Кубы в 1990 г.² Руководитель страны подчеркнул, что в истории Кубы происходили разные события, многие из которых были особым периодом в военном смысле: Куба оказывалась

¹ Подробнее см., например: *Ларин Е.А.* Особый период в истории Кубы (1991 – начало XXI века) // Новая и новейшая история. 2016. № 2. С. 51–61.

² Discurso pronunciado por el comandante en jefe Fidel Castro Ruz en la clausura del XVI Congreso de la CTC,

на грани войны с враждебными зарубежными силами, как в случае экономической блокады и актов агрессии, поддерживаемых США. Но теперь Кубе предстояло столкнуться с особым периодом именно в мирное время, его суть состояла в том, что ряд ключевых для хозяйства Кубы поставок из стран Восточной Европы и СССР мог сильно сократиться. Это, с точки зрения Ф. Кастро, привело бы страну к состоянию, вполне схожему по тяжести с военной ситуацией. В связи с этим населению Кубы предстояло готовиться к значительным ограничениям и мобилизации, а руководству страны — к оперативному пересмотру и перестройке функционирования хозяйственной системы.

Именно так и произошло с Кубой вследствие дезинтеграционных процессов в социалистическом лагере: спад внешнеторгового оборота Кубы за 1989—1993 гг. составил 76,6%, в то время как ВВП сократился на 34,8%³. При этом экономическая блокада со стороны США ужесточалась: вводились новые санкции, носившие экстерриториальный характер (закон Торричелли в 1992 г. и закон Хелмса—Бертона в 1996 г.).

В этих условиях на политическом уровне руководство страны уже на IV съезде Коммунистической партии Кубы (КПК) в 1991 г. заговорило о необходимости быстрого и адекватного реагирования на кризис и приняло некоторые меры, делавшие экономику более открытой. В частности, был взят курс на увеличение притока иностранных инвестиций. Эти преобразования углубляются в течение всего десятилетия, законодательный корпус страны приводится в соответствие с ними. Важнейшим изменением стала модификация в 1992 г. кубинской Конституции 1976 г., принятой после проведения I съезда КПК⁴. После этого продолжали приниматься меры, которые в некоторой степени усиливали рыночные начала в экономике. В 1993 г. был введен расширенный список профессий, по которым разрешалась деятельность в качестве самозанятых (*сuentarporistas*). Тогда же граждане получили разрешение держать на руках доллары, и они стали временно использоваться на острове в качестве действующей валюты для осуществления трансакций. Вводилась новая форма сельскохозяйственных кооперативов — базовые единицы кооперативного производства, замещавшие бывшие государственные фермы. В 1995 г. был издан закон об иностранных инвестициях, регулировавший формы взаимодействия с иностранным капиталом. Эти и другие меры вводились для того, чтобы избежать полного экономического коллапса, но сохранить ключевые завоевания революции.

V съезд КПК (1997 г.) закрепил эти изменения и углубил их, а также положил начало существенным изменениям в методологии планирования. Однако процесс расширения функционирования рынка был остановлен к началу 2000-х годов в период так называемой «битвы идей», которая в политике обернулась обострением конфронтации с США и мобилизацией населения для защиты революции, а в экономике — ограничением рынка и усилением централизованных начал. К примеру, если количество профессий, по которым можно было регистрироваться в качестве самозанятых, в целом за 1990-е годы значительно выросло, то на рубеже 1990—2000-х годов процесс затормозился. Была временно приостановлена выдача лицензий для самозанятых в разных сферах, появился ряд более детальных регламентаций, что усложняло процедуру регистрации. Подобные ограничительные меры коснулись и других сфер экономики. Общая идея преобразований состояла в попытке вернуть часть видов деятельности в компетенцию государственных предприятий.

celebrado en el teatro Karl Marx, el 28 de enero de 1990 // URL: <http://www.fidelcastro.cu/es/discursos/discursopro-nunciado-en-la-clausura-del-xvi-congreso-de-la-ctc> (дата обращения: 14.06.2020).

³ Куба: от адаптации к переменам? / отв. ред. В.М. Давыдов. М., 2007. С. 33, 53.

⁴ Мы анализируем тексты первоначальной Конституции 1976 г. (Constitución de la República de Cuba. La Habana, 1976) и модифицированного варианта 1992 г. (Constitución de la República de Cuba (Actualizada según la Ley de Reforma Constitucional aprobada el 12 de julio de 1992). La Habana, 1996). Далее цитируются по указанным изданиям.

К концу первого десятилетия XXI в. в связи с состоянием здоровья «верховного лидера» революции сменил его брат, Рауль Кастро⁵. С его именем связан новый этап реформ — структурные изменения кубинской социально-экономической модели. Этот курс стал результатом обсуждения вариантов развития в партии и обществе и получил название «актуализация общественно-экономической модели развития» (далее — актуализация)⁶, которая, по словам Р. Кастро, предусматривала меры, «направленные на сохранение социализма, его усиление и превращение в действительно незыблемый»⁷. Курс утвердили на VI съезде (2011 г.) и продолжили по решениям VII (2016 г.) и VIII (2021 г.) съездов. С точки зрения политического лидерства эту линию сейчас реализует Мигель Диас-Канель, новый руководитель страны, который не является представителем «исторического» поколения, т.е. поколения героев самой революции, а родился уже после ее победы. С 2013 г. он стал заместителем Р. Кастро в Государственном совете и Совете министров. В 2018 г. Диас-Канель возглавил эти органы, а на VIII съезде (апрель 2021 г.) сменил Рауля Кастро также и на посту первого секретаря КПК.

Актуализация положила начало новому этапу расширения функционирования рынка в экономике Кубы и сужению роли государства. Ярким примером последствий этих реформ является структура занятости. Если на 2010 г. доля работников, занятых вне государственного сектора, не достигала 19% работающего населения, то в 2020 г. из общего числа занятых уже более 33% работали в негосударственном секторе⁸.

Учитывая канву политических событий и реформирования хозяйственной системы, мы предлагаем ввести три модели интерпретации социализма как способа производства, исследование которых отражает как динамику экономических преобразований, так и соответствующие изменения в идеологии. Первая (далее — марксистская, марксистско-ленинская) из них стала результатом складывания общественно-политической и экономической системы Кубы после революции и была закреплена в конституции, поддержанной народом Кубы на референдуме в 1976 г. после I съезда КПК.

Вторая модель начала формироваться после распада СССР во время «особого периода в мирное время». Ее юридической основой является вариант конституции с включенными в нее поправками в 1992 г. На этот же период приходится принятие поправок к Основному закону в 2002 г. (эти изменения носили менее глубокий характер, их суть заключалась в провозглашении незыблемости социализма на Кубе).

Третья — модель периода актуализации. Ее аспекты обсуждались на VI и последующих съездах КПК, на которых были разработаны документы, где фиксируются обновленные основы и векторы развития страны, отражающие новый подход к интерпретации социализма.

Мы хотели бы провести сравнительный анализ трех предлагаемых моделей на базе этих документов. Таким образом, источниками исследования являются три текста Конституций (1976 г., она же с поправками 1992 г., 2019 г.), программные документы I съезда КПК («Об изучении марксизма-ленинизма в нашей стране»⁹, Программная платформа

⁵ В 2006 г. Фидель перенес серьезную операцию на желудке, в связи с чем уже фактически не управлял страной, хотя продолжал занимать пост председателя Государственного совета до 2008 г. и первого секретаря ЦК КПК до 2011 г.

⁶ Иногда можно встретить формулировки «актуализация кубинской экономической модели развития», «актуализация кубинской социалистической модели развития» и другие подобные варианты.

⁷ Discurso pronunciado por el General de Ejército Raúl Castro Ruz, Presidente de los Consejos de Estado y de Ministros, en la clausura del Sexto Período Ordinario de Sesiones de la Séptima Legislatura de la Asamblea Nacional del Poder Popular, en el Palacio de Convenciones, el 18 de Diciembre de 2010, “Año 52 de la Revolución” // URL: <http://www.cuba.cu/gobierno/rauldiscursos/2010/esp/r181210e.html> (дата обращения: 14.08.2020).

⁸ Рассчитано на основе данных Национального бюро статистики и информации Кубы, выгруженных с его сайта: Series Estadísticas Empleo y Salarios Enero-Diciembre 2020 // URL: <http://www.onei.gob.cu/node/15870> (дата обращения: 13.12.2021).

⁹ Sobre los estudios del marxismo-leninismo en nuestro país // Tesis y resoluciones. Primer Congreso del Partido Comunista de Cuba. La Habana, 1976. P. 261–293.

Партии¹⁰), программные документы VI (Направления экономической и социальной политики Партии и Революции 2011 г., далее — Направления, 2011¹¹) и VII (Концепция кубинской экономической и социальной модели социалистического развития¹², далее — Концепция; Основы национального плана экономического и социального развития до 2030 г.¹³, новые Направления экономической и социальной политики Партии и Революции 2016 г., далее — Направления, 2016¹⁴) съездов.

Цель исследования — установить, как на уровне официальной идеологии отличается трактовка социализма в разные периоды. Это поможет определить, в чем состоят основные тенденции идеологических трансформаций. При этом мы будем рассматривать узловые проблемы социализма как способа производства и в данной статье оставляем за скобками политические аспекты вопроса. Также предпосылкой исследования является то, что за точку отсчета мы берем позицию, которой стали придерживаться на Кубе в 1960-х годах, т.е. марксистско-ленинскую теорию, о чем подробнее будет сказано в следующем разделе.

С точки зрения методологии в исследовании применяется историко-генетический метод и сравнительный анализ. В работе изучается динамика интерпретации социализма как способа производства на официальном уровне на трех разных этапах истории Кубы после победы революции, при этом повышенное внимание уделяется современному этапу актуализации. В историографии есть немало работ, в которых анализируются конкретные изменения экономической политики Кубы на современном этапе¹⁵, чаще всего с применением позитивистской методологии. В этих исследованиях обходится стороной вопрос, переживает ли изменение интерпретация того, что такое социализм как способ производства. Это происходит во многом по той причине, что их авторы не учитывают теорию, на которой основывалась изначальная кубинская социалистическая модель, прошедшая этап институционализации в 1970-х годах, — марксистскую политическую экономию и научный социализм¹⁶. Социально-экономический аспект преобразований на современном этапе с применением элементов политэкономического анализа был изучен в монографии В.А. Бородаева, Н.С. Леонова и А.А. Лепешкина, которые используют категории политической экономии¹⁷, однако, не исследуют трактовку социализма и ее динамику. Кроме того, в историографии, в том числе и в указанной книге, в силу его совсем

¹⁰ Plataforma Programática // Primer Congreso del Partido Comunista de Cuba. T. II. La Habana, 1976. P. 29–82.

¹¹ Lineamientos de la política económica y social del Partido y la Revolución. VI Congreso del Partido // URL: <http://www.cuba.cu/gobierno/documentos/2011/esp/1160711i.pdf> (дата обращения: 24.03.2020).

¹² Conceptualización del Modelo Económico y Social Cubano de Desarrollo Socialista // Documentos del 7mo. Congreso del Partido aprobados por el III Pleno del Comité Central del PCC el 18 de mayo de 2017 y respaldados por la Asamblea Nacional del Poder Popular el 1 de junio de 2017. La Habana, 2017. P. 2–13.

¹³ Bases del Plan Nacional de Desarrollo Económico y Social hasta el 2030: Visión de la Nación, Ejes y Sectores Estratégicos // Documentos del 7mo. Congreso del Partido aprobados por el III Pleno del Comité Central del PCC el 18 de mayo de 2017 y respaldados por la Asamblea Nacional del Poder Popular el 1 de junio de 2017. La Habana, 2017. P. 14–22.

¹⁴ Lineamientos de la Política Económica y Social del Partido y la Revolución para el período 2016–2021 // Documentos del 7mo. Congreso del Partido aprobados por el III Pleno del Comité Central del PCC el 18 de mayo de 2017 y respaldados por la Asamblea Nacional del Poder Popular el 1 de junio de 2017. La Habana, 2017. P. 23–32.

¹⁵ Куба: от адаптации к переменам? / отв. ред. В.М. Давыдов. М., 2007; Куба: новый этап адаптации / отв. ред. В.М. Давыдов. М., 2011; *Mesa-Lago C., Pérez-López J.* Cuba Under Raúl Castro: Assessing the Reforms. Boulder, 2013; Куба накануне смены поколений / отв. ред. В.М. Давыдов. М., 2017; *Voices of Change in Cuba from the Non-state Sector* / ed. C. Mesa-Lago. Pittsburgh, 2018.

¹⁶ Такая методология применялась к исследованию кубинской революции в ряде работ, в которых анализировался ранний этап становления кубинского социализма (*Huberman L., Sweezy P.* El socialismo en Cuba. México, 1970; *Bambirra V.* La revolución cubana: una reinterpretación. México, 1974; *Figuera Albelo V.* La economía política de la transición al socialismo. Experiencia cubana. La Habana, 2009).

¹⁷ *Бородаев В.А., Леонов Н.С., Лепешкин А.А.* Рауль Кастро: «Меня избрали для того, чтобы я защищал дело социализма». 2008–2017. М., 2017.

недавнего появления еще очень мало изучается ключевой источник — Конституция 2019 г.¹⁸ Единственным исследователем, который частично коснулся содержащихся в ней нововведений, а также в целом применяет марксистский категориальный аппарат, является Х. Яффе¹⁹. Однако в ее монографии не ставилась задача отразить динамику интерпретации социализма как способа производства на Кубе при сравнении изначальной модели, базировавшейся на марксизме-ленинизме, и современной, которая отражает пересмотр подхода к социализму. Таким образом, отражение динамики официальной трактовки социализма как способа производства не проводилось в существующей литературе. Эта задача и ставится в предлагаемой статье.

Мы считаем, что в отличие от предыдущего периода актуализация предполагает не просто тактические маневры, вызванные необходимостью отвечать на конкретные проблемы, возникающие при адаптации к новым условиям (в первую очередь — в ходе интеграции в мировую экономику и переориентации во внешней торговле, которые была вынуждена вести Куба после ликвидации СЭВ и распада СССР). Она предполагает структурные реформы в экономике, которые сложно вписать в марксистско-ленинские представления о социализме, лежавшие в основе изначальной социалистической модели, принятой кубинцами в начале 1960-х годов. С нашей точки зрения, включение в актуализацию принятия новой конституции свидетельствует в пользу того, что новые нормы, разрабатываемые в программе реформ, не просто конъюнктурные или тактические. Напротив, они становятся фундаментом, институциональной основой кубинского общества и одновременно отражают сдвиги в представлениях о социализме.

РОЛЬ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА В КУБИНСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Одной из предпосылок исследования трех моделей является опора на марксистско-ленинскую теорию, поскольку именно она легла в основу первой изучаемой в статье модели. Складываясь на Кубе в результате трансформаций экономики после 1959 г., эта модель отличалась динамичностью. Она неоднократно модифицировалась, поскольку революционное правительство меняло краткосрочные цели и инструменты экономического развития и механизмы планирования²⁰. Тем не менее она всегда сохраняла вектор на строительство социализма как первой фазы коммунистического способа производства, что было зафиксировано в документах I съезда КПК. В этих же документах (как и в принятой в рамках процесса институционализации кубинской модели развития конституции) подчеркивалась особая роль марксизма-ленинизма, в связи с чем в статье мы называем модель марксистско-ленинской. Идентификация общества с марксизмом была высокой, его изучение стало важным элементом системы образования в стране.

Сам марксизм кубинское руководство восприняло в форме марксизма-ленинизма, отчасти опираясь на опыт СССР и других стран социализма, но и пытаясь творчески осмысливать его методологию и применять ее к специфическому случаю Кубы²¹. Как такового разграничения между марксизмом и марксизмом-ленинизмом в тот период кубинское руководство не делало, разделяя идею, что Ленин творчески развил теорию Маркса и Энгельса.

Свидетельство такого подхода к марксизму отражено в программных документах I съезда. В частности, утверждается, что «марксизм-ленинизм не схоластика, это живая и сложная

¹⁸ Вопрос нового основного закона Кубы освещается в статье Э.С. Дабагяна (*Дабагян Э.С. Экономические и политические перемены на Кубе // Латиноамериканский исторический альманах. 2019. № 21. С. 131–146*), где отмечена новизна в политической жизни страны, однако не уделено внимания тому, какие выводы можно сделать, исследовав новую Конституцию с точки зрения того, как в ней зафиксированы основы социалистического способа производства.

¹⁹ *Yaffe H. We Are Cuba!: How a Revolutionary People Have Survived in a Post-Soviet World. Padstow, 2020.*

²⁰ Подробнее см.: *Rodríguez García J.L. Estrategia del desarrollo económico en Cuba. La Habana, 2016.*

²¹ *Sobre los estudios del marxismo-leninismo en nuestro país // Tesis y resoluciones. Primer Congreso del Partido Comunista de Cuba. La Habana, 1976. P. 264.*

наука»²², это научное представление о закономерностях мира, которое позволяет понимать происходящее и отчасти предсказывать события и влиять на них²³. В этом смысле кубинцы опирались на мысль В.И. Ленина, разделяемую и А. Грамши, что марксизм — это научная идеология, которая становится фундаментом мировоззрения в ходе исторического развития²⁴. То есть это научная теория и методология, которая используется конкретной категорией населения (в случае марксизма речь идет в широком смысле о тех, кто лишен средств производства, их авангардом является рабочий класс) для реализации своих интересов, для практического применения.

Кубинский подход к марксизму-ленинизму как научной идеологии и методу выражался в анализе конкретных исторических условий (в том числе сочетания объективного и субъективного факторов) для оценки международной ситуации и внутренних изменений в стране. Важным элементом такого подхода была опора на научный социализм, изучение работ классиков (к их числу относили Маркса, Энгельса и Ленина), а также актуальной литературы по проблемам марксизма. Однако подчеркнем, что на Кубе после I съезда интерпретацией и развитием марксизма-ленинизма можно было заниматься под контролем партии, одной из задач которой являлась «защита чистоты»²⁵ этой теории, что накладывало определенные рамки на эту деятельность.

Отметим также, что, применяя и развивая теорию марксизма-ленинизма, кубинское руководство уже с 1960-х годов отталкивалось от идеи того, что обобществление средств производства в процессе социалистического строительства происходит посредством огосударствления²⁶. Государство, выражающее интересы трудящихся, брало в свои руки управление хозяйственным процессом, т.е. распоряжалось средствами производства через государственные механизмы (по сути — через систему планирования), что в конечном итоге позволяло расширять возможности по перераспределению общественного продукта (обеспечение тех самых общественных фондов, о которых писал Маркс в «Критике Готской программы»). Эта теоретическая позиция определяла экономическую политику, вектор которой был направлен на национализацию как можно большего количества средств производства.

СОЦИАЛИЗМ КАК ОБЩЕСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НА СРЕДСТВА ПРОИЗВОДСТВА

Указанные в первом разделе статьи источники содержат в себе общие ключевые для марксистско-ленинской теории элементы социализма, что дает возможность делать вывод о характере каждой из моделей, их близости или отдаленности от марксистско-

²² Ibid. P. 280.

²³ Ibid. P. 261.

²⁴ *Грамши А.* Избранные произведения. Т. III. Тюремные тетради. М., 1959. С. 17–18, 20–21, 73–74; *Яковлев М.В.* Идеология. Противоположность марксистско-ленинской и буржуазных концепций. М., 1979. С. 85.

²⁵ *Plataforma Programática // Primer Congreso del Partido Comunista de Cuba.* Т. II. La Habana, 1976. P. 70.

²⁶ Хотя классики марксизма не осветили подробно теорию социализма, они сходились во мнении, что после социалистической революции новое государство будет диктатурой пролетариата, что позволит ему выражать интересы трудящихся. С течением времени государство как аппарат насилия отмирает. Однако это не снимает необходимости обеспечивать организацию хозяйственного процесса, поскольку предполагается отсутствие товарного производства и свойственной ему анархии и автономности производителей. См., например, «Критику Готской программы» Маркса, «Анти-Дюринг» Энгельса, их полемику с анархистами в Интернационале («Мнимые расколы в Интернационале») и др., а также развитие этих идей в работе «Государство и революция» Ленина. Практика социалистического строительства на Кубе показала, что в период строительства социализма новое государство стало приобретать качественно иные функции, связанные с координацией усилий субъектов хозяйственной жизни страны посредством планирования. Об этом тезисе подробнее см.: *Arabadzhyan A.* Del Estado capitalista dependiente al Estado socialista en Latinoamérica. Apuntes teóricos a partir del caso cubano // *La cuestión del Estado en el pensamiento social crítico latinoamericano / ed. académicos Juan Camilo Arias Mejía y Leonardo Granato.* Medellín, 2021. P. 151–178.

ленинской трактовки социализма, которая составляла основу кубинского социализма в 1960-х годах.

Центральный вопрос – собственность на средства производства. Марксистско-ленинская модель предполагала социалистическую форму собственности на все средства производства, которая устанавливалась «безвозвратно» и воплощалась в принадлежности государству (Конституция 1976, ст. 14, 15). Юридически признавалась также собственность мелких фермеров и кооперативов, при этом последняя характеризовалась в качестве «коллективной» (ст. 20). В этом смысле сама логика изложения представляется соответствующей марксизму-ленинизму: основная форма собственности – обобществленный сектор (он же являлся государственным), остальные формы признаются, но не характеризуются социалистическими. Даже в случае кооперативов интересен тот факт, что они тракуются (вполне в русле идей Эрнесто Гевары²⁷) именно как собственность коллектива, но не общества в целом. Это показывает приближенность нормативно-правовой базы к марксистско-ленинской теории. Конституция 1976 г. также фиксировала социалистический характер производственных отношений (ст. 9) и провозглашала уничтожение эксплуатации (ст. 14).

Такое закрепление общественных отношений происходило на базе конкретных революционных преобразований: в результате предпринятого в 1968 г. революционного наступления на капитал основная часть средств производства перешла в государственный сектор. В этом смысле Кубинская революция сделала шаг вперед по сравнению с советским опытом в сфере обобществления, поскольку даже в сельском хозяйстве в госсекторе находилось подавляющее большинство средств производства. В итоге на 1968 г. 100% собственности в промышленности, строительстве, оптовой, розничной и внешней торговле, образовании и банковской системе были обобществлены. В сфере сельского хозяйства этот показатель составил 70%, в транспорте – 98%. К 1977 г. данная структура полностью сохранилась, за тем исключением, что в сельском хозяйстве показатель вырос до 79%²⁸.

Уже в поправках 1992 г. заметны изменения, свидетельствующие об отходе от ранее принятой модели. Так, положение о социалистическом характере производственных отношений было удалено. Собственность народа, считающаяся социалистической, теперь устанавливалась на «основные средства производства» (ст. 14), качество «безвозвратного» характера государственной собственности было опущено. Стала признаваться собственность смешанных предприятий и иных форм взаимодействия с иностранными инвесторами (ст. 23), что было вызвано необходимостью юридически закрепить возможность кооперации с иностранными компаниями (ограниченное и контролируемое открытие страны для зарубежного капитала) для выхода из кризиса с использованием внешней помощи.

После перечисления категорий, входящих в государственную социалистическую собственность, вставлен новый абзац: «Эти блага не могут быть переданы в собственность физическим или юридическим лицам, за исключением случаев частичной или полной передачи с экономическими целями для развития страны, что не затрагивает политических, социальных и экономических основ государства, при предварительном разрешении Совета министров или его Исполнительного комитета» (ст. 15). Так, уже в «особый период» передача объектов государственной собственности другим агентам становилась возможной, хотя указывалось, что это должно быть обосновано и санкционировано государством. На практике реальной передачи собственности на эти блага другим лицам не происходило, но было предусмотрено участие иностранного капитала в ее использовании.

Интересно, что кооперативная форма собственности теперь стала называться «продвинутой и эффективной формой социалистической собственности» (ст. 20). Данная характеристика является попыткой вписать кооперативы в понятие социализма, что не

²⁷ Подробнее см. *Арабаджян А.З.* Критика Эрнесто Гевары советских методов социалистического строительства и ее возможное применение к современной Кубе // Вопросы политической экономики. 2019. № 3. С. 167–182.

²⁸ *El sistema de dirección y planificación de la economía cubana.* Santiago de Chile, 1988. P. 20.

вполне соответствует марксистско-ленинскому подходу предыдущей модели. Логика этого изменения ясна: в 1990-е годы государство посредством учреждения новой формы кооперативов — базовых единиц кооперативного производства — стало переводить бывшие государственные фермы в кооперативную форму, чтобы избавиться от нагрузки на госбюджет, и это требовало объяснения и соответствующей нормативно-правовой базы. Это изменение можно рассматривать и как шаг к размыванию сущностной разницы между различными формами кооперативов и попытку вписать даже кооперативы по предоставлению кредитов и услуг, далекие от того, чтобы с точки зрения марксистской теории называться социалистическими, в кубинский социализм²⁹.

В период актуализации вопрос о собственности изменился еще более значительно. Во-первых, собственность, которая рассматривается в качестве социалистической, распространяется на две разные категории благ, о чем идет речь в 23-й и 24-й статьях конституции. Первую группу составляют «земли, не принадлежащие мелким фермерам или кооперативам, которые они основали, недра, полезные ископаемые, шахты, леса, воды, пляжи, пути сообщения, все водные биологические и неживые ресурсы в исключительной экономической зоне Республики»³⁰, они неотчуждаемы и не подлежат передаче в собственность другим лицам. Это не исключает, однако, возможности их передачи в *управление* иным лицам. Следовательно, создаваемый в результате их использования продукт также будет принадлежать этим же лицам, а не собственнику (государству, которое выражает интересы населения)³¹. Таким образом, выявляется тенденция к разделению в рамках понятия собственности функциональных составляющих: формальным владельцем средств производства остается государство, наряду с этим начинает предусматриваться передача права *управления* (право пользования и частично право распоряжения). Это открывает пути к выведению продукта, создаваемого при использовании данных средств производства, из государственного сектора.

Ко второй группе относятся: «инфраструктура общественного интереса, основная промышленность, социально-экономические здания и оборудование, а также другие стратегические важные для социального и экономического развития страны блага» (ст. 24). Они неотчуждаемы, но собственность на них в исключительных случаях может передаваться по решению Совета министров для целей развития страны. Потенциально такая формулировка не исключает даже приватизации указанных объектов. Здесь существуют определенные риски, связанные с тем, что передача прав собственности на них находится под контролем Совета министров. Фактически такое положение ставит судьбу страны (в том числе ее социалистического сектора) в сильную зависимость от качества кадров партийного и государственного руководства.

Более того, из текста было изъято словосочетание «государственная социалистическая собственность», которое присутствовало в прежних вариантах, акцент полностью переносится на то, что субъектом социалистической собственности является народ. Это показывает смещение внимания с государства как ключевого агента в хозяйстве страны, что идет вразрез с марксистской моделью, но объективно фиксирует

²⁹ Подробнее о проблемах кооперативов с точки зрения марксистской теории и в преломлении кубинской практики см.: Арабаджян А.З. Социализация экономики в Латинской Америке: pro et contra кооперативного движения на опыте Кубы // Экономическое возрождение России. 2020. № 4 (66). С. 98–111.

³⁰ Здесь и далее цит. по: Constitución de la República de Cuba. Gaceta oficial № 5 Extraordinaria de 10 de abril de 2019. P. 68–103.

³¹ Это отражает существующие связи с иностранным капиталом, который фактически имеет возможность извлекать прибыль из социалистической собственности, но под жестким контролем государства и при осуществлении инвестиций в кубинскую экономику. Встает вопрос, будет ли руководство страны расширять эту практику на национальных предпринимателей. Ответ зависит от решений партии и Совета министров.

изменения в способе производства и планировании, где роль и функции государства сужаются.

Далее, в Конституции 2019 г. (ст. 22) признается и закрепляется частная собственность «национальных и иностранных физических и юридических лиц на определенные средства производства». Утверждается, что она играет роль вспомогательной (не основной) формы собственности. Отметим, что частная собственность на средства производства противоречит основам марксистской модели. Она может существовать в переходный период как своего рода нэп, но ее институционализация в основном законе – свидетельство усиления капиталистических тенденций настолько, что интересы формирующегося класса буржуазии признаны на государственном уровне и включены в систему общественных отношений не в качестве исключения, а в качестве равноправного элемента.

В новых институциональных рамках государство сохраняет возможность экспроприации (ст. 58), а также оставляет за собой полномочия по регулированию концентрации собственности. Так, согласно ст. 30 Конституции 2019 г., «концентрация собственности у физических и юридических лиц контролируется государством, которое также гарантирует все более справедливое распределение богатства, чтобы обеспечивать предел, совместимый с социалистическими ценностями равноправия (исп. *equidad*³²) и социальной справедливости». Здесь, с одной стороны, подчеркивается, что данное полномочие позволяет посредством государственного механизма ограничивать накопление и перераспределять «богатство», т.е. признается, что сама функция перераспределения не просто важна, но является сущностной для современного кубинского государства. С другой стороны, контроль за накоплением в определенных рамках осуществляется с целью, казалось бы, социалистической, но имеющей несколько размытый смысл. Равенство и социальная справедливость – понятия, зависящие от конъюнктуры. Встает вопрос: равенство кого и в какой форме является ценностью в данном обществе? Если в прежней модели само государство идентифицировало себя с трудящимися, то теперь напрямую этого не происходит.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПОДХОДЕ К ПРОБЛЕМЕ ЭКСПЛУАТАЦИИ И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПО ТРУДУ

В период актуализации экономической модели развития по-новому интерпретируется проблема эксплуатации. В Конституции 2019 г. положение об отсутствии в стране эксплуатации оказалось изъятым, хотя в варианте после поправок 1992 г. оно еще присутствовало. В рамках процесса актуализации была разрешена не только частная собственность

³² Термин «*equidad*» может переводиться как равенство, справедливость. Мы предлагаем в данном контексте перевод «равноправие», чтобы в первую очередь подчеркнуть, что речь не идет о классическом равенстве (исп. *igualdad*), которое являлось частью лозунга Великой французской революции в качестве требования равенства в политических правах, а в XX в. вошло в идеологию социалистических движений как требование социально-экономического равенства на базе обобществления средств производства. В современном левом движении термин «*equidad*» используется как идея установления в обществе баланса, благоприятствования наиболее уязвимым. Использование этого слова, а не слова «*igualdad*» в Конституции само по себе показывает перемены в позиционировании кубинского руководства, которое проводит пересмотр теоретической и идеологической базы и отходит от системы экономического равенства в общественных отношениях, реализуемой в рамках марксистско-ленинской модели (обеспечение всех членов общества по карточкам субсидируемыми продуктами, питание в общественных столовых в бюджетных учреждениях и другие формы нерыночного распределения). «*Equidad*» – это вмешательство государства на нерыночных началах только в экстренных случаях, причем термин может быть использован не только в контексте социально-экономической уязвимости, но и в ситуации борьбы против дискриминации по гендерному, расовому и т.п. признакам, что размывает классовый подход и проблему собственности на средства производства. Наряду с этим обеспечение «*equidad*», в отличие от «*igualdad*», оборачивается для государства меньшими издержками.

на средства производства, но и возможность найма рабочей силы, которая становится интегральной частью новой общественно-экономической системы. С точки зрения марксистской теории этот признак указывает на то, что качественные характеристики социализма подрываются, однако, возможность найма окончательно закрепляется в ключевых идеологических и юридических документах (юридическое закрепление было осуществлено в принятом в 2013 г. трудовом кодексе³³), что приводит нормативную и идеологическую базу в соответствие с реальными изменениями в производительных силах и производственных отношениях.

Так, в Концепции отражается новое отношение к эксплуатации: «Присвоение субъектами всех негосударственных форм собственности и управления части прибавочного продукта труда нанятых работников происходит в общественном контексте, где преобладают социалистические производственные отношения, в отличие от общественных систем, основанных на эксплуатации чужого труда»³⁴. Здесь, с одной стороны, показывается, что именно государственный сектор является ядром социалистических отношений, исключая эксплуатацию, и поскольку он преобладает, в целом сама система носит социалистический характер. Тем не менее в кубинском обществе из-за наличия негосударственного сектора существует отчуждение продукта труда и извлечение прибавочной стоимости. То есть эксплуатация рассматривается в качестве негативного, но все же приемлемого элемента существующей системы общественных отношений. Он чужероден по отношению к ней, но интегрирован в нее, поскольку социалистические отношения преобладают, но не всеобъемлющи. Такое оправдание эксплуатации, в соответствии с которым она косвенно включается даже в юридические документы, противоречит марксистской модели и выходит за рамки тактического и временного отступления в стиле нэпа, значительно отдаляясь и от принципов модели «особого периода».

В связи с этим логичным выглядит изменение, коснувшееся положения о функционировании принципа социалистического распределения «от каждого по способностям — каждому по труду». В Конституции 1976 г. (ст. 19), а также в ее варианте с поправками 1992 г. (ст. 14) фиксировалось, что данный принцип в кубинском обществе действовал. Но хотя модель актуализации и включает в себя этот принцип в качестве необходимого, поскольку все-таки он говорит о социалистическом характере модели, одновременно признается, что его функционирование нарушено и должно быть восстановлено³⁵.

При этом формулировка этого принципа в Конституции 2019 г. представляется довольно размытой. Так, согласно ст. 65, «у каждого есть право на труд, который оплачивается в зависимости от количества и качества, что является выражением принципа социалистического распределения “от каждого по способностям — каждому по труду”». То есть право у кубинского гражданина на оплату по труду существует. Однако это не означает, что он сможет им воспользоваться. В кубинском обществе действуют отношения найма, которые предполагают эксплуатацию такого товара, как рабочая сила: работник получает оплату не за труд, а за рабочую силу, свою способность к труду. Поэтому включение этого принципа в Конституцию не вполне соответствует фактически существующим общественным отношениям. Само же право на оплату по труду оказывается скорее опцией, «правом на», реализация которого зачастую остается невозможной для части населения в силу объективных материальных условий. В результате на уровне официальной идеологии происходит косвенное оправдание не только наличия, но и расширения общественных отношений,

³³ Ley № 116. Código de Trabajo. Gaceta oficial № 29 Extraordinaria de 17 de junio de 2014. P. 465.

³⁴ Conceptualización del Modelo Económico y Social Cubano de Desarrollo Socialista // Documentos del 7mo. Congreso del Partido aprobados por el III Pleno del Comité Central del PCC el 18 de mayo de 2017 y respaldados por la Asamblea Nacional del Poder Popular el 1 de junio de 2017. La Habana, 2017. P. 6.

³⁵ Lineamientos de la Política Económica y Social del Partido y la Revolución para el período 2016–2021 // Documentos del 7mo. Congreso... P. 24.

выходящих за рамки этого принципа, т.е. обогащения за счет чужого труда или нетрудового дохода по типу переводов из-за рубежа.

ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ХОЗЯЙСТВА

Следующий важный пункт анализа проблематики социализма – позиция по отношению к планированию. Марксистская модель не только включала в себя план, но и рассматривала его в качестве центральной категории. Именно с помощью централизованного планирования социалистическое государство координировало и администрировало усилия всех трудящихся для того, чтобы постепенно и последовательно добиваться поставленных задач, преодолевая обособленность производителей, т.е. товарный характер производства.

Ключевое положение планирования для строительства социализма на Кубе стало результатом выбора социалистического пути развития еще в начале 1960-х годов. Интересно, что кубинский Госплан – Центральный комитет планирования (Juceplan) – был создан 11 марта 1960 г.³⁶, т.е. еще до официального объявления социалистического характера свершившейся революции, которое произошло 16 апреля 1961 г.³⁷ Вопросы планирования, в том числе его соотношения с механизмами рынка и капиталистическими категориями, лежали в основе так называемой большой экономической дискуссии на Кубе, активным участником которой стал Эрнесто Гевара, занимавший в 1961–1965 гг. пост министра промышленности Кубы. Уже на том этапе произошло активное обсуждение дихотомии товарного производства (и его основного регулятора – закона стоимости) и плана.

Эрнесто Гевара занял наиболее радикальную позицию в дискуссии. Он указывал на несовместимость плана и рынка, невозможность использования закона стоимости, необходимость снятия противоречий товарного производства и рыночного характера взаимоотношений между субъектами экономики через планирование: «Мы отрицаем возможность сознательного использования закона стоимости, исходя из отсутствия свободного рынка, который автоматически отражал бы противоречия между производителями и потребителями; отрицаем применимость категории товара в отношениях между государственными предприятиями и считаем все эти предприятия и учреждения частью большого единого предприятия – государства. ... Закон стоимости и план – это два понятия, связанные противоречием и его решением; таким образом, мы можем сказать, что централизованное планирование – это способ бытия социалистического общества, его определяющая категория; тот рубеж, где человеческое сознание достигает наконец возможности обобщить и направить экономику к своей цели – полному освобождению человеческой личности в рамках коммунистического общества»³⁸.

Модель, предлагавшаяся Геварой, Бюджетная система финансирования не была комплексно внедрена в экономику страны, а в 1970-х годах в планировании Куба пошла по схемам, близким к предлагаемым СССР, что было особенно актуально в контексте участия в социалистическом разделении труда и вступления в СЭВ. В результате на Кубе разработали Систему управления и планирования экономики (СУПЭ), одобренную в 1975 г. на I съезде КПК³⁹. СУПЭ ориентировалась на аналогичную советскую систему планирования, которая включала в себя принятие пятилетних и ежегодных планов, а также перспективные планы с опорой на долгосрочные прогнозы.

Однако и в период планирования на первых этапах (1960-е годы), и после более активной фазы включения в СЭВ, т.е. в целом в марксистской модели, планирование было директивным и интегральным, обладало высокой степенью централизованности. Оно было

³⁶ Bell Lara J., López García D.L., Caram León T. Documentos de la Revolución Cubana 1960. La Habana, 2007. P. 39.

³⁷ Бородаев В.А. История формирования и развития новой политической системы на Кубе (1953–2009 гг.): дис. ... д-р. ист. наук. М., 2009. С. 224.

³⁸ Гевара Э. Статьи, выступления, письма. М., 2006. С. 396.

³⁹ Бородаев В.А. Указ. соч. С. 284.

направлено на охват максимально широкого круга экономических агентов за счет того, что они входили в социалистический сектор экономики, и задавало их вектор развития через плановые показатели (в том числе физические). Ключевая роль такого планирования через государственные органы была отражена и в Конституции 1976 г.: «Государство организует, направляет и контролирует национальную экономическую деятельность в соответствии с Единым планом социально-экономического развития, в разработке и выполнении которого активно и сознательно участвуют работники всех сфер экономики и остальных сфер общественной жизни» (ст. 16).

В модели «особого периода» центральность плана в жизни общества также подчеркивалась, однако его возможности теперь сузились, поскольку в хозяйство страны стало необходимо допустить несоциалистических экономических агентов: иностранных инвесторов и самозанятых. Хотя государство регламентировало их деятельность, интегрировать их в план по предыдущим директивным моделям было невозможно. Далее, как отмечалось, возросло присутствие кооперативов в форме базовых единиц кооперативного производства, которые ранее были интегрированы в план, будучи государственными фермами и сельхозпредприятиями. Теперь же их деятельность выводилась из компетенции государства, что не позволяло включать их в систему планирования.

Наконец, сама система разработки планов в момент принятия поправок 1992 г. была нарушена, поскольку распад мировой системы социализма привел к срыву запланированных поставок и торговых контрактов, что вызвало на Кубе тяжелый кризис и сделало невозможным выполнение директивных плановых показателей и четкий учет располагаемых ресурсов на основе материальных балансов. В этих условиях в период 1991–1994 гг. ежегодные планы не принимались⁴⁰, а также перестали разрабатываться пятилетние планы.

В связи с этим о плане в варианте основного закона после поправок говорится менее четко, формулировка той же статьи стала выглядеть так: «Государство организует, направляет и контролирует национальную экономическую деятельность в соответствии с планом, который гарантирует запланированное развитие с целью укреплять социалистическую систему, с каждым разом все лучше удовлетворять материальные и культурные потребности общества, способствовать развитию человека и его достоинства, обеспечивать развитие и безопасность страны. В разработке и выполнении программ по производству и развитию активно и сознательно участвуют работники всех сфер экономики и остальных сфер общественной жизни» (ст. 16).

Не исключено, что программы производства и развития были внедрены ввиду невозможности планировать по функционировавшим ранее механизмам в тот исторический момент, когда принимались поправки. Упоминание плана в такой форме показывает, что руководство страны, признавая возникшие в планировании проблемы, не отказывалось от него как основного механизма управления экономикой и именно в плане видело социалистическую сущность народного хозяйства. И все-таки программы развития, сближающиеся с индикативным планированием в духе стратегий, явно отличаются от типичных планов марксистской модели, более директивных по своему характеру. Таким образом, в «особый период» руководство страны осознавало, что ему придется пересматривать и систему планирования, в том числе и потому, что она опиралась на механизмы координации народнохозяйственных планов, существовавшие в рамках СЭВ.

Важное изменение в интерпретации планирования внедрено на этапе актуализации. Здесь система планирования, согласно новому основному закону, уже интегрирует в себя рынок. В соответствии со ст. 19 социалистическая экономическая система Кубы основана

⁴⁰ *Rodríguez García J.L.* La planificación en el socialismo: su importancia y su actualidad para nuestra economía (III). *Cubadebate*. 12.12.2016 // URL: <http://www.cubadebate.cu/opinion/2016/12/12/la-planificacion-en-el-socialismo-su-importancia-y-actualidad-para-nuestra-economia-iii/#.Xt-EdEUzBIU> (дата обращения: 09.06.2020).

на «планируемом управлении экономикой, которое учитывает, регулирует и контролирует рынок в зависимости от интересов общества». Так, управление рынком стало считаться возможным и достижимым, руководство страны не считает, что рынок несовместим с планом, напротив, видит реальные возможности его контроля в рамках планового хозяйства. Эти принципы настолько важны, что включены в текст основного закона страны. То есть разделение между планом и рынком при отстаивании позиции о том, что именно планирование является основой, отсутствует апелляция к конкуренции посредством рынка, что отдаляет кубинский социализм модели актуализации от рыночного социализма. И все же водораздел уже пройден: ранее элементы рынка открыто рассматривались как негативные, вынужденные меры, обусловленные текущими конъюнктурными проблемами, поэтому рынок не мог быть открыто упомянут на официальном уровне (в том же тексте Конституции) как механизм, в который по сути входит план. Общий вектор, несмотря на некоторые временные отступления, был направлен на преодоление товарного производства и рынка.

В период актуализации «социалистическое планирование» на официальном уровне продолжает считаться «центральным элементом системы управления социально-экономического развития» (ст. 19). Однако здесь же утверждается, что «его сущностная функция состоит в прогнозировании и ведении стратегического развития, предусматривая соответствующие балансы между ресурсами и потребностями» (ст. 19). Сам характер планирования в рамках модели актуализации все в большей мере носит форму стратегий развития. Ярким примером здесь служит окончательное прекращение планирования пятилетками и переход к принятию Направлений (2011 г., 2016 г.), которые являются основными документами в рамках планирования в среднесрочном периоде, но несут именно характер общих направлений и рекомендаций. То же касается и планирования на долгосрочную перспективу. Принятый на VII съезде документ под названием «Основы национального плана экономического и социального развития до 2030 г.»⁴¹ носит именно такой характер, что сближает его с долгосрочными стратегиями развития. Хотя Концепция продолжает закреплять централизованный характер планирования (ст. 214), сами механизмы и методология планирования, разработка ежегодного плана на современном этапе значительно изменились, в большей степени происходит опора на косвенные методы регулирования.

В то же время марксистская теория и попытки ее воплощения в модели до распада СССР рассматривали планирование как всеобъемлющую категорию, системообразующее качество, которое не только прогнозировало, вело стратегически, но и должно было с течением времени охватить все процессы народного хозяйства (отсюда и тенденция к увеличению доли государственного сектора в экономике). По этой причине марксистская модель базировалась на директивном централизованном планировании, планы включали в себя физические показатели наряду со стоимостными, система в целом предполагала расширение обобществления средств производства. Теперь же внедрение новых акцентов в интерпретации планирования позволяет постепенно перестроить систему от директивности к индикативности, сузить охват функционирования плана и переключиться на методы косвенного регулирования.

ИТОГОВЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ: ВЕКТОР РАЗВИТИЯ КУБИНСКОГО СОЦИАЛИЗМА

Мы постарались показать динамику развития модели кубинского социализма. Конкретные трансформации социалистического способа производства оказали решающее влияние на

⁴¹ Bases del Plan Nacional de Desarrollo Económico y Social hasta el 2030: Visión de la Nación, Ejes y Sectores Estratégicos // Documentos del 7mo. Congreso... P. 14–22.

изменения в подходах к интерпретации социализма как способа производства на Кубе, поскольку идеологическая и юридическая база с некоторой задержкой подстраивалась под изменения в общественных отношениях.

Суть происходящих трансформаций можно резюмировать следующим образом. На этапе первоначального изучения предмета, как складывается впечатление, кубинская социалистическая модель не претерпевает значительных изменений, поскольку на уровне риторики ряд центральных понятий сохранены (акцент на социалистических формах собственности, общее негативное отношение к эксплуатации, центральная роль планирования).

В каждой из отдельно взятых сторон социализма наблюдается существенная динамика. Если говорить о понятии социалистической собственности, то уже в модели «особого периода» оно расширяется и начинает включать в себя кооперативы. В модели актуализации была легализована частная собственность на средства производства, а присутствие государства в качестве агента, который управляет средствами производства, наоборот, сокращается. Это сказывается на возможности государственных органов осуществлять комплексное и широкомасштабное планирование, которое было неотъемлемым для марксистско-ленинской модели. Характер планирования меняется от директивного и расширяющегося за счет обобществления посредством огосударствления к индикативному, включающему в себя рынок. Роль государства как планового центра во многом сужается до функций непрямого регулирования и введения ограничений на негосударственный сектор, чем, по большому счету, занимается государство и в современных капиталистических странах. Наконец, в модели актуализации эксплуатация оказывается интегрированной в кубинскую общественно-экономическую систему посредством институционализации через нормативно-правовую базу, разработанную под конкретные изменения в хозяйственной жизни страны, которые не являются временными мерами.

Таким образом, уже в модели «особого периода» наблюдались значительные изменения, отражавшие перемены в способе производства. Эти явления отдаляли кубинское общество от марксистско-ленинского подхода к социализму, ядром которого являлось комплексное централизованное и директивное планирование, способное задавать конкретные цели развития в рамках обобществленного сектора. Однако меры, расширявшие действие рынка, в 90-е годы внедрялись в силу катастрофического социально-экономического кризиса, спровоцированного развалом социалистической системы. В этих условиях прежняя система планирования, главный элемент предыдущей модели, оказалась нарушена в силу прекращения поставок (энергонасителей, запчастей, материалов и др.), договоренность о которых была предусмотрена и включена в план. Тем не менее, как показывает анализ Конституции с поправками 1992 г., еще сохранялся общий вектор на строительство социалистического общества, которое понималось в марксистско-ленинском смысле. Сами меры экономической политики носили временный характер, не случайно после тяжелой фазы «особого периода» наступил этап «битвы идей». Кроме того, в модели «особого периода» эксплуатация оставалась неприемлемой, что продолжало закрепляться в основном законе.

В 2010-х годах мы видим дальнейший отход от социалистических начал в способе производства: в модели актуализации акцент смещается с планирования предыдущего типа на принципы косвенного регулирования и окончательно интегрирует в планирование использование рынка. Поэтому в данной модели институционализированы противоречащие марксистско-ленинской теории социализма феномены (в первую очередь частная собственность на средства производства и наемный труд). Кроме того, нормативная база этой модели предполагает разделение функций владения, распоряжения и управления. На практике это может вести к тому, что формально государственная (социалистическая) собственность будет использоваться для извлечения прибавочной стоимости. Кроме того, даже социалистический принцип распределения по труду уже не фиксируется в качестве функционирующего в нынешней кубинской экономике.

Таким образом, действительность современного кубинского социализма – процесс изменения способа производства от административно-командного хозяйства, где нет эксплуатации, к рыночному социализму, который носит уже не тактический (как можно было бы охарактеризовать меры «особого периода»), а стратегический характер. Эта действительность отражена в нововведениях обновленных программных документов, где сама трактовка социализма утрачивает марксистский характер и в чем-то смещается к идеям социализма XXI в., в рамках которого опыт реального социализма считается негативным ввиду отождествления огосударствления и обобществления.

Конечно, на современной Кубе роль государства остается высокой. Именно государственный сектор, хотя он и сокращается, до сих пор преобладает в экономике страны. Государство продолжает обеспечивать мобилизацию населения и ресурсов в тяжелых ситуациях (как, например, в контексте пандемии коронавирусной инфекции, начавшейся в 2020 г.), все еще функционирует система рационалирования продуктов и т.п. Но с экономической точки зрения государство в контексте диверсификации форм собственности и управления, а также изменения системы планирования перестает обеспечивать комплексный контроль развития хозяйства страны, что сужает его возможности по сознательному управлению развитием общественных отношений. Эти изменения способа производства нашли отражение в изученных текстах, которые одновременно демонстрируют современные перемены в интерпретации понятия социализм, значительно отошедшего от того, как социалистический способ производства понимался в марксистско-ленинской модели.

Библиография / References

- Арабаджян А.З.* Критика Эрнесто Гевары советских методов социалистического строительства и ее возможное применение к современной Кубе // Вопросы политической экономии. 2019. № 3. С. 167–182.
- Арабаджян А.З.* Социализация экономики в Латинской Америке: pro et contra кооперативного движения на опыте Кубы // Экономическое возрождение России. 2020. № 4 (66). С. 98–111.
- Бородаев В.А.* История формирования и развития новой политической системы на Кубе (1953–2009 гг.): дис. ... д-р. ист. наук. М., 2009.
- Бородаев В.А., Леонов Н.С., Лепешкин А.А.* Рауль Кастро: «Меня избрали для того, чтобы я защищал дело социализма». 2008–2017. М., 2017.
- Гевара Э.* О системе бюджетного финансирования // Статьи, выступления, письма. М., 2006. С. 375–407.
- Грамши А.* Избранные произведения. Т. III. Тюремные тетради. М., 1959.
- Дабазян Э.С.* Экономические и политические перемены на Кубе // Латиноамериканский исторический альманах. 2019. № 21. С. 131–146.
- Куба накануне смены поколений / отв. ред. В.М. Давыдов. М., 2017.
- Куба: новый этап адаптации / отв. ред. В.М. Давыдов. М., 2011.
- Куба: от адаптации к переменам? / отв. ред. В.М. Давыдов. М., 2007.
- Ларин Е.А.* Особый период в истории Кубы (1991 – начало XXI века) // Новая и новейшая история. 2016. № 2. С. 51–61.
- Яковлев М.В.* Идеология. Противоположность марксистско-ленинской и буржуазных концепций. М., 1979.
- Arabadzhyan A.Z.* Kritika Ernesto Gevary sovetskih metodov socialisticheskogo stroitel'stva i ee vozmozhnoe primeneniye k sovremennoj Kube [Ernesto Che Guevara's Criticism of the Soviet Methods of Socialist Construction and its Eventual Application to the Contemporary Cuba] // Вопросы политической экономии [Problems in Political Economy]. 2019. № 3. P. 167–182. (In Russ.)
- Arabadzhyan A.Z.* Sotsializatsiya ekonomiki v Latinskoi Amerike: pro et contra kooperativnogo dvizheniya na opyte Kuby [Socialization of the Economy in Latin America: pro et contra of the Cooperative Movement Based on the Cuban Experience] // Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii [The Economic Revival of Russia]. 2020. № 4 (66). P. 98–111. (In Russ.)
- Borodaev V.A.* Istoriya formirovaniya i razvitiya novoj politicheskoi sistemy na Kube (1953–2009 gg.): diss. ... d-r. ist. nauk [History of the Formation and Development of Political System in Cuba (1953–2009): Doctoral Dissertation in History]. Moskva, 2009. (In Russ.)

Borodaev V.A., Leonov N.S., Lepeshkin A.A. Raul' Kastro: "Menya izbrali dlya togo, chtoby ya zashchishchal delo sotsializma". 2008–2017 [Raul Castro: "I was Elected to Defend the Cause of Socialism". 2008–2017]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Dabagyan E.S. Ekonomicheskie i politicheskie peremeny na Kube [The Economic and Political Modifications in Cuba] // *Latin-American Historical Almanac*. 2019. № 21. P. 131–146. (In Russ.)

Gramsci A. Izbrannye proizvedeniya. T. III. Tyuremnye tetradi [Selected Works. Vol. III. Prison Notebooks]. Moskva, 1959. (In Russ.)

Guevara E. O sisteme byudzhetnogo finansirovaniya [On the Budgetary Finance System] // *Stat'i, vystupleniya, pis'ma* [Articles, Discourses, Letters]. Moskva, 2006. P. 375–407. (In Russ.)

Kuba nakanune smeny pokolenij / red. V.M. Davydov [Cuba on the Eve of Generation Change / ed. V.M. Davydov]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Kuba: novyj etap adaptatsii / red. V.M. Davydov [Cuba: a New Stage of Adaptation] / ed. V.M. Davydov]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Kuba: ot adaptatsii k peremenam? / red. V.M. Davydov [Cuba: from Adaptation to Changes? / ed. V.M. Davydov]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Larin E.A. Osobyj period v istorii Kuby (1991 – nachalo XXI veka) [Special Period in Cuban History (1991 – beginning of the 21st century)] // *Novaia i noveishaia istoriia* [Modern and Contemporary History]. 2016. № 2. P. 51–61. (In Russ.)

Yakovlev M.V. Ideologiya. Protivopolozhnost' marksistko-leninskoi i burzhuaznykh koncepcij [Ideology. Opposition between Marxist-Leninist and Bourgeois Concepts]. Moskva, 1979. (In Russ.)

Arabadzhyan A. Del Estado capitalista dependiente al Estado socialista en Latinoamérica. Apuntes teóricos a partir del caso cubano // *La cuestión del Estado en el pensamiento social crítico latinoamericano* / ed. académicos Juan Camilo Arias Mejía y Leonardo Granato. Medellín, 2021. P. 151–178.

Bambirra V. La revolución cubana: una reinterpretación. México, 1974.

Bases del Plan Nacional de Desarrollo Económico y Social hasta el 2030: Visión de la Nación, Ejes y Sectores Estratégicos // Documentos del 7mo. Congreso del Partido aprobados por el III Pleno del Comité Central del PCC el 18 de mayo de 2017 y respaldados por la Asamblea Nacional del Poder Popular el 1 de junio de 2017. La Habana, 2017. P. 14–22.

Bell Lara J., López García D.L., Caram León T. Documentos de la Revolución Cubana 1960. La Habana, 2007.

Conceptualización del Modelo Económico y Social Cubano de Desarrollo Socialista // Documentos del 7mo. Congreso del Partido aprobados por el III Pleno del Comité Central del PCC el 18 de mayo de 2017 y respaldados por la Asamblea Nacional del Poder Popular el 1 de junio de 2017. La Habana, 2017. P. 2–13.

Constitución de la República de Cuba. La Habana, 1976.

Constitución de la República de Cuba (Actualizada según la Ley de Reforma Constitucional aprobada el 12 de julio de 1992). La Habana, 1996.

Constitución de la República de Cuba. Gaceta oficial № 5 Extraordinaria de 10 de abril de 2019.

Discurso pronunciado por el General de Ejército Raúl Castro Ruz, Presidente de los Consejos de Estado y de Ministros, en la clausura del Sexto Período Ordinario de Sesiones de la Séptima Legislatura de la asamblea Nacional del Poder Popular, en el Palacio de Convenciones, el 18 de Diciembre de 2010, "Año 52 de la Revolución" // URL: <http://www.cuba.cu/gobierno/rauldiscursos/2010/esp/r181210e.html> (дата обращения: 14.08.2020).

Discurso pronunciado por el comandante en jefe Fidel Castro Ruz en la clausura del XVI Congreso de la CTC, celebrado en el teatro Karl Marx, el 28 de enero de 1990 // URL: <http://www.fidelcastro.cu/es/discursos/discursopronunciado-en-la-clausura-del-xvi-congreso-de-la-ctc> (дата обращения: 14.06.2020).

El sistema de dirección y planificación de la economía cubana. Santiago de Chile, 1988.

Figueroa Albelo V. Economía política de la transición al socialismo. Experiencia cubana. La Habana, 2009.

Huberman L., Sweezy P. El socialismo en Cuba. México, 1970.

Ley № 116. Código de Trabajo. Gaceta oficial № 29 Extraordinaria de 17 de junio de 2014.

Lineamientos de la política económica y social del Partido y la Revolución. VI Congreso del Partido // URL: <http://www.cuba.cu/gobierno/documentos/2011/esp/1160711i.pdf> (дата обращения: 24.03.2020).

Lineamientos de la Política Económica y Social del Partido y la Revolución para el período 2016–2021 // Documentos del 7mo. Congreso del Partido aprobados por el III Pleno del Comité Central del PCC el 18 de mayo de 2017 y respaldados por la Asamblea Nacional del Poder Popular el 1 de junio de 2017. La Habana, 2017. P. 23–32.

Mesa-Lago C., Pérez-López J. Cuba Under Raúl Castro: Assessing the Reforms. Boulder, 2013.

Plataforma Programática // Primer Congreso del Partido Comunista de Cuba. T. II. La Habana, 1976. P. 29–82.

Rodríguez García J.L. Estrategia del desarrollo económico en Cuba. La Habana, 2016.

Sobre los estudios del marxismo-leninismo en nuestro país // Tesis y resoluciones. Primer Congreso del Partido Comunista de Cuba. La Habana, 1976. P. 261–293.

Triana Cordoví J. Cuba: ¿de la "actualización" del modelo económico al desarrollo? // *Nueva Sociedad*. 2012. № 242. P. 82–91.

Voices of Change in Cuba from the Non-state Sector / ed. C. Mesa-Lago. Pittsburgh, 2018.

Yaffe H. We Are Cuba!: How a Revolutionary People Have Survived in a Post-Soviet World. Padstow, 2020.

DOI: 10.31857/S013038640017894-1

© 2022 г. А.С. ДЕРБЕНЕВ

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ – КИТАЙ: СТРАТЕГИЯ ПАРТНЕРСТВА

Дербенев Андрей Сергеевич – кандидат исторических наук, кафедра новой и новейшей истории стран Азии и Африки Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия).

E-mail: istfak_x_chelovek@mail.ru

Researcher ID: AFX-7104-2022

Аннотация. Настрой на стратегическое партнерство Эр-Рияда с Пекином крепнет с каждым днем. Оба государства имеют серьезные позиции на международной арене и в достаточной мере освоили самые современные инструменты рыночного взаимодействия, прокладывая себе путь к непрерывному улучшению сотрудничества по всем направлениям. Процесс динамичного роста финансово-экономических, торговых и прочих показателей уже давно сопровождается взаимовыгодным диалогом двух стран в сфере безопасности, в ходе которого обсуждаются вопросы, ныне встающие перед обеими странами. Эр-Рияд прилагает немалые усилия для диверсификации своей экономики, а потому стремится расширить сотрудничество с КНР. На Ближнем Востоке Китай более всего интересуется постоянный доступ к энергетическим ресурсам региона, от которых в значительной степени зависит его экономика, однако поставки в Китай уязвимы в условиях политической нестабильности на Ближнем Востоке начиная с событий «арабской весны». Пекин избрал достаточно продуктивный метод сотрудничества, а именно взаимодействие со странами Аравийского региона посредством меморандумов о взаимопонимании и партнерских соглашений различной интенсивности. Основным направлением активизации отношений со странами региона стало энергетическое сотрудничество и создание инфраструктуры, включая строительство морских портов и транспортной системы, критически важных для повышения безопасности судоходства, а также создание альтернативных транспортных маршрутов. Пекин также стремится к углублению торговых связей с регионом. В статье анализируются взаимодействия в рамках «Видения Саудовской Аравии 2030» и инициатива КНР «Один пояс, один путь» (ОПОП) как один из инструментов расширения сотрудничества Саудовской Аравии с КНР.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, Китай, «Видение 2030», «Один пояс, один путь», энергетическая дипломатия, дипломатические отношения, внешняя политика, энергоносители.

A.S. Derbenev

Saudi Arabia – China: Partnership Strategy

Andrei Derbenev, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia).

E-mail: istfak_x_chelovek@mail.ru

Researcher ID: AFX-7104-2022

Abstract. The mood for a strategic partnership between Riyadh and Beijing grows stronger every day. Both countries are well-established on the international stage and have sufficiently mastered the most modern tools of market interaction, paving the way for a continuous improvement of cooperation in all areas. The process of dynamic growth of financial, economic, trade and other indicators has long been accompanied by a mutually beneficial dialogue between the two nations on security in general, and cargo transportation in particular, as well as other pressing issues that the peoples of both countries face today. These issues have traditionally occupied the minds of Chinese and Saudi politicians. Riyadh is making great efforts to diversify its economy and is therefore keen to expand its cooperation with the People's Republic of China.

Chief among China's interests in the Middle East is continued access to the region's energy resources, on which its economy largely depends, making supplies to China vulnerable to waves of turbulence in the Middle East since the Arab Spring. Energy cooperation and the creation of infrastructure, including the construction of seaports and transport infrastructure, which are critically important for improving the safety of navigation. The article analyses the national project "Vision of Saudi Arabia 2030" and the initiative of the People's Republic of China "One Belt, One Road" (BRI) as one of the main goals of expanding cooperation between Saudi Arabia and China.

Keywords: Saudi Arabia, China, "Vision 2030", "One Belt, One Road", energy diplomacy, diplomatic relations, foreign policy, energy sources.

Активизация ближневосточной политики Китая, планомерное осуществление им инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) усиливает внимание специалистов к развитию отношений между КНР и государствами Аравии.

Энергетическая дипломатия является одним из важнейших направлений для Пекина на Ближнем Востоке. Китай является крупнейшим импортером саудовской нефти. Наличие в Королевстве Саудовская Аравия (КСА) богатейших на планете энергетических ресурсов и выгодное географическое положение вот уже более 70 лет делают Аравийский полуостров чрезвычайно важным объектом для сотрудничества.

Согласно данным Управления энергетической информации Министерства энергетики США, доказанные запасы сырой нефти в КСА составляют 268 млрд баррелей, что является вторым по величине показателем в мире, на долю которого приходится 16% мировых доказанных запасов. Саудовская Аравия является крупнейшим экспортером сырой нефти и обладает значительными мощностями по ее добыче, что обуславливает ее центральную роль на мировом энергетическом рынке и делает ее одним из ключевых игроков в глобальной экономике¹. Саудовская Аравия – единственное арабское государство – член Большой двадцатки (G-20), что предоставляет королевству дополнительное дипломатическое влияние. Кроме того, на территории КСА находятся святые места в Мекке и Медине, что поднимает значение Саудовской Аравии в глазах более чем 1,6 млрд мусульман мира. Иначе говоря, Саудовская Аравия – стратегически важное арабское государство.

Саудовские планы по строительству города Неом (их реализация немного отстает от заявленных ранее сроков из-за пандемии COVID-19) представляют собой внушительный рынок для инфраструктурных инвестиций со стороны Китая. Инициатива КНР «ОПОП» отвечает национальным задачам Саудовской Аравии, способствуя диверсификации экономики, созданию предприятий и рабочих мест в королевстве. Примером этого можно считать сотрудничество в развитии города Джизан, о котором будет рассказано далее.

Основная задача статьи – выявить особенности развития, а также практические результаты отношений между Китаем и одной из ключевых стран ближневосточного региона, Саудовской Аравией, на современном этапе.

Недостаточная степень изученности темы саудовско-китайских отношений определяет, как представляется, востребованность предлагаемого исследования, поскольку попытка изучить проблемы финансово-экономического и политического взаимодействия между двумя странами на протяжении относительно продолжительного периода времени вполне может быть полезной как для прогнозирования вероятных траекторий их развития в будущем, так и для лучшего понимания перспектив ближневосточного региона в целом.

Важнейшие траектории модернизации экономической и нефтяной политики Саудовской Аравии рассматривает А.М. Родригес². Он отмечает влияние на политику Саудовской Аравии клановых, этнорелигиозных и иных противоречий.

¹ U.S. Energy Information Administration, Saudi Arabia's Key Energy Statistics // URL: www.eia.gov/beta/international/country.cfm?iso=SAU (дата обращения: 15.02.2022).

² *Родригес А.М.* Нефть и эволюция социальных структур Аравийских монархий. М., 1989.

Возможности Китая в сфере энергетики, а также перспективы России в этом направлении рассматривает А.В. Островский, который отмечает, что «высокие темпы роста ВВП Китая для построения общества “малого благоденствия” потребуют дополнительный прирост производства энергоресурсов, который может покрываться за счет не только импорта нефти, но и природного газа и каменного угля. В этом случае если Россия не будет проявлять интерес к развитию восточного направления экспорта энергоресурсов, то ее могут опередить другие страны в борьбе за китайский рынок энергоресурсов»³.

В настоящий момент проблемы саудовско-китайских отношений и составляющих их компонентов все чаще привлекают внимание специалистов.

Активизации политики Китая в Африке и арабском регионе, актуальным политическим проблемам и вызовам в регионе Залива посвятили свои работы А.М. Васильев⁴, Т.Л. Дейч⁵, Е.С. Мелкумян⁶, А.В. Цвык⁷. Подобный интерес можно понять, особенно если учитывать ту роль, которую Эр-Рияд и Пекин играют как на региональной, так и на международной арене. Отдельные аспекты рассматриваемой темы были предметом изучения автора этих строк⁸.

При этом существуют разные оценки как накопленного опыта отношений между Саудовской Аравией и КНР, так и перспектив сотрудничества двух стран. М.Т. Аль-Судаيري⁹, М. Чазиза¹⁰, Дж. Фултон¹¹ отмечают значительные усилия, которые прилагают китайские и саудовские дипломаты для укрепления отношений двух стран. В крайне нынешней нестабильной обстановке оба государства считают естественным и необходимым наращивание взаимовыгодного двустороннего сотрудничества. Авторы рассматривают деятельность различных политических сил, которые оказали значительное влияние на развитие двусторонних отношений. Заметное внимание ученые уделяют государственному вмешательству в развитие экономических отношений КНР с Саудовской Аравией, которое ведет к тому, что в число получателей выгод от развития отношений между странами попадают прежде всего крупные собственники, а средние и мелкие – реже. Кроме того, авторы отмечают, что Китай имеет гораздо более обширные интересы в арабском мире, которые отнюдь

³ Островский А.В. Возможности Китая в решении энергетической проблемы // Энергетическая политика. 2010. № 4–5. С. 41.

⁴ Васильев А.М. Саудовцы в лабиринте киберпространства и электронных СМИ // Азия и Африка сегодня. 2020. № 12. С. 15–18.

⁵ Дейч Т.Л. Китай в борьбе за ресурсы в Африке и арабском мире // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. № 3. С. 595–611.

⁶ Мелкумян Е.С. Султанат Оман – КНР: стратегическое партнерство // Азия и Африка сегодня. 2020. № 12. С. 46–50; Мелкумян Е.С., Дербенев А.С., Омар Махмуд. Иран – клин в отношениях России и стран ССАГПЗ // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/iran-klin-v-otnosheniyakh-rossii-i-stran-ssagpz/> (дата обращения: 10.02.2022).

⁷ Цвык А.В. Экономическая дипломатия Китая: основные черты // Региональная экономика и управление. 2013. № 1. С. 21–31.

⁸ Дербенев А.С. Саудовская Аравия в современных региональных реалиях // Труды Института востоковедения РАН. 2018. Вып. 16. С. 39–47; *Его же*. Катар: политические и экономические аспекты современного развития // Новая и новейшая история. 2019. № 1. С. 193–202; *Его же*. Саудовская Аравия в жерновах политической турбулентности // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 3. С. 273–285.

⁹ Al-Sudairi M.T. Sino-Saudi Relations: An Economic History. Riyadh, 2012. P. 1–37.

¹⁰ Chaziza M., Goldman S.O. What factors increase the probability of Chinese interventions in intrastate wars? // Asian Journal of Political Science. 2016. № 24 (1). P. 1–20; Chaziza M. China's Economic Diplomacy Approach in the Middle East Conflicts // China Report. 2019. Vol. 55. № 1. P. 24–39; *Idem*. Transitioning to a New Approach: China's Stance on Operation “Guardian of the Walls” // Middle East Journal. 2021. № 5. P. 12–18.

¹¹ Fulton J. Strangers to Strategic Partners: Thirty Years of Sino-Saudi Relations. Atlantic Council. 2020 // URL: https://www.researchgate.net/publication/343877834_Strangers_to_Strategic_Partners_Thirty_Years_of_Sino-Saudi_Relations_Thirty_Years_of_Sino-Saudi_Relations (дата обращения: 22.05.2021).

не ограничиваются укреплением позиций своего капитала в зоне Аравийского полуострова и Персидского залива. В настоящее время можно обнаружить заметный сдвиг в подходах Китая к той роли, которую должны играть страны Залива в азиатских экономиках в условиях интернационализации и глобализации экономического пространства XXI в.

Проблемам безопасности в отношениях двух государств уделяет внимание А. Лебер. В 2019 г. он писал о нежелании Китая вносить вклад в поддержание системы региональной безопасности Персидского залива. После ракетных ударов по объектам саудовской нефтеперерабатывающей инфраструктуры со стороны йеменских повстанцев Китай фактически никак не отреагировал на происходящее¹². Тем не менее, пишет А. Лебер, в подобных ситуациях Саудовская Аравия все равно будет искать поддержки Пекина, если Вашингтон не будет проявлять вовлеченности в укрепление региональной безопасности¹³.

Насер аль-Тамими отмечает, что ключевую роль в консолидации интересов саудовско-китайских отношений продолжает играть нефтяная отрасль. Более того, для КНР нефтяная инфраструктура имеет значение не только как своеобразная физическая конструкция, объект чисто гражданского строительства, создаваемая в целях обеспечения функционирования народно-хозяйственного комплекса Китая. «Из-за доминирования Саудовской Аравии на мировом нефтяном рынке Китай все больше уделяет внимание королевству как надежному энергетическому партнеру», – отмечает автор¹⁴.

Несколько отличается от таких общепринятых подходов разработка проблем саудовско-китайских отношений М. Чазизом¹⁵. По его мнению, принцип невмешательства во внутренние дела партнеров является одним из основных традиционных ориентиров внешней политики Китая на Ближнем Востоке. Тем не менее, отмечает автор, региональные споры и общая нестабильность арабского мира вынуждают Пекин вмешиваться дипломатическим путем в дела региона для защиты своих коммерческих интересов, граждан и обеспечения устойчивых поставок ресурсов. Также китайская дипломатия активно применяет финансовые инструменты для реализации своих внешнеполитических целей. Такой подход укрепляет китайский имидж надежной державы с предсказуемым поведением на международной арене. Можно предполагать, что такой тезис не лишен известной односторонности. Решение старых и новых региональных проблем невозможно прежними способами. Для этого требуются иные подходы (а также серьезный опыт урегулирования региональных конфликтов), которые у Китая пока только формируются и которые представляются слишком поверхностными, учитывая установки правящей китайской партии, и не вполне рассчитанными на применение тонких механизмов управления.

Решение Эр-Рияда создать базу экономических отношений с КНР диктовалось культурной необходимостью: было важно, чтобы подданные короля могли воспользоваться преимуществами, которые дает нефтяная отрасль. Не менее актуальной представлялась задача вселить в них уверенность, что всеми благами они обязаны королю и проводимым руководством королевства при активном участии самих подданных прогрессивным социально-экономическим преобразованиям на основе «Видения 2030»¹⁶.

¹² *Leber A.* Seek Fact from Texts: Saudi Media on China amid the COVID-19 Pandemic // *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*. 2020. № 14. P. 553.

¹³ *Ibid.* P. 541.

¹⁴ *Al-Tamimi N.* China Saudi Arabia relations: economic partnership or strategic alliance? // URL: <https://dro.dur.ac.uk/9683/> (дата обращения: 07.12.2021).

¹⁵ *Chaziza M.* China's Economic Diplomacy Approach... P. 24–39; *idem.* Transitioning to a New Approach... P. 12–18.

¹⁶ Подробнее о программе «Видение 2030» см.: *Косач Г.Г.* «Видение: 2030». Саудовские реформы // *Россия и мусульманский мир*. 2017. № 6 (300). С. 107–124.

Первые официальные контакты Китая и Саудовской Аравии в новейшей истории относятся к 1946 г. Тогда между Китайской республикой и саудовским королевством был подписан Договор о дружбе¹⁷. Однако в связи с гражданской войной в Китае официальные дипломатические отношения между двумя государствами не получили должного развития вплоть до 1990 г. Саудовская Аравия в годы холодной войны поддерживала относительно близкие отношения с Тайванем. Возможная причина тому — неприятие коммунистической экспансии и скептическое отношение к атеистической идеологии, марксизму.

В 1950-х и 1960-х годах характерной чертой международной системы было интенсивное противостояние между западным капиталистическим лагерем во главе с США и социалистическим лагерем во главе с СССР. С точки зрения китайских лидеров, регион Персидского залива следовал в фарватере западного мира. В этой связи КНР оказывала активную поддержку различным национально-освободительным и демократическим (или позиционировавшим себя как таковые) движениям в Азии, Африке и Аравийском регионе. Такого рода активность не могла не отразиться негативным образом на отношениях между Китаем и странами Персидского залива¹⁸.

Политика КНР начала меняться в начале 1980-х годов, когда ирано-иракская война во многом подорвала существовавший порядок в Персидском заливе. И Иран, и Ирак располагали советскими ракетными комплексами 9К72 «Эльбрус». В 1985 г. принц Бандар, посол Саудовской Аравии в США, обратился к Хань Сюю, послу Китая в США, и поинтересовался возможностью приобретения баллистических ракет средней дальности Dong Feng-3/CSS-2. В результате серии тайных встреч между саудовскими и китайскими официальными лицами была заключена сделка на сумму в 3,5 млрд долл. за поставку 50 ракет. В октябре 1988 г. принц Бандар посетил Китай и договорился об установлении дипломатических отношений. В июле 1990 г. он был направлен в Пекин для переговоров о полном дипломатическом признании. Коммюнике об установлении дипломатических отношений между Китаем и Саудовской Аравией было подписано 21 июля 1990 г.¹⁹ К тому моменту объем двусторонней торговли был сравнительно невелик и составлял 290 млн долл., но к 2002 г. он вырос до 5,1 млрд долл.²⁰

С момента установления дипломатических отношений связи КНР с Саудовской Аравией продолжали углубляться по целому ряду экономических и политических направлений. Во многом это было достигнуто благодаря все более частым визитам политических лидеров. Эти поездки всегда сопровождались особыми политическими сигналами и играли важную роль в формировании траектории двусторонних отношений.

После окончания холодной войны по мере бурного экономического развития КНР существенно выросла зависимость республики от экспорта нефти, что подтверждается тем, что в 1993 г. Китай стал нетто-импортером нефти. В 2000 г. объем экспорта топлива из Саудовской Аравии в Китай составлял 1,5 млрд долл., а к 2010 г. он достиг 25 млрд долл.²¹

В 2012 г. генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Китая Си Цзиньпин активизировал внешнюю политику на ближневосточном направлении. В 2013 г. он же в должности Председателя КНР выдвинул инициативу «ОПОП». Самым важным государственным визитом в отношениях двух стран стала поездка Си Цзиньпина в Эр-Рияд

¹⁷ Treaty of Amity between the Republic of China and the Kingdom of Saudi Arabia (1946) // Treaties and international agreements Registered or filed and recorded. Vol. 18. New York, 1948. P. 197.

¹⁸ Lui Z. Historical Evolution of Relationship between China and the Gulf Region // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). 2016. Vol. 10. № 1. P. 3.

¹⁹ Communique Concerning the Establishment of Diplomatic Relations Between the People's Republic of China and the Kingdom of Saudi Arabia. Embassy of the people's of China in the Kingdom of Saudi Arabia // URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cesa/eng/zsgx/zswl/t153984.htm> (дата обращения: 12.02.2022).

²⁰ Al-Sudairi M. T. Op. cit. P. 17; Kemp G. The East Moves West: India, China, and Asia's Growing Presence in the Middle East. Washington, 2010. P. 53, 84.

²¹ Saudi Arabia export Saudi Arabia (SAU) Exports, Imports, and Trade Partners | OEC - The Observatory of Economic Complexity // URL: <https://oec.world/en/profile/country/sau> (дата обращения: 30.11.2021).

в январе 2016 г., во время которой две страны подписали соглашение о всеобъемлющем стратегическом партнерстве и создании межправительственного комитета, что является самым высоким уровнем в иерархии дипломатических отношений Китая²². Высокопоставленный китайский гость заявил, что регион Ближнего и Среднего Востока все больше интересует Пекин²³.

На заседаниях Комитета представители государств обсуждают перспективы сотрудничества между Китаем и Саудовской Аравией. Его основная задача – реализовать те договоренности, которые были достигнуты главами двух государств. В рамках этого сотрудничества создано восемь подкомитетов по следующим вопросам: политика и иностранные дела, инвестиции, энергетика, торговля, культура, наука и технологии, туризм, безопасность (в дополнение к ним в 2019 г. создан финансовый подкомитет)²⁴.

В ходе визита короля Салмана в Китай в 2017 г. было подписано 21 соглашение по самым разным сферам деятельности общей стоимостью 65 млрд долл. В августе 2017 г. в Эр-Рияде состоялось очередное заседание межправительственного комитета, в результате которого был подписан меморандум о создании совместного инвестиционного фонда²⁵.

И все же ключевую роль в развитии экономических отношений между Саудовской Аравией и Китаем, естественно, продолжает играть энергетическая сфера. Именно она обеспечивает уникальный уровень взаимодополняемости экономик двух стран, поскольку с 2013 г. Китай является крупнейшим в мире импортером нефти, а Саудовская Аравия – крупнейшим в мире ее производителем. Хотя Китай уже давно сам является производителем энергоносителей, его внутреннее потребление значительно превышает производство. В этой связи Саудовская Аравия рассматривается как основной долгосрочный партнер энергетической безопасности Китая²⁶.

В последние годы энергетическое сотрудничество двух стран продолжает расширяться. Во время визита наследного принца Мухаммеда бин Салмана в Китай в 2019 г. было подписано несколько меморандумов о взаимопонимании для привлечения инвестиций в переработку и сбыт нефти, в том числе между крупнейшими государственными корпорациями двух стран, «Сауди Арамко» и «Норинко»²⁷.

В то же время отметим, что, хотя торговый дисбаланс всегда был в пользу Саудовской Аравии, характер этой торговли должен вызывать у правителей королевства определенную озабоченность. Китай продает текстиль, механические и электронные изделия, пластмассовые изделия с высокой добавленной стоимостью, такие как игрушки и мебель, промышленное и строительное оборудование, услуги и продукты питания. Подробнее статистика китайского экспорта в Саудовскую Аравию представлена в таблице 1. Саудовская Аравия продает преимущественно природные ископаемые и продукты их переработки – сырую

²² Xi Jinping Holds Talks with King Salman bin Abdul-Aziz Al Saud of Saudi Arabia Two Heads of State Jointly Announce Establishment of China-Saudi Arabia Comprehensive Strategic Partnership // URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/xjpdstajylxgswf/t1333527.shtml (дата обращения: 22.05.2021).

²³ *Perlez J.* President Xi Jinping of China Is All Business in Middle East Visit. The New York Times, January 30, 2017 // URL: <https://www.nytimes.com/2016/01/31/world/asia/xi-jinping-visits-saudi-iran.html> (дата обращения: 12.02.2022).

²⁴ *Ibidem.*

²⁵ *Fulton J.* Op. cit. P. 15.

²⁶ ВВП Китая увеличился более чем в 5,5 раза с 1,32 трлн долл. в 2001 г. до 7,29 трлн долл. к концу 2011 г., см.: International Monetary Fund, World Economic Outlook 2011. Washington (DC), 2012. По прогнозам Международного энергетического агентства (IEA), Китай к 2030 г. станет самым крупным потребителем нефти и газа в мире, см.: International Energy Agency, World Energy Outlook 2011. Paris, 2011. P. 80.

²⁷ Saudi Aramco signs agreement to form largest Sino-Foreign Joint Venture with NORINCO and Panjin Sincen in China // URL: <https://www.aramco.com/en/news-media/news/2019/saudi-aramco-and-norinco> (дата обращения: 26.05.2021).

нефть, сжиженный нефтяной газ, удобрения, полимеры этилена, эфир, производные нитратов, пропилен, серу, а также минералы и металлы: медь, цинк, бокситы, золото, серебро. Согласно открытым данным, ископаемое топливо составило почти 97% саудовского экспорта в Китай в 2018 г.²⁸

Таблица 1. Китайский экспорт в Саудовскую Аравию в 2020 г.: основные категории товаров²⁹

Виды	Ценность, млрд \$
Электрическое, электронное оборудование	3.97
Машиностроение, ядерные реакторы, котлы	3.31
Мебель, световые указатели, сборные здания	3.01
Транспортные средства, кроме железнодорожных, трамвайных	1.87
Пластмассы	1.24
Игрушки, игры, спортивный инвентарь	1.19
Изделия одежды, вязаные или трикотажные	1.19
Керамические изделия	1.11
Изделия из железа или стали	1.09
Изделия швейные, не вязаные и не трикотажные	1.00

Китайско-саудовские отношения во многом основываются на взаимных интересах. Оба государства пытаются установить более тесные связи на различных уровнях. С одной стороны, у Китая немало возможностей для проецирования «мягкой силы» на Саудовскую Аравию и ее соседей по Персидскому заливу. С другой стороны, КНР в рамках инициативы «Один пояс, один путь» последовательно прилагает усилия к развитию и укреплению культурных, образовательных контактов между населением двух стран³⁰. В этой связи обращает на себя внимание озвученная в 2019 г. инициатива по включению китайского языка в учебные программы государственных школ и университетов Саудовской Аравии³¹. Для королевства этот вопрос является стратегически важным, так как образование тесно переплетается с религией и подданные короля очень трепетно относятся к тому, что именно им преподается и на каком уровне.

²⁸ China exports to Saudi Arabia // URL: <https://tradingeconomics.com/china/exports/saudi-arabia> (дата обращения: 23.05.2021).

²⁹ Ibidem.

³⁰ Munazzama al-islamiya liltarbiaya val-ylym vas-sakaafat. taariih al-munazzama // URL: <https://www.icesco.org/?s-china> (дата обращения: 08.12.2020).

³¹ Saudi Arabia to include Chinese language in educational curriculum. Al Arabiya. 22.02.2019 // URL: <https://english.alarabiya.net/News/gulf/2019/02/22/Saudi-Arabia-to-include-Chinese-language-in-educational-curriculum> (дата обращения: 26.05.2021). Агентство Синьхуа сообщило, что «программа изучения китайского языка была анонсирована наследным принцем Саудовской Аравии Мухаммедом бин Салманом во время визита в Китай в феврале 2019 г. и на первом этапе реализована в восьми средних школах в столице Эр-Рияд, городе Джидда и Восточной провинции. Как сообщил министр королевства корреспонденту Синьхуа, данная программа, представляя собой неотъемлемую часть плана по развитию базовых навыков рабочей силы, сопрягает китайский язык с концепцией экономического развития Саудовской Аравии на период до 2030 г. в целях повышения квалификации и конкурентоспособности местных жителей на рынке труда». Синьхуа Новости // URL: http://russian.news.cn/2021-11/10/c_1310301277.htm (дата обращения: 21.11.2021).

В июле 2020 г. исполнилось 30 лет со дня установления дипломатических отношений между Китаем и Саудовской Аравией. Как уже говорилось выше, за этот небольшой по историческим меркам хронологический отрезок времени оба государства добились существенных успехов в углублении двусторонних отношений. Согласно открытым источникам, стоимость экспорта ископаемого топлива из Саудовской Аравии в Китай к 2019 г. по разным оценкам выросла до 45,8 млрд долл.³² Важно отметить сам характер торговли: он всегда в пользу Саудовской Аравии, а в последние годы с заметным перевесом. Инициатива Шелкового пути и стратегическая ориентация Китая на укрепление своих позиций в регионе Ближнего Востока во многом перекликается с интересами Саудовской Аравии в рамках программы «Видение 2030», а именно с точки зрения диверсификации королевством своей экономики.

Следует отметить, что, несмотря на продолжающиеся конфликты на Ближнем Востоке, Пекину до сих пор удается сохранять и проводить свойственную для него политику нейтралитета, поддерживая дружественные связи со всеми сторонами, невзирая на порой противоречивые геополитические интересы.

В марте 2021 г. министр иностранных дел КНР Ван И, совершая дипломатическое турне по странам Ближнего Востока, заявил, что Китай будет уделять приоритетное внимание отношениям с Ближним Востоком в поисках поддержки и укрепления позиций в этом обширном регионе³³.

По данным Азиатского банка развития, в период до 2030 г. в Азии будет существовать дефицит финансирования инфраструктуры в размере 26 трлн долл.³⁴ Эта проблема не представляет секрета для китайских элит. Самой масштабной и амбициозной программой КНР, призванной, помимо прочего, стать ответом на этот вызов, является инициатива «ОПОП».

Одним из элементов этой инициативы является проект «Морской Шелковый путь XXI века»³⁵, который призван углубить связи Китая с Юго-Восточной Азией, Индонезией, Индией, Аравийским полуостровом, Сомали, Египтом и Европой, также он территориально охватывает Южно-Китайское море, Малаккский пролив, Индийский океан, Бенгальский залив, Аравийское море, Персидский залив и Красное море.

В рамках реализации данной инициативы особое внимание уделяется Ближнему и Среднему Востоку. В последние годы Китай расширил свое взаимодействие с государствами региона, установив отношения со множеством стран. Следствием этого можно считать резко увеличившиеся объемы двусторонней торговли. Пекин стал одним из основных экономических партнеров для таких стран, как, например, Израиль, Саудовская Аравия, Катар и Иран, а также их крупным инвестором.

Есть несколько причин, по которым страны Ближнего и Среднего Востока представляют большой интерес для китайской инициативы «Морской Шелковый путь». Прежде всего речь идет о соображениях энергетической безопасности. Китай в значительной степени зависит от Ближнего Востока в удовлетворении своих энергетических потребностей, которые в настоящий момент приобрели особую остроту (согласно открытым источникам, с сентября 2021 г. в Китае наблюдаются масштабные отключения электричества. Людей просят не включать микроволновки и бойлеры)³⁶.

³² Saudi Arabia (SAU) and China (CHN) Trade | OEC - The Observatory of Economic Complexity // URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/sau/partner/chn> (дата обращения: 28.11.2021); Saudi Arabia's exports 2020 by country. URL: <https://trendeconomy.com/data/h2/SaudiArabia/TOTAL> (дата обращения: 30.11.2021).

³³ China's Foreign Minister Heads to the Middle East. The Diplomat. 25.03.2021 // URL: <https://thediplomat.com/2021/03/chinas-foreign-minister-heads-to-the-middle-east/> (дата обращения: 28.11.2021). О проектах Китая, в том числе в отношении Африки и арабского мира, см.: *Дейч Т.Л.* Указ. соч. С. 595–611; *Цвык А.В.* Указ. соч. С. 21–31.

³⁴ Meeting Asia's Infrastructure Needs. Asian Development Bank // URL: <https://www.adb.org/publications/asia-infrastructure-needs> (дата обращения: 24.09.2021).

³⁵ *Мелкумян Е.С.* Указ. соч. С. 49.

³⁶ В Китае масштабные отключения электричества. BBC News Русская служба // URL: <https://www.bbc.com/russian/news-58685232> (дата обращения: 14.10.2021).

Несмотря на то, что «ОПОП» преподносится как имеющая долговременные экономические перспективы для развития региона инициатива, на сегодняшний день основными бенефициарами являются те страны региона, которые важны для энергетической и транспортной безопасности Китая. Прежде всего, это страны Персидского залива, а именно Саудовская Аравия, Катар.

В 2006 г. крупнейший производитель алюминия в Китае – «Aluminum of China» (Chalco) – в партнерстве с саудовскими компаниями построил алюминиевый завод стоимостью 3 млрд долл. в Саудовской Аравии. Таким образом, при участии китайского капитала и технологий в королевстве было создано несколько сотен рабочих мест в перспективной для региона отрасли³⁷.

В том же году КНР и Саудовская Аравия договорились о совместном строительстве нефтехранилищ на китайском острове Хайнань, тогда же саудовцы пригласили китайские фирмы принять участие в развитии инфраструктуры королевства. По данным издания «Arab News» в мае 2019 г. импорт Китаем саудовской сырой нефти увеличился на 43%. Это сделало Саудовскую Аравию ведущим поставщиком нефти в Китай³⁸.

При этом коммерческая деятельность и амбиции Пекина в Аравийском регионе выходят далеко за рамки энергетического сектора. Ближний Восток предоставляет китайским фирмам новые инвестиционные возможности и контракты на инфраструктурные проекты, а также обеспечивает рынок для их продукции: Китай сегодня является крупнейшим источником импорта региона.

В марте 2015 г., в ходе обсуждения перспектив сопряжения саудовского «Видения 2030» и «ОПОП», было объявлено о том, что с опорой на основные города вдоль Пояса и пути будут создаваться опорные экономические индустриальные парки, коридоры международного экономического сотрудничества³⁹. Производственные мощности саудовского города Джизан стали площадкой для расширения кооперации между КНР и Саудовской Аравией в рамках двух вышеупомянутых инициатив.

В начале 2016 г. китайская инвестиционная компания «Юйчэн», совместно со специалистами высокотехнологичного района Гуанчжоу, и «Сауди Арамко» подписали меморандум о создании совместного предприятия. Правительство Саудовской Аравии серьезно заинтересовано в создании особых экономических зон со специальной льготной политикой, выгодно отличающихся от других промышленных городов страны, для привлечения большего объема инвестиций и ускорения развития экономического города Джизан. Саудовская сторона предложила создать специальную зону развития предпринимательства для китайских предприятий в Джизане с налоговыми преференциями для активной инвестиционной политики КНР. В августе 2016 г. во время первой встречи китайско-саудовского высокого уровня была достигнута договоренность о создании совместного производственного предприятия в Джизане. Зона специального развития китайских предприятий (Джизанский промышленный парк) к 2018 г. заняла площадь 32 км², включая промышленную зону площадью 30 км² и жилую зону площадью 2 км². В промышленном парке расположились предприятия, занимающиеся развитием тяжелой промышленности, а также фармацевтические и коммерческие учреждения. Предприятия тяжелой промышленности производят оборудование, необходимое для энергетических станций, пунктов очистки и опреснения морской воды, станций по хранению топлива, электростанций и т.д.; предприятия легкой промышленности сосредоточились на переработке

³⁷ Alterman J. Chinese Soft Power and its Implications for the United States. China's Soft Power in the Middle East. 2012. P. 67 // URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/090403_mcgiffert_chinesesoftpower_web.pdf (дата обращения: 11.02.2021).

³⁸ China's crude oil imports from Saudi Arabia up 43%. Arab News. 25.05.2019 // URL: <https://www.arabnews.com/node/1501906/business-economy> (дата обращения: 14.10.2021).

³⁹ Vision and actions on jointly building Belt and Road // URL: <https://www.mfa.gov.cn/cede/det/zt/yidaiyilude/t1250293.htm> (дата обращения: 09.12.2021).

сырья, создании современных электронных продуктов и услуг для бизнеса, утилизации мусора, промышленных компонентах, биотехнологиях и сельскохозяйственных технологиях⁴⁰.

В 2016 г. объем двусторонней торговли между Китаем и странами региона достиг 228,39 млрд долл.⁴¹ С целью обеспечения надежного доступа для китайских коммерческих перевозок Пекин инвестировал в строительство объектов региональной сети морской инфраструктуры и железнодорожных линий⁴².

В этой связи отдельной проблемой для Китая является безопасность судоходства. Большинство судов, перевозящих товары, включая нефть, между Китаем и Европой, должны проходить через несколько узловых точек в регионе. До трети сырой нефти, поставляемой в КНР по морю, приходится перевозить через Ормузский пролив, расположенный у берегов Ирана и Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ). Морские перевозки товаров между Китаем и Европой также должны проходить через Баб-эль-Мандебский пролив, расположенный у берегов Джибути и Йемена. Это делает импорт энергоносителей, а также поставки товаров из Китая уязвимыми для сбоев, вызванных пиратством, региональной напряженностью и конфликтами. Поэтому Пекин заинтересован в безопасности судоходства, снижении конфликтности в регионе, а также в поиске альтернативных маршрутов в обход морских перевалочных пунктов.

Приоритетными странами для инициативы «Морской Шелковый путь XXI века» в этой связи являются Саудовская Аравия, ОАЭ, Иран и Египет⁴³. Пекин начал развивать отношения всеобъемлющего стратегического партнерства с каждой из этих стран, что свидетельствует о желании расширить долгосрочное сотрудничество по самому широкому кругу вопросов. Поскольку КНР заинтересована в устойчивых нефтяных поставках из государств Залива, она последовательно призывает к разрешению конфликтов на Ближнем Востоке путем переговоров и диалога, к сотрудничеству и экономическому развитию в рамках инициативы «Пояс и путь».

Деятельность Китая в этом направлении включает в себя вклад в миротворческие силы ООН (например, в Ливане), принятие резолюций Совета Безопасности ООН (например, иранский ядерный кризис), посредничество между конфликтующими сторонами (например, между правительством Сирии и лидерами оппозиции), назначение специальных посланников или проведение диалогов на высоком уровне. Данный подход во многом отвечает интересам Саудовской Аравии, поскольку в Эр-Рияде заинтересованы в укреплении региональной безопасности, которая испытала сильный удар в ходе «арабской весны».

Со второй половины 2014 г. страны Ближнего Востока и Северной Африки оказались в сложной ситуации из-за длительного падения цен на нефть. В ответ на это правительства стран региона приступили к реализации различных политических программ. Саудовская

⁴⁰ Ministry of Commerce Peoples Republic of China, MOFCOM Holds Press Conference on the 4th China-Arab States Expo, July 2019 // URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/news-release/press/201907/20190702885086.shtml> (дата обращения: 09.12.2021).

⁴¹ *Gong X.* Hotspots in the Middle East and China's Middle East Diplomacy // URL: <http://cipfa.org/en/cms/book/230> (дата обращения: 09.12.2021).

⁴² По данным статистического комитета ООН, стоимость строительных контрактов КНР с Саудовской Аравией в период с 2005 по 2019 г. превысила 35 млрд долл., причем почти вся сумма, кроме 1,1 млрд долл., поступили после 2007 г., см.: UNCTADSTAT. 2021. Data Center. Accessed February 25, 2021 // URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ (дата обращения: 12.02.2022). Среди проектов – участие Китайской железнодорожной строительной корпорации в строительстве железной дороги Мекка–Медина–Джидда для перевозки паломников во время хаджа, см.: *Olimat M.* China and the Middle East: From Silk Road to Arab Spring. London, 2013. P. 164. Совместное строительство Aramco и Синорес нефтеперерабатывающего завода в Янбу. Эти проекты были восприняты как явное свидетельство высокого доверия к китайским компаниям с точки зрения технологий и их возможностей.

⁴³ *Watanabe L.* The Middle East and China's Belt and Road Initiative // CSS Analyses in Security Policy. 2019. № 254. P. 2.

Аравия прилагает серьезные усилия для устранения бюджетных дефицитов, стремясь укрепить свои внешнеторговые и внешнеполитические отношения на региональной и международной аренах⁴⁴.

В Саудовской Аравии «Видение 2030» предполагает увеличение доли неэнергетического экспорта до 50% государственных доходов, значительный рост частного сектора в экономике страны с 40% до 65% к 2030 г.⁴⁵

Речь идет о смене всей модели экономического развития, в которой экспорт нефти традиционно играл ключевую роль. Успех этих усилий в значительной мере зависит от обстоятельств, находящихся вне контроля правительства, включая реакцию инвесторов на долговременные финансово-экономические планы Саудовской Аравии. В настоящий момент наиболее перспективным инвестором Саудовской Аравии является КНР, вкладывающая средства в развитие инфраструктуры и иные проекты в рамках инициативы «Пояс и путь».

Китайский программный документ от 2015 г. «Видение и действия по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века»⁴⁶, в частности, упоминает стратегический диалог: Китай – Совет сотрудничества стран Персидского залива⁴⁷.

Позднее была сформулирована модель сотрудничества «1+2+3», в соответствии с которой КНР и арабские страны расширят уже имеющиеся направления взаимодействия, принимая энергетическое сотрудничество в качестве ядра двусторонних связей, а новые технологии в области ядерной энергетики, космических спутников и новой энергетики – в качестве трех перспективных направлений⁴⁸.

Наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед бин Салман дал понять, что связывает развитие Саудовской Аравии с инициативой «Пояс и путь», назвав китайскую инициативу одним из основных столпов программы «Видение 2030», цель которой – сделать Китай одним из крупнейших экономических партнеров королевства⁴⁹.

В феврале 2019 г. саудовская делегация во главе с наследным принцем Мухаммедом бин Салманом прибыла в Китай для обсуждения вопросов стратегического партнерства. На встрече рассматривались перспективы экономического и научно-технического взаимодействия, а также сотрудничество в сфере культуры⁵⁰.

Кроме того, обсуждались проблемы продвижения и развития проекта «Цифрового Шелкового пути» и применения в Саудовской Аравии китайского опыта в строительстве

⁴⁴ The foreign policy of the Kingdom of Saudi Arabia // URL: <http://www.mofa.gov.sa/sites/mofaen/KingdomForeignPolicy/Pages/KingdomPolicy34645.aspx> (дата обращения: 07.12.2021).

⁴⁵ Saudi Vision 2030 // URL: https://www.vision2030.gov.sa/media/rc0b5oy1/saudi_vision203.pdf (дата обращения: 23.05.2021).

⁴⁶ Vision and actions on jointly building Belt and Road // URL: <http://milano.chinaconsulate.org/eng/xwtdt/t1254263.htm> (дата обращения: 20.05.2021).

⁴⁷ والصين الخليجي التعاون مجلس دول بين شراكة في // URL: <https://aawsat.com/home/article/2719356/%D8%AF-%D8%B9%D8%A8%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B2%D9%8A%D8%B2%D8%AD%D9%85%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D8%B9%D9%88%D9%8A%D8%B4%D9%82%D8%AD%D9%88%D9%84-%D8%A7%D9%84%D8%B4%D8%B1%D8%A7%D9%83%D8%A9-%D8%A8%D9%8A%D9%86-%D9%85%D8%AC%D9%84%D8%B3-%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%B9%8A7%D9%88%D9%86-%D8%A7%D9%84%D8%AE%D9%84%D9%8A%D8%AC%D9%8A%D9%88%D8%A7%D9%84%D8%B5%D9%8A%D9%86> (дата обращения: 08.12.2021).

⁴⁸ China's Arab Policy Paper // URL: http://www.china.org.cn/world/2016-01/14/content_37573547.htm (дата обращения: 23.05.2021).

⁴⁹ Fusing Vision 2030 with Belt Road Initiative. Arab News. 03.09.2016 // URL: <https://www.arabnews.com/node/979346/saudi-arabia> (дата обращения: 23.05.2021). Вопросы технологического развития, цифровых сервисов, интернет-пространства и кибербезопасности весьма беспокоят политические элиты королевства: *Васильев А.М.* Указ. соч. С. 15–18.

⁵⁰ Saudi Crown Prince Mohammed bin Salman visits Great Wall of China. Arab News. 21.02.2019 // URL: <https://www.arabnews.com/node/1455651/saudi-arabia> (дата обращения: 14.10.2021).

умных городов. Представители Саудовской Аравии призвали китайский бизнес активизировать партнерские отношения с целью совместной выгоды и для достижения прогресса в области высоких технологий, знаний, искусственного интеллекта, на которые королевство делает ставку в качестве экономического ресурса. В частности, речь шла об инвестициях в высокотехнологичный проект умного города Неом. В ближайшие годы инициатива по строительству города будет поддержана более чем 500 млрд долл. от саудовского государственного инвестиционного фонда, а также международных инвесторов⁵¹. Тогда же саудовская делегация посетила Исследовательский центр Huawei в Шанхае с целью ознакомления с новейшими технологиями в области инфраструктуры и китайским опытом в создании цифровой экономики.

* * *

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что в основе качественного укрепления саудовско-китайских отношений, наблюдаемого в последние годы, лежат прежде всего прагматические соображения. Обе страны рассматривают друг друга в качестве важнейших партнеров для реализации своих экономических целей.

Стратегическим направлением является сотрудничество в сфере энергетики, инноваций, инвестиций. Для Китая ближневосточный регион приобрел важное значение уже в 1990-е годы как источник энергетических ресурсов. Практически сразу ключевым региональным партнером КНР стала Саудовская Аравия. Отношения с королевством и сегодня играют важнейшую роль в обеспечении энергетической безопасности КНР. Поэтому Китай стремится укреплять и расширять экономические связи с Саудовской Аравией. В XXI в. прослеживается тенденция увеличения торговых оборотов, усиливается инвестиционный интерес КНР в отношении королевства.

Саудовская Аравия и Китай договорились о развитии совместных программ в сфере образования. В связи с демографическим ростом на Ближнем Востоке на систему образования в первую очередь ложится невиданная ранее нагрузка, обусловленная необходимостью освоения преимущественно молодежью новых технологий. Также вырос объем требований к профессиональной и общекультурной подготовке работников, рост числа которых отставал от прогресса, связанного с освоением нового технологического оборудования, поступавшего в страны в результате индустриализации. «Арабская весна» продемонстрировала, что невнимание к удовлетворению нужд молодых поколений может спровоцировать неприемлемые для правящих режимов вызовы, которые угрожают безопасности государств региона. Протестные движения прошлого десятилетия показали, насколько велика роль образования вообще, а в нем собственно школьного образования для реализации не только его чисто утилитарного предназначения, но и обеспечения внутреннего мира в социальных структурах в странах с повышенной подвижностью общественно-политических систем.

Саудовская Аравия стремится адаптироваться к ситуации экономического подъема Китая и использовать в своих интересах вытекающие отсюда потребности КНР в углеводородных ресурсах для удовлетворения своих текущих и долговременных планов. Эр-Рияд осознает, что без привлечения китайских инвестиций и технологий будет проблематично добиться качественной перестройки его экономической модели. Особый интерес для Саудовской Аравии представляет китайская инициатива «Пояс и путь», которую планируется использовать для реализации собственного национального проекта – «Видение 2030». В этой связи можно ожидать, что наравне с такими проверенными направлениями двустороннего сотрудничества, как энергетика, торговля, инвестиции и инфраструктура, мощный импульс получит взаимодействие в области цифровой экономики, инноваций, искусственного интеллекта.

⁵¹ Riyadh, Beijing launch 'digital silk road' initiative. Arab News. 15.12.2017 // URL: <https://www.arab-news.com/node/1209226/saudi-arabia> (дата обращения: 14.10.2021).

Библиография

- Васильев А.М.* Саудовцы в лабиринте киберпространства и электронных СМИ // *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 12. С. 15–18.
- Дейч Т.Л.* Китай в борьбе за ресурсы в Африке и арабском мире // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2018. № 3. С. 595–611.
- Косач Г.Г.* «Видение: 2030» Саудовские реформы // *Россия и мусульманский мир*. 2017. № 6 (300). С. 107–124.
- Мелкумян Е.С.* Султанат Оман – КНР: стратегическое партнерство // *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 12. С. 46–50.
- Островский А.В.* Возможности Китая в решении энергетической проблемы // *Энергетическая политика*. 2010. № 4–5. С. 53–67.
- Родригес А.М.* Нефть и эволюция социальных структур Аравийских монархий. М., 1989.
- Цык А.В.* Экономическая дипломатия Китая: основные черты // *Региональная экономика и управление*. 2013. № 1. С. 21–31.
- Al-Sudairi M.T.* Sino-Saudi Relations: An Economic History. Riyadh, 2012.
- Alterman J.* Chinese Soft Power and its Implications for the United States. China's Soft Power in the Middle East. 2012. P. 67 // URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/090403_mcgiffert_chinesesoftpower_web.pdf (дата обращения: 11.02.2021).
- Al-Tamimi N.* China Saudi Arabia relations: economic partnership or strategic alliance? // URL: <https://dro.dur.ac.uk/9683/> (дата обращения: 11.02.2021).
- Chazjza M.* China's Economic Diplomacy Approach in the Middle East Conflicts // *China Report*. 2019. Vol. 55. № 1. P. 24–39.
- Chazjza M.* Transitioning to a New Approach: China's Stance on Operation "Guardian of the Walls" // *Middle East Journal*. 2021. № 5. P. 12–18.
- Chazjza M., Goldman S.O.* What Factors Increase the Probability of Chinese Interventions in Intrastate Wars? // *Asian Journal of Political Science*. 2016. Vol. 24. № 1. P. 1–20.
- Cheng Z.* China Debates the Non-Interference Principle // *The Chinese Journal of International Politics*. 2016. Vol. 9. № 9. P. 349–374.
- Fulton J.* Strangers to Strategic Partners: Thirty Years of Sino-Saudi Relations. Atlantic Council. 2020 // URL: https://www.researchgate.net/publication/343877834_Strangers_to_Strategic_Partners_Thirty_Years_of_Sino-Saudi_Relations_Thirty_Years_of_Sino-Saudi_Relations (дата обращения: 22.05.2021).
- Gong X.* Hotspots in the Middle East and China's Middle East Diplomacy // URL: <http://cpifa.org/en/cms/book/230> (access date: 09.12.2021).
- International Energy Agency, *World Energy Outlook 2011*. Paris, November 2011.
- Joyce P.* Public Governance and Strategic Management Capabilities: Public Governance in the Gulf States. London, 2018.
- Kemp G.* The East Moves West: India, China, and Asia's Growing Presence in the Middle East. Washington, 2010.
- Leber A.* Seek Fact from Texts: Saudi Media on China amid the COVID-19 Pandemic // *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*. 2020. № 14. P. 538–553.
- Lui Z.* Historical Evolution of Relationship between China and the Gulf Region // *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia)*. 2016. Vol. 10. № 1. P. 1–25.
- Olimat M.* China and the Middle East: From Silk Road to Arab Spring. London, 2013.
- Treaties and international agreements Registered or filed and recorded. Vol. 18. New York, 1948.
- Watanabe L.* The Middle East and China's Belt and Road Initiative // *CSS Analyses in Security Policy*. 2019. № 254. P. 1–4.

References

- Deich T.L.* Kitai v bor'be za resursy v Afrike i arabskom mire // *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2018. № 3. S. 595–611. (In Russ.)
- Kosach G.G.* "Videnie: 2030" Saudovskie reformy // *Rossia i musul'manskii mir*. 2017. № 6 (300). S. 107–124. (In Russ.)
- Melkumyan E.S.* Sultanat Oman – KNR: strategicheskoe partnerstvo // *Aziya i Afrika segodnya*. 2020. № 12. S. 46–50. (In Russ.)
- Ostrovskii A.V.* Vozmozhnosti Kitaya v reshenii energeticheskoi problemy // *Energeticheskaja politika*. 2010. № 4–5. S. 53–67. (In Russ.)

- Rodrigues A.M.* Neft' i evoliutsiia sotsial'nykh struktur Araviiskikh monarhii. Moskva, 1989. (In Russ.)
- Tsvyk A.V.* Ekonomicheskaya diplomatiya Kitaya: osnovnye cherty // Regional'naya ekonomika i upravlenie. 2013. № 1. S. 21–31. (In Russ.)
- Vasil'ev A.M.* Saudovtsy v labirinte kiberprostranstva i elektronnykh SMI // Aziya i Afrika segodnya. 2020. № 12. S. 15–18. (In Russ.)
- Al-Sudairi M.T.* Sino-Saudi Relations: An Economic History. Riyadh, 2012.
- Alterman J.* Chinese Soft Power and its Implications for the United States. China's Soft Power in the Middle East. 2012. P. 67 // URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/090403_mcgiffert_chinesesoftware_web.pdf (access date: 11.02.2021).
- Al-Tamimi N.* China Saudi Arabia relations: economic partnership or strategic alliance? // URL: <https://dro.dur.ac.uk/9683/> (access date: 11.02.2021).
- Chazjza M.* China's Economic Diplomacy Approach in the Middle East Conflicts // China Report. 2019. Vol. 55. № 1. P. 24–39.
- Chazjza M.* Transitioning to a New Approach: China's Stance on Operation "Guardian of the Wall" // Middle East Journal. 2021. № 5. P. 12–18.
- Chazjza M., Goldman S.O.* What Factors Increase the Probability of Chinese Interventions in Intrastate Wars? // Asian Journal of Political Science. 2016. Vol. 24. № 1. P. 1–20.
- Cheng Z.* China Debates the Non-Interference Principle // The Chinese Journal of International Politics. 2016. Vol. 9. № 9. P. 349–374.
- Fulton J.* Strangers to Strategic Partners: Thirty Years of Sino-Saudi Relations. Atlantic Council. 2020 // URL: https://www.researchgate.net/publication/343877834_Strangers_to_Strategic_Partners_Thirty_Years_of_Sino-Saudi_Relations_Thirty_Years_of_Sino-Saudi_Relations (access date: 22.05.2021).
- Gong X.* Hotspots in the Middle East and China's Middle East Diplomacy // URL: <http://cpifa.org/en/cms/book/230> (access date: 09.12.2021).
- International Energy Agency, World Energy Outlook 2011. Paris, 2011.
- Joyce P.* Public Governance and Strategic Management Capabilities: Public Governance in the Gulf States. London, 2018.
- Kemp G.* The East Moves West: India, China, and Asia's Growing Presence in the Middle East. Washington DC, 2010.
- Leber A.* Seek Fact from Texts: Saudi Media on China amid the COVID-19 Pandemic // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. 2020. № 14. P. 538–553.
- Lui Z.* Historical Evolution of Relationship between China and the Gulf Region // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). 2016. Vol. 10. № 1. P. 1–25.
- Olimat M.* China and the Middle East: From Silk Road to Arab Spring. London, 2013.
- Treaties and international agreements Registered or filed and recorded. Vol. 18. New York, 1948.
- Watanabe L.* The Middle East and China's Belt and Road Initiative // CSS Analyses in Security Policy. 2019. № 254. P. 1–4.

DOI: 10.31857/S013038640020246-8

© 2022 г. И.М. СУПОНИЦКАЯ

ШПИОНЫ ИЛИ ГЕРОИ? СОВЕТСКАЯ РАЗВЕДКА В США В 1930–1940-е годы

Супоницкая Ирина Марковна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: irina.ms@mtu-net.ru

Scopus Author ID: 56568314900; ORCID: 0000-0003-4314-7398

Аннотация. Статья посвящена самому успешному периоду в истории советской разведки в США — 1930–1940-м годам. Анализируются причины этого успеха, к которым, прежде всего, можно отнести всемирное увлечение идеями коммунизма, достижениями СССР в строительстве нового социалистического общества, чему немало способствовала советская пропаганда. Рассматривается деятельность советских спецслужб, создавших в те годы в США обширную законспирированную сеть. Ее участники занимались сбором информации, прежде всего, в области новейших военных технологий, включая секреты производства атомной бомбы. Если история профессионалов-разведчиков изучена достаточно, то работа их агентов, действовавших по убеждению, менее известна. Среди них было много коммунистов и сочувствующих; значительна доля российских иммигрантов. Цель статьи — исследовать взгляды, мотивы поведения, дальнейшую судьбу этих людей. Работа выполнена на основе открытых для исследователей в 1990-е годы материалов американских и российских архивов: засекреченной прежде советской дипломатической переписки, которая после дешифровки по проекту «Венона» оказалась каналом связи между разведкой в США и центром в Москве; дополнением к ней стали так называемые «блокноты А. Васильева», содержащие документы из архива Службы внешней разведки (бывшего первого отдела КГБ), а также материалы из архива Коминтерна в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Новые источники позволили полнее представить масштаб и методы работы советской разведки, деятельность американских агентов, ответить на ряд вопросов, вызывавших споры у историков, в том числе вопрос виновности супругов Розенберг в краже атомных секретов и принадлежность к советской агентуре Э. Хисса, высокопоставленного сотрудника Государственного департамента США.

Ключевые слова: разведка, СССР, США, внешняя политика, Коминтерн, коммунизм, разведчики, агентура.

I.M. Suponitskaya

Spies or Heroes? Soviet Intelligence in the United States in the 1930s and 1940s

Irina Suponitskaya, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: irina.ms@mtu-net.ru

Scopus Author ID: 56568314900; ORCID: 0000-0003-4314-7398

Abstract. The article focuses on the most successful period in the history of Soviet intelligence in the United States, namely the 1930s and 1940s. The reasons for this success are analysed, first and foremost being the worldwide enthusiasm for the ideas of communism and the achievements of the USSR in building a new socialist society, to which the propaganda of the Stalinist regime had contributed in no small

measure. The author examines the activities of the Soviet secret services, which established an extensive covert network in the United States during those years. Members of the underground were collecting information, primarily in the field of the latest military technologies, including the secrets of the production of the atomic bomb. While the history of intelligence professionals has been sufficiently studied, the work of their American voluntary agents is less known. There were many communists and sympathisers among them; a significant proportion were Russian immigrants. The aim of the article is to explore their views, behavioural motives, and subsequent fate. The study draws on records from American and Russian archives opened to researchers in the 1990s: previously classified Soviet diplomatic correspondence, which, after being decrypted by the Venona project, was recognised as a communication channel between intelligence in the United States and the centre in Moscow; it was supplemented by the so-called “Vassiliev Notebooks”, containing documents from the archives of the Foreign Intelligence Service (formerly the First Directorate of the KGB) as well as records from the Comintern archive at the Russian Centre for the Preservation and Study of Documents of Contemporary History (RTsKhIDNI). New sources offer a more comprehensive picture of the scale and methods of Soviet intelligence work, the activities of American agents, and allow to answer a number of questions that have caused controversy among historians, including the guilt of the Rosenbergs in the theft of nuclear secrets and whether Alger Hiss, a high-ranking US State Department official, was a Soviet intelligence agent.

Keywords: espionage, USSR, USA, foreign policy, Comintern, communism, intelligence officers, agents.

В феврале 1920 г. В.И. Ленин спросил у своих сотрудников, почему нет нашей разведки в Соединенных Штатах? В конце 1920 г. Ф.Э. Дзержинский подписал приказ о создании советской внешней разведки (Иностранного отдела ВЧК), впоследствии под прикрытием первого советского торгового представительства – Амторга (Amtorg Trading Corporation), созданного в 1924 г. в Нью-Йорке, работало не менее 72 офицеров и агентов разведки; через него шло также финансирование компартии США¹.

Советскому шпионажу в Америке 1930–1940-х годов посвящено множество работ, отечественных и зарубежных²; но если история профессиональных разведчиков хорошо изучена, то менее разработан вопрос об американских добровольных информаторах и агентах, действовавших по убеждению, порой рискуя жизнью³. Западные историки называют их шпионами, советские историки и разведчики – героями. Статья посвящена взглядам, мотивам поведения, судьбам этих людей.

При установлении дипломатических отношений с Соединенными Штатами в 1933 г. Советский Союз обязался не заниматься пропагандой коммунизма и подрывной деятельностью против них, но обещание не сдержал. Именно в 30–40-е годы активность советской разведки достигла пика, в первую очередь благодаря поддержке американских коммунистов и сочувствовавших – «попутчиков», как их называли. СССР в то время отказался от идеи

¹ Позняков В.В. Профессионалы и добровольцы: советские разведывательные службы в Соединенных Штатах (1921–1945) // Американский ежегодник. 1998. М., 1999. С. 199, 207; Fox J.F.Jr. What the Spiders Did: U.S. and Soviet Counterintelligence before the Cold War // Journal of Cold War Studies. 2009. Vol. 11. № 3. P. 207.

² См., например: Weinstein A., Vassiliev A. The Haunted Wood: Soviet Espionage in America – The Stalin Era. New York, 1999; Haynes J.E., Klehr H. Venona. Decoding Soviet Espionage in America. New Haven, 2000; Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. Т. 3–5. М., 2003; Позняков В.В. Советская разведка в Америке, 1919–1941. М., 2005; Haynes J.E., Klehr H., Vassiliev A. Spies: The Rise and Fall of the KGB in America. New Haven, 2009. Колпакиди А., Мзареулов В. Советская внешняя разведка. 1920–1945 годы. История, структура и кадры. М., 2021.

³ Позняков В.В. Профессионалы и добровольцы: советские разведывательные службы в Соединенных Штатах (1921–1945); Феклисов А. Признание разведчика. М., 1999; Jacoby S. Alger Hiss and the Battle for History (Icons of America). New Haven, 2009; Супоницкая И.М. Предатель или мученик? «Трагедия истории» // Предательство: опыт исторического анализа. М., 2012. С. 258–273; Её же. Дело Розенбергов // Вопросы истории. 2016. № 8. С. 92–105.

мировой революции, ради которой был создан Коминтерн; в его гимне, написанном в 1928 г. на музыку немецкого коммуниста Ханса Эйслера, говорилось:

Огонь ленинизма наш путь освещает,
На штурм капитала весь мир поднимает!
Два класса столкнулись в последнем бою;
Наш лозунг — Всемирный Советский Союз!
(Die Parole: Welt-Sowjetunion!)

О свержении капитализма в США и превращении их в Соединенные Советские Штаты Америки заявлял один из лидеров коммунистов Уильям Фостер⁴. С приходом к власти Сталина Коминтерн постепенно был подчинен Советскому государству, став орудием его внешней политики и прикрытием для советской разведки, а несогласные уничтожены. В 1930-е годы Коминтерн призвал компартии использовать, помимо легальных форм работы, и нелегальные. Для создания конспиративного аппарата в Америку в 1932 г. прибыл Джозеф Питерс, наладивший связь между ЦК компартии США и местными ячейками в штатах; часть коммунистов вошла в засекреченные группы, не прикрепленные к парторганизациям⁵. Компартия занималась вербовкой агентов для советской разведки, сбором информации. С советскими спецслужбами были связаны не только сам генеральный секретарь ЦК компартии США Эрл Браудер, но и его близкие (сестра, жена), а также рядовые члены партии⁶.

Сотни американских коммунистов учились в Международной Ленинской школе, организованной Коминтерном в 1925 г. в Москве для обучения деятелей революционного движения Европы и Америки. Ее первым ректором был Н.И. Бухарин, среди выпускников — В. Гомулка, Д. Сикейрос, В. Ульбрихт, И.Б. Тито. Изучались в том числе марксизм-ленинизм и советская история. Некоторые слушатели состояли также в ВКП(б). Выпускники школы занимали ведущие позиции в американской компартии и ее нелегальном аппарате, связанном с разведдеятельностью. Учащиеся получали даже военную подготовку. Представитель компартии США Рэндольф сообщал 28 июня 1936 г. двум руководителям Коминтерна Д. Мануильскому и А. Марти, что американские студенты были посланы на две недели в военный тренировочный лагерь, где обучались военной тактике, приемам джиу-джитсу, им выдавалась форма Красной армии. Рэндольф предлагал отменить подобную практику, особенно для представителей таких стран, как США, поскольку враги могут обвинить Советский Союз «в подготовке восстания против американского правительства»⁷. Во время гражданской войны в Испании СССР продавал республике оружие и через Коминтерн направил 30 тыс. иностранных волонтеров в интернациональные бригады, из них 3,3 тыс. американцев, сражавшихся в трех батальонах и артиллерийской батарее; многие были коммунистами⁸.

Одним из организаторов конспиративной группы в США был Гарольд Уэр (H. Ware). Сын старшей деятельницы рабочего и социалистического движения в США Э. Блур, «матушки Блур», как ее называли в Америке, с детства впитал идеи коммунизма. В молодости вступил в компартию. После окончания сельскохозяйственного колледжа Уэр, по просьбе Ленина,

⁴ *Foster W.Z. Toward Soviet America. New York, 1932.*

⁵ Краткий доклад о работе конспиративного аппарата КП США от 26 января 1939 г. // *Klehr H., Haynes J.E., Firsov F.I. The Secret World of American Communism. Document № 27. New Haven; London, 1995. P. 86–87.* О роли Коминтерна см.: *Фирсов Ф. Коминтерн. Погоня за призраком. Переосмысление. М., 2019.*

⁶ *Klehr H., Haynes J.E., Firsov F.I. Op. cit. P. 235–243.*

⁷ *Ibid. Document № 57. P. 203–204.* Рэндольф — псевдоним, который использовался в 1930-е годы в Коминтерне для разных представителей компартии США. *Ibid. P. XXVIII.*

⁸ *Ibid. P. 152.*

написал для него обзор состояния американского сельского хозяйства, а во время голода 1921 г. в советской России отправился с тракторным отрядом на помощь голодающим. Уэр отдал десять лет жизни созданию крупного коллективного аграрного хозяйства, которое, по мысли Ленина, должно было стать образцом для советской республики.

В 1930-е годы компартия США дала ему новое задание. Во время экономического кризиса он работал в федеральной государственной структуре — Администрации по регулированию сельского хозяйства (Agricultural Adjustment Administration — AAA) в Вашингтоне, где организовал тайный коммунистический клуб, куда вошли сотрудники госаппарата: молодые юристы и экономисты, выпускники престижных университетов (братья Э. и Д. Хисс, Дж. Эбт, Л. Прессман, В. Перло) — всего 75 человек. Позднее подполье разделилось на несколько групп, его члены добывали важную для СССР информацию, пытались влиять на политику США в социальной сфере, рабочем вопросе, международных делах. Поскольку коммунистам было запрещено работать в государственных органах, они скрывали свою партийную принадлежность. К 1938 г. советские агенты проникли во многие государственные структуры: госдепартамент, министерство финансов, бюро стандартов, даже в Белый дом. Секретные коммунистические ячейки действовали в федеральных агентствах, комитетах Конгресса. Сенатор Р.М. Лаффоlett признался в 1947 г., что коммунисты были в его комитете по гражданским свободам и еще в трех сенатских комитетах⁹.

Во время Второй мировой войны Соединенные Штаты, не доверяя СССР как союзнику и опасаясь его сговора с Германией, начали дешифровку советской дипломатической переписки (проект «Венона», 1943 г.). Несмотря на крайне сложный шифр, в 1946 г. это удалось сделать (было расшифровано около трех тысяч телеграфных сообщений). Переписка не подтвердила связей СССР с Германией, но оказалась донесениями советских разведчиков центру — генералу Павлу Фитину, главе внешней разведки НКГБ. Так была обнаружена обширная шпионская сеть СССР в США: 349 американских граждан и иммигрантов сотрудничали с советскими спецслужбами¹⁰.

До конца холодной войны эти материалы оставались засекречены и недоступны, только в 1995 г. по инициативе сенатора Дэниэла П. Мойнихэна их открыли для исследователей. Проект «Венона» помог историкам отказаться от многих мифов, к примеру, о невиновности Ю. Розенберга, который являлся советским агентом; было раскрыто участие физика К. Фукса в передаче секретов по производству атомной бомбы. Документы подтвердили сотрудничество с советской разведкой всего руководства компартии США. «Шпионаж, — заключили историки Дж. Хейнс и Х. Клэр, изучавшие рассекреченные материалы, — был регулярной деятельностью американской компартии», ставшей «пятой колонной, работая в интересах СССР» против своей страны¹¹.

В 1990-е годы после распада СССР открылись и российские архивы. Журналиста, в прошлом офицера КГБ, Александра Васильева пригласили участвовать в российско-американском проекте по истории советской разведки; два года вместе с исследователем из США Алленом Вайнштейном он работал в архиве Службы внешней разведки (СВР), раньше — Первое главное управление (ПГУ) КГБ, копируя от руки документы о деятельности советских спецслужб в США в 1930–1950-е годы. В начале 1996 г. проект закрыли; Васильев, опасаясь за свою безопасность, уехал за границу, позднее друзья переправили туда собранные материалы (8 блокнотов — 1115 страниц), которые он передал Библиотеке Конгресса. На их основе в соавторстве с американскими историками Васильев написал две книги¹². Его блокноты, как и документы, расшифрованные по программе «Венона», стали важной основой для изучения

⁹ *Chambers W.* Witness. Chicago, 1952. P. 27; *Latham E.* The Communist Controversy in Washington: From the New Deal to McCarthy. Cambridge; Massachusetts, 1966. P. 121–122.

¹⁰ *Haynes J.E., Klehr H.* Op. cit. P. 9.

¹¹ *Ibid.* P. 7.

¹² *Weinstein A., Vassiliev A.* Op. cit.; *Haynes J.E., Klehr H., Vassiliev A.* Op. cit.

истории советской разведки. Они выложены в интернете на русском и английском языках на сайте Международного центра Вудро Вильсона¹³.

Ценным источником являются также материалы из архива Коминтерна в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), открытые в 1992 г., среди них – неизвестные ранее документы о деятельности компартии США, ее связях с Советским Союзом, часть материалов была впоследствии опубликована¹⁴.

О коммунистическом подполье впервые рассказали бывшие советские агенты Элизабет Бентли (кодовые имена «Мирна», «Умница») и Уитакер Чемберс (кодовое имя «Карл»). Последний шесть лет работал в подполье курьером, но после подписания пакта Молотова-Риббентропа в 1939 г. решил порвать с коммунистами и сообщить о тайной организации властям, опасаясь ареста как предателя Родины; Бентли призналась в своем сотрудничестве после Второй мировой войны, а в 1948 г. оба выступили перед комитетом по антиамериканской деятельности Палаты представителей Конгресса. Позднее их показания подтвердились рассекреченными документами.

Независимо друг от друга в США действовало несколько групп. Анатолий Горский, резидент советской разведки в Америке во время войны, назвал пять, из них самые крупные: группа Якова Голоса (кодовое имя «Звук») – 43 человека и Чемберса – 21 человек, вместе с советскими разведчиками свыше 90 человек¹⁵.

По мнению экс-президента США Г. Гувера, более 50 коммунистов и сочувствующих им занимали важные политические посты, в том числе 13 сотрудников администрации Рузвельта: помощник министра финансов Г. Моргентау, экономист Гарри Уайт; высокопоставленный дипломат госдепартамента Элджер Хисс, советник президента в аппарате Белого дома Локлин Карри (Lauchlin Currie)¹⁶.

Гарри Уайт (Harry White) создавал вместе с Дж.М. Кейнсом Бреттон-Вудские соглашения 1944 г., заложившие основу послевоенной мировой финансовой системы. Родом из семьи еврейских иммигрантов, покинувших Российскую империю в конце XIX в., Уайт не был членом компартии, но ему была близка ее идеология; он помогал устроиться на работу многим коммунистам, например экономисту В. Перло.

В 1944–1945 гг., как обнаружено в дешифрованных посланиях, Уайт инструктировал советских руководителей, советовал настаивать на своем праве вето в ООН. Был одним из главных разработчиков так называемого «плана Моргентау» по превращению послевоенной Германии в аграрную страну, принятого в 1944 г. на второй Квебекской конференции, несмотря на сопротивление У. Черчилля, правда, вскоре от него отказались. Когда в январе 1945 г. Советский Союз попросил у США заем в 6 млрд долл. на 30 лет под 2¼%, Уайт предложил дать 10 млрд под 2%, но его идея была отклонена¹⁷. Попав под подозрение ФБР, ушел с государственной службы и стал директором Международного валютного фонда. В 1948 г. его вызвали в комитет по расследованию антиамериканской деятельности Палаты представителей Конгресса, где он шутивно опроверг обвинения. Через несколько дней Уайт умер от сердечного приступа.

¹³ Wilson Center. Digital Archive. Vassiliev Notebooks // URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/collection/86/Vassiliev-Notebooks> (дата обращения: 22.09.2021).

¹⁴ Klehr H., Haynes J.E., Firsov F.I. Op. cit.; Klehr H., Haynes J.E., Anderson K.M. The Soviet World of American Communism. New Haven; London, 1998.

¹⁵ Рапорт А. Горского – С.П. Савченко от 23 декабря 1949. Провалы в США (1938–1948) // Vassiliev A. Black Notebook. P. 77–79. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112860> (дата обращения: 29.09.2021).

¹⁶ Hoover H. The Memoirs of Herbert Hoover. Vol. 3. The Great Depression, 1929–1941. New York, 1952. P. 353; Позняков В.В. Разведка, разведывательная информация и процесс принятия решений: поворотные пункты раннего периода холодной войны (1944–1953 гг.) // Холодная война, 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 329.

¹⁷ Haynes J.E., Klehr H. Op. cit. P. 139–142.

Советник Ф.Д. Рузвельта по экономическим вопросам Локлин Карри родом из Канады, переехал с семьей в США, учился в Лондонской школе экономики, в Гарварде защитил диссертацию по теории банковского дела и преподавал. Вместе с Г. Уайтом критиковал финансовую политику правительства Г. Гувера, оба вошли в мозговой трест Ф.Д. Рузвельта. После принятия составленного Карри закона о банках 1935 г. занял пост советника президента. Его поездка в Китай в 1941 г. содействовала включению страны в программу ленд-лиза. Вместе с Уайтом Карри готовил Бреттон-Вудскую конференцию. Э. Бентли и У. Чемберс назвали обоих экономистов советскими агентами, хотя доказательств оказалось недостаточно. Карри ушел с государственной службы, возглавив представительство Мирового банка в Колумбии. Его причастность к советским спецслужбам (кодовое имя «Страница», «Паж») подтвердили материалы «Веноны».

Элджер Хисс, выпускник Гарвардской школы права, ученик Феликса Франкфуртера, либерального юриста, позднее ставшего судьей Верховного суда и входившего в ближайшее окружение Ф. Рузвельта, сделал блестящую карьеру во время «Нового курса». Работал сначала в администрации по регулированию сельского хозяйства, затем — в госдепартаменте, дойдя в конце войны до поста директора отдела по особым политическим вопросам, который занимался формированием послевоенной политики. Хисс готовил документы для Ялтинской конференции 1945 г., входил в состав американской делегации в качестве советника президента Ф.Д. Рузвельта, был одним из создателей Организации Объединенных Наций, генеральным секретарем учредительной конференции в Сан-Франциско в 1945 г., которую и открывал¹⁸.

Историки-республиканцы порой упрекают Рузвельта за потерю Китая и неудачу США на Ялтинской конференции — сдачу Советскому Союзу Польши, передачу ему трех мандатов в ООН (РСФСР, Украины и Белоруссии), объясняя это влиянием Э. Хисса на президента, а также деятельностью многочисленных коммунистов в госдепартаменте¹⁹.

Юристы Л. Прессман и Н. Уитт, тоже выпускники Гарварда, специалисты по трудовым спорам, служили в департаменте сельского хозяйства, Уитт позднее перешел в Национальное управление по трудовым отношениям. Их коллега, Дж. Эбт, после окончания Чикагского университета стал главным юрисконсультом компартии США, советником сенатора Р. Лафоллетта, а в 1948 г. входил в штаб Прогрессивистской партии по выборам в президенты Г. Уоллеса.

«Агентура в США...» — сообщал в 1941 г. майор НКГБ М.С. Прудников, — является высокообразованной интеллектуально и занимает высокое общественное положение». Среди агентов были дипломаты (4 чел.), политические деятели (2 чел.), журналисты (22 чел.), экономисты (4 чел.), профессора (8 чел.), инженеры (49 чел.). Советские спецслужбы считали США «страной больших возможностей» для разведывательной работы и старались использовать как легальный, так и нелегальный аппарат²⁰.

Почему же эти американцы стали коммунистами и помогали СССР? Немалое влияние оказала Великая депрессия и успехи Советского Союза: плановая экономика, социальная политика, полная занятость в сравнении с безработицей в Америке. Молодые реформаторы во время экономического кризиса пришли в администрацию Ф.Д. Рузвельта с искренним желанием изменить систему, но часть из них вскоре разочаровалась в «Новом курсе» и возможностях реформ, выбрав более радикальное решение. Увлечшись

¹⁸ Подробнее о Хиссе см.: *Jacoby S. Op. cit.; Супоницкая И.М. Предатель или мученик? «Трагедия истории».*

¹⁹ *Evans M.S., Romerstein H. Stalin's Secret Agents. The Subversion of Roosevelt's Government. New York, 2012; Григорьев А. Агенты Сталина в Вашингтоне // Голос Америки. 17.11.2012. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/roosevelt/1548184.html> (дата обращения: 03.10.2021).*

²⁰ Справка о разведке в США (составлена зам. нач. 3 отдела 1 упр-я НКГБ майором госбезопасности Прудниковым 12 апреля 1941 г.) // *Vassiliev A. Black Notebook. P. 172–173, 176. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112860> (дата обращения: 03.10.2021).*

коммунистическими идеями, они поверили сталинской пропаганде и захотели таких же преобразований в Америке.

Среди советских агентов было много российских иммигрантов первой дореволюционной волны, значительную долю составляли евреи, бежавшие в начале XX в. от погромов, а также их дети (Н. Сильвермастер, Г. Уайт, В. Перло, супруги Розенберг, Дж. Барр). В США они тоже столкнулись с антисемитизмом, в престижных университетах существовала квота на евреев. Розенбергу, как и его приятелям из бедных семей, пришлось учиться в городском колледже Нью-Йорка. Более половины класса, готовившего инженеров-электриков, считали себя коммунистами²¹. В СССР они видели справедливое общество, покончившее с антисемитизмом.

Из завербованных в 1924–1945 гг. 772 агентов и «источников» (так называли информаторов), по подсчетам историка В.В. Позняка, около 18% составляли выходцы из Российской империи и СССР, причем более 60% из них – евреи первой дореволюционной волны иммиграции и их дети²².

Родители известного экономиста-статистика Виктора Перло уехали из Сибири, в Америке он окончил Колумбийский университет, работал в различных госструктурах, в том числе в министерстве торговли, министерстве финансов под началом Г. Уайта. Похожа судьба и другого экономиста, Натана Сильвермастера, эмигрировавшего вместе с семьей из Одессы. Он тоже получил образование в США, служил в различных государственных ведомствах, перейдя в Агентство по военному производству, сообщал важную информацию. В 1934 г. познакомился в Сан-Франциско с коммунистом Э. Браудером, помогал ему; в 40-е годы руководил подпольной группой, в которую входили его жена Елена, папынок А. Волков, экономист Г. Уайт. Советские разведчики ценили его работу.

Одной из самых ярких фигур подполья, организатором крупнейшей в США агентурной сети, был Яков Голос, его называли «королем советской разведки в Америке». Член Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) с 1904 г., за участие в революции 1905 г. он, не достигший 18 лет, был сослан на вечное поселение в Сибирь, откуда бежал в Америку. В 1919 г. стал одним из основателей компартии США; возглавлял Общество технической помощи СССР в несколько тысяч членов, с отделениями в 58 городах США. По приглашению коммуниста Себальда Рутгерса, Голос в 20-е годы приехал в СССР и стал управляющим делами интернациональной колонии «Кузбасс» – АИК (Автономная индустриальная колония); вступил в ВКП(б), но в 1929 г. его снова направили в Америку для организации работы советских спецслужб. Глава внешней разведки СССР П.М. Фитин 24 ноября 1943 г. подал рапорт о награждении его орденом Красной Звезды, но на следующий день Яков Голос умер от инфаркта, ему было всего 54 года. В СССР это имя долго оставалось неизвестным, только в начале XXI в. о нем была опубликована книга²³. Элизабет Бентли, связанная, помощница и любовница Голоса, заменила его после смерти, но вскоре разочаровалась в деле, которому служила, и раскрыла ФБР всю агентурную сеть.

Однако в подполье входило немало американцев, подобно Э. Бентли, чьи предки были одними из первых переселенцев в Новый Свет. Дональд Уилер (Donald Wheeler), считавшийся продуктивным «источником», принадлежал пуританской семье, прибывшей в Массачусетс в 1630-е годы. Южане, братья Элджер и Дональд Хисс, из уважаемой и когда-то зажиточной семьи Мэриленда; другой южанин, Дункан Ли, выходец из именитого вирджинского рода генерала Роберта Ли, командующего армией Конфедерации.

²¹ Usdin S.T. The Rosenberg Ring Revealed: Industrial-Scale Conventional and Nuclear Espionage // Journal of Cold War Studies. 2009. Vol. 11. № 3. P. 97.

²² Позняков В.В. Советские разведывательные службы и российская эмиграция в Соединенных Штатах (1918–1945) // Американский ежегодник. 2005. М., 2007. С. 234.

²³ Гладков Т. К. Наш человек в Нью-Йорке. Судьба резидента. М., 2007.

Советскими агентами порой становились дети известных и богатых родителей, подобно Марте Додд, дочери посла США в Германии, и сыну миллионера и владельца «New Republic» Майклу Стрейту, чьи родители были близки к семье Ф.Д. Рузвельта. Сам Майкл, знакомый с представителями администрации Г. Моргантау, Г. Гопкинсом, Г. Уоллесом, давал деньги американской компартии. Среди агентов были и люди с небольшим доходом, как Гарольд Уэр, Дональд Уилер.

Столь разных лиц объединяла вера в создание нового справедливого общества в Америке, уверенность в успехе советского эксперимента, хотя конкретно они знали о нем мало. Гарольд Уэр с детства воспринял коммунистические идеи, другие сами пришли к ним. Дональд Уилер родился на ферме в штате Вашингтон, жил в бедности, без электричества и телефона. Его отец – каменщик, сторонник Э. Беллами, ратовавшего за национализацию производства, поддерживал советский режим, хотя не был членом компартии. После окончания колледжа Дональд как лучший ученик получил грант в Оксфордский университет. Его взгляды, по собственному мнению, представляли смесь аграрного радикализма, утопического социализма и воинственного тред-юнионизма. Дональд восхищался Ю. Дебсом, Дж. Брауном, А. Линкольном и В. Лениным, поддерживал на выборах 1924 г. Р. Лафоллетта, а в 1923 и 1932 гг. – социалистических кандидатов. На него оказала большое влияние видная деятельница рабочего движения Элизабет Г. Флинн. В Оксфорде Уилер вступил в компартию Великобритании, воевал в интернациональной бригаде в Испании. Экономист по образованию, он в 30-е годы работал в администрации Рузвельта, начав с департамента сельского хозяйства, где было много коммунистов благодаря деятельности Уэра, затем в министерстве финансов с Г. Уайтом, потом в Управлении стратегических служб (OSS). Советская разведка завербовала Дональда (кодовое имя «Изра») в 1943 г. по рекомендации Дункана Ли, товарища по Оксфорду. Разведчик Исхак Ахмеров считал его самым активным в группе Перло²⁴.

Долгое время журналист и писатель Исидор Стоун считался образцом честного профессионала левого крыла, всегда говорившего властям правду. Сын еврейских иммигрантов, прибывших из Российской империи, Стоун окончил Пенсильванский университет, в 30-е годы придерживался либеральных взглядов, симпатизировал СССР. Он не верил в возможность реформировать страну с помощью «Нового курса» Ф.Д. Рузвельта, заявив, что «Советская Америка» – «единственный выход» для рабочего класса²⁵. Хотя Стоун слыл сторонником коммунизма, в компартии не состоял, работал в журнале «The Nation», позднее создал свое популярное издание («I. F. Stone's Weekly»), выступал против маккартизма, был удостоен множества наград. В 1992 г., после его смерти, бывший разведчик генерал Олег Калугин признал, что Стоун был советским агентом и порвал со спецслужбами после разоблачения Н. Хрущевым культа личности Сталина, что подтвердили документы из блокнотов Васильева²⁶.

Увлечение социализмом, свойственное даже сотрудникам администрации президента Ф. Рузвельта, объяснил профессор истории университета Эмори в Атланте Харви Клэр, автор работ о коммунистическом движении и советском шпионаже в США: «Значительное большинство агентов, завербованных советской разведкой, были идеологическими шпионами. Это относится и к людям, работавшим в американском правительстве. Программа “Нового курса”, начавшаяся в 1933 г., означала небывалый рост государственного аппарата. Множество молодых идеалистов отправилось в Вашингтон работать в администрации Франклина Рузвельта. Некоторые из них были коммунистами. К концу 30-х годов они оказались на таких должностях, где у них появился доступ к секретам. А поскольку работы в правительстве можно было лишиться, если открыто демонстрировать

²⁴ Автобиография «Изры». 30.01.1945 // *Vassiliev A. White Notebook* № 3. P. 129–130. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112566> (дата обращения: 29.09.2021).

²⁵ *Haynes J. E., Klehr H., Vassiliev A. Op. cit.* P. 146.

²⁶ *Ibid.* P. 152.

свою принадлежность к коммунистической партии, партия организовала в правительственных учреждениях свои тайные ячейки. Эти тайные ячейки стали той базой, в которой советская разведка искала кандидатов для вербовки»²⁷.

Одним из таких молодых «романтиков-радикалов» был Лоуренс Дагген (Laurence Duggan), сотрудник отдела Латинской Америки госдепартамента. Заинтересовавшись марксизмом и советским экспериментом, он вместе с приятелем Н. Филдом из Европейского отдела начал передавать дипломатическую информацию советской разведке. Но в 1944 г. почувствовал слежку и ушел с госслужбы. После допроса ФБР 11 декабря 1948 г. по делу Э. Хисса Дагген выбросился из окна²⁸.

«Идеологических агентов», как назвал их Х. Клэр, отличало бескорыстие. Молодые, обеспеченные представители среднего класса работали по убеждению; разочаровавшись в половинчатых реформах Рузвельта, они считали советскую социальную систему предпочтительней капитализма и надеялись создать ее в собственной стране. Коммунист Элджер Хисс ценил в людях не капиталистическое торгашество, а взаимопомощь, поэтому позволил журналисту У. Чемберсу, позднее предавшему его, пожить в своей квартире, передал партии свой Форд, хотя в ту пору машины были дороги²⁹.

Когда полковник Борис Быков перед Рождеством спросил Чемберса, можно ли наградить «источников» деньгами, тот ответил отрицательно, поскольку это будет воспринято как оскорбление, они — коммунисты «по принципиальным соображениям»³⁰. Такова же была реакция Якова Голоса на предложение о денежной благодарности Сильвермастеру: она его только обидит³¹. Дагген категорически отказался от подарка советского агента Боролина на день рождения — сумки из крокодиловой кожи, заявив, что «работает ради идеи, ...а не из материальных побуждений»³².

Многие «источники» полагали, что помогают не советскому НКВД, а компартии США и Коминтерну, так считал Майкл Стрейт, завербованный в Англии во время учебы в Кембридже. Он передал советскому разведчику Ахмерову 2 тыс. долл. в качестве партийного взноса, уверенный, что деньги пойдут в Коминтерн. Тот не стал разувверять, заметив: «Он совершенно неопытен и порой ведет себя как ребенок, полон романтическими идеалами»³³. После советско-германского договора о ненападении 1939 г. Стрейт разочаровался в политике СССР и перестал платить взносы.

В докладной записке наркому госбезопасности В.Н. Меркулову глава легальной резидентуры НКВД—НКГБ, находившийся в США под дипломатическим прикрытием, Василий Зарубин сообщал о разговоре с Я. Голосом. Характеризуя одного из «источников» — Сильвермастера (кодовое имя «Пэл») — как «очень преданного и надежного земляка» (кодовое название коммуниста), Голос утверждал: тот уверен, что передает информацию исключительно для «Рулевого» (кодовое имя Э. Браудера). «Пэл очень боится прямого или косвенного контакта с нами [разведкой] и вообще с советскими людьми и никогда не непосредственную связь с нами не согласится»³⁴.

²⁷ Абаринов В. «Дело Хисса»: Юбилей шпионского процесса // Р/С «Свобода». 19.01.2010. URL: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/1933346.html> (дата обращения: 03.10.2021).

²⁸ Weinstein A., Vassiliev A. Op. cit. P. 12–21.

²⁹ Chambers W. Op. cit. P. 373, 377.

³⁰ Ibid. P. 414.

³¹ Максим — Ц (Центру). 09.02.43 // Vassiliev A. White Notebook № 1. P. 48. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/transcripts/43.pdf> (дата обращения: 30.09.2021).

³² Nord — to Center. 01.06.37 // Vassiliev A. Yellow Notebook № 2. P. 14. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112857> (дата обращения: 30.09.2021).

³³ Haynes J. E., Klehr H., Vassiliev A. Op. cit. P. 247.

³⁴ Докладная записка (Зарубина В.) народному комиссару госбезопасности СССР В.Н. Меркулову, 30 сентября 1944 г. // Vassiliev A. White Notebook № 1. P. 4. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/transcripts/43.pdf> (дата обращения: 30.09.2021).

Опытный Яков Голос в беседе с Зарубиным возражал против превращения «источников» в агентов, полагая, что «они должны оставаться коммунистами, и прививать им навыки разведывательной работы неправильно и вредно»³⁵. Коммунисты США, считал он, не агенты Сталина, но американцы, и они не желают зла своей стране. Подобное же мнение высказал Ахмеров относительно Даггена: «Он искренно прогрессивный американец. Сочувствует нам, понимает нашу роль в этой войне и в то же время он — стопроцентный амер-й патриот (сохранена орфография документа. — И.С.). ... Он не земляк и не платный стажер, он совершенно определенно не желает рисковать своим положением»³⁶.

Своей безопасностью дорожили и другие «источники», понимая, что ходят по лезвию ножа. Сильвермастер («Пэл»), по словам Голоса, получал сведения от Г. Уайта (кодовое имя «Юрист»), поддерживая с ним приятельские отношения. «“Юрист”, — сообщал Центру разведчик Максим в 1942 г., — очень нервный и трусливый человек и не идет на большое сближение с “Пэлом” в политическом отношении. Он интересуется больше вопросами внутренней политики и своей работой». В следующем году Уайт реже бывал у «Пэла», «явно опасаясь за свою карьеру, и почти совсем забыл о своих левых настроениях в прошлом», — сетует агент³⁷.

Зарубин осторожно оценивает Уайта, беспартийного, человека левых убеждений, с 1930-х годов близкого друга Сильвермастера и его товарищей: «“Юрист” делится с ними информацией, зная, что они в ней заинтересованы, но документов не дает. “Юрист” человек сырой и над ним надо много работать, прежде чем из него получится ценный информатор. До сегодняшнего дня он сообщал только то, что сам считал нужным»³⁸.

Нет уверенности у Зарубина и в отношении экономического советника Ф. Рузвельта Локлина Карри. «“Паж” (еще одно кодовое имя Карри), — пишет резидент, — принадлежит к кругу левых ньюдильовцев. ... в недавнем прошлом был советником “капитана” (кодовое имя Ф.Д. Рузвельта) по Китаю и Канаде. Считать “Пажа” организационно связанным с группой “Пэла” нельзя. ... Последние черпают от него некоторую информацию по политическим вопросам. “Пажа” мы знаем мало»³⁹.

«Двойная жизнь» агента не всем давалась легко. Некоторые не могли к ней привыкнуть. Дункан Ли сожалел о сотрудничестве с советскими спецслужбами и нервничал при встрече с агентом, у него дрожали руки. Каждую ночь ему снились кошмары. Он признался, что ему трудно «вести “двойную жизнь”, что у него “нечиста” совесть за “обман США”, что в нем постоянно происходит душевная борьба»⁴⁰. Немецкий коммунист Клаус Фукс выработал для себя особую модель психического поведения, которую назвал «контролируемой шизофренией», позволившей ему вести двойную жизнь⁴¹.

Но часть агентов (Э. Хисс, Ю. Розенберг) отчетливо понимала, на кого работает, и безоглядно поддерживала СССР. Рут Грингласс, невестка Этель Розенберг, на вопрос Юлиуса, готова ли она помочь СССР, сразу ответила: «Это было бы для меня честью», поскольку считала «социализм единственной надеждой всего мира»⁴². Розенберга очень

³⁵ Ibid.

³⁶ Mer — to Center. 17.11.42 // *Vassiliev A. Yellow Notebook № 2*. P. 29. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112857> (дата обращения: 30.09.2021).

³⁷ Максим — Центру. 12.10.42; 09.02.1943 // *Vassiliev A. White Notebook № 1*. P. 48. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/transcripts/43.pdf> (дата обращения: 02.10.2021).

³⁸ Докладная записка (Зарубина В.) народному комиссару госбезопасности СССР В.Н. Меркулову, 30 сентября 1944 г. // *Vassiliev A. White Notebook № 1*. P. 5.

³⁹ Ibid. P. 5–6.

⁴⁰ Vadim — to Center. 20.03.1945 // *Vassiliev A. White Notebook № 3*. P. 108. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112566> (дата обращения: 02.10.2021).

⁴¹ *Weinstein A., Vassiliev A.* Op. cit. P. 324.

⁴² Сообщение Л-ла (Либерала — Ю. Розенберга) об «Осе» (кодовое имя Рут Грингласс). 5.12.44 // *Vassiliev A. Yellow Notebook № 1*. P. 54. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/transcripts/286.pdf> (дата обращения: 02.10.2021).

ценили в Москве. «В лице его мы имеем преданного нам человека, к-му (сохранена орфография документа. — *И.С.*) мы можем полностью доверять; человека, к-й своей практической деятельностью на протяжении нескольких лет показал, насколько в нем сильно желание помочь нашей стране. Помимо этого, в лице Л. (“Либерала” — кодовое имя Розенберга. — *И.С.*) мы имеем способного агента, умеющего работать с людьми и имеющего солидный опыт по вербовке новой аг-ры (агентуры. — *И.С.*). Следует предполагать, что Л. уволили не только из-за принадлежности к КП. У ФБР могут быть др. компромет-е данные. ... Никаких судебных процессов о восстановлении Л. начинать не должен, предоставив этот в-с (вопрос. — *И.С.*) профсоюзу»⁴³.

Розенберг и члены его группы не считали преступлением предоставление сведений о военных технологиях СССР — союзнику Америки, боровшемуся вместе с ней с фашистами. По той же причине отвергал обвинения в шпионаже Клаус Фукс, заявив на суде, что передавал материалы СССР и тем помогал англо-американскому союзнику, а не врагу. Его адвокаты воспользовались этим аргументом, британский суд учел его антифашистскую деятельность и приговорил физика к 14 годам тюрьмы за передачу информации дружественному государству.

Современные исследователи считают группу Ю. Розенберга одной из наиболее эффективных в истории промышленного шпионажа⁴⁴. Ее участникам удалось добыть и передать новейшие военные разработки (радары, дистанционный взрыватель и пр.). По мнению советского разведчика А. Феклисова, радиовзрыватель американцы считали важнейшей новинкой после атомной бомбы, затратив на него 1 млрд долл.⁴⁵ Для его разработки в СССР было создано специальное КБ. Розенберг однажды принес Феклисову готовый радиовзрыватель в качестве рождественского подарка. В 1960 г. с помощью этого взрывателя был сбит американский самолет-шпион «Локхид У-2» с летчиком Ф. Пауэрсом. Другая заслуга Розенберга — вербовка агентов для своей группы, в которую он привлек товарищей по нью-йоркскому колледжу — М. Собелла, Дж. Барра и его приятеля А. Саранта, друга детства У. Перла, работавшего в Национальном консультативном комитете по авиации (НАСА), где разрабатывались новейшие истребители, а также брата Этель, Д. Грингласса, механика в Лос-Аламосе.

Столь же эффективными «источниками» считались сотрудники Управления стратегических служб — первой объединенной разведывательной организации США, возникшей в 1942 г., предшественнице ЦРУ — Дональд Уилер и Морис Гальперин, специалист по Латинской Америке, член компартии, входивший в группу Я. Голоса. Американская служба безопасности в 1944 г. начала подозревать, что Уилер — коммунист, а Гальперин — «попутчик», поэтому их связи с разведкой временно заморозили⁴⁶. В сентябре 1945 г. Управление было распушено, через два года появилось ЦРУ.

Атомный шпионаж (кодовое название Манхэттенского проекта «Энормоз» — «Enormoz») — самая успешная операция советских спецслужб, позволившая СССР сократить сроки создания собственной бомбы. Глава ФБР Эдгар Гувер расценил кражу секретных материалов по производству атомной бомбы как «преступление века». В ней обвинили супругов Розенбергов, хотя информацию передали физики Клаус Фукс и Теодор Холл⁴⁷. Талантливый ученый Т. Холл, сын еврейского иммигранта из России, в 18 лет окончил Гарвардский университет и сразу в 1944 г. был направлен в Лос-Аламос, став самым молодым физиком в атомном проекте. В студенческие годы увлекся политикой,

⁴³ Письмо Ц (Центра) — Антону 23.02.45 // *Vassiliev A. Black Notebook*. P. 114. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/transcripts/60.pdf> (дата обращения: 02.10.2021).

⁴⁴ *Uddin S.T. The Rosenberg Ring Revealed: Industrial-Scale Conventional and Nuclear Espionage*. P. 92.

⁴⁵ *Феклисов А.* Указ. соч. С. 141–142.

⁴⁶ *Haynes J.E., Klehr H., Vassiliev A.* Op. cit. P. 307.

⁴⁷ *Herken G. Target Enormoz: Soviet Nuclear Espionage on the West Coast of the United States. 1942–1950* // *Journal of Cold War Studies*. 2009. Vol. 11. № 3. P. 68–70.

вступил в Коммунистическую лигу молодежи. Как и многие физики, Холл видел в атомной монополии Соединенных Штатов угрозу безопасности для всего мира. На вопрос журналиста и советского агента С.Н. Курнакова, почему он решил раскрыть секрет атомной бомбы СССР, ответил: «Нет другой страны, кроме Советского Союза, которой можно было бы доверить такую страшную вещь. ... Пусть СССР знает о ней и ее существовании и пусть находится в курсе прогресса опытов и строительства»⁴⁸.

Благодаря большому числу убежденных сторонников коммунизма на Западе советские спецслужбы получили идеальных информаторов и агентов, поэтому 30–40-е годы стали вершиной достижений разведки в США. Даже политические репрессии в СССР и советско-германский договор о ненападении 1939 г., известный как пакт Молотова-Риббентропа, не оттолкнули самую стойкую часть коммунистов и сочувствующих, они продолжали сотрудничество.

Вера в коммунизм и Советский Союз у некоторых была безграничной. Еще в студенческие годы Джудит Коплон вступила в Коммунистическую лигу молодежи, после окончания колледжа в 1944 г. сама пришла в советскую разведку и стала ее агентом. Офицер КГБ Владимир Правдин докладывал: «Я нисколько не сомневаюсь в ее искреннем желании помочь нам. У нее нет сомнений в том, на кого она работает»⁴⁹.

Розенберги сохранили эту веру до конца жизни, убежденные, что совершают подвиг, помогая СССР бороться с фашизмом. Ю. Розенберг в тюрьме рассказал собеседнику, оказавшемуся информатором, что надеется просидеть в тюрьме не более пяти лет и освободиться, когда Америка станет советской⁵⁰.

В докладе ФБР от 27 ноября 1945 г. сообщалось, что, несмотря на внешне дружеские отношения во время войны между союзниками, спецслужбы СССР усилили свою активность в США. Эти сведения подтвердил советский резидент Семен Семенов, один из основателей научно-технической разведки, выпускник Массачусетского технологического института. В рапорте начальнику внешней разведки Павлу Фитину от 29 ноября 1944 г. он писал: «В настоящее время агентурную обстановку для развертывания работы по техразведке в Америке следует считать более благоприятной, чем в начале войны. Это положение можно объяснить следующим:

1. Возникший среди широких слоев американских инженерно-технических работников большой интерес и доверие к Советскому Союзу дает возможность нашим товарищам больше вращаться в среде американских специалистов и использовать это обстоятельство в целях вербовки новой агентуры.

2. За время войны, как никогда раньше, большое количество прогрессивных элементов, хорошо относящихся к Советскому Союзу и желающих оказать нам помощь, имело возможность устроиться на работу в предприятия и учреждения, куда они до войны проникнуть не могли. Есть основания полагать, что часть из них — наиболее талантливая — сумеет и после войны закрепиться во всех областях промышленности. Эта прослойка людей является хорошим объектом для разработки в целях вербовки новой агентуры»⁵¹.

Однако, как ни велик был успех советской разведки, продолжался он недолго. Первые сведения о коммунистическом подполье поступили в администрацию Рузвельта еще до войны от У. Чемберса. Но тогда президент, рассмеявшись, не обратил на них внимания⁵².

⁴⁸ Письмо Н-Й — Ц. 7.12.44. Сообщение «Бека» (Курнакова) о Теодоре Холле // *Vassiliev A. Yellow Notebook* № 1. P. 20. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/transcripts/286.pdf> (дата обращения: 02.10.2021).

⁴⁹ *Haynes J.E., Klehr H.* Op. cit. P. 158.

⁵⁰ *Radosh R., Milton J.* The Rosenberg File: A Search for the Truth. New York, 1984. P. 295. См. также: Супоницкая И.М. Дело Розенбергов.

⁵¹ Рапорт Семена Семенова П. Фитину о своей работе от 29 ноября 1944 г. // *Vassiliev A. White Notebook* № 1. С. 113. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/transcripts/43.pdf> (дата обращения: 30.09.2021).

⁵² *Chambers W.* Op. cit. P. 470.

Зато к информации доклада ФБР 1946 г., сделанного на основе признания Э. Бентли, Трумэн отнесся серьезно. Успешное испытание в СССР в 1949 г. атомной бомбы, похожей на американскую, подтвердило атомный шпионаж. Благодаря расшифровке по проекту «Венона» донесений советской разведки из Вашингтона были раскрыты и арестованы Фукс, Розенберги, Грингласс и др.

Анатолий Горский, бывший резидент в США, в докладе 1949 г. сообщил о провале советской разведки. Организатор самой крупной группы Яков Голос умер в 1943 г., заменившая его Э. Бентли, как и глава другой группы Чемберс, стали перебежчиками, в 1948 г. умер Г. Уайт, Дагген покончил с собой⁵³. Новый глава разведки в НКГБ Сергей Савченко писал, что Бентли предала 40 агентов, другие — еще более 30 человек. В результате потеряна целая сеть агентов, действовавших многие годы⁵⁴. После указа Трумэна 1947 г. о проверке лояльности государственных служащих и чистки аппарата от коммунистов многие из них потеряли работу.

Самая трагическая судьба постигла супругов Розенберг, единственных приговоренных к смертной казни, хотя секрета атомной бомбы они не выдавали. Два президента, Г. Трумэн и Д. Эйзенхауэр, отказались их помиловать. Даже глава ФБР Э. Гувер предложил сохранить жизнь Этель, матери двоих детей, виновной только в том, что разделяла взгляды мужа, ее не завербовали из-за слабого здоровья. Феклисов назвал арест и гибель Розенбергов самым большим провалом советской разведки. Он работал с Юлиусом, считая того лучшим другом, и сетовал, почему он не признался? Но Розенберги поступили, как советовали всем агентам — все отрицать; они не признали, что были коммунистами и работали на СССР. Юлиус понимал, что, если бы он признался, от него потребовали бы имена других членов группы. Как организатор и ее глава он не желал выдавать своих товарищей.

Близкий друг Розенберга, Мортон Собелл, тоже член группы, был осужден на 30 лет тюрьмы, пробыл в заключении почти 18 лет. Д. Гринглассу, брату Этель, передававшему из Лос-Аламоса, по мнению специалистов, малозначащие сведения, присудили 15 лет (освобожден через 10 лет). Клаус Фукс признался в передаче по идейным соображениям секретных материалов и был приговорен в Великобритании к 14 годам. Выйдя досрочно из тюрьмы через девять лет, он уехал в ГДР, где стал заместителем директора Института ядерных исследований. Только 8 декабря 1992 г. академик Ю. Харитон, один из руководителей проекта по созданию атомной бомбы (в СССР работы велись с 1943 г.), впервые публично признал в газете «Известия», что первый советский атомный заряд был изготовлен по американскому образцу с помощью сведений, полученных от К. Фукса. «За обширную информацию, которую передавал для советских физиков Клаус Фукс, весь советский народ должен быть ему глубоко благодарен»⁵⁵. Но эта благодарность до физика уже не дошла, он умер в 1988 г.

Поскольку расшифрованные документы «Веноны» оставались засекреченными до середины 1990-х годов, часть советских агентов и информаторов, в том числе В. Перло, Л. Прессман, Н. Сильвермастер, Н. Уитт, к суду не привлекалась, вина других не была доказана. Во время маккартизма их не раз вызывали в различные комитеты Конгресса по обвинению в членстве в компартии и шпионаже в пользу СССР, но они все отрицали, ссылаясь на пятую поправку к Конституции (не свидетельствовать против себя), и остались на свободе, лишившись государственной службы. В. Перло после многочисленных расследований пришлось уйти из министерства финансов и отказаться от преподавания.

⁵³ Рапорт А. Горского — С.П. Савченко от 23 дек. 1949. Провалы в США (1938–1948) // *Vassiliev A. Black Notebook*. P. 77–79. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112860> (дата обращения: 29.09.2021).

⁵⁴ *Weinstein A., Vassiliev A. Op. cit.* P. 298.

⁵⁵ *Харитон Ю.Б.* Ядерное оружие СССР: пришло из Америки или создано самостоятельно? // *Известия*. 8.XII.1992.

Но он продолжил научную работу как экономист-исследователь, сотрудник Института Брукинса, издавал марксистские работы, в том числе в СССР («Американский империализм», 1951), возглавлял экономическую комиссию компартии США. Вместе с Уиттом и Прессманом участвовал в президентской кампании Г. Уоллеса 1948 г., выдвинутого от Прогрессистской партии. Л. Прессман продолжил юридическую практику и как близкий советник Г. Уоллеса составлял программу этой партии.

Дж. Эбт также отрицал свою прошлую деятельность, он выступил в качестве адвоката на процессе коммунистки Анджелы Дэвис. Только в 80 лет признал свое участие в группе Уэра и членство в компартии. После смерти были опубликованы его воспоминания⁵⁶.

Некоторым агентам удалось бежать из США, подобно Джоэлу Барру и Альфреду Саранту; сменив фамилии (Иосиф Вениаминович Берг, Филипп Георгиевич Старос), они успешно работали в СССР, стали основателями советской микроэлектроники и ее центра — Зеленограда⁵⁷. М. Гальперин, вызванный в 1953 г. в сенатский подкомитет по внутренней безопасности, отказался от обвинения в шпионаже, сославшись на пятую поправку, и бежал в Мексику, а затем, опасаясь экстрадиции, — в СССР. В Мексику с семьей в 1950 г. бежал М. Собелл, но из-за отсутствия документов был передан властям США.

Бывший советник Ф.Д. Рузвельта экономист Локлин Карри, возглавивший после войны представительство Мирового банка в Колумбии, там и остался, поскольку Соединенные Штаты не продлили ему американский паспорт.

Удачнее сложилась судьба Теодора Холла. На допросе он все отрицал и вскоре уехал в Англию, переключившись на микробиологию.

Многие агенты, подобно В. Перло, Д. Уилеру, Э. Хиссу, остались верны своим коммунистическим взглядам. До самой смерти в 2002 г. Уилер не изменил им, ничего не рассказав о своей истории советского информатора⁵⁸. После трех расследований в комитете по антиамериканской деятельности лишился работы, фермерствовал в родном штате Вашингтон, позднее преподавал в университетах.

Самым непреклонным оказался Эдджер Хисс, решительно отвергший во время громкого судебного процесса все обвинения, до конца жизни он отстаивал свою невиновность, отсидев в тюрьме только за лжесвидетельство. Талантливый юрист и дипломат Хисс разрушил свою жизнь и блестящую карьеру, потерял работу, от него ушла жена. В воспоминаниях, опубликованных в 1988 г., он ничего не рассказал ни о своей подпольной деятельности, ни о своих взглядах. До недавнего времени его участие в шпионаже полностью не было доказано, вызывая споры, а сторонники не верили в его вину. Только в 90-е годы в архиве КГБ А. Васильев обнаружил документы с упоминанием кодового и настоящего имени Хисса, что окончательно подтвердило его сотрудничество с советской военной разведкой (ГРУ)⁵⁹.

Однако часть коммунистов разочаровалась в своих идеалах и советском социализме, некоторые даже перешли на позиции антикоммунизма и выдали бывших товарищей, как У. Чемберс и Э. Бентли.

Позднее повзрослевшему Теодору Холлу было стыдно за свое поведение в молодости. М. Гальперин уехал в 1958 г. в СССР, но, увидев реальный социализм, не принял его и отправился на Кубу (1962 г.), режим Кастро тоже не переубедил, тогда перебрался в Канаду, где преподавал, превратившись в антикоммуниста⁶⁰. Мортон Собелл, убежденный коммунист, как и его друг Ю. Розенберг, пережил всех своих товарищей (умер в 101 год), лишь перед смертью признал ошибочность своего выбора⁶¹.

⁵⁶ *Abt J., Myerson M. Advocate and Activist: Memoirs of an American Communist Lawyer.* Urbana, 1993.

⁵⁷ См. о них: *Гранин Д.* Бегство в Россию. М., 1995.

⁵⁸ *Haynes J.E., Klehr H., Vassiliev A.* Op. cit. P. 312.

⁵⁹ *Ibid.* P. 6–7.

⁶⁰ *Ibid.* P. 314.

⁶¹ *Evanier D.* “I Bet on the Wrong Horse”, Says an Unrepentant 101-Year-Old Spy // *Wall Street Journal.* 22.VI.2018.

Как же оценить советских информаторов и агентов? В Америке их называют предателями, шпионами. Трумэн долго не мог поверить и понять причины предательства Хисса; убедившись, принял решение о чистке госаппарата от коммунистов, начав эру маккартизма. Эйзенхауэр, уверенный в краже Советским Союзом новейших технологий и секрета атомной бомбы, полагал, что американцы в Корейской войне погибали от собственного оружия, попавшего к коммунистам.

Но у россиян, бывших советских граждан, другое мнение. Разведчик А. Феклисов, работавший с Розенбергом и Фуком, так же как историк советской разведки А. Васильев, считают их героями⁶².

Иной позиции придерживается современный исследователь маккартизма Э. Шрекер. Эти люди, полагает она, «как коммунисты, не разделяли традиционные формы патриотизма, они были интернационалистами, чья политическая лояльность переступала национальные границы. Они думали, что “строят... лучший мир для масс”, а не предадут свою страну»⁶³.

Действительно, ни Фукус, ни Розенберги не считали себя шпионами и предателями. 19 июня 1953 года, в день казни, Розенберги написали своим сыновьям: «Всегда помните, что мы невиновны и не могли пойти против своей совести»⁶⁴. Юлиус искренне надеялся на скорый переход Америки к социализму, т.е. наступление эры «Всемирного Советского Союза», как в гимне Коминтерна.

Очевидно, что советские агенты были прежде всего идеалистами, поверившими в коммунистическую утопию, создание справедливого общества на земле. Одним, подобно Э. Хиссу, М. Собеллу, эта вера стоила карьеры, другие, как Розенберги, заплатились самой жизнью.

Библиография

- Гладков Т. К. Наш человек в Нью-Йорке. Судьба резидента. М., 2007.
- Гранин Д. Бегство в Россию. М., 1995.
- Григорьев А. Агенты Сталина в Вашингтоне // Голос Америки. 17.11.2012. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/roosevelt/1548184.html> (дата обращения: 03.10.2021).
- Абарин В. «Дело Хисса»: Юбилей шпионского процесса // Р/С «Свобода». 19.01.2010. URL: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/1933346.html> (дата обращения: 03.10.2021).
- Позняков В. В. Профессионалы и добровольцы: советские разведывательные службы в Соединенных Штатах (1921–1945) // Американский ежегодник. 1998. М., 1999. С. 194–224.
- Позняков В. В. Советская разведка в Америке, 1919–1941. М., 2005.
- Позняков В. В. Разведка, разведывательная информация и процесс принятия решений: поворотные пункты раннего периода холодной войны (1944–1953 гг.) // Холодная война, 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 321–368.
- Позняков В. В. Советские разведывательные службы и российская эмиграция в Соединенных Штатах (1918–1945) // Американский ежегодник. 2005. М., 2007. С. 218–236.
- Супоницкая И. М. Предатель или мученик? «Трагедия истории» // Предательство: опыт исторического анализа. М., 2012. С. 258–273.
- Супоницкая И. М. Дело Розенбергов // Вопросы истории. 2016. № 8. С. 92–105.
- Феклисов А. Признание разведчика. М., 1999.
- Abt J., Myerson M. Advocate and Activist: Memoirs of an American Communist Lawyer. Urbana, 1993.
- Chambers W. Witness. Chicago, 1952.
- Meeropol R., Meeropol M. We are Your Sons: The Legacy of Ethel and Julius Rosenberg. Urbana, 1986.
- Evans M.S., Romerstein H. Stalin's Secret Agents. The Subversion of Roosevelt's Government. New York, 2012.
- Foster W.Z. Toward Soviet America. New York, 1932.
- Fox J.F.Jr. What the Spiders Did: U.S. and Soviet Counterintelligence before the Cold War // Journal of Cold War Studies. 2009. Vol. 11. № 3. P. 206–224.

⁶² Феклисов А. Указ. соч. С. 344.

⁶³ Schrecker E. Many are the Crimes: McCarthyism in America. Boston; New York, 1998. P. 181.

⁶⁴ Meeropol R., Meeropol M. We are Your Sons: The Legacy of Ethel and Julius Rosenberg. Urbana, 1986. P. 235.

- Haynes J.E., Klehr H.* Venona. Decoding Soviet Espionage in America. New Haven; London, 2000.
- Haynes J.E., Klehr H., Vassiliev A.* Spies: The Rise and Fall of the KGB in America. New Haven, 2009.
- Herken G.* Target Enormoz: Soviet Nuclear Espionage on the West Coast of the United States. 1942–1950 // Journal of Cold War Studies. 2009. Vol. 11. № 3. P. 68–90.
- Hoover H.* The Memoirs of Herbert Hoover. Vol. 3. The Great Depression, 1929–1941. New York, 1952.
- Klehr H., Haynes J.E., Anderson K.M.* The Soviet World of American Communism. New Haven; London, 1998.
- Klehr H., Haynes J.E., Firsov F.I.* The Secret World of American Communism. New Haven; London, 1995.
- Latham E.* The Communist Controversy in Washington: From the New Deal to McCarthy. Cambridge; Massachusetts, 1966.
- Radosh R., Milton J.* The Rosenberg File: A Search for the Truth. New York, 1984.
- Schrecker E.* Many are the Crimes: McCarthyism in America. Boston; New York, 1998.
- Usdin S.T.* The Rosenberg Ring Revealed: Industrial-Scale Conventional and Nuclear Espionage // Journal of Cold War Studies. 2009. Vol. 11. № 3. P. 91–143.
- Weinstein A., Vassiliev A.* The Haunted Wood: Soviet Espionage in America – The Stalin Era. New York, 1999.
- Wilson Center. Digital Archive. Vassiliev Notebooks // URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/collection/86/Vassiliev-Notebooks> (дата обращения: 22.09.2021).
- Vassiliev A.* Black Notebook // URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112860> (дата обращения: 29.09.2021).
- Vassiliev A.* White Notebook № 1 // URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/transcripts/43.pdf> (дата обращения: 30.09.2021).
- Vassiliev A.* White Notebook № 3 // URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112566> (дата обращения: 29.09.2021).
- Vassiliev A.* Yellow Notebook № 1 // URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/transcripts/286.pdf> (дата обращения: 02.10.2021).
- Vassiliev A.* Yellow Notebook № 2 // URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112857> (дата обращения: 02.10.2021).

References

- Abarinov V.* “Delo Hissa”: Iubiley shpionskogo protsessa [The Hiss Case: Anniversary of the Spy Trial] // R/S “Svoboda” [Radio “Liberty”]. 19.01.2010. URL: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/1933346.html> (access date: 03.10.2021). (In Russ.)
- Feklisov A.* Priznanie razvedchika [The Confession of Secret Service Agent]. Moskva, 1999. (In Russ.)
- Gladkov T.K.* Nash chelovek v N’iu-Iorke. Sud’ba rezidenta [Our Man in New York. The Fate of the Resident]. Moskva, 2007. (In Russ.)
- Granin D.* Begstvo v Rossiju [Escape to Russia]. Moskva, 1995. (In Russ.)
- Grigor’ev A.* Agenty Stalina v Vashingtone [Stalin’s Agents in Washington] // Golos Ameriki [Voice of America]. 17.11.2012. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/roosevelt/1548184.html> (access date: 03.10.2021). (In Russ.)
- Pozn’ykov V.V.* Professionaly i dobrovol’tsy: sovetskie razvedyvatel’nye sluzby v Soedinennyh Shtatah (1921–1945) [Professionals and Volunteers: Soviet Intelligence Services in the United States (1921–1945)] // Amerikanskii ezegodnik. 1998 [American Yearbook. 1998]. Moskva, 1999. S. 194–224. (In Russ.)
- Pozn’ykov V.V.* Razvedka, razvedyvatel’naia informatiya i protsess prin’atiya reshenii v povorotnye punkty ranego perioda holodnoi voiny (1944–1953 gg.) [Intelligence, Intelligence Information, and Decision Making: Turning Points of the Early Cold War (1944–1953)] // Kholodnaia voina, 1945–1963 gg. Istoricheskaya retrospektiva [Cold War, 1945–1963. Historical Retrospective]. Moskva, 2003. S. 321–368. (In Russ.)
- Pozn’ykov V.V.* Sovetskaya razvedka v Amerike, 1919–1941 [Soviet Intelligence in America]. Moskva, 2005. (In Russ.)
- Pozn’ykov V.V.* Sovetskie razvedyvatel’nye sluzby i rossiiskaia emigratsiya v Soedinennyh Shtatah (1918–1945) [Soviet Intelligence Services and Russian Emigration in the United States (1918–1945)] // Amerikan-skii ezegodnik. 2005 [American Yearbook. 2005]. Moskva, 2007. S. 218–236. (In Russ.)
- Suponitskaya I.M.* Delo Rosenbergov [The Rosenberg Case] // Voprosy istorii [Questions of History]. 2016. № 8. S. 92–105. (In Russ.)
- Suponitskaya I.M.* Predatel’ ili muchenik? “Tragediya istorii” [Traitor or Martyr? “The Tragedy of History”] // Predatel’sтво: opyt istoricheskogo analiza [Betrayal: the Experience of Historical Analysis]. Moskva, 2012. S. 258–273. (In Russ.)
- Abt J., Myerson M.* Advocate and Activist: Memoirs of an American Communist Lawyer. Urbana, 1993.

- Chambers W.* Witness. Chicago, 1952.
- Meeropol R., Meeropol M.* We are Your Sons: The Legacy of Ethel and Julius Rosenberg. Urbana, 1986.
- Evans M.S., Romerstein H.* Stalin's Secret Agents. The Subversion of Roosevelt's Government. New York, 2012.
- Foster W.Z.* Toward Soviet America. New York, 1932.
- Fox J.F.Jr.* What the Spiders Did: U.S. and Soviet Counterintelligence before the Cold War // Journal of Cold War Studies. 2009. Vol. 11. № 3. P. 206–224.
- Haynes J.E., Klehr H.* Venona. Decoding Soviet Espionage in America. New Haven; London. 2000.
- Haynes J.E., Klehr H., Vassiliev A.* Spies: The Rise and Fall of the KGB in America. New Haven, 2009.
- Herken G.* Target Enormoz: Soviet Nuclear Espionage on the West Coast of the United States. 1942–1950 // Journal of Cold War Studies. 2009. Vol. 11. № 3. P. 68–90.
- Hoover H.* The Memoirs of Herbert Hoover. Vol. 3. The Great Depression, 1929–1941. New York, 1952.
- Klehr H., Haynes J.E., Anderson K.M.* The Soviet World of American Communism. New Haven; London, 1998.
- Klehr H., Haynes J.E., Firsov F.I.* The Secret World of American Communism. New Haven; London, 1995.
- Latham E.* The Communist Controversy in Washington: From the New Deal to McCarthy. Cambridge; Massachusetts, 1966.
- Radosh R., Milton J.* The Rosenberg File: A Search for the Truth. New York, 1984.
- Schrecker E.* Many are the Crimes: McCarthyism in America. Boston; New York, 1998.
- Usdin S.T.* The Rosenberg Ring Revealed: Industrial-Scale Conventional and Nuclear Espionage // Journal of Cold War Studies. 2009. Vol. 11. № 3. P. 91–143.
- Weinstein A., Vassiliev A.* The Haunted Wood: Soviet Espionage in America – The Stalin Era. New York, 1999.
- Wilson Center. Digital Archive. Vassiliev Notebooks // URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/collection/86/Vassiliev-Notebooks> (access date: 22.09.2021).
- Vassiliev A.* Black Notebook // URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112860> (access date: 29.09.2021).
- Vassiliev A.* White Notebook № 1 // URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/transcripts/43.pdf> (access date: 30.09.2021).
- Vassiliev A.* White Notebook № 3 // URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112566> (access date: 29.09.2021).
- Vassiliev A.* Yellow Notebook № 1 // URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/transcripts/286.pdf> (access date: 02.10.2021).
- Vassiliev A.* Yellow Notebook № 2 // URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112857> (access date: 02.10.2021).

DOI: 10.31857/S013038640020247-9

© 2022 г. А.Б. Соколов

РОССИЙСКО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ОТ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА ДО КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ: ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

Рец. на книгу: А.А. Орлов. «АСТРЕИН ВЕК». ВЕЛИКОБРИТАНИЯ, РОССИЯ И ПРОБЛЕМА НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX века (1815–1854 гг.). М.: Московский педагогический госуниверситет, 2019. 304 с.

Соколов Андрей Борисович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

E-mail: sokolov_1457@mail.ru

Researcher ID: AAF-6283-2019

A.B. Sokolov

RUSSIAN-BRITISH RELATIONS FROM THE CONGRESS OF VIENNA TO THE CRIMEAN WAR: POLITICS AND ECONOMICS

Rec. ad op.: A.A. Orlov. THE GOLDEN AGE OF ASTRAEA. GREAT BRITAIN, RUSSIA, AND THE NEW WORLD ORDER IN EUROPEAN POLITICS IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY (1815–1854). Moscow: Moscow Pedagogical State University, 2019. 304 p.

Andrei Sokolov, Yaroslavl Ushinskiy State Pedagogical University (Yaroslavl, Russia).

E-mail: sokolov_1457@mail.ru

Researcher ID: AAF-6283-2019

Работая над статьей об особенностях русского национализма первой половины XIX в., я обратил внимание на речь В.Н. Каразина, прозвучавшую в 1818 г. в Харькове на заседании Филотехнического общества¹. Каразин входил в окружение Александра I в «прекрасное начало» его царствования. Он был основателем Харьковского университета, придерживался либеральных взглядов и смотрел в будущее с оптимизмом. Выделяя два вида «ложного патриотизма», он соотносил первый с наследием Просвещения и Французской революции, а второй – с ксенофобией: «К стыду просвещенной Европы, не в одном царстве находим хулителей царств других. Сие гонение иностранных не есть любовь к Отечеству». Подчас преступления каких-то лиц или дела правительства «безрассудная

толпа» приписывает народам: «Таким-то образом имена: Француз у одних, Турок у других, Руской у третьих, сколь безвинно, столь и безумно становятся порицанием. Укоризны воздаются за укоризны. Народы как бы умышленно содержатся в непримиримой неприязни, а все они суть чада единого Бога». Национальные предубеждения Каразин считал недостойными XIX столетия, «наша любовь к Отечеству не есть исключительная привязанность к стране рождения». Он надеялся, что новая эпоха обещает «всеобщий братский союз рода человеческого». В политическом отношении эти смелые надежды породил Священный Союз, в котором монархи «дают себе взаимно имена друзей. В сем качестве посещают они друг друга и от лица к лицу решают судьбу важной части Европы».

¹ *Каразин В.Н. Об истинной и ложной любви к Отечеству // Благонамеренный. 1818. Т. IX. С. 309–337.*

Новый характер отношений между правителями — образец для граждан: «Сограждане! Перестанем оскорблять братьев своих и наставников. Отдадим справедливость (здесь курсив мой. — А.С.) их доброду, дабы они нашему лучшему оное отдали»².

Это был наивный призыв, но в нем соединились надежды на то, что государи будут решать судьбы Европы путем переговоров, основанных на «дружбе» их участников, и на то, что между народами установится взаимопонимание и взаимное уважение, призыв, удивительно созвучный той концепции международных отношений, которую рассматривает в монографии д.и.н., проф. А.А. Орлов. Действительно, в первой половине XIX в., после кровопролитных наполеоновских войн многие надеялись, что Астрея, богиня справедливости, вернется с небес на землю, в Европе воцарятся мир и согласие между народами.

Рецензируемая монография является продолжением более ранних исследований автора по теме англо-русских отношений и культурных связей между двумя народами³. Автор стремится избежать стереотипов и по-новому осветить ряд важных аспектов рассматриваемой темы на основе глубокого изучения архивных и опубликованных источников. Ему удалось избежать односторонности, присущей марксистской советской и отчасти зарубежной либеральной историографии в оценке Священного Союза как «заговора монархов против народов». А.А. Орлов ввел в дискурс о международных отношениях первой половины XIX в. концепт «новый мировой порядок», являющийся порождением иного времени и иных реальностей. Он полагает, что его сердцевиной был комплекс международных обязательств, обеспечивших относительную безопасность в Европе вплоть до Первой мировой войны: в течение почти целого века в Европе не было «однополярности» (с. 6–7). Автор отмечает, что стержнем международных отношений были англо-русские отношения, а не «меттерниховская система», как прежде часто утверждали историки. А.А. Орлов справедливо отвергает подходы, диктуемые политическими пристрастиями. В основе такого рода трудов лежат, как правило, «геополитические соображения», следование конъюнктуре, а иногда просто ксенофобия, подобные «крайности» встречаются в англоязычной и в

русскоязычной литературе и в наши дни (с. 6, 22, 25–26). Важно подчеркнуть, что свою позицию исследователь сформулировал на основе исторических аргументов, тщательного и непредвзятого анализа источников.

Автор не претендует на разработку новой концепции истории англо-русских отношений в первой половине XIX в., принципиально отличающейся от утвердившейся в историографии, но обозначает позицию по отдельным аспектам, по которым существует различие интерпретаций. А.А. Орлов щедро делится с читателем своими архивными находками, что позволяет видеть проблему в ее исторической конкретности, в контексте реальной ситуации, какой ее видели современники. Автора можно упрекнуть в недостатке внимания к документам английского парламента, но это с лихвой компенсируется тщательным изучением российских архивных источников.

Монография состоит из четырех глав. Структура определяется сочетанием хронологического и проблемно-тематического принципов. В первой главе «США, Ближний Восток, Центральная Азия — регионы пересечения интересов России и Британии (1815 — начало 1830-х годов)» выделены три основных противоречия, которые потенциально создавали напряженность между двумя странами. В первом параграфе «Александр I, Джордж Каннинг и США: проблема выбора стратегического партнера» детально рассмотрены обстоятельства появления знаменитой «доктрины Монро» 1823 г. в контексте отношений внутри Священного Союза и англо-русских отношений. Автор подробно рассматривает дипломатические документы, в том числе инструкции российским дипломатам, предлагавшие тщательно проанализировать перспективы сближения с США. К чести российского посланника в США П.И. Полетики, он реалистично оценил возможности, указав на приоритет торговли и мореплавания и на «единые моральные узы», связывавшие США и Великобританию (с. 44). А.А. Орлов полагает, что позиция России во многом предопределила демарш Дж. Канинга, выступившего в защиту восставших испанских колоний в Америке: «Не были ли попытки Канинга перехватить инициативу в отношениях с Вашингтоном порождены в том числе желанием не

² Там же. С. 328–332.

³ Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005; *Его же*. «Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и британцы о представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.). Очерки. М., 2008.

допустить выхода России из-под влияния Великобритании?» (с. 48). С моей точки зрения, достаточных доказательств, что Александр I (и Николай I) сколько-нибудь целенаправленно двигался к смене внешнеполитических приоритетов в сторону США, нет. То, что бывший американский посланник в Петербурге Д.К. Адамс в 1824 г. стал президентом, могло, однако, породить некоторые иллюзии. По мнению автора, «стремление Александра I и Николая I, направленное на смену стратегического партнера, оказалось несостоятельным» (с. 51). Причину он видел не только в ослаблении интереса к России при президенте Э. Джексоном, но и в общей неразвитости экономических связей между двумя странами.

Во втором параграфе «До начала “Большой игры”». Центральная Азия и Ближний Восток в планах российской и британской правящей элиты анализируются отношения держав в этих регионах. Понятие «Большая игра» широко используется для обозначения борьбы между Англией и Россией за влияние в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XX в. А.А. Орлов особо оговаривает, что неверно применять его к первой половине XIX столетия. С начала 1820-х годов активизировались попытки расширения зоны российского экономического влияния в Центральной Азии, но они были, по большей части, неудачными, что объяснялось, в частности, плохим знанием местных условий, да и Александр I совершенно «не собирался покуситься на зоны экономического и политического влияния Великобритании в Азии» (с. 61); «Вредить англичанам в Европе, в Азии или где бы то ни было еще в ущерб себе российские власти явно не собирались» (с. 56). Хотя Николай I «сделал ставку на силовое давление», он, как и предшественник, стремился доказать «своему главному европейскому партнеру: ни мирное, ни вооруженное продвижение России на Восток не несет угрозы позициям Британии» (с. 66). Проявлением политического реализма было игнорирование русским правительством всякого рода поступающих в Петербург проектов, повторявших «обанкротившуюся (в конечном итоге) наполеоновскую политику» (с. 80–85). А.А. Орлов детально рассмотрел визит герцога Веллингтона в Петербург в 1826 г. в контексте решения «греческого вопроса». Архивные документы, детали дают возможность ярко высветить рассматриваемую проблему, например: зловключения англичанина Гордона, ехавшего из Охотска в Индию, задержанного в городе Енотаевске, и реакция Александра I, которому доложили о жалобе иностранца (с. 61–62).

Вторая глава «Экономические основы союза Британии и России» почти целиком строится на архивных документах. Первый параграф «Английские деньги для русских реформ. Размещение русского займа в Англии в 1822 г.» расширяет наше представление о том, как функционировала российская финансовая система, как было положено начало отношениям с банкирским домом Ротшильдов, какие препятствия существовали для включения России в европейскую финансовую систему. Автор обстоятельно изучил историю займа 1822 г., позицию Е.Ф. Канкрин по этому вопросу и причины, по которым проект едва не провалился. Тем не менее «в промышленной и финансовой сферах обойтись без помощи Англии было гораздо труднее» (с. 94). А.А. Орлов, безусловно, прав, связав финансовую отсталость России с господством крепостничества, да и – парадокс – ведомствам отчаянно не хватало сотрудников, знавших английский язык.

В центре второго параграфа «Развитие торговли и восприятие британских технологических новаций» находятся проекты военного инженера графа Сент-Альдегонда. Этот потомок древнего французского рода, консультировавший русское правительство по вопросам производства вооружения, вскрыл недостатки даже на лучшем Тульском заводе. В 1836 г. он был направлен российским правительством в командировку в Англию для выяснения технологий производства и поиска специалистов, готовых приехать в Россию. История Сент-Альдегонда – интересный пример «промышленного шпионажа» в ту эпоху. Характерно, что в 1842 г. британские власти ограничили всем иностранцам доступ на оружейные заводы Бирмингема. Действительно, тема технологических трансфертов была не только важна для правительства (император лично знакомился с докладами этого инженера и удостоил его аудиенции), но и крайне привлекательна для широкой публики. Достаточно ознакомиться с русскими журналами 1820–1830-х годов, например, с «Журналом мануфактур и торговли» или с записками путешественников, таких как И.М. Симонов, интересовавшихся наукой и техникой. А.А. Орлов указал на особенности протекционистской политики России и каким образом британские купцы обходили требования законодательства.

В третьей главе «Британо-российские отношения в 1830–1840-х годах и начало ревизии венской системы» в параграфе «Обострение политических отношений Великобритании и России в 1830-е годы» показано, как постепенно нарастали противоречия между двумя странами. Автор рассмотрел

этот процесс на конкретных примерах из архивных источников. Он утверждает, что зерна конфликта взошли сразу после окончания войны с Турцией в 1829 г. Британский и французский консулы явно противодействовали российским полномочным представителям в Молдавии и Валахии, и конфликт докатился до Петербурга (с. 140–148). Тогда Николай I «стремился в соответствии с его заявлениями начала царствования, действовать в любой кризисной ситуации в согласии с Великобританией и Францией» (с. 145). Угрозой венской системе стали революции 1830 г. Как известно, только позиция европейских дворов примирила императора с необходимостью признания короля Луи Филиппа. Возможно, следовало бы указать на подавление восстания в Польше как одну из причин обострения международной ситуации. В монографии рассмотрены действия по усилению армии и особенно флота. Хотя в 1832 г. разрабатывались планы военного похода на запад, архивные источники показывают: в Петербурге доминировало стремление к сохранению англо-русского союза (с. 150–151). Однако и военные варианты не исключались, о чем свидетельствует покупка по приказу Николая I чертежей у британского корабельного инженера Мурсома. В использовании их видели одно из средств улучшения флота, состояние которого считал неудовлетворительным не только маркиз де Кюстин. Как утверждает А.А. Орлов, в конце 1833 г. наступил переломный момент: император «перестал надеяться на активное содействие ему со стороны первой (Англии. — А.С.) в защите венской системы и нового мирового порядка. Тем не менее он полагал: выгоды взаимной торговли и усиление влияния России в Турции после подписания Ункяр-Искелесийского договора заставят Лондон отказаться от военных приготовлений» (с. 161). В этом Николай I ошибся: договор стал новым поводом для обострения отношений с Лондоном и Парижем. Отказ от его продления оказался мерой, недостаточной для полной нормализации отношений с Англией. Император также ошибся в оценке конвенций 1840 и 1841 гг. о закрытии Проливов.

В параграфе «Влияние экономических факторов на двусторонние контакты в 1830–1840-х годах» автор развивает экономическую интерпретацию истории внешней политики, приверженность которой демонстрировал и в предыдущих главах. В обеих странах существовали разные взгляды на будущее торговых отношений. В Англии олицетворением противоборствующих мнений стали Р. Кобден и Д. Уркарт. В России в силу политической специфики и господства цензуры опасения

в отношении английского купечества обнаруживаются в донесениях III Отделения. Камнем преткновения являлся таможенный протекционизм. «Дело о ввозе сахара» в Россию иллюстрирует, насколько долговременными могли быть споры и неоднозначными принимавшиеся решения (с. 171–175). Этот пример раскрывает механизмы лоббирования и в той, и в другой стране. А.А. Орлов обстоятельно рассмотрел роль британской Российской компании и торговый договор 1842 г. Особый интерес представляет сюжет о закупке Россией облигаций в Лондоне и Париже в 1846–1847 гг.: «Петербург, кроме желания поддержать свою торговлю, стремился содействовать Британии и Франции в преодолении трудностей их внутреннего развития для предотвращения потрясений, способных нанести непоправимый вред венской системе» (с. 188).

В завершающей главе «Движение Великобритании и России к разрыву отношений и столкновению в Крымской войне (1840-е годы — 1854 г.)» прослеживается постепенное ухудшение отношений между двумя странами. В параграфе «Великобритания и Россия в 1840-х — начале 1850-х годов: дорога к Крымской войне» подчеркнута определяющая роль Николая I в формировании внешней политики России, что привело, в конечном счете, ко многим ошибкам. «Высшей точкой сближения» стал визит императора в Англию в 1844 г., когда и прозвучало его предложение о «разделе имущества больного человека», т.е. Турции. Содержание многочисленных бесед с английскими политическими деятелями и меморандум, составленный позднее по этому поводу канцлером К.В. Нессельроде, не давали однозначной трактовки результатов переговоров. Николай I считал, что добился поставленных целей. В Петербурге вообще не уловили первый тревожный сигнал, когда в том же 1844 г. британские купцы отказались поставить в Россию крупную партию свинца (с. 201–206). Переломным моментом стали революции 1848 г., утвердившие царя во мнении, что Англия совершает действия, противные принципам венской системы. Много внимания А.А. Орлов уделил проекту А.Н. Муравьева (с. 210–213), который, хоть и не имеет прямого отношения к Англии, но позволяет понять устроения Николая I.

В параграфе «Причины отказа Британии от сотрудничества с Россией. Складывание “крымской” коалиции (1853 — начало 1854 г.)» автор указал на новые дипломатические просчеты царя. Надежды на возрождение Четверного союза как средства восстановления венской системы, оскорбительные демарши в отношении Наполеона III, провозгласившего себя императором Франции, возобновление

предложений о разделе Турции в беседах с английским послом — все это не могло найти понимания в Лондоне. В Англии были противники разрыва с Россией, но лорд Пальмерстон сумел их переиграть, ловко манипулируя общественным мнением и используя прессу (с. 232). Напротив, русская дипломатия не смогла организовать ничего подобного тому, что сделал граф С.Р. Воронцов в дни «очаковского кризиса» 1791 г. Да и использование прессы для воодушевления национально-патриотического подъема внутри России не могло быть для царя, давно запретившего обсуждать политику правительства, приемлемым, по крайней мере, до начала военных действий. Далекими от реальности казались планы вроде завоевания Англии или ведения войны с ней на Востоке, например, записки барона Н. Торнау: «В отношении Индии стратегические цели Николая I, несмотря на все его разочарование в политике Лондона, остались прежними. Он неизменно отклонял или оставлял без внимания проекты не только завоевания, но даже и ослабления власти англичан на полуострове Индостан» (с. 236).

Единственное существенное, с моей точки зрения, замечание по книге касается использования зарубежной историографии. Понятно, что нельзя охватить всю историографию темы, в данном случае речь об отдельных упущениях. Использование трудов известного английского историка, «возмутителя спокойствия» Алана Тейлора, несомненно, могло бы способствовать актуализации ряда проблем, поставленных А.А. Орловым⁴. Как видно по библиографическому списку, количество работ, изданных после 1980 г., в нем невелико. Вероятно, это объясняется сокращением закупок литературы даже в главные исторические библиотеки. Укажу несколько наименований трудов британских историков, которые могли быть полезны в плане дискуссий о факторах, влиявших на формирование британской внешней политики, в частности, какое место занимали в этом отношении экономические соображения. Работы современных английских историков проясняют ход политической борьбы в правящих кругах Англии по вопросам внешней

политики, в том числе отношений с Россией, который, по понятным причинам, связанным с акцентом на российские архивные документы, остался в основном на периферии⁵. Разумеется, данное замечание не умаляет достоинств рецензируемой монографии.

Библиография

- Karazin V.N.* Об истинной и ложной любви к Отечеству // Благонамеренный. 1818. Т. IX. С. 309–337.
- Orlov A.A.* Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005.
- Orlov A.A.* «Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.). Очерки. М., 2008.
- Black J.* Convergence and Divergence. Britain and Continent. London, 1994.
- Chamberlain M.* “Pax Britannica”? British Foreign Policy 1789–1914. London, 1995.
- Lowe J.* Britain and Foreign Affairs 1815–1885. Europe and Overseas. London, 1998.
- Taylor A.J.P.* From Napoleon to the Second International. Essays on Nineteenth-Century Europe. London, 1995.

References

- Karazin V.N.* Ob istinnoy i lozhnoy lubvi k Otechestvu [About true and false love for the Fatherland] // Blagonamerenny [Well-intentioned magazine]. 1818. T. IX. S. 309–337. (In Russ.)
- Orlov A.A.* Souz Peterburga i Londona. Rossiysko-britanskie otnosheniya v epohu napoleonovskikh voyn [The Alliance of St. Petersburg and London. Russian-British relations during the Napoleonic Wars]. Moskva, 2005. (In Russ.)
- Orlov A.A.* “Teper’ vizhu anglihan vblizi...”: Britaniya i britanzi v predstavleniyah rossiyan o mire i o sebe (vtoraya polovina XVIII — pervaya polovina XIX vv.). Ocherki [“I Now See the English Anigh...”: Britain and the British in representations of Russians about the world and about itself (second half 18th — first half 19th centuries). Sketches]. Moskva, 2008. (In Russ.)
- Black J.* Convergence and Divergence. Britain and Continent. London, 1994.
- Chamberlain M.* “Pax Britannica”? British Foreign Policy 1789–1914. London, 1995.
- Lowe J.* Britain and Foreign Affairs 1815–1885. Europe and Overseas. London, 1998.
- Taylor A.J.P.* From Napoleon to the Second International. Essays on Nineteenth-Century Europe. London, 1995.

⁴ *Taylor A.J.P.* From Napoleon to the Second International. Essays on Nineteenth-Century Europe. London, 1995.

⁵ *Black J.* Convergence and Divergence. Britain and Continent. London, 1994; *Chamberlain M.* “Pax Britannica”? British Foreign Policy 1789–1914. London, 1995; *Lowe J.* Britain and Foreign Affairs 1815–1885. Europe and Overseas. London, 1998.

ВЛАДИСЛАВ ЯКИМОВИЧ ГРОСУЛ (1939–2022)

14 января 2022 г. на 83 году жизни скоропостижно скончался видный российский и молдавский историк, балканист и русист, главный научный сотрудник Института российской истории РАН доктор исторических наук, профессор Владислав Якимович Гросул.

В.Я. Гросул родился 11 февраля 1939 г. в пограничном Тирасполе, в то время административном центре молдавской автономии в составе Советской Украины в семье преподавателя местного пединститута. Его отец, Яким Сергеевич Гросул (1912–1976), в послевоенные годы стал одной из ключевых фигур в исторической науке Молдавской ССР. Я.С. Гросул стоял у истоков Института истории Молдавской ССР, долгие годы возглавлял его, был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1961 г. стал первым президентом Молдавской академии наук.

По окончании в 1961 г. Кишиневского госуниверситета В.Я. Гросул поступил в аспирантуру Института истории АН СССР, где его научным руководителем был академик Н.М. Дружинин. На основе кандидатской диссертации, защищенной в 1964 г., была опубликована первая монография «Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20–30-е годы XIX в.» (М., 1966). Речь в ней шла о реформаторской деятельности русской военной администрации в румынских землях после Адрианопольского мирного договора 1829 г., представившего России статус покровительствующей державы. По окончании аспирантуры молодой историк в течение ряда лет занимался проблемами российско-румынских отношений в XIX в. в Институте истории Молдавской академии наук, опубликовав в 1969 г. монографию «Россия и формирование румынского независимого государства» (в соавторстве с Е.Е. Чертаном). Тогда же он стал одним из инициаторов серийного кишиневского издания «Балканский исторический сборник». Круг его научных интересов постепенно расширялся. Наряду с российской политикой в Юго-Восточной Европе, процессами нациообразования и государственообразования в этом регионе его интересовали проблемы экономической истории в условиях начавшегося в этих землях процесса разложения феодализма (статьи об экономических отношениях между крестьянами и боярами в Дунайских княжествах в первой половине XIX в., и др.).

С начала 1970-х годов В.Я. Гросул работает в Москве в Институте истории СССР АН СССР (с начала 1990-х годов Институт российской истории РАН). В это время он занимается деятельностью рос-

сийской революционной эмиграции на Балканах в тесной связи с освободительным движением балканских народов. По этой тематике им опубликованы монографии: «Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1974 г.г.)» (Кишинев, 1973); «Революционная Россия и Балканы (1874–1883)» (М., 1980); «Российская революционная эмиграция на Балканах в 1883–1895 г.г.» (М., 1988). В 1976 г. В.Я. Гросул защитил докторскую диссертацию «Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1874 г.г.)».

Освоение проблематики русской революционной эмиграции в контексте становления освободительного движения на Балканах позволило В.Я. Гросулу позже перекинуть мостик к систематическому исследованию русского зарубежья XIX в. в общеевропейском (а с учетом США и во всемирном) масштабе. Следует отметить его монографии: «Международные связи российской политической эмиграции во второй половине XIX века» (М., 2001), «Русское зарубежье в первой половине XIX века» (М., 2008). Статьи об участии русских революционеров в европейских революциях XIX в. (в том числе революциях 1848 г.) не раз публиковались в журнале «Новая и новейшая история», многочисленных сборниках.

Анализируя отклик российской общественности на освободительные движения балканских народов, В.Я. Гросул исследовал отношения власти и зарождавшегося общества в Российской империи со времен Екатерины II, формирование с начала XIX в. общественного мнения и возникновение в России идейно-политических течений современного времени. Вслед за многочисленными статьями и разделами в коллективных научных трудах (в том числе «Истории Москвы») последовала его фундаментальная монография «Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новаторство» (М., 2003). В 2000 г. под редакцией В.Я. Гросула вышел коллективный труд ИРИ РАН «Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика». Итогом многолетней скрупулезной работы в архивах явились фундаментальные монографии 2010-х годов – «Общественное мнение в России XIX в.» (М., 2013), «Общественное движение в России первой половины XIX в.» (М., 2017).

При всей широте научных интересов В.Я. Гросула одним из главных направлений приложения его творческих сил всегда оставалась история родной Молдавии. В работах по истории Бессарабской губернии и Левобережного Приднестровья XIX в. он, опираясь на

большой фактический материал, исследовал, как общие принципы управления многонациональной державой преломились конкретно в политике царизма на юго-западных национальных окраинах Российской империи, в преддверии Балкан, как менялась эта политика и какие изменения претерпевал на протяжении XIX в. этнический состав населения Бессарабии (среди прочего разделы в коллективных трудах: «Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления» (М., 1997); «Русское население национальных окраин России. XVII–XX вв.» (М., 1999); «Русские в Евразии XVII–XIX вв.» (М., 2008); «Этнические элиты в национальной политике России» (М., 2018), и др.).

В монографии «Молдавское движение до и после образования Румынии (1821–1866 гг.)» (Кишинев, 2014) В.Я. Гросул попытался выявить и проследить ту тенденцию в развитии общественных движений и общественной мысли Молдавского княжества, которая и в эпоху объединения Дунайских княжеств акцентировала внимание не на румынской культурно-языковой общности, а на молдавской специфике и была связана с сохранением верности немалой части элиты собственным традициям государственности и культуры Молдавии. Последовательному стороннику молдавской самобытности и при этом блестящему полемисту В.Я. Гросулу приходилось нередко отстаивать свои позиции на международных конференциях по данной тематике.

Книга «Молдавские выходы в России нового времени» (Кишинев, 2014) стала результатом десятилетних изысканий В.Я. Гросула о вкладе уроженцев Молдавии (военачальников, государственных деятелей, дипломатов, ученых и т.д.) в историю и культуру России.

На протяжении шести десятилетий своей творческой деятельности В.Я. Гросул постоянно обращался к дипломатической истории, разрабатывая проблемы международных отношений на Балканах и формирования в этих условиях юго-западных границ Российской империи на материалах российских и зарубежных архивов. В последние годы им был опубликован ряд новых работ о российских дипломатических представителях на Балканах в первой половине XIX в., о влиянии Бухарестского мирного договора 1812 г. на формирование новых границ России, а также Адрианопольского мирного договора 1829 г. на исторические судьбы Молдовы и Валахии. Итогом многолетних историко-дипломатических штудий стала фундаментальная монография В.Я. Гросула «Бессарабия в международных отношениях Нового времени» (Кишинев, 2018).

Исследователь широкого кругозора, одинаково уверенно себя чувствующий в материале о проблемах новой истории России и Балкан, В.Я. Гросул в ряде статей и докладов обращался к выявлению общего и особенного в развитии монархий Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы, писал в сравнительно-историческом ключе о соотношении реформаторского

и революционного начал в общественных движениях России и Балкан (сборник его избранных работ «Труды по теории истории». М., 2014). Его перу принадлежат и статьи по проблемам периодизации всемирной и отечественной истории. В то же время он отдал дань и локальной (микро-) истории, опубликовав монографию об истории своего фамильного села «Карагаш – минувший и нынешний (история одного приднестровского села)» (М., 2001), «Очерки истории Тамани» (в соавторстве с Н.Ф. Бугаем. М., 1996).

Интерес В.Я. Гросула к историческому многообразию путей решения национального вопроса на российском имперском и постимперском пространстве со всей закономерностью предопределил его внимание к «советскому проекту» на его ранней стадии именно как к реализовавшемуся на практике способу обустройства межнациональных отношений на территории, ранее входившей в состав Российской империи. Дискуссионным проблемам посвящена монография «Образование СССР. 1917–1924» (М., 2007), в которой автор стремится доказать, что образование союзного государства было в первую очередь предопределено принятыми большой размах и направленными на интеграцию общественными движениями на землях бывшей Российской империи, а не давлением центра (т.е. большевистского режима в Москве). Своих левых убеждений Владислав Якимович, кстати сказать, нисколько не скрывал и после развала СССР, когда они были явно не в моде, выступая с трибун общественно-политических конференций. При этом его взгляды никогда не мешали ему как исследователю подходить беспристрастно к самым трагическим страницам истории XX в.: памятны его устные свидетельства о страшном голоде в Молдавии первых послевоенных лет, приведшем к большому человеческим жертвам.

Начиная с 1970-х годов В.Я. Гросул неоднократно представлял СССР, а затем Россию на международных конференциях в рамках Ассоциации по изучению Юго-Восточной Европы, немало сил отдал многолетней работе в двусторонней комиссии историков России и Румынии. Занимаясь долгие годы проблемами российско-румынских и русско-молдавских отношений, В.Я. Гросул проявлял первостепенный интерес к той части общего исторического наследия, которая не разделяла, а объединяла народы. Показательно его внимание к фигуре известного российского реформатора (и вместе с тем «отца румынского конституционализма») графа П.Д. Киселева, в честь которого названа одна из главных автомагистралей Бухареста. Возглавляя в 1831–1834 гг. российскую военную администрацию в Дунайских княжествах, генерал Киселев последовательно пытался осуществлять передовые для своего времени законодательные, хозяйственные и военные реформы. И хотя роль Органических регламентов (по сути первых румынских конституций) и русской политики в княжествах оценивается историками

неоднозначно, имя Киселева до сих пор зачастую воспринимается как символ конструктивного политического сотрудничества двух народов, разделенных множеством исторически сложившихся противоречий (очерк В.Я. Гросула в книге «Российские реформаторы. XIX – начало XX в.» М., 1995; и др. работы). Выступая в жанре исторического портрета, В.Я. Гросул обращался и к другим ярким (и очень разным по духу) персонажам трех столетий. Это и сын молдавского господаря, ученого-энциклопедиста Дмитрия Кантемира, успешный российский дипломат и первый русский светский поэт Антиох Кантемир, это и Христиан Раковский – румынский революционер болгарского происхождения, а позже один из основателей Украинской ССР и крупный советский дипломат.

В течение многих десятилетий В.Я. Гросул был участником проектов Института славяноведения и балканистики АН СССР, позже Института славяноведения РАН: статьи в «Балканских исследованиях»; участие в трудах «Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII – 70-е годы XIX в.» (М., 1986); «Век Екатерины II. Россия и Балканы» (М., 1998); «В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (М., 2009); «Война, открывшая эпоху в истории Балкан. К 180-летию Адрианопольского мира» (М., 2009); «В “интерьере” Балкан» (М., 2010); «Освободительная война 1703–1711 гг. в Венгрии и дипломатия Петра I» (СПб., 2011). Ему принадлежит заслуга постановки серьезных научных проблем, в частности о конституционалистских экспериментах российских реформаторов за пределами империи и их влиянии на передовую общественную мысль и политическую практику в балканских странах (о влиянии реформ Киселева в Дунайских княжествах на болгарских реформаторов). Первые работы о конституционалистских проектах России на Балканах были опубликованы им еще в конце 1960-х годов, а в серии статей 2010-х годов о конституционализме как инструменте российской внешней политики он вернулся к этой теме на более высоком уровне с учетом новых фактов и подходов.

В.Я. Гросул опубликовал немало статей по широкому кругу проблем на страницах журналов «Новая и новейшая история», «Вопросы истории», «Славяноведение», «Военно-исторический журнал», «Преподавание истории в школах», на протяжении многих лет был членом редколлегии журнала «Отечественная история» (ныне «Российская история»). Научную работу профессор В.Я. Гросул сочетал с преподавательской и просве-

дительской. Он много выступал в российской прессе по проблемам современных межнациональных отношений на постсоветском пространстве, до последних лет жизни преподавал историю в вузах (в том числе Государственной академии славянских культур), осуществлял научное руководство аспирантами. Как многолетний член диссертационного совета Института славяноведения РАН, эксперт ВАКа неизменно сочетал доброжелательность к начинающим ученым с высокой требовательностью и принципиальностью. Педагог, подготовивший немало специалистов, работающих сегодня не только в Москве, но также в Кишиневе и Тирасполе, В.Я. Гросул прилагал (зачастую в весьма неблагоприятных объективных условиях) большие, если не сказать подвижнические усилия для сохранения и развития профессиональных связей историков, живущих на постсоветском пространстве. Недели летнего отпуска он проводил, как правило, на родине, его сельский домик на Днестре год из года становился местом настоящего паломничества молдавских коллег, приходивших к мэтру поделиться своими замыслами. Частыми гостями были и общественные активисты, отстаивавшие дороге Владиславу Якимовичу идеалы молдавской самобытности в острых спорах со сторонниками набравших силу панрумынских, унионистских течений. Внимательно следя за политической жизнью родной Молдавии, В.Я. Гросул не замыкался на научной периодике, выступал нередко как публицист в молдавских общественно-политических изданиях.

Владислав Якимович был полон творческих планов. В декабре 2021 г. Ученый совет ИРИ РАН рекомендовал к печати его итоговый фундаментальный труд, посвященный русской революционной традиции. Перед самой кончиной он обсуждал с коллегами планы проведения конференции к 100-летию образования СССР, до самых последних месяцев проводил скрупулезные архивные изыскания.

Владислав Якимович Гросул останется в памяти прежде всего как человек высочайшей эрудиции и широкого кругозора, сочетавший твердость убеждений с открытостью и восприимчивостью к мнениям оппонентов, как прекрасный собеседник и доброжелательный наставник молодежи, повлиявший (зачастую совершенно неформально) на историков новых поколений, активно работающих сегодня в науке – как российской, так и молдавской.

Коллеги и друзья сохраняют в своих сердцах светлую память об этом разносторонне талантливом, блестящем ученом и человеке.

ДЛЯ АВТОРОВ

Любая подаваемая для рецензирования и возможной публикации статья должна являться оригинальным исследованием автора, которое не было опубликовано ранее, полностью или частично, ни в печатном, ни в электронном виде и которое не находится на рассмотрении в другом журнале.

1. Авторы подают рукопись, оформленную по установленным правилам, в электронном виде через сайт журнала: <https://nni.jes.su> (требуется регистрация на сайте) или по электронной почте редакции: novistor57@mail.ru.
2. Все рукописи проходят процесс двойного слепого рецензирования.
3. Решение о принятии статьи к публикации принимается в течение трех месяцев с момента поступления рукописи в редакцию. Автор будет извещен о результатах рецензирования. Рецензии (в анонимном виде) могут быть направлены автору по запросу.
4. При положительном заключении рецензентов статья передается редактору для подготовки к печати. При принятии решения о доработке статьи замечания и комментарии рецензентов передаются автору. Автору дается 1 месяц на устранение замечаний. Если в течение этого срока автор не уведомил редакцию о планируемых действиях, статья снимается с очереди публикации.
5. Объем текста рукописи статьи не должен превышать 1,2 п.л. (до 50 тыс. знаков), включая аннотацию, ключевые слова, сноски и библиографию/references. Объем рецензии не должен превышать 0,4 п.л. (16 тыс. знаков). Текст рукописи должен быть сохранен в форматах doc, docx, rtf.
6. Рукописи, отредактированные автором, должны быть напечатаны шрифтом Times New Roman (размер шрифта – 14) через полтора интервала.
7. Нумерация страниц должна быть сквозной, номер страницы проставляется вверху, посередине страницы.
8. Аннотация (200–230 слов) и ключевые слова (до 5–9) должны быть представлены на английском и русском языках.
9. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и основные выводы автора.
10. Ключевые слова необходимы для индексирования статьи в библиографических базах данных и на сайтах библиотек, поэтому они должны соответствовать общепринятым историческим терминам и понятиям, рубрикам предметных каталогов ведущих российских и иностранных библиотек.
11. Журнал «Новая и новейшая история» осуществляет процесс двойного слепого рецензирования. Поэтому вся информация об авторе (ФИО автора, ученая степень и звание, место работы, электронный адрес автора, а также идентификационный номер автора (ID) в базах Web of Science и/или Scopus на русском и английском языках) должна располагаться на отдельном листе и высылаться отдельным файлом.
12. Текст статьи должен начинаться с ее названия, текст присылается в редакцию отдельным файлом. В названии файла, содержащего текст рукописи, не следует указывать имя и фамилию автора. Названия статей должны быть приведены на русском и английском языках.
13. Сноски, по возможности, не должны превышать 10–15% текста и быть постраничными.
14. Мы просим авторов не использовать графики, таблицы, карты, иллюстрации и т.п. без крайней необходимости.
15. Библиография и References помещаются в конце статьи и оформляются по общепринятым правилам.

Подробная информация по требованиям к авторам и примеры оформления статей размещены в разделе «авторам» на сайте журнала: <https://nni.jes.su>

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню «**Мои публикации**» станет активна кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
- 3) можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».

РЕДАКТОРЫ ОТДЕЛОВ:

Г.Г. Акимова, А.В. Короленков, Ю.А. Рябчикова

Зав. редакцией *В.В. Лоскутова*

Подписано к печати 01.06.2022 г.
Тираж 310 экз.

70•100¹/₁₆.
Зак. 11/3а.

Уч.-изд. л. 23.4
Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН

Издатель: Российская академия наук
20 экземпляров распространяется бесплатно
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-134-21
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт Информационных Технологий»

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

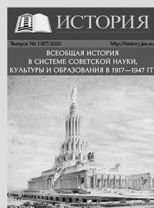
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
 - сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций
Теория и практика археологических исследований

АСПИРАНТУРА

Исторические науки
и археология
Теория и история культуры

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — передовые технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде. Студенты факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотрены федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Научные сотрудники ведущих институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Преподаватель общается с каждым студентом индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отдельные лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).